

**Труды Института
востоковедения РАН**

Выпуск 27

Труды Института востоковедения РАН

Серийное издание ISSN 2587-9502

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Андросов Валерий Павлович – *председатель*
Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН – *сопредседатель*
Демченко Александр Владимирович – *ученый секретарь*
Аликберов Аликбер Калабекович
Белокреницкий Вячеслав Яковлевич
Железняков Александр Сергеевич
Романова Наталья Геннадиевна
Саутов Владимир Нилович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Акимов Александр Владимирович	Кузнецов Василий Александрович
Алаев Леонид Борисович	Любимов Юрий Васильевич
Александров Юрий Георгиевич	Мамедова Нина Михайловна
Алпатов Владимир Михайлович	Микульский Дмитрий Валентинович
Белова Анна Григорьевна	Мосяков Дмитрий Валентинович
Бурлак Светлана Анатольевна	Настич Владимир Нилович
Ванина Евгения Юрьевна	Орлова Кеся Владимировна
Васильев Дмитрий Дмитриевич	Панарин Сергей Алексеевич
Воронцов Александр Валентинович	Плотников Николай Дмитриевич
Десницкий Андрей Сергеевич	Пригарина Наталья Ильинична
Другов Алексей Юрьевич	Сарабьев Алексей Викторович
Захаров Антон Олегович	Смагина Евгения Борисовна
Звягельская Ирина Доновна	Суворова Анна Ароновна
Карасова Татьяна Анисимовна	Шаляпина Зоя Михайловна
Катасонова Елена Леонидовна	Шаумян Татьяна Львовна
Кобзев Артем Игоревич	

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Труды
Института востоковедения РАН

Выпуск 27

**ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ
И ВОСТОКОВЕДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

Языки Азии и Африки

Москва
2020

Ответственный редактор выпуска

А. И. Коган

Редактор-составитель

А. С. Панина

Рецензенты

Е. Л. Рудницкая, А. В. Костыркин

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 27. Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Языки Азии и Африки / Отв. ред. выпуска А. И. Коган; ред.-сост. А. С. Панина. – М.: ИВ РАН, 2020. – 308 с.

Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS. Issue 27. Studies in General and Oriental Linguistics. Languages of Asia and Africa / Ed. by A. Kogan. – Moscow: IOS RAS, 2020. – 308 p.

ISSN 2587-9502

ISBN 978-5-89282-946-5

DOI: 10.31696/2587-9502-2020-27

Выпуск основан на трудах конференции по языкам Юго-Западной Азии и Северной Африки, состоявшейся в Институте востоковедения РАН 24–25 апреля 2019 г. Тематика статей охватывает широкий круг вопросов социолингвистики, теоретической лингвистики и лексикологии на материале от древних памятников до полевых исследований малоизученных языков и диалектов.

The volume is based on the proceedings of the conference on the languages of Southwest Asia and North Africa held at the Institute of Oriental Studies on 24–25 April 2019. A vast variety of subjects in sociolinguistics, theoretical grammar and lexicology are covered, ranging from studies of ancient texts to field research on minority languages and dialects.

СОДЕРЖАНИЕ

Социолингвистика

Блинов А.А. <i>Современная языковая ситуация в Южном Судане</i>	5
Громова А.В. <i>Персоязычные интернет-ресурсы как источник для анализа этнолингвистической ситуации в провинции Ламерд (остан Фарс, Иран)</i>	26
Иванов В.Б., Додыхудоева Л.Р. <i>Социо- и этнолингвистические особенности гильякского и мазандеранского языков</i>	42
Каверин С.И. <i>Перспективы изучения дардов и нуристанцев в России</i>	56
Крылова А.С., Ренковская Е.А. <i>Некоторые аспекты социолингвистической ситуации племени гутоб</i>	62
Ренковская Е.А. <i>К вопросу о границах и диалектах языка куллуи</i>	68

Грамматика

Белова А.Г. <i>Типология арабского языка в синхронии и диахронии</i>	79
Гращенко П.В. <i>К вопросу о типологии адъективной стативности</i> ..	95
Арманд Е.Е. <i>Местоименные энклитики в современном персидском языке</i>	104
Погибенко Т.Г. <i>Классификаторы в языке ма</i>	115
Крылов С.А. <i>Опыт измерения частотности грамматических типов монгольских аналитических форм</i>	135

Лексика

Гутгарц Я.Н. <i>Орфография тигринья. Материалы по стандартизации письменного тиграйского языка</i>	166
Иванова М.А. <i>Лексические особенности современного арабского политико-экономического дискурса</i>	182
Кадырова О.М. <i>Переносные употребления турецкого глагола düşmek 'падать'</i>	191
Столбова О.В. <i>Корневые варианты в арабском языке как основа афразийской лексической реконструкции (корни с чередованием гуттуральных в анлауте)</i>	198
Тарасова Е.С. <i>Лексико-семантический анализ японской медицинской терминологии, обозначающей заболевания</i>	208

Язык и культура

Асгари Л. <i>Об истории оливкового дерева и его названии в иранских языках</i>	216
Иткин И.Б. <i>Будда увещевает Нанду (тохарский текст A 125 + ТНТ 1425 fgm. e + A 117)</i>	220
Молина М.А. <i>Ритм хеттской поэзии: позиция глагола в «Песни об Улликумми»</i>	229
Молчанова Е.К. <i>Албасты и Кивина в иранской мифологии, или Кто вредит роженицам и новорожденным</i>	242
Смирнитская А.А. <i>Системы терминов родства центрально-дравидийских языков в их семантическом развитии</i>	246
Чупрыгина Л.Л. и др. <i>Сравнительный анализ изданий «Аль-Китаб» (الكتاب, «Книга») Сибавейхи (по материалам Предисловия к каирскому изданию 1988 года)</i>	256
Шелестин В.Ю. <i>Топонимия Кициувадны в анатолийском контексте</i> ..	265

Приложения

Аннотации	289
Summaries	296
Сведения об авторах	302

Современная языковая ситуация в Южном Судане

1. Введение

Когда Южный Судан провозгласил независимость в 2011 г., отделившись от Республики Судан и став 195 страной мира, его государственное строительство только начиналось. Новому правительству предстояло решить еще много вопросов: ратификация новой конституции, печать бумажных денег, выдача паспортов. Отдельным пунктом на повестке дня стояло введение государственного языка, которым стал английский язык.

Южный Судан – это многонациональная страна с населением свыше 12 миллионов человек, которое составляют несколько десятков этносов, говорящих на более чем 60 языках. Большинство жителей Южного Судана также говорят на южносуданском пиджине-арабике (джубайском¹ арабском), возникшем на базе суданского диалекта арабского языка и являющемся лингва франка Южного Судана. Тем не менее он до сих пор официально не признан на государственном уровне и имеет обиходно-разговорный характер.

Оказываясь от арабского языка, который имел определяющее значение в недавнем прошлом, руководство Южного Судана, несомненно, приняло в расчет негативное отношение к нему со стороны местного населения, которое считало Северный Судан своим колонизатором.

Местные жители полагали, что арабский язык был навязан им режимом в Хартуме перед получением независимости, поэтому испытывали к нему открытую неприязнь. Как и в случае с языком африкаанс, статус которого значительно снизился в связи с его ролью в проведении политики апартеида и принуждением чернокожих студентов к его использованию, арабский язык также рассматривался южными суданцами как язык угнетателей, ассоциировался в их сознании с насильственными процессами арабизации и исламизации.

Интересно, что наряду с арабским английский язык также может справедливо считаться языком колонизаторов, привнесенным на территорию Судана Британской империей. Однако воспоминания об этом далеком периоде в жизни страны не были так свежи в памяти местного населения, как в случае арабского языка, поэтому применение английского в качестве государственного языка, используемого для официальных целей, казалось ему позитивным шагом.

¹ В научном обороте также используется термин «джубийский». См., в частности, [Шагаль 1987, с. 170-173].

Кроме того, выбор английского языка в качестве государственного был также продиктован иными мотивами. В дальнейшем правительство Южного Судана намеревалось добиться сближения с англоговорящими странами Восточной Африки, такими как Кения или Уганда, тем более что во многих из этих стран долгое время жили в изгнании лидеры освободительного движения, которые впоследствии стали ведущими политическими фигурами новообразованного государства.

Утверждение английского как государственного языка в Южном Судане сопровождалось ожесточенными прениями и спорами, которые продолжались не один год. Так, еще до получения независимости местное правительство приняло своего рода половинчатое решение в 2005 г., зафиксировав во временной конституции автономного региона Южный Судан (Часть 1, Раздел 1, № 6 (2)), что «английский и арабский являются официальными рабочими языками государственных органов Южного Судана и его провинций, а также языками обучения в высших учебных заведениях» [Manfredi 2017, p. 4]. Также в конституции указывалось, что «запрещена дискриминация в отношении использования английского или арабского языка на любом государственном уровне или ступени образования» [там же]. Тем самым в стране официально признавался национальный англо-арабский билингвизм, хотя широко распространен здесь был скорее арабский язык (как в пиджинизированной форме, так и в виде суданского диалекта), в то время как английский язык оставался практически неизвестным.

Впоследствии правительство страны исключило арабский язык из текста промежуточной конституции 2011 г. и удалило фразу о допустимости многоязычия на локальном уровне (в провинциях), выбрав английский в качестве единственного государственного языка Республики Южный Судан, а также языка обучения на всех образовательных уровнях (8 лет в начальной школе + 4 года в средней школе + 4 года в университете).

2. Роль английского языка в современной языковой ситуации Южного Судана

История английского языка на территории Южного Судана берет свой отсчет с 1899 г., когда над Суданом был установлен англо-египетский кондоминиум². В отличие от севера страны, где в работе административного аппарата были задействованы одновременно английский и арабский языки, англо-египетский режим принял решение не отказываться сразу от арабского языка, унаследованного им от махдистов³, а постепенно сменить его на английский в период между 1904 и 1918 гг.

² Англо-египетский режим, закрепленный «Соглашением о совместном управлении Суданом» («О кондоминиуме»), которое было подписано в Каире в 1899 г.

³ Сторонники вождя освободительного движения в Судане Мухаммада Ахмада, объявившего себя «Махди» (мессией).

Такую длительную задержку в развитии системы образования в Южном Судане можно объяснить рядом причин. Одной из них являлась озабоченность англо-египетской администрации вопросом безопасности страны [Rondyang 2007, p. 71]. Этой области здесь уделялось повышенное внимание, поэтому большая часть имеющихся средств расходовалась на кампании по восстановлению мира в Северном и Южном Судане, в результате чего образовательные инициативы на юге были практически лишены государственной поддержки. Ответственность за всю систему обучения на покоренной территории была возложена на христианских миссионеров, а политика, проводимая Британской империей в этот период, напоминала философию государственного невмешательства в образование, практиковавшуюся еще в Викторианской Англии. Ввиду того, что развитие языковой политики в колонизированных странах Африки, как правило, непосредственно следовало за назначением государственной администрации и созданием образовательной системы или в некоторых случаях происходило одновременно с ними, отсутствие интереса англо-египетского правительства к организации обучения в Южном Судане означало, что рассмотрение языкового вопроса откладывалось на неопределенный срок.

Обсуждение возможного языка обучения и предполагаемых мер в отношении образованных южных суданцев затянулось более чем на два десятилетия. Британские власти хотели найти адекватную альтернативу арабскому языку и возражали против привлечения мусульманских учителей к образовательному процессу на юге. В результате длительных консультаций между английскими госслужащими в Хартуме, Каире и Лондоне было принято решение не предпринимать никаких дополнительных шагов из-за отсутствия четко определенной языковой политики и плана развития Южного Судана и предоставить монополию на просветительскую деятельность христианским миссиям. Для миссионеров языковая проблема не стояла настолько остро, поскольку они предпочитали использовать местные языки для проведения проповедей и обучения библейским истинам, но также старались распространять и английский язык среди коренного населения, правда, не получая особого содействия и материальной помощи со стороны правительства. Тем не менее в середине 1920-х гг. взаимодействие между миссионерскими обществами и колониальными властями значительно улучшилось, что привело к повышению качества образования в Южном Судане.

В 1930 г. британская колониальная администрация в Судане инициировала так называемую «Южную политику», официально отделив Южный Судан от Северного, чтобы защитить южан от экономической, политической и культурной эксплуатации со стороны образованных и развитых северян, особенно коммерсантов [Rondyang 2007, p. 72]. Целью этой политики являлось искоренение арабского и исламского влияния посредством закрытия коммерческих, военных, культурных и религиозных учреждений, оставшихся от периодов турецко-египетского и махдистского правления, а также изъятия из обращения арабского языка и культурных символов. В основе этой

политики лежала тщательно продуманная языковая и образовательная программа. В частности, были приняты следующие меры:

- была введена программа непрямого управления страной под надзором англичан (начиная с 1918 г.) путем возложения административной ответственности на местных лидеров. В лингвистическом отношении это означало допустимость использования автохтонных языков местными органами власти;
- в 1922 г. Британская империя начала полноценное финансирование образовательной системы в Южном Судане, хотя общий контроль все еще оставался в руках миссионеров;
- английский язык был официально узаконен в качестве языка административного управления и обучения (вместе с избранными языками Южного Судана на начальном уровне обучения) в соответствии с результатами Реджафской языковой конференции⁴ в 1928 г.

Продвижение английского языка в Южном Судане силами британцев было продиктовано не только желанием заменить арабский в качестве государственного языка страны, используя вместо него английский язык (например, для обмена корреспонденцией и подготовки отчетной документации в правительственных учреждениях), но и стремлением вытеснить его из употребления в роли лингва франка региона. Основная проблема заключалась в практической реализации этого социолингвистического проекта. Несмотря на все усилия британского колониального режима, английский стал языком межнационального общения только для образованных жителей Южного Судана. Подобный итог предсказывал и постоянный инспектор южного образования из Великобритании в правительственном докладе, опубликованном спустя шесть лет после внедрения «Южной политики»: «Английский будет языком образованного коренного населения, открывающим перспективы для дальнейшего обучения. Это будет грамотный литературный английский язык» [Rondyang 2007, p. 103]. Однако в пределах всей страны, особенно среди неграмотных слоев общества, количество говорящих на английском языке с момента утверждения английского в качестве языка обучения в 1928 г. и официального языка колониальной администрации в Южном Судане в 1930 г. не увеличилось пропорционально росту числа говорящих на автохтонных языках или даже на арабском языке.

⁴ Реджафская языковая конференция по праву считается исторической вехой в истории Южного Судана, так как именно на ней впервые был выработан единый научный подход к описанию сложной языковой ситуации в стране, составлена ее лингвистическая карта, зарегистрированы все основные языки и диалекты, определено количество их носителей. Этот конгресс объединил ведущих экспертов из Европы и соседних стран, таких как Уганда и Конго, и до сих пор остается крупнейшим мероприятием такого рода в Южном Судане. Среди принятых им решений выделяется рекомендация по повсеместному введению английского языка в качестве государственного в рамках всей страны.

Хотя английский язык был фактически введен в речевой оборот Южного Судана британским режимом в принудительном порядке, колониальные правители в то же время полагали, что они не вправе навязывать коренным народам определенный лингва франка, диктовать или предписывать им, на каком языке общаться друг с другом в рамках межэтнического общения. Как было указано в том же докладе, южанин «может выбрать самый подходящий язык для него с минимальными усилиями. Это может быть суахили в случае укрепления связей с югом» [Rondyang 2007, p. 103]. Данный вывод стал кульминацией продолжительной дискуссии, развернувшейся вокруг создания лингва франка для образовательных целей в Южном Судане, подобно суахили в Уганде, Кении и Танзании или хауса в Северной Нигерии. Все разногласия были урегулированы на Реджафской языковой конференции, в отчете которой говорилось, что, за исключением областей, где лингва франка является народным языком местного общества, как в некоторых южных районах, например в Западном Бахр-эль-Газаль, разработка и введение третьего языка в дополнение к родным языкам и английскому языку в южных школах страны не требуются.

Тем не менее, невзирая на обширные языковые меры, принятые британцами для распространения английского языка на территории Южного Судана, все попытки исключить арабский язык из обращения и заменить его автохтонными языками и английским были обречены на провал. Вместо этого арабский язык в его разговорной форме (джубайский пиджин) стремительно разросся в качестве второго или третьего языка. Этому также способствовали такие факторы, как отмена «Южной политики» в 1946 г., прекращение британского правления в Южном Судане в результате обретения независимости Суданом в 1956 г., приход к власти арабоязычной суданской элиты и последовавшее за этим утверждение арабизации в качестве официальной языковой политики.

Английский язык, напротив, утратил свои прежние позиции, «был переведен в разряд учебных предметов в неполной средней и средней школе» [Шагаль 1987, с. 172] и более полувека оставался в тени других языков в Южном Судане вплоть до получения страной независимости. После принятия конституции 2011 г. правительство Южного Судана развернуло масштабную кампанию по переводу всего государственного делопроизводства и документооборота на английский язык, что было закреплено законодательным образом. Однако процесс перехода с арабского на английский еще далек от завершения, особенно с учетом петиции, поданной в Конституционный суд Южного Судана группой местных юристов, называющей себя «Адвокаты без границ», в конце 2017 г. [Panchol 2017]. Они требуют прекратить использование арабского языка судебными органами, министерством юстиции и министерством внутренних дел, которые продолжают вести всю документацию на арабском языке и тем самым нарушают положения конституции, препятствуя эффективному отправлению правосудия в отношении лиц, не знающих арабского языка.

После закрепления за английским языком статуса государственного в конституции страны он быстро завоевал авторитет и престиж среди местной элиты, которая совершенствовала свои языковые знания для общения с прибывающими в страну миротворцами, социальными работниками, эмиссарами ООН и бизнесменами. В то же время зарождающийся средний класс стремился к изучению английского языка в надежде устроиться на работу в иностранные неправительственные организации [Van Oudenaren 2014]. Английский язык быстро занял место арабского на страницах газет и в радиопередачах Южного Судана, одновременно с этим владение литературным арабским приобрело негативный оттенок, и печатные издания, выпущенные в Хартуме, начали постепенно исчезать с рынка. Тем не менее система образования остается сравнительно малоразвитой (особенно в том, что касается преподавания английского языка) из-за острой нехватки квалифицированных учителей, учебников и помещений для обучения, поэтому только интеллигенция имеет достаточный уровень языковой подготовки и может свободно разговаривать на английском языке. Во многом это положение напоминает то, которое наблюдалось в стране на момент окончания британской оккупации Судана.

3. Роль автохтонных языков в современной языковой ситуации Южного Судана

Помимо английского языка, в конституциях, принятых Южным Суданом, также уделялось особое внимание местным автохтонным языкам, большинство из которых принадлежало к нило-сахарской макросемье – например, языкам динка (2-3 млн носителей), нуэр (около 900 000 говорящих), ачолы (примерно 800 000 говорящих) и т.д. Согласно Части 1, Разделу 1, №6 (1) конституций 2005 и 2011 гг., «все автохтонные языки Южного Судана являются национальными языками и подлежат сохранению, развитию и продвижению» [Manfredi 2017, p. 5]. Однако в конституции 2005 г. также содержалось важное дополнение, касающееся языков коренных народов Южного Судана: «В дополнение к арабскому и английскому языку законодательные органы любого государственного подуровня в Южном Судане могут утвердить любой другой национальный язык в качестве дополнительного официального рабочего языка или средства обучения в школах на своем уровне» [Ibid, p. 4]. К сожалению, в дальнейшем эта важная оговорка, разрешающая многоязычие на региональном уровне, была изъята из текста конституции.

Подобный интерес государства к поддержанию местного языкового наследия неслучаен, поскольку начиная с 1950 г. здесь уже исчезли три языка коренных народов – тогой, митту и хома, а из 68 живых языков Южного Судана 17 находятся под угрозой исчезновения. В дополнение к этому богору используется только в церемониях и обрядах, а на языках аджа и мангяат говорят лишь пожилые носители, которым редко выпадает возможность

использовать их в повседневном общении. Среди других языков, которые не передаются от взрослых детям, следует выделить банда и индрии из западно-центральной части страны.

Местное правительство всячески поощряет использование языков коренных народов Южного Судана, особенно на радио, расценивая его как единственное средство коммуникации с сельским населением в стране, где только каждый четвертый умеет писать и читать [Maker 2013]. Это объясняется тем, что в силу рекордного уровня неграмотности, являющегося одним из самых высоких в мире, газетные материалы сложны для понимания местных жителей, а телевидение недоступно из-за отсутствия электричества в отдаленных районах.

Тем не менее единая образовательная программа для обучения автохтонным языкам в Южном Судане до сих пор не разработана на государственном уровне и пока находится в зачаточном состоянии. Планы правительства в отношении таких языков реализованы не полностью: предполагается организовать начальное обучение автохтонным языкам в первые три года школы с введением английского языка в четвертом классе, однако точное количество языков или примерное расписание занятий все еще не определены.

Подобный подход сопряжен с большим количеством рисков, возникающих вследствие выбора неподходящего критерия для обучения автохтонным языкам. Одним из них является языковое употребление, другим – этническая принадлежность. Как правило, начальное обучение в других африканских странах организуется на родном языке, однако в Южном Судане этот критерий не принимается во внимание, и предпочтение всегда отдается этнической принадлежности. Так, представитель народности бари, говорящий только на джубайском арабском и не знающий языка бари, вынужден изучать с первого класса свой автохтонный язык – бари. В этой связи чрезвычайно важно внедрить в стране федеральную систему принятия официальных решений в области этнолингвистической политики.

После ознакомления с редкими интервью руководителей Министерства образования, науки и технологии Южного Судана, появившимися в местных печатных статьях, можно сделать вывод, что государственное обучение будет организовано для носителей следующих автохтонных языков: динка, нуэр, шиллук, бари, занде, лотуко и мору-мангбету. Это языки с наибольшим количеством говорящих, являющиеся сугубо этническими и не применяющимися в межнациональном общении.

Интересно, что вышеуказанный перечень языков достался Судану в наследство от периода британского колониального правления, поскольку именно эти языки были выбраны на уже ставшей легендарной Реджафской языковой конференции 1928 г. как «пригодные для развития» [Manfredi 2017, p. 6]. Решения Реджафской конференции, на которой было также рекомендовано ввести в употребление латиницу, даже для записи слов и выражений «разговорного арабского», имели долгосрочные последствия для всей языковой политики Южного Судана. Реджафская лингвистическая идеология бы-

ла негласно принята новым независимым правительством, начиная с использования самого термина «автохтонный» (indigenous), истоки которого кроются в политической риторике и просветительной деятельности англичан начала 1930-х гг.

Образовательная стратегия, осуществляемая Британской империей в Южном Судане, являлась частью системы опосредованного управления колониями через местных правителей и воплощалась в комплексе мер, направленных на создание самодостаточной культурной идентичности. В целях укрепления коллективного самосознания британская колониальная администрация не приветствовала поиск и обнаружение черт сходства между народами, сглаживающих их противоречия, таких как общий язык и культура, и акцентировала внимание на различиях, даже если на самом деле они не существовали. Искусственное насаждение таких различий действительно имело место в колониальном Судане (например, формирование культурной идентичности народа лагорри в Нубийских горах) [Manfredi 2017, p. 6].

Работа колониальных лингвистов ограничивалась описанием отдельных живых языков без учета особенностей многоязычия в Южном Судане. Конечно же, концепция по изучению автохтонных языков и их носителей не является изобретением британской администрации и соответствует научным постулатам дескриптивной лингвистики, однако в условиях сложной социолингвистической ситуации очевидно, что она не учитывает такие сопутствующие факторы, как полилингвизм и диглоссия, запутанность контактных ситуаций, многообразие межязыковых отношений, специфика этнической принадлежности и межнационального состава и т.д. Однако описание и тем более нормирование языков способствовали установлению этнических границ и сыграли важную роль в предоставлении более широких прав и возможностей этническим группам в бывшем объединенном Судане.

Понятие автохтонных языков не включает в себя языки, считающиеся иностранными в Южном Судане, такие как арабский язык (суданский диалект), на котором говорит некоторая часть населения страны, и джубайский пиджин из-за его прямой связи с языком-лексификатором, а также некодифицированного и обиходно-разговорного характера. Тем не менее степень распространения джубайского арабского в стране такова, что во время социолингвистических опросов многие респонденты относят его к числу основных языков Южного Судана, признавая, что знают его намного лучше, чем свои автохтонные языки, которыми они могут совсем не владеть. Более того, некоторые респонденты считают его главным языком Южного Судана, и эта мысль часто озвучивается в популярных песнях и на интернет-сайтах. Тем не менее даже само название «джубайский арабский» продолжает иметь некую негативную коннотацию для местных жителей: «арабский» указывает на его некоренное происхождение, а «джубайский» ограничивает его функционирование пределами определенного места (столицы Джуба), хотя сфера употребления пиджин-арабика давно перешагнула ее границы.

Наряду с автохтонными языками Южного Судана в стране также зафиксировано некоторое количество языков некоренных народов (в дополнение к уже упомянутым выше английскому языку и джубайскому пиджину). Например, группа южносуданских беженцев, выросших на Кубе во время междоусобных войн, также свободно говорит на испанском языке. Численность этой группы, названной Cubanos в честь места их происхождения, не превышает 600 человек, и на момент получения независимости большинство из них осело в столице Южного Судана Джубе. В провинции Западный Бахр-эль-Газаль, в регионе, граничащем с Суданом, живет кочевое племя арабов-шоа (баккара), которые говорят на чадском диалекте арабского языка. Некоторые из них перемещаются сюда во время сезонных миграций, другие обосновались здесь на постоянной основе, хотя традиционно они проживали на юге провинций Кордофан и Дарфур.

Такое разнообразие коренных и некоренных языков в Южном Судане послужило еще одной причиной для введения английского языка в качестве государственного, так как, по замыслу руководства страны, это помогло избежать конфликта, который непременно возник бы, если бы один из автохтонных языков стал доминировать над другими. На первый взгляд подобный план казался вполне выполнимым и жизнеспособным. Однако в реальности все получилось несколько иначе. Правительство так и не смогло обеспечить надлежащий уровень обучения на английском языке и распространить его среди местного населения ввиду ограниченных возможностей, поэтому английский язык в настоящее время остается лингва франка только для высших слоев общества и правительства.

Языковой вопрос в Южном Судане осложняется непрерывной гражданской войной, которая продолжается здесь уже более пяти лет. Вспыхивающие конфликты в большинстве случаев обусловлены противоборством различных этнических групп с конкурирующими языками, что разделяет даже членов элитного общества на два лагеря. Таким образом, несмотря на амбициозные планы местного правительства в области языковой политики, английский остается языком меньшинства, в то время как автохтонные языки Южного Судана приобретают все более отчетливую политическую окраску.

4. Роль джубайского арабского в современной языковой ситуации Южного Судана

Необходимо также отдельно сказать о южносуданском пиджин-арабике (джубайском арабском), который выполняет функцию языка межнационального общения в стране. Он является редуцированной разновидностью суданского диалекта арабского языка (языка-лексификатора), отличающейся значительной региональной вариативностью, но не обладающей закрепленной письменной нормой. В качестве контактного языка на арабской основе джубайский пиджин сформировался в 19 в., когда в 1819-1822 гг. Египет

захватил большую часть территории Судана. Его истоки можно проследить в арабском языке, на котором говорили военнотурецкие египетской армии Мухаммада Али, вторгшейся в страну. Первоначально джубайский пиджин получил название «бимбаши-арабик» (от турецк. *bimbaşı* «офицер»), а затем «мангалла-арабик» (в честь военного гарнизона, расположенного рядом с современной столицей Джубой) [Miller 2011].

Точное происхождение и исходная форма джубайского пиджина неизвестны. По всей видимости, первоначально он представлял собой смесь египетского и суданского диалекта (его северо-западной разновидности) арабского языка, на которой разговаривали солдаты-завоеватели – преимущественно нубийцы и чернокожие рабы. По другой версии, которой придерживается, например, британский ученый Джонатан Оуэнс, пиджин-арабик использовался арабскими торговцами и наемниками в Субсахарской Африке еще до 1820 г. и вместе с завоеванием Судана проник сначала в лагерь для военной подготовки возле Асуана, а затем и в южную часть страны вслед за перемещениями войск и арабских купцов [Owens 2011].

Таким образом, джубайский арабский появился в южной части Судана после его аннексии турецко-египетским правительством в 1820 г., и последующее создание военных и торговых лагерей и развитие интенсивной работоторговли между 1854 и 1889 гг. повлекли за собой серьезные социальные сдвиги и распространение пиджин-арабика в этом регионе, где арабский язык прежде никогда не использовался. Египет поступательно наращивал свой контроль над территорией Судана, и уже в 1849 г. майор Салим возглавил первую торговую экспедицию, направившуюся к верховьям реки Нил в Южный Судан. За ней последовали другие экспедиции, и в 1854 г. здесь было основано первое постоянное торговое поселение, разместившееся рядом с современным городом Вау.

Южный Судан стал основным центром добычи слоновой кости и источником колоссальной прибыли для Египта. В течение нескольких десятилетий регион был буквально усеян разнообразными торговыми лагерями: как отмечает немецкий ученый и исследователь Георг Швайнфурт, эти лагеря были расположены на расстоянии 30 км друг от друга и объединены эффективной транспортной системой [Owens 2011]. По его подсчетам, к 1869 г. в них проживала одна пятая часть всего населения Южного Судана – 60 000 человек. Только четверть из них являлись носителями арабского языка, прибывшими сюда из Северного Судана, Египта и других частей Африки (госслужащие, странствующие торговцы из провинций Кордофан и Дарфур, солдаты), остальные были южанами различной этнической и языковой принадлежности. Для обеспечения продуктивной коммуникации между этими группами требовался лингва франка.

Высокопоставленные офицеры и торговцы предположительно использовали упрощенную форму арабского языка для общения с покоренными южносуданскими племенами. Местные негроидные народы также обогащали свой лексикон за счет языковых контактов с арабоязычным населением,

которые, правда, были весьма непродолжительными и ограниченными по времени, вследствие чего сохранялся низкий уровень владения языком. Судя по всему, пиджин-арабик символизировал для его носителей принадлежность к особой языковой группе и позволял дифференцировать их как в рамках своего собственного племени, так и по отношению к арабоязычным правителям лагерей [Wellens 2011].

Обстановка, сложившаяся в торговых лагерях Южного Судана, характеризовалась крайней несбалансированностью. Она напоминала демографическую ситуацию, при которой обычно развиваются другие креольские языки: в ходе распространения доминирующего лингва франка (в данном случае арабского диалекта) среди населения, в котором число говорящих на втором языке значительно превосходит число говорящих на первом (родном) языке, происходит пиджинизация второго языка, также возможна его креолизация в зависимости от социополитических условий.

В период с 1854 по 1888 гг. в Южном Судане возникли три многочисленных социальных класса: коренное население, проживавшее за пределами лагерей; южане, а также в большей степени их потомки, населяющие лагерь; высшее командование лагерей, состоящее из арабов, небольшого количества европейцев и нубийцев с севера Судана и юга Египта. Между тремя группами постоянно возникали трения и разногласия, которые возрастали и увеличивались день ото дня. Торговые лагерь, изначально предназначенные для сбора слоновой кости, вскоре превратились в базы работорговцев, что оттолкнуло от них жителей прилегающих районов. Египетское правительство было вынуждено изменить их статус в 1878 г. в ответ на многочисленные призывы остановить работорговлю, преобразовав их в военные форпосты и приняв торговцев к себе на службу в качестве правительственных солдат. Руководство таких сторожевых застав открыто проводило политику «разделяй и властвуй» и способствовало размежеванию различных этнических групп, чтобы предотвратить доминирование одной из них над другой.

Таким образом, можно с большой долей уверенности предположить, что устойчивый пиджин-арабик образовался именно в среде южносуданских солдат и их семей. В лингвистическом отношении этот класс был чрезвычайно неоднородным, что затрудняло быстрое усвоение арабского языка. В любом случае условия для успешного овладения им были в высшей степени неблагоприятными с учетом социальной и политической разобщенности населения торговых лагерей, что предопределило выделение джубайского пиджина в отдельный язык межнационального общения.

До сих пор остается неясным, в какой форме джубайский арабский распространился по территории Южного Судана: в виде отдельной разновидности арабского языка либо нескольких вариантов одного пиджина, параллельно возникших в различных лагерях. Однако имеющиеся исторические и современные данные свидетельствуют о том, что этот пиджин-арабик стабилизировался за очень короткий промежуток времени, т.е. прибли-

зительно за 45 лет (1854-1889), и, вероятно, это произошло до его отделения от креольского языка нуби⁵ [Miller 2011].

Развитие джубайского арабского продолжилось и в начале 20 в. – сначала в военных гарнизонах и городских центрах, а затем в качестве основного лингва франка в сельской местности. Тем не менее этот пиджин оставался в достаточной степени изолированным ввиду отсутствия контактов с классическим арабским языком. Невзирая на колониальную стратегию разделения и создание преград для исламизации и арабизации региона, англо-египетскому кондоминиуму не удалось остановить становление джубайского арабского в качестве основного лингва франка в многоязычном Экваториальном регионе. В начале 1970-х гг., после окончания первой гражданской войны (1956-1972) и переселения беженцев, джубайский арабский начал превалировать во всех сферах устного общения. Как следствие, он стал восприниматься в качестве родного языка все большим числом детей, проживавших в южных городских районах со смешанным составом населения и преобладанием межэтнических браков⁶. Этому также способствовали относительная «стандартизация» (до известной степени) и популяризация пиджин-арабика в данный период, которые стали возможны не в последнюю очередь благодаря радиопрограммам, транслируемым Суданским советом церквей⁷.

Начиная с 1972 г. говорящие на джубайском пиджине оказались подвержены влиянию со стороны суданского диалекта и современного арабского литературного языка в результате активизации работы СМИ, расширения системы школьного образования, усиления процессов урбанизации и миграции в Северный Судан. Особенно ярко это воздействие проявилось в середине 80-х гг. Вследствие этого на сегодняшний день носители джубайского арабского могут с легкостью переходить от более креолизированного варианта языка к более разговорному в зависимости от окружения.

Тем не менее враждебные отношения между Северным и Южным Суданом все еще накладывают свой отпечаток на джубайский арабский, который выступает в качестве идентификатора их носителей и рассматривается ими как способ выражения африканской самобытности. Поэтому наступле-

⁵ Креольский язык на арабской основе (90% лексики из арабского языка), на котором говорят в Уганде и Кении потомки суданских солдат Эмина-Паши, поселившихся в британской колониальной администрации. Большинство солдат, носителей креола, изначально пришли из экваториальной части Южного Судана.

⁶ На эту особенность указывал и отечественный арабист В.Э. Шагаль, отмечая, что «в 80-е годы дети в провинциальных городах на юге Судана говорят на этом пиджине в семье до поступления в школу и нередко называют его своим родным языком» [Шагаль 1987, с. 170].

⁷ Независимая христианская организация, основанная в 1965 г. для обеспечения гражданского образования, защиты прав человека, достижения мира и согласия в Южном Судане.

ние процесса декреолизации не угрожает пиджин-арабику в ближайшем будущем. В настоящее время его можно с равной долей вероятности услышать в южносуданских диаспорах Хартума, Каира или Лондона – в дружеской неформальной обстановке или семейном кругу либо в более официальных ситуациях, таких как выступления артистов, специальные радиопередачи и религиозные празднования.

Джубайский арабский остается преимущественно разговорным языком. Он не преподается в школах и университетах и никогда не был стандартизован или унифицирован путем принятия официальной письменности. Он может употребляться при формальном общении в административном аппарате и местных судах, использоваться в радиотрансляциях, театральных представлениях, песнях, христианских религиозных проповедях, некоторых политических выступлениях и т.д. На нем даже написаны некоторые молитвенники (на основе латиницы), а местные жители, изучавшие классический арабский язык в школе, могут фиксировать на бумаге определенные слова и выражения джубайского арабского с помощью букв арабского алфавита.

Хотя джубайский арабский традиционно считается пиджином, более предпочтительным обозначением для него является термин «пиджин-креол», т.е. промежуточная категория между пиджинами и креолами, обусловленная тем фактом, что более ранний пиджин стал родным (и, возможно, единственным) языком только для определенной части своих носителей. Джубайский арабский возник в результате кардинальной перестройки языка-лексификатора (суданского диалекта арабского языка) и достаточно далек от любого известного нам арабского диалекта. В структурном отношении джубайский арабский отражает типичные черты креольских языков, такие как практически полный отказ от морфологии, лексификация бесфлективных глагольных форм и выражение глагольных категорий через неизменяемые превербальные маркеры. Следовательно, даже если большая часть лексики джубайского пиджина пришла из арабского языка, он не может в полной мере считаться арабским диалектом. Развивающийся преимущественно как пиджин, джубайский диалект со временем, по всей видимости, станет креольским языком городского населения на юге страны [Qasim 1972, p. 98]

Говорящие на джубайском пиджине отчетливо осознают индивидуальность собственного языка и демонстрируют уважительное отношение к нему. В большинстве случаев подобное отношение совпадает с высокой оценкой автохтонных (национальных) языков и английского среди местного населения. Следовательно, в отличие от государственной языковой идеологии, принижающей роль джубайского пиджина в текущей социолингвистической ситуации в Южном Судане, большинство носителей положительно расценивают его использование, считая его своим родным языком и основным средством межнационального общения, облегчающим понимание между различными этносами и позволяющим преодолеть трибализм в Южном Судане.

Согласно исследованиям, проведенным итальянскими учеными Стефано Манфреди и Мауро Тоско, джубайский арабский является родным языком для практически половины опрошенных ими респондентов, в то время как суданский диалект арабского языка является родным языком для 10% респондентов [Manfredi 2017, p. 8]. Заслуживает внимание также сфера употребления джубайского арабского: он используется дома (в качестве второго родного языка), при общении с соседями, на рынке и даже в госучреждениях, где преобладают английский и арабский литературный язык. С другой стороны, джубайский язык не является предпочтительным выбором в домашних условиях, где доминирует родной язык конкретного этноса. В большей степени он употребляется при общении с соседями и на рынке, так как прежде всего выполняет функцию социализации.

Помимо джубайского арабского, в Южном Судане можно встретить также другие формы арабского языка. Например, на суданском диалекте свободно говорят выходцы из Северного Судана, а также многие из местных жителей, которые получили образование на арабском языке или пережидали период гражданской войны в Северном Судане. Кроме того, на севере (около города Малакаль) и западе (рядом с городом Вау) Южного Судана, а также в периферийных областях страны распространены различные региональные варианты обиходно-разговорного арабского языка (обычно обозначаемые термином *arabi al besit* «простой арабский язык»), являющиеся неродными для их носителей. Более подробная информация о таких региональных вариантах отсутствует, главным образом вследствие их значительного индивидуального варьирования, однако их присутствие на территории Южного Судана подтверждается рядом арабских лингвистов, в частности суданским исследователем Ахмадом Махмудом Ашари, который пишет, что «помимо джубайского, на юге страны функционируют и другие пиджины, возникшие как результат контактов суданского обиходно-разговорного языка с языками разных африканских языковых коллективов» [‘Aṣarī, p. 92-93].

Хотя такие пиджины и суданский диалект арабского языка оказывают незначительное влияние на джубайский арабский, его носители стараются четко разделять их.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, распределение языков, сложившихся в системе образования, существенным образом сказывается на владении языком межэтнического общения городским и сельским неарабским населением, на функционировании африкано-арабского, арабо-английского, африкано-английского и африкано-африканского двуязычия в различных сферах. В результате наибольшей по численности должна стать группа африкано-арабских билингвов, т.е. тех, кто знает, помимо местного африканского языка, еще и пиджин-арабик, который, как говорилось выше, стал средством межэтнического общения прежде всего всех необразованных слоев населения, независимо от их этнической принадлежности. Закрепление ведущей роли пиджин-арабика, как и сокращение сферы использования местных африканских языков, сведение ее до бытового общения обуслов-

лены не только лингвистическими факторами, но и недостаточной привязанностью многих африканцев к своим родным (этническим) языкам, отсутствием достаточного количества начальных школ, нехваткой преподавателей и учебников, которые могли бы в некоторой степени стимулировать стремление сохранить свой родной язык. Пиджин-арабик играет доминирующую роль в устном общении, его авторитет «подпирают» не только литературный язык, суданский обиходно-разговорный язык, но и многие экстралингвистические факторы; он все чаще и чаще употребляется параллельно с английским и общесуданским обиходно-разговорным языком в политической и административной сферах языковой практики Южного Судана [Шагаль 1998, с. 139].

5. Сравнение современной языковой ситуации в Южном Судане с другими странами

Если взглянуть на опыт других стран в области языкового планирования, то можно заключить, что оно всегда неразрывно связано со становлением любого современного государства. Официальная этнолингвистическая политика неоднократно использовалась по всему миру для формирования национального самосознания общества. Она способствовала укреплению позиций правительства и объединению различных народностей в пределах государственных границ. Это было хорошо известно местным лидерам, в особенности возглавляющим многонациональные страны, которые обращали данный фактор себе на пользу.

Решение языкового вопроса позволяет политикам провозглашать антиколониальные лозунги и избегать предпочтений в отношении определенных племен или этнических подгрупп. Этнолингвистическая политика может также служить для изолирования национальных меньшинств, находящихся на периферии, или же, наоборот, их вовлечения в активную жизнь централизованного государства.

В постколониальном мире население многих стран выступает против уже устоявшихся языков, которые были навязаны им бывшими колонизаторами. Однако иногда в условиях сосуществования множества народностей на территории страны, границы которой были проведены колониальными державами, язык, привнесенный извне, оказывается наилучшим компромиссным вариантом для государственных учреждений. В силу пестрого этнического состава доминирование языка определенной группы лиц, племени или народа – даже если эта группа составляет абсолютное большинство – приводит к ущемлению прав остальной части населения и в конечном счете выливается в многочисленные протесты. Подобная «лингвистическая гегемония может также повлечь за собой другие формы культурного империализма» [Kasinof 2018].

Сравнивая языковую ситуацию в Южном Судане с другими странами, можно отметить целый ряд государств, в которых введение нового государ-

ственного языка было призвано предотвратить межэтническую разобщенность. Одним из ярчайших примеров, иллюстрирующим подобный подход, является Индия. Когда страна приняла свою первую конституцию после получения независимости от Великобритании в 1950 г., государственным языком Индии стал хинди, а использование английского языка ограничивалось официальными мероприятиями и должно было прекратиться через 15 лет. Однако с этим были не согласны жители южных регионов, говорящие на дравидийских языках. После волны беспорядков и мятежей, прокатившейся по штату Тамилнад в 1965 г., правительство было вынуждено внести срочные изменения в конституцию, сохранив за английским языком статус государственного на неопределенный срок. Тем не менее этот вопрос вызывает жаркие споры и по сей день, особенно в свете политики действующего премьер-министра Индии Нарендры Моди, который часто критикуется своими оппонентами за попытки усилить доминирование хинди над английским и даже способствовал подаче заявки в ООН, чтобы сделать хинди официальным языком этой международной организации.

В других странах, напротив, языковое планирование укоренилось в местной культуре, быстро распространилось на всех уровнях и достигло поставленной цели благодаря более агрессивной образовательной политике и выбору правильного момента для ее проведения. Бурный рост патриотических настроений в обществе, обычно сопровождающий процесс зарождения нового государства, усиливает желание людей выучить новый язык на благо родины, особенно если такой язык не представляет угрозу для других языков и не стремится к господству над ними.

Например, после обретения независимости в 1945 г. Индонезия – еще одна многонациональная страна, жители которой говорят более чем на 700 языках, – столкнулась с проблемой определения государственного языка. Несмотря на то, что яванским языком пользовалась практически половина населения страны, включая правящий класс, перед руководством Индонезии встала дилемма о его возможном доминировании над другими языками. В итоге было принято решение сделать государственным языком страны модифицированную версию малайского языка, которая известна сейчас как индонезийский язык, хотя он являлся родным языком только для 5% населения⁸. Его успешное распространение и развитие укрепили национальное единство страны и позволили в кратчайшие сроки добиться искоренения голландского языка, который быстро вышел из употребления в результате крупномасштабной образовательной кампании.

В Танзании Джулиус Ньерере, первый президент страны эпохи деколонизации, призывал своих соотечественников активно изучать язык суахили и использовать его в повседневном общении, тем самым нивелируя

⁸ Подобное решение было продиктовано статусом малайского языка, который являлся языком коммерции и торговли на островах Малайского архипелага в течении многих веков и использовался здесь в качестве лингва франка.

сложившиеся племенные связи [Kasinof 2018]. Это помогло сплотить нацию и снизить напряженность между племенами, которая все еще существует в соседних странах Восточной Африки. Подобно индонезийскому языку, суахили функционировал в регионе как язык торговых отношений еще до установления европейской метрополии, однако так и не получил широкого распространения на территории Танзании. Тем не менее благодаря стараниям правительства Ньерере в стране была организована разветвленная система обучения суахили, которая позволила достичь такого уровня владения этим языком, что танзанийский вариант суахили, берущий свое начало на острове Занзибар, до сих пор считается его совершенной формой и является предметом национальной гордости.

В Турции также была проведена значительная языковая реформа, которая началась в эпоху правления первого президента Турецкой республики Мустафы Кемала Ататюрка и совпала с повсеместным подъемом националистических проявлений. Ататюрк самолично курировал латинизацию турецкого языка, предназначенную для замены арабского письма латиницей, и ратовал за очистку языка от слов персидского или арабского происхождения и замену таких иноязычных элементов турецкими эквивалентами. Этот шаг был частью более обширной программы модернизации турецкого языка, направленной на переориентацию политики страны в сторону Европы и создание современного светского государства после основания республики в 1923 г.

Несмотря на вышеописанные положительные примеры взаимодействия между языками, история большинства стран Западной Европы и Америки знает много случаев, когда определенный язык навязывался местному населению насильно, что приводило к подавлению и угнетению автохтонных языков. Например, индейцы были вынуждены ходить в англоязычные школы в США, а Франция стремилась ликвидировать после революции языки этнических меньшинств, такие как бретонский и окситанский, путем стандартизации школьного обучения на французском языке. В последние годы государственные органы Китая начали проводить политику по постепенному вытеснению из употребления языков национальных меньшинств, живущих на его территории, таких как тибетский или уйгурский⁹, в целях продвижения северокитайского языка (мандаринского диалекта) путем его популяризации через систему обучения и СМИ. Это делалось под предлогом укрепления национального единства, но также являлось частью усилий по ограничению политического влияния этнических групп, рассматриваемых в качестве угрозы для государства.

6. Заключение

В отличие от Индонезии, Танзании или Турции языковые меры, принимаемые Южным Суданом, пока не увенчались успехом. Образовательные

⁹ Такой же курс был избран правительством для уменьшения использования кантонского диалекта китайского языка.

программы, по которым обучаются школьники на территории страны, не упорядочены и могут отличаться в зависимости от конкретного региона. Чем ближе расположена государственная школа к границе Судана, тем выше вероятность включения в нее предметов на арабском языке. Как отмечают профессор Университета Джубы, студенты, ранее посещавшие арабоязычные школы, в которых все обучение было переведено на английский язык после получения независимости, испытывают трудности с успеваемостью в университете из-за плохого знания английского языка. Иногда им даже сложно понять вопросы преподавателей при сдаче экзаменов – настолько низок их уровень владения языком. В особенности это касается тех студентов, которые только перешли в среднюю школу во время обретения независимости Южным Суданом и не изучали английский в начальных классах. Им приходится посещать дополнительные языковые курсы, чтобы наверстать упущенное и нагнать других учащихся.

Учителя стараются по возможности облегчить процесс обучения для арабоязычных студентов, проводя занятия одновременно на английском и арабском языке, а также упростив до минимума вопросы на экзамене [Maker 2013]. Проблема стоит настолько остро, что иногда студенты устраивают массовые митинги на территории университетов Южного Судана, протестуя против использования английского языка в аудиториях, невзирая на то что в некоторых сферах (например, в естественных науках) его употребление жизненно необходимо ввиду отсутствия подходящей терминологии и поэтому широко практикуется даже в арабских странах.

Вопрос этнической принадлежности также остается актуальным в жизни современного Южного Судана и должен непременно учитываться при оценке текущей языковой ситуации. Когда в декабре 2013 г. в Джубе начались боевые действия, ознаменовав начало гражданской войны в стране, военнослужащие правительственных войск намеренно разговаривали с гражданским населением на языке динка, чтобы отличать членов этнической группы динка, поддерживающих действующего президента Южного Судана Салву Киира, от представителей народности нуэр, к которой относится лидер оппозиции Риек Мачар¹⁰.

В настоящее время 40 000 человек, которым удалось избежать насилия в Джубе (большинство из них представляют народность нуэр), живут в лагерях для внутренне перемещенных лиц на территории комплекса ООН, расположенном в окрестностях столицы. Здесь находятся и некоторые студенты, обучающиеся в Университете Джубы, которые стараются не разговаривать на языке нуэр на публике и скрывают свою этническую принадлежность не только во время занятий, но и при общении на территории университета. Тем не менее, несмотря на это, в школе для перемещенных лиц организовано непрерывное преподавание языка нуэр детям, которые изучают основы чтения и письма с помощью специально адаптированного латинского алфавита. Данный факт свидетельствует о том, какое большое зна-

¹⁰ Представители народностей динка и нуэр внешне не отличаются друг от друга, однако нуэр, живущие в столице, зачастую не знают языка динка.

чение придают говорящие на этом языке просвещению, считая его важнейшим инструментом в своей борьбе против динка.

К сожалению, гражданская война обострила конфронтацию между динка и нуэр до предела, что автоматически перенеслось на их языки: в разгар их ожесточенного противоборства повышение роли языка нуэр для его носителей совпало с доминированием языка динка на улицах Джубы. В последние годы обе группы стараются дистанцироваться друг от друга и существуют обособленно, избегая излишних контактов между своими языками. Это приводит к дроблению единой национальной идентичности южных суданцев, которые больше не испытывают чувства принадлежности к одной стране, одной культуре.

В недолгой истории Южного Судана был один короткий момент, когда националистические идеи полностью охватили всю страну, освободив ее на время от этнических разногласий, как и в случае с Индонезией после получения независимости, Турцией эпохи Ататюрка и Танзанией. Однако ее руководство не смогло воспользоваться предоставленной возможностью и сформировать собственное уникальное мировоззрение, на которое могли опираться все жители Южного Судана. Выбор английского языка в качестве государственного также не смог объединить страну в единое целое. Мирное соглашение, подписанное в 2018 г. между конфликтующими сторонами, может пробудить ощущение национальной самобытности у местного населения, либо в противном случае прежние противоречия останутся неразрешенными и вызовут новый виток насилия.

Нестабильность языковой ситуации в стране усугубляется непоследовательной внешней политикой Южного Судана. Так, присвоение английскому языку статуса государственного в стране изначально отражало стремление руководства добиться расположения стран Восточной Африки и отдалиться от Судана и других стран арабского мира. Более того, 2 августа 2011 г. посол Южного Судана в Кении заявил, что, согласно планам правительства, суахили должен вскоре занять место арабского языка (пиджина) в качестве лингва франка региона. Тем более удивительно, что всего лишь через несколько лет Южный Судан радикально пересмотрел свою позицию¹¹ и подал официальную заявку на вступление в Лигу арабских государств (ЛАГ) 25 марта 2014 г. (вместе с Чад)¹².

Поданная заявка все еще находится на рассмотрении, однако вряд ли будет удовлетворена до тех пор, пока арабский язык не станет вторым государственным языком в Южном Судане, а его руководство не приступит к

¹¹ В интервью газете «Аш-Шарк Аль-Аусат» министр иностранных дел Южного Судана Денг Алор Куол объяснил подобную смену курса следующим образом: «Из всех африканских стран Южный Судан находится ближе всего к арабскому миру, и мы говорим на особом типе арабского языка, называемом джубайским арабским».

¹² Южный Судан намеревался получить статус специального наблюдателя в этой организации, несмотря на то что ее устав не предусматривал такого вида членства.

проведению всеобъемлющей политики арабизации системы образования или административного аппарата, что является негласным правилом для всех стран-членов ЛАГ¹³. Несомненно, что попытка вхождения в состав этой международной организации связана с ощутимыми финансовыми выгодами, которые местное правительство надеется от нее получить, несмотря на присутствие в ней преимущественно арабоязычных стран, включая давнего соперника Южного Судана – Судана. Интересно, что сам Судан поддержал заявку своего ближайшего соседа.

Таким образом, страна, создание которой в свое время приветствовали мировые лидеры, такие как президент США Барак Обама и премьер-министр Великобритании Дэвид Камерон, пала жертвой кризиса самоидентификации, в котором не последнюю роль сыграла языковая политика [Kasinof 2018]. Неудача проекта по строительству современного государства в Южном Судане демонстрирует, что, хотя правильный выбор и принятие государственного языка не могут напрямую привести к образованию или разобщению новой нации, целенаправленное языковое планирование способно ускорить ее успешное становление или, напротив, приблизить неизбежный упадок.

Литература

1. Шагаль В.Э. *Языковой аспект национальных процессов в арабских странах*. М.: Наука, 1987.
2. Шагаль В.Э. *Арабские страны: язык и общество*. М.: Восточная литература РАН, 1998.
3. Kasinof L. For South Sudan, It's Not So Easy to Declare Independence from Arabic (Для Южного Судана не так легко провозгласить независимость от арабского языка) // *Foreign Policy*, 2018 [сайт]. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/11/14/for-south-sudan-declaring-independence-from-arabic-is-not-so-easy-language-politics-juba-khartoum-english/>. Дата обращения 25.01.2019.
4. Maker A. Arabic or English? South Sudan's Linguistic Dilemma (Арабский или английский язык? Лингвистическая дилемма Южного Судана) // *The Niles*, 2013 [сайт]. URL: <http://www.theniles.org/en/articles/archive/1680/>. Дата обращения 24.01.2019.
5. Manfredi S., Tosco M. *Juba Arabic (Arabi Juba): a "Less Indigenous" Language of South Sudan* (Джубайский арабский: «менее автохтонный» язык Южного Судана), 2017 [сайт]. URL: <https://www.researchgate.net/>

¹³ Нередко утверждение арабского языка в качестве государственного в определенной стране было приурочено к ее принятию в состав ЛАГ (Джибути, Сомали).

- publication/320907949_Juba_Arabic_Arabi_Juba_a_less_indigenous_language_of_South_Sudan. Дата обращения: 01.02.2019.
6. Miller C. Juba Arabic (Джубайский арабский) // *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics (EALL)*, 2011 [сайт]. URL: https://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopedia-of-arabic-language-and-linguistics/juba-arabic-EALL_COM_vol2_0066?s.num=0&s.f.s2_parent=s.f.book.encyclopedia-of-arabic-language-and-linguistics&s.q=juba+arabic. Дата обращения 02.02.2019.
 7. Owens J. Creole Arabic (Креольский арабский) // *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics (EALL)*, 2011 [сайт]. URL: https://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopedia-of-arabic-language-and-linguistics/creole-arabic-EALL_COM_0074?s.num=0&s.f.s2_parent=s.f.book.encyclopedia-of-arabic-language-and-linguistics&s.q=creole+arabic. Дата обращения 02.02.2019.
 8. Panchol A. Petition against Arabic Use in Public Offices (Петиция против использования арабского языка в государственных учреждениях) // *Eye Radio*, 2017 [сайт]. URL: <http://eyeradio.org/petition-arabic-public-offices/>. Дата обращения 26.01.2019.
 9. Rondyang H. *The Role of Indigenous Languages in Southern Sudan: Educational Language Policy and Planning* (Роль автохтонных языков в Южном Судане: языковая политика и планирование) // A thesis submitted to the Institute of Education, University of London, for the degree of Doctor of Philosophy. London: University of London, 2007.
 10. Van Oudenaren D. Analysis: Major Language Constraints on Media Reach in South Sudan (Анализ: основные языковые ограничения охвата СМИ в Южном Судане) // *Radio Tamazuj*, 2014 [сайт]. URL: <https://radiotamazuj.org/en/news/article/analysis-major-language--constraints-on-media-reach-in-south-sudan>. Дата обращения 25.01. 2018.
 11. Wellens I. Ki-nubi (Кинуби). // *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics (EALL)*, 2011 [сайт]. URL: https://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopedia-of-arabic-language-and-linguistics/ki-nubi-EALL_COM_vol2_0075?s.num=0&s.q=Ki-nubi. Дата обращения 02.02.2019.
 12. ‘Aṣarī A. Tadrīsu l-lahḡati l-fuṣḡa li-l-mutaḥḥadiṣīna bi-l-‘arabiyyati l-haḡīn fī ḡanūbi s-sūdān (Изучение литературного языка говорящими на арабском пиджине на юге Судана) // *Al-maḡallatu l-‘arabiyyah li-d-dirāsāti l-luḡawīyyah*. Al-ḥarṭūm: Ad-dāru s-sūdāniyyah li-l-kutub, al-‘adad 1, 1982.
 13. Qāsim A. *Qāmūsu l-lahḡati l-‘āmmiyyah fī s-sūdān* (Словарь разговорного диалекта в Судане). Al-ḥarṭūm: Ad-dāru s-sūdāniyyah li-l-kutub, 1972.

Персоязычные интернет-ресурсы как источник для анализа этнолингвистической ситуации в провинции Ламерд (остан Фарс, Иран)

1. Все больше онлайн

*Такой жары, как в Ламерде, не сыщешь! Такой площади, как Фалаке-ие Данешджу, не найдешь! Такого парка, как Парк-е Нафт тоже! И такого Wi-Fi, как в центре Шанар!*¹ Эти шутки на диалекте ламерди позволяют мгновенно создать образ молодого, бурно развивающегося промышленного города, откуда летом чаще всего приходят новости о погоде². В последние дни южная часть остана Фарс оказалась в центре внимания в связи с визитом первого вице-президента на гигантский завод по производству алюминия и на нефтеочистительный комплекс Petro Reumān Dānā³.

Модернизация и урбанизация влекут за собой нивелирование языкового многообразия в остане Фарс: все больше доминирует персидский, официальный язык образования, также превалирующий в СМИ, тогда как сфера использования местных языков и диалектов стремительно сокращается и часто ограничивается лишь бытовым общением. Нельзя назвать исключением провинцию Ламерд, где, помимо персидского и различных лурских диалектов, распространены родственные между собой идиомы, многие из которых генетически связаны с исконными языковыми разновидностями юго-западной группы иранских языков, возникших на территории исторической области Ларестан.

В настоящее время ареал этого диалектного континуума охватывает провинции Ларестан, Гераш, Хондж, частично Ламерд и соседний остан Хормозган и насчитывает по меньшей мере 21 идиом, шесть из которых:

¹ *Begu xob, lāmerdi!* (Ну скажи, ламерди) [сайт] // URL: <http://shabgardhaa.mihanblog.com/post/153> Дата публикации: 31.07. 2013; дата обращения 09.07.2019. *Фалаке-ие Данешджу* – площадь около Исламского университета Азад, *Парк-е Нафт* – парк под названием «Нефть».

² *Modir-e havāšenāsi-ye Fārs: damā-ye Lāmerd-e Fārs biš az 50 dareje šod* (Глава Метеобюро по провинции Фарс: Температура в Ламерде превысила 50 градусов) [сайт] // URL: www.irna.ir/news/83360951/ Дата публикации: 19.06.2019; дата обращения 09.07.2019.

³ *Bāzdid-e Jahāngiri az porožehā-ye san'ati va 'omrāni-ye ostān-e Fārs* (Поездка Джанхангири на промышленные и инфраструктурные объекты Фарса) [сайт] // URL: www.irna.ir/photo/83388915/ Дата публикации: 09.07.2019; дата обращения 09.07.2019.

асири, ахели, хонджи, гераши, карьяни, калати – описаны в [Salāmi 2007], девять: эвази, банаруйеи, бихеи, эшкянани, федаги, фишвари, курдехи, гяледари и лари – в [Salāmi 2009], и остальные: эхвейи, баштуйеи, балочи (бондашти), дорзи, дашти (даштени) – в [Salāmi 2011]. С учетом критерия взаимопонятности этих идиомов в современных иранских исследованиях часто встречается определение «диалект ларестани» [Salāmi 2009, s. 13-14], «язык ларестани» [Dabir-Moqhaddam 2013, s. 383] или «язык лари» [Diyānat 2016, s. 55]. О современном состоянии исследований лари см. [Moridi 2009, p. 335-340], [Mirdehqan et al. 2013, s. 144-145], [Diyānat 2016, s. 56-57].

Попытка комплексного описания диалекта ламерди предпринята в рамках магистерской диссертации, защищенной в университете Шираза под руководством Ф. Садики⁴. Вслед за кратким историческим очерком здесь характеризуется фонетический строй, морфология и основные черты синтаксиса диалекта, приводится словарная подборка и поговорки [Rezā'i. 1995]. Еще одна магистерская диссертация, «Диахроническое исследование диалекта города Ламерд (Фарс)»⁵, была выполнена в Хамеданском университете им. Авиценны (Бу-Али Сина). В работе кратко описаны морфология, словообразование и синтаксис ламерди, особое внимание уделяется эволюции его фонемного состава и грамматического строя в сопоставлении со среднеперсидским языком [Bāqerī 2010].

Словарные подборки и небольшой грамматический материал по урбанолекту ахели, по эшкянани (диалект административного центра Ламерда) и чахварзи доступны соответственно в [Salāmi 2007] и [Salāmi 2009] с небольшой справочной информацией.

На ее основании можно выделить основные социально-культурные факторы, влияющие на развитие и перспективы сохранения языковой разновидности:

а) время основания поселения: с одной стороны, продолжают существовать многие небольшие центры, история которых восходит к III-IV вв., эти общины веками жили обособленно и сохранили многие архаичные черты в языке; с другой стороны, есть примеры молодых поселений, основанных два-три поколения назад, что предполагает значительное сходство и родство с языком общины, выходцами из которой было основано данное новое поселение;

б) хозяйственный уклад жизни местной общины: именно он является определяющим для сферы функционирования диалекта; самодостаточность и автаркичность комплексного хозяйства способствует замкнутому образу жизни, развитие полукочевого отгонного скотоводства ведет к контактам с другими общинами, сохранение традиционных методов ведения хозяйства

⁴ Barresi-ye guyeš-e Lāmerd [сайт] // URL: <https://ganj-old.irandoc.ac.ir/articles/71262> Дата обращения 08.07.2019.

⁵ Barresi-ye darzamnāni-ye guyeš-e Lāmerd-e Fārs [сайт] // URL: <https://ganj-old.irandoc.ac.ir/articles/518721> Дата обращения 08.07.2019.

обеспечивает устойчивость лексики и терминологии определенной предметной области, проблемы с обеспечением водой или с занятостью служат предпосылкой миграции молодежи в города;

в) число учебных заведений в конкретном населенном пункте: школьное образование служит фундаментом для изучения персидского языка, отсутствие старшей школы, например, становится причиной развития контактов молодежи с представителями других общностей;

г) развитость системы коммуникаций: именно средства связи и доступ к технологиям обеспечивают интенсивность контактов общности и открытость изучаемого идиома ко взаимодействию с персидским языком.

Однако в последние годы ситуация стремительно меняется, необходимо постоянно обновлять фактические данные, например, по экономическим и социально-демографическим условиям бытования миноритарных языков и диалектов.

В предлагаемой статье предпринимается попытка исследовать обозначенные аспекты социолингвистической ситуации в Фарсе на примере шахрестана Ламерд, двух городов (Эшкянан и Ахель) и сельского поселения Чахварз.

Для анализа каждого конкретного случая большую ценность представляют персоязычные СМИ национального и местного уровня, в которых нередко освещаются диалектологические и социолингвистические сюжеты, что помогает реконструировать многие аспекты лингвистической идеологии, то есть отношение общества к традиционно характеризующему его мультилингвизму.

Только в последние дни на сайте главного информагентства страны можно было прочитать: «Региональные каналы должны использовать для консолидации общества и национального единства язык, говор, диалект, этническую специфику, обычаи и традиции, особенности микрокультур в каждом остане»⁶;

«В любой области местный диалект, язык и акцент являются частью самобытной культуры и идентичности, но сейчас из-за быстрого развития технологий мы становимся свидетелями их исчезновения. Следует искать путь решения этой проблемы»⁷;

«Не существует точной статистики, но среди языков и диалектов Ирана, которые рискуют исчезнуть, следует назвать талешский в Гиляне, татский в Казвине, сенский в Тегеране, натанский, найенский, хансарский и гязи в Исфахане, геб-

⁶ Rāhbord-e šabakehā-ye ostāni-ye Sedā-vo simā taqviyyat-e vahdat-e melli-st (Стратегия региональных каналов Гостелерадио – укрепление национального единства) [сайт] // URL: www.irna.ir/news/83389127/ Дата публикации: 09.07.2019; дата обращения 09.07.2019.

⁷ Zabānhā-ye mahalli-rā be kudakān mo'arrefi konim (Давайте будем знакомить детей с местными языками) [сайт] // URL: www.irna.ir/news/83378431/ Дата публикации: 02.07.2019; дата обращения 09.07.2019.

ри и бехдини в Йезде, вафси в остане Маркази, хаврами в Курдестане, си-венди, короши и ларестани в Фарсе и Хормозгане»⁸;

Среди мер, которые могли бы способствовать сохранению персидского языка указывается сбор и фиксация диалектов, особенно отдаленных деревень, поскольку именно там жители используют чистый язык, доставшийся в наследство от предков⁹.

Традиционно широко, особенно в канун начала учебного года, обсуждается проблематика изучения миноритарных языков и диалектов в школе.

По словам министра образования и воспитания, «в некоторых районах страны было замечено, что в школе уроки объясняются на местном диалекте, что является очень опасным делом. Местный язык дети осваивают в семье, поэтому в школе им нужно выучить официальный язык страны»¹⁰. Политика министерства образования и воспитания в вопросах образования в дошкольных учреждениях и в начальной школе заключается в том, чтобы обучение шло на персидском, но большое внимание уделялось бы и местному языку в форме рассказов и стихов. «Наряду с тем, чтобы обучить детей стандартному эталонному языку, мы также обучить их литературе и культуре родного языка»¹¹.

Многие из этих сюжетов обсуждаются и на локальном уровне. В июне 2019 г. в остане Фарс работал 71 информационный сайт, выходило 213 печатных изданий, из них 12 – ежедневно, 54 – 1 раз в неделю, 19 – 2 раза в неделю, 45 – 1 раз в месяц, 8 – 2 раза в месяц, 64 – 1 раз в квартал, 9 – раз в полгода, 2 – 1 раз в год. Кроме того, лицензию имеют 23 электронных ресурса, обновляющихся реже и не имеющих статуса онлайн издания, что дает общую цифру в 307 СМИ, официально зарегистрированных в остане Фарс. Общеиранский показатель на тот момент равнялся 11411¹².

⁸ Kodām zabānhā va guyešhā-ye irāni dar ma'raz-e xatar-e nābudi hastand? (Какие языки и диалекты Ирана рискуют исчезнуть?) [сайт] // <https://plus.irna.ir/news/83227819/>. Дата размещения материала 02.03.2019; Дата обращения 01.07.2019.

⁹ Zabān-e pārsi-rā pās dārim (Давайте беречь персидский язык!) [сайт] // URL: www.irna.ir/news/83361862/ Дата публикации: 22.06.2019; дата обращения 09.07.2019.

¹⁰ Mamnu'yyat-e āmuzeš be dānešāmuzān bā zabān-e mahalli (Запрет на преподавание в школе на местном языке) [сайт] // URL: <http://fna.ir/bna3x9> Дата размещения материала 14.07.2018; дата обращения 01.07.2019.

¹¹ Mo'āven-e āmuzeš-e 'ebtedā'i-ye vazir-e āmuzeš-o parvareš dar goftogu bā Fārs: Zabān-o adabiyāt-e qumi-rā be dānešāmuzān midahim, be zabān-e fārsi dars midahim (Заместитель министра образования и воспитания по вопросам начальной школы в интервью каналу «Фарс»: «Мы даем школьникам местный язык и литературу, но обучение идет по-персидски»). [сайт] // URL: <http://fna.ir/bs0hrq> Дата размещения материала 09.03.2019; дата обращения 01.07.2019.

¹² Рубрицированный по останам список изданий, имеющих лицензию Министерства культуры и исламской ориентации, с сайта Департамента по делам печати и СМИ Министерства культуры и исламской ориентации. URL: <https://press.>

Согласно статистическим данным за осень 2017 г. из 1 466 660 семей, проживающих в остане Фарс, 1 457 415 имели доступ к радио, 1 460 799 – к телевидению, 1 055 253 – к компьютеру, 1 152 043 – к интернету¹³. При общем населении от шести лет и старше, равном 4 399 659, пользовались сотовым телефоном 3 632 669 жителей Фарса, компьютером – 2 105 410, интернетом – 2 917 756. Индекс распространения интернета – процентное соотношение интернет-пользователей от шести лет и старше к населению от шести лет и старше – в Фарсе составил 66,3 % и чуть превышал средний показатель по Ирану (64 %).

Говоря о скорости проникновения интернета в жизнь современного иранского общества, достаточно отметить, что в 2009 г. при общем населении Ирана в 71,8 млн человек интернетом пользовались 7,96 миллионов, то есть на 100 человек населения страны приходилось 11 интернет-пользователей¹⁴, а к 2017 г. число интернет-пользователей превысило 42 млн, к 2018 г. – 54 млн, а весной 2019 г. – 74 млн, соответственно Индекс распространения интернета за последние три года вырос с 40 % до 90 %¹⁵.

При исследовании вопроса о роли новых информационных технологий в судьбе языковых разновидностей, которым грозит опасность исчезновения, подчеркивается, что часто встает проблема нехватки технически подкованных пожилых носителей и недостаточно хорошее знание языка молодежью, которая много времени проводит в сети [Sallabank 2013, p. 89-90].

Степень активности носителей диалекта в использовании новых технологий и освоении виртуального пространства можно проиллюстрировать историей «Вирус под названием WhatsApp» на ламерди, которая с сокращениями выглядит так:

«После установки беспроводного интернета бабушка постоянно стала проводить время за ноутбуком, все время онлайн, начиная со спортивных сайтов до научных, от мессенджера Yahoo до Facebook <...> Продала своих коз и коров <...> Как-то пришел я к ним в дом в 9 часов утра, вижу, спит моя

farhang.gov.ir/ershad_content/media/image/2019/06/761620_orig.xlsx Дата размещения документа 15.06.2019; дата обращения 23.06.2019.

¹³ Natāyaj-e tarh-e pažuheši-ye barxordāri-ye xānevārhā va afrād az fannāvāri-ye ettelā'āt-o erdebātāt – 1396 (Результаты исследовательского проекта использования информационно-коммуникационных технологий в семьях и индивидуально – 2017). URL: <https://www.amar.org.ir/Portals/0/News/1398/artbatta96.pdf>. S.44.

¹⁴ Zarb-e nofuz-e internet dar sāl-e 1387 be 11,1 dar sad rasid (В 1387 году Индекс распространения интернета достиг 11,1 %) [сайт] // URL: <https://www.amar.org.ir/news/ID/83/-111-به-1387-درصد-نوفوذ-اینترنت-در-سال-1387> Дата размещения материала 07.04.2010; дата обращения 08.07.2019.

¹⁵ Zarb-e nofuz-e internet dar Irān az 90 dar sad farātar raft (Индекс распространения интернета в Иране перевалил за 90 %) [сайт] // URL: <https://www.radiofarda.com/a/internet-penetration-rate-iran/29999374.html> Дата размещения материала 14.06.2019; дата обращения 01.07.2019.

бабушка... Удивился: «Ведь она всегда спозаранку вставала, что ж теперь спит?» Сам себе сказал: «Не дай Бог, приболела! Типун мне на язык...» Подхожу, а она: «Хочу смартфон s4». А сколько мы с ней говорили: «Зачем тебе смартфон?» В итоге она заявляет: «У меня у самой деньги есть!» На следующий день я увидел, что она позвонила торговцу скотом и продала еще корову. Через несколько часов вижу: приходит с телефоном в руках, говорит: «Взяла сим-карту Iransel, Raytel еще не привезли... Иди сюда, активирую тебе пакет интернета на месяц». И ждала, чтобы WhatsApp поставить, делиться новостями в деревне... Так и повелось. Теперь в пять утра она обменивается со знакомыми сообщениями в WhatsApp и спит до полудня»¹⁵.

Среди восторженных комментариев: «По-настоящему замечательно, и Ваша история, и язык ламерди, ждем новых историй!» А следующая история, как обещал автор, будет касаться того, как в чате дедушка познакомился с одной пожилой дамой и что из этого получилось.

Проблематика языкового многообразия обсуждается и в блогосфере и на местных сайтах, включая официальные и административные. Например, на сайте мэра города Ламерд¹⁷ на сайте Организации культурного наследия, народных промыслов и туризма по остану Фарс отмечается, что наряду с персидским здесь распространен местный говор, который в центральной части провинции и округе Аламарвдашт имеет сходство с бушехри и лурским языком. Население Эшкенана говорит на своем особом наречии, сходном с ларестани. Там же приводятся многочисленные версии этимологии топонима:

Lamerdoun – в словаре обозначает палатку живущих в пустыне кочевников,

Lamerz – некоторые писатели полагают, что во времена Каджаров этот город был назван как «место, которое не является границей или приграничной территорией»,

Laimroud – в то время, когда англичане в эпоху правления каджарской династии и при Пехлеви обосновались в этой области для геологоразведочных работ и археологических раскопок, они назвали это место «Лаймроуд», поскольку к югу от этого города имелся труднопроходимый караванный путь в известковых горах.

Lāmeradda’ – некоторые полагают, что мигранты из Бахрейна и Хиджаза, когда впервые приехали сюда, назвали это место «дорога без возврата»,

Lāmorid – когда во времена Резы-хана Пехлеви в эту область приехали англичане, чтобы устанавливать порядок, местные жители отказались платить налоги, отсюда название «непокорные».

¹⁵ Virus-i be nām-e Vātsāp (Вирус под названием WhatsApp) [сайт] // URL: <http://shabgardhaa.mihanblog.com/post/155> Дата размещения материала 03.08.2013. Дата обращения 01.07.2019.

¹⁷ Mo’arrefi-ye šahrestān-e Lāmerd (Общая информация о шахрестане Ламерд) [сайт] // URL: <http://lamerd.ir/about.html> Дата обращения 01.07.2019

Нашей целью ни в коей мере не является этимологический анализ названия, интереснее сам факт освещения этого вопроса на портале мэрии; портал также позволяет значительно обновить данные по социально-экономическим условиям, в которых развиваются сейчас местные языки и диалекты.

2. Социодемографическая характеристика

В середине XX в. численность населения в деревне Эхель составляла 937 человек, в деревне Чахвард – 583 [Razmārā 1951, s. 17, 73]. В первой занимались богарным земледелием, выращивали злаки и финики. Во второй занимались и земледелием, и скотоводством (и, следовательно, изготовлением молочной продукции). В поселении Эшкян, центре одноименного района, проживало 2068 человек, занятых ремеслом и культивацией зерновых, фиников, табака [Razmārā 1951, s. 11]. В деревне Ламерд, центре района Таракеме, проживало 510 жителей, занятых ирригационным земледелием (основные сельскохозяйственные культуры: злаки, бобовые, лук, гранаты) [Razmārā 1951, s. 209]. Про три первых поселения в «Географическом словаре Ирана» отмечается наличие «местного персидского». Про Ламерд отмечается «фарси, торки».

В начале XXI в. в ходе полевой работы иранским диалектологом А. Салами число потенциально говорящих на ахели оценивалось в 1450 семей, из которых в самом городе Ахель проживало около 5 000 человек (850 семей), и 600 семей мигрировали в другие города Ирана, прежде всего расположенные на побережье Персидского залива. Отмечается, что несмотря на расширение и модернизацию города, его жители с большим пиететом относятся к его историческому наследию и сохраняют кланово-племенную социальную организацию – тайефе [Salāmi 2009, s. 21-23, 43-44].

Среди сельскохозяйственных культур (здесь традиционно развито выращивание пшеницы, ячменя, бобовых, овощей) особое место занимают финики, общее число пальм в этом городе превосходит 10 тысяч. Животноводством занимаются пять-шесть семей, каждая из которых имеет от 200 до 300 голов скота, преимущественно коз и овец.

В Ахеле представлены образовательные структуры всех уровней: от яслей и детского сада до всех трех ступеней школы (по две школы с раздельным обучением). Работа проводилась с 27 информантами, от 20 до 80 лет [Salāmi 2009, s. 43-44].

За полвека население Чахварза возросло до 3000 человек, продолжает развиваться скотоводство и богарное земледелие (главные продукты: ячмень, пшеница, финики). Последние идут на экспорт в другие районы страны, в селении множество магазинов. Десять лет назад там работало две начальных, две средних и одна старшая школа [Salāmi 2011, s. 35-36]. В исследовании приняло участие пять информантов, от 20 до 55 лет [Salāmi 2011, s. 59-60].

При образовании шахрестана Ламерд Эшкьян стал центром одноименного округа, в 2008 г. в городе насчитывалось 8098 жителей, в округе – 18 521. Несмотря на смену административного статуса, Эшкьян сохранил аграрный облик и традиционный экономический уклад. Местное население в основном продолжает заниматься богарным и ирригационным земледелием. Выращиваются сезонные овощи и зелень, финики, рапс. Вспомогательную роль в хозяйстве играет овце- и козоводство, в некоторых хозяйствах держат коров.

В городе есть шесть начальных школ (по три для мальчиков и для девочек), четыре средних школы (соответственно по две), две старшие школы, два колледжа среднего и профессионального образования (один для мальчиков, один для девочек), два центра довузовской подготовки (для мальчиков и для девочек). В 2008-2009 учебном году общее число учащихся превышало 2 тыс. человек [Salāmi 2011, с. 20].

Как и в случае Ахеля и Чахварзи, в Эшкьяне, несмотря на развитие системы образования, среди молодежи диалект продолжает использоваться, судя по тому, что были опрошены информанты от 16 до 69 лет [Salāmi 2011, s. 55].

Новые данные говорят о дальнейшем росте населения. В ходе Государственной переписи 2015-2016 г., подробные результаты которой доступны на Национальном статистическом портале, в изучаемых центрах была зафиксирована следующая численность населения: город Ахель – 3179, город Эшкьян – 4138, селение Чахварз – 2391; округ Эшкьян 21508¹⁹.

Информационные статьи пестрят сообщениями о постоянном улучшении транспортной доступности поселений, развитии инфраструктуры (газ, дороги, связь, телекоммуникации, интернет)²⁰. Расширяется сеть школ. Уже девять лет назад в образовательном округе Эшкьян насчитывалось 23 на-

¹⁹ Данные Государственной переписи 2015-2016 гг. по остану Фарс [сайт] // URL: https://www.amar.org.ir/Portals/0/census/1395/results/abadi/CN95_Household_PopulationVillage_07_r.xlsx (таблица на сайте Национального центра статистики Ирана <https://www.amar.org.ir/> - سرشماری-عمومی-خفوس-و-1395-مسکن/ نتایج-سرشماری-جمعیت-به-تفکیک-تقسیمات-کشوری-سال

(مسکن/ نتایج-سرشماری-جمعیت-به-تفکیک-تقسیمات-کشوری-سال). Дата обращения 01.07.2019.
²⁰ Simā-ye dowlat-e tadbir-o omid dar baxš-e Čāhvarz (Что сделано XI правительством в округе Чахварз [сайт] // URL: <http://www.sheikhamer.com/5405> Дата размещения материала 25.02.2017, дата обращения 01.07.2019; 18 rustā-ye šahrestān-e Lāmerd az gāz-e tabi'i bahremand šodand (Газифицированы 18 деревень шахрестана Ламерд) [сайт] // URL: www.irna.ir/news/83197310/ Дата размещения материала 04.02.2019, дата обращения 01.07.2019; Bahrebardāri az internet-e porsor'at dar do rustā-ye Lāmerd (Высокоскоростной интернет еще в двух деревнях Ламерда) [сайт] // URL: <https://www.farsnews.com/news/13921116001398/> Дата размещения материала 05.02.2014, дата обращения 01.07.2019.

чальных, 15 средних и 5 старших школ, где училось около 5 тыс. детей²¹. Для молодежи открываются новые возможности получить высшее образование, открылся филиал Исламского университета Азад (<http://www.iaulamerd.ac.ir>), отделение очно-заочного Университета Паям-е нур (<http://lamerd.fars.pnu.ac.ir/>), Государственный университет Ламерда по направлениям инженерное дело и энергетика (<http://lamerdhes.ac.ir>), Центр высшего образования Табнак (<http://www.tabnak.ac.ir>), Медицинский колледж (<http://lamerdnurse.sums.ac.ir>), работают филиал Исламского университета Азад в Аламарвдаште²² и университета Паям-е нур в Эшкянане (<http://ashkanan.fars.pnu.ac.ir/>), что в перспективе, как и развитие промышленных объектов, создаст условия для того, чтобы выпускники остались в родном крае.

Информационные материалы позволяют судить и о направлениях миграции: так, победу на религиозном фестивале Арба'ин (церемония поминовения имама Хусейна) одержал Яхья Раджаби Эшкянани из семьи выходцев из Эшкянана, мигрировавших в Кувейт²⁴. При подготовке к съемкам первой полнометражной киноленты на диалекте ламерди в числе актеров упоминалась Марьям Хайати, живущая в Катаре²⁴.

Еще интереснее ремарка автора сценария и режиссера о том, что целью инициативы является возрождение уходящего в небытие говора и культуры родной земли, и что особая трудность работы заключается в том, что профессиональные актеры не знают диалекта, а местные актеры не настолько хорошо играют, но проблем с диалектом у них нет. Этому во многом способствуют усилия языкового сообщества в поддержку использования местных диалектов, их фиксации и, что самое важно, стремление повысить их статус в общественном мнении²⁵.

²¹ Aškanān kojā-st (Где находится Эшкянан) [сайт] // URL: <http://ashkanannew.blogfa.com/post/262> Дата размещения материала 11.02.2010; дата обращения 01.07.2019

²² Alāmarvdašt dānešgāhi šod (Аламарвдашт стал университетским городом) [сайт] // URL: <http://www.alarvdaht.blogfa.com/category/23> Дата размещения материала 11.11.2009; дата обращения 01.07.2019.

²⁴ Honarmand-e aškanāni nafar-e avval-e baxš-e film-e jāyeze-ye jahāni-ye arba'in šod Киноматограф из Эшкянана получил первый приз на международном фестивале Арба'ин в секции лучший фильм [сайт] // URL: <http://fars.farsnews.com/news/13960212001346> Дата размещения материала 02.05.2017; дата обращения 01.07.2019.

²⁴ Avvalin film-e sinemā-yi be lahje-ye lāmerdi kelid xord (Запущен проект по подготовке первого фильма на диалекте ламерди. [сайт] // URL: <http://dana.ir/274187> Дата размещения материала 01.04.2015; дата обращения 01.07.2019.

²⁵ При переводе материалов сохранены дефиниции, данные самими носителями идиомов, поскольку это важно для их позиции: zabān язык, lahje – говор/наречие, gūyeš – диалект. Подробный анализ этой терминологии в персидском содержится в [Dabir-Moqhaddam 2009].

3. «Язык, который должен жить вечно»

Такое яркое название было выбрано для одного из блогов, посвященных сохранению эшкянами, <http://zabaneashkanani.rozblog.com>. При описании языковой ситуации в Эшкянане традиционно отмечается древность местных идиомов²⁶. Делается акцент на красоте и богатстве местного языка, который составляет предмет гордости жителей Эшкянана. Подчеркивается, что в области Эшкянан сосуществуют две группы идиомов: в большей части населенных пунктов распространены разновидности ларестани (Эшкянан, Ахель, Пакалат и другие), меньшинство же говорит на персидском (Рокнабад, Кодийн, Хашт, Кяшку).

Тот же подход: колокация собственного языка в лингвистической панораме Ирана и его генетическая аффилиация – использован и при описании ахели.

«Язык, на котором говорят в городе Ахель, это лари. По сути, ахели считается одним из диалектов этого языка и для того, чтобы собрать сведения о его грамматике, лексике, фонетическом и синтаксическом строе, следует обратиться к его предку (букв. матери), то есть к лари. Ниже мы кратко рассмотрим, как определяют этот язык иранские и зарубежные ученые, и укажем некоторые выполненные в этой области исследования. М. Карими-нежад в работе 1381 (2002/2003) г. называет этот язык ачоми, возводит его происхождение к языкам, распространённым здесь в Сасанидскую эпоху, и напоминает, что среднеперсидский является продолжением языка эпохи Ахеменидов. Язык ларестани и некоторые другие языки, распространённые на территории Ирана (курдский, белуджский, лори, мазандарани, гиляки), являются потомками разных диалектов среднеперсидского. Среди черт, роднящих ларестани со среднеперсидским, в работе Хонджи отмечается разная система спряжения переходных и непереходных глаголов. Он же определяет ареал распространения ларестани как Ларестан, Фарс, прибрежные области некоторых принадлежащих Ирану островов в Персидском заливе, ОАЭ, Катар, Бахрейн и, в меньшей степени, Кувейт и Оман»²⁷.

В целом фон для сохранения эшкянами можно определить как неблагоприятный: обучение ведется на официальном языке образования, то есть на персидском, который также доминирует в СМИ, функционирование местного диалекта ограничивается семейным кругом и бытовой сферой, не

²⁶ Guyeš-e mantaqe-ye Aškanān (Диалект области Эшкянан) [сайт] // URL: <http://garolap.blogfa.com/post/14> Дата размещения материала 20.10.2009; дата обращения 01.07.2019

²⁷ Jāhā-ye didani-ye Ahel dar ostān-e Fārs (Достопримечательности Ахеля в остане Фарс) [сайт] // URL: <https://jazebeha.com/1398/03/جاهای دیدنی-اهل> / Дата обращения 01.07.2019.

сложилось единой традиции письменной его фиксации²⁸, часто родители не поощряют использование местных диалектов детьми²⁹.

Как реакция на это обстоятельство появляются статьи, в которых подчеркивается необходимость и актуальность его изучения, как следующая:

«Наша земля всегда была особой, ее мало коснулись миграции и перемещение народов. Язык эшкянани претерпел мало изменений. Он не имеет никаких недостатков в сравнении с другими местными диалектами, напротив, он настолько богат, что все мы им гордимся и ратуем за сохранение собственной исконной идентичности, ведь это характерная черта самой нашей сущности, доставшаяся нам по наследству от предков. Иногда мы гордимся тем, что живем в этой области и беседуем на сладкозвучном говоре эшкянани, но, с другой стороны, мы сами же обедняем наш прекрасный говор! И если так будет и дальше, то легко может случиться, что в ближайшем будущем найдется мало людей, особенно, среди тех, кому меньше 20 лет, которые говорили бы на прекрасном родном языке.

И это мы сами нанесли ущерб родному языку, вот уже какое-то время мы учим детей персидскому языку, мы многократно видели, что когда дети хотят говорить на эшкянани, родители возражают, поскольку, видимо, по мнению этих людей, говорить на этом языке – это недостаток, они от него отказываются. <...> Мы не должны забывать нашу местную культуру, которая и есть наш сладкий родной язык эшкянани»³⁰.

Та же аргументация приводится в статье, которую Джавад Аскари Чахварди, специалист по истории Ирана, опубликовал на новостном сайте сельской управы Шейх-Амери (один из округов Чахварза).

«Как в городе или как в деревне? Как горожанин или как деревенщина? По-городскому или по-местному? Эти слова описывают наш способ изъясняться и вести беседу. «По-городскому» – такое определение распространено в южной части Фарса, особенно в таких местах, как Бейрам, Ламерд и Мохр и находящихся в этих округах деревнях, по отношению к тем, кто говорит не совсем так, как мы. Обычно оборот «говорить по-городскому» применяется, когда речь идет о человеке, который говорит на официальном, то есть книжном персидском, или по-тегерански³¹.

²⁸ Barresi-ye elal-e oful-e zabān-e lārestāni az did-e kāršenāsān (Анализ причин заката языка ларестани с точки зрения ученых) [сайт] // URL: <http://mldl.ir/?p=38271> Дата размещения материала 09.04.2017; дата обращения 01.07.2019.

²⁹ Zabān-e aškanāni (Язык эшкянани) [сайт] // URL: <http://zabaneashkanani.rozblog.com/post/4>). Дата размещения материала 18.09.2014; дата обращения 01.07.2019

³⁰ Lahje-ye širin-e aškanāni-rā farāmuš nakonim (Мы не должны забывать сладкозвучный говор эшкянани!) [сайт] // URL: <http://ashkananazad.blogfa.com/post/50> Дата публикации: 19.10.2012; дата обращения: 01.07.2019.

³¹ Столичный диалект является основой стандартного разговорного языка в современном Иране и значительно отличается от литературного персидского на всех уровнях: фонетики, грамматики и лексики [Kalbāsi 2001].

Вот уже несколько лет, как некоторые семьи в нашей области пытаются говорить со своими детьми «по-городскому», то есть по-персидски. Это очень ошибочное и нехорошее дело. <...> Мы должны с гордостью говорить с детьми на родном языке. Ребенок обязательно освоит персидский, научится говорить «по-городскому», как пойдет в школу»³².

В этих двух заметках можно выявить доминирование тех же компонентов в структуре отношения к родному языку, которые играют важную роль в восприятии персидского языка образованными носителями (учащимися старших школ, университетскими студентами и профессорами, исследователями Академии Фархангестан). Как показано в исследовании иранской лингвистической идеологии на примере Тегерана, речь идет о восприятии языка как важной части культурного наследия, это связь с собственной историей, поэтому его необходимо сохранять и поддерживать [Davari Ardakani, Moghani 2016, p. 33-35].

Трепетное и очень положительное отношение к родному языку как фундаментальному компоненту культурного наследия и национальной идентичности показано и при анализе ситуации с азербайджанским (торки-азери) и курдским [Hoominfar 2014].

В случае с эшкянани следует отметить, что при осознании новых возможностей, которые современные технические средства предоставляют для стихийного, «народного» документирования местных диалектов, четко проводится идея, что сами носители играют главную роль в сохранении/исчезновении диалектов, в их руках ответственность за их будущее. «Для передачи эшкянани новому поколению <...> мы рассказываем об особенностях местного диалекта в этих публикациях (на сайте), чтобы молодёжь, которая в основном пользуется электронными медиа, могла лучше с ним познакомиться [Aškanān 2015/2016, s. 7].

Материалы недоступного сейчас ресурса www.ashkananfars.ir послужили основой для интернет-публикации «История Эшкянаана», где собраны диалектальные пословицы и поговорки, устойчивые обороты с соматической лексикой: сердце, рука, нога, голова [Aškanān 2015/2016, s. 56-99] с переводом на персидский и небольшими пояснениями.

В блогах можно найти словарные подборки с транскрипцией и переводом на персидский³³, образцы спряжения глаголов³⁴.

³² Hekāyat-e lahje-ye mahalli-ye mā (Рассказ о нашем местном наречии) [сайт] // URL: <http://www.sheikhamer.com/8028> Дата размещения материала: 21.09.2017; дата обращения: 01.07.2019.

³³ Guyeš-e mantaqe-ye Lāmerd (Диалект области Ламерд) [сайт] // URL: <http://gapolar.blogfa.com/post/72> Дата размещения материала: 14.12.2009; дата обращения: 01.07.2019.

³⁴ Čand vāže az Pāqalāt-e Aškanān (Несколько слов из Пакалата (Эшкянан) [сайт] // URL: <http://gapolar.blogfa.com/category/12> Дата размещения материала: 25.02.2011; дата обращения: 01.07.2019.

Иногда принципом работы провозглашается «изложение всех аргументов на красивом языке эшкянани, но для легкости и эффективности работы блога приводится и перевод на персидский». Однако можно встретить и короткие рассказы только на диалекте, записанные арабицей (с огласовками), например:

«Говорят, что в Европе 12 человек умерли из-за того, что температура поднялась до 36 градусов, а в нашем прекрасном городе бывает и 56...» Далее описывается, что жара не мешает жителям Эшкянана радоваться жизни и с удовольствием пить чай³⁵.

4. Заключение

Проблематика, связанная с работой языкового сообщества в области документирования и расширения диалектального корпуса, являются отдельным перспективным направлением для исследования. В фокусе нашего внимания было использование персоязычного пространства для повышения престижа местных идиомов.

В современных условиях, на фоне, в целом не благоприятствующем сохранению местных идиомов, в персоязычном интернете предпринимаются попытки ревитализации и повышения престижа эшкянани, ламерди и других языковых разновидностей данного ареала. Эти материалы прежде всего касаются отношения к родному языку, связаны с осознанием носителями собственной языковой идентичности, посвящены определению их положения в языковой панораме страны, продвижению его положительного имиджа.

Сетевые публикации диалектальных текстов являются ценным дополнением к словарной подборке «Диалектологической сокровищницы Фарса», и, главное, сопутствующий персидский материал дает массу интересной информации для реконструкции и анализа отношения рассматриваемого сообщества к своему родному языку.

Также анализ современного новостного материала позволяет уточнить и обновить сведения для реконструкции социолингвистической ситуации в шахрестане Ламерд:

1) социально-демографические параметры социальной базы идиомов: число носителей, их возраст, динамика численности населения ареала распространения определенного диалекта,

2) степень вовлеченности в языковые контакты; функции и сфера использования диалекта и функциональная дистрибуция в отношении к персидскому языку;

³⁵ Latifehā-ye aşkanāni (Красоты Эшкянана) [сайт] // URL: <http://zabaneashkanani.rozblog.com/post/2> Дата размещения материала: 18.09.2014; дата обращения: 01.07.2019.

3) общественный статус изучаемой языковой разновидности и вопрос престижности и разной функциональной нагрузки в пределах данной социально-коммуникативной системы.

Интернет-источники

Aškanān-e āzād (Свободный Эшкянан) [блог] // URL: <http://ashkananazad.blogfa.com/>. Дата обращения: 01.07.2019

Baččehā-ye Alāmarvdašt (Ребята из Аламарвдашта) [блог] // URL: <http://www.alamarvdasht.blogfa.com/>. Дата обращения 01.07.2019.

Dargāh-e melli-ye āmār. Markaz-e āmār-e Irān (Национальный портал статистических данных. Центр статистики Ирана) [сайт] // URL: <https://www.amar.org.ir>. Дата обращения 01.07.2019.

Edāre-ye koll-e mirās-e farhangi, sanāye'-e dasti va gardešgari-ye Fārs (Организация культурного наследия, народных промыслов и туризма, Департамент по остану Фарс) [сайт]. URL: <http://farschto.ir/> Дата обращения 01.07.2019.

Gap-o lap: majāli barā-ye zabān-e lārestāni (Беседа: глоток кислорода для языка ларестани) [блог] // URL: <http://gapolap.blogfa.com/>. Дата обращения 01.07.2019.

Lāmerd – šabgardhā (Гуляющие ночью по Ламерду) [блог] // URL: <http://shabgardhaa.mihanblog.com/>. Дата обращения 01.07.2019.

Milād-e Lārestāne bozorg (Рождение Великого Ларестана) [сайт] // URL: <http://mldl.ir>. Дата обращения 01.07.2019

Mo'arrefi-ye jāhā-ye didani-ye Irān-e jahān (Общая информация о достопримечательностях Ирана и мира) [сайт] // URL: <https://jazebeha.com/>. Дата обращения 01.07.2019

Mo'avenat-e omur-e matbu'āti va ettelāresāni-ye vazārat-e farhang-o eršād-e eslāmi (Департамент по делам печати и СМИ Министерства культуры и исламской ориентации) [сайт] // URL: <https://press.farhang.gov.ir>. Дата обращения 01.07.2019.

Osulgarān-e Aškanān (Консерваторы Эшкянана) [блог] // URL: <http://ashkananew.blogfa.com>. Дата обращения 01.07.2019.

Pāyghāh-e ettelāresāni-ye šahrdāri-ye Lāmerd (Информационный сайт мэрии города Ламерд) [сайт] // URL: <http://lamerd.ir> Дата обращения 01.07.2019.

Pažuhešgāh-e'olum va fann'āvāri-ye ettelā'āt-e Irān (Национальный исследовательский центр науки и коммуникационных технологий) [сайт] // URL: <https://ganj-old.irandoc.ac.ir/> Дата обращения 01.07.2019.

Rādyo fārdā (Радио Фарда) [сайт] // URL: <https://www.radiofarda.com> Дата обращения 01.07.2019.

Šabake-ye ettelāresāni-ye rāh-e Dānā (Информационный канал Рах-е Дана) [сайт] // URL: <http://dana.ir>. Дата обращения 01.07.2019.

Xabargozāri-ye Fārs [сайт] // URL: <https://www.farsnews.com> Дата обращения 01.07.2019.

Xabargozāri-ye jomhuri-ye eslāmi (Информационное агентство Исламской Республики) [сайт] // URL: <https://www.irna.ir>. Дата обращения 01.07. 2019.

Xabargozāri-ye Šeyx'āmer-e kohan [сайт] // URL: <http://www.sheikhamer.com>. Дата обращения 01.07.2019.

Zabān-e aškanāni, zabān-i ke bāyad māndegār bāšad (Язык эшкянани, язык, который должен жить вечно) [блог] // URL: <http://zabaneashkanani.rozblog.com/> Дата обращения 01.07.2019.

Литература

1. *Aškanān dar gozar-e tāriḫ* (История Эшкянана). Esfahān: Markaz-e tahqiqāt-e rāyāne'i Qā'emiye, 1394 (2015-2016). 103 s.
2. Bāqeri L. *Barresi-ye darzamnāni-ye gūyeš-e Lāmerd-e Fārs* (Диахроническое исследование диалекта города Ламерд (Фарс)) Pāyānpāte-ye kāršenāsi-ye aršad. Dānešgāh-e Bu-Ali Sinā, 1389 (2010).
3. Dabir-Moqaddam M. Zabān, gune, gūyeš va lahje (Язык, идиом, диалект и акцент) // *Adabpažuhi*. 1387 (2009) №. 5. Pp. 91-128.
4. Dabir-Moqhaddam M. *Radešenāsi-ye zabānhā-ye irāni* (Типология иранских языков). Tehrān: Sāzemān-e motāle'e-o tadvin-e kotob-e 'olum-e ensāni-ye dānešgāhhā, 1392 (2013).
5. Davari Ardakani N., Moghani H. Iranian Linguistic Attitudes and Persian Language Planning: A Case Study in Tehran (Лингвистическая идеология в отношении к персидскому и языковое планирование в Иране: на примере Тегерана) // *Iranian Heritage*. Vol.1. No.1. Spring-Summer 2016. Pp. 21-44.
6. Diyānat L. Farāyand-e hameguni dar zabān-e lāri (Ассимиляция в языке лари) // *Faslnāme-ye zabānšenāsi-ye gūyešhā-ye irāni*. 1395 (2016). Vol. 1. №. 1. Ss. 53-72.
7. Hoominfar E. *Challenges of monolingual education* (Вызовы, стоящие перед монолингвальной системой образования). Thesis submitted to the Graduate College of Bowling Green State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of arts. Bowling Green, 2014. 148 p.

8. Kalbāsi I. Fārsi-ye goftāri va neveštāri (Персидский разговорный и персидский письменный) // *Farhang, Zabānšenāsi* («Культура, языкознание»). 1380 (2001). № 1-2. Ss. 49-68.
9. Mirdehqan M., Moridi B., Ourang M. Āmuzeš-e zabāne fārsi be lārizabānān bar mabnā-ye tahlil-e moqābele'i va raves-e taklifmehvar (Обучение носителей лари персидскому языку на основе контрастивного анализа и коммуникативного подхода) // *Pažuhešnāme-ye āmuzeš zabān-e fārsi be qeyr-e fārsizabānān*. Vol. 2. № 2. 1392 (2013). Ss. 139-164.
10. Moridi B. The Dialects of Lar (The State of Research) (Диалекты Лара (состояние исследований)) // *Iran and the Caucasus*. Vol. 13, No. 2. 2009. Pp. 335-340.
11. Razmārā H. *Farhang-e joyrāfiyā'i-ye Irān* (Географический словарь Ирана). Jeld-e 7. Ostān-e haftom: Tehrān; Dāyere-ye joyrāfiyā'i-ye setād-e arteš, Āpān-e-ye arteš, 1330 (1951). 243 s.
12. Rezā'i B. *Barresi-ye guyeš-e Lāmerd* (Анализ диалекта шахрестана Ламерд. Pāyānnāme-ye kāršenāsi-ye aršad. Dānešgāh-e Širāz, 1374 (1995).
13. Salāmi A. *Ganjine-ye guyeššenāsi-ye Fārs* (Диалектологическая сокровищница Фарса). Vol. 4. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 1386 (2007). 440 s.
14. Salāmi A. *Ganjine-ye guyeššenāsi-ye Fārs* (Диалектологическая сокровищница Фарса). Vol. 5. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 1388 (2009). 450 s.
15. Salāmi A. *Ganjine-ye guyeššenāsi-ye Fārs* (Диалектологическая сокровищница Фарса). Vol. 6. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 1390 (2011). 450 s.
16. Sallabank J. Attitudes to endangered languages: identities and policies (Отношение к угрожаемым языкам: идентичность и политика). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 271 p.

Социо- и этнолингвистические особенности гилякского и мазандеранского языков

В данной статье рассматривается несколько аспектов социолингвистической ситуации Прикаспийского региона, в частности в тех районах, которые авторам этой работы удалось посетить в ходе полевых исследований в 2013–2014 гг. на севере Ирана, в прикаспийских провинциях Гилян, Мазандеран (в древности Табаристан) и Голестан (последний был выделен из Мазандерана в 1997 г.)¹.

Прикаспийские языки – языки иранских народностей, живущих вдоль южного и юго-западного побережья Каспийского моря. В Иране это – гилякский², мазандеранский и их диалекты и говоры. В прикаспийскую подгруппу входят также велатру и шамерзади. В ряде случаев к ним присоединяют и семнанский. В северо-западную группу входят также талышский, который распространён как в Иране, так и в Азербайджане, и родственные тати (Зенджан, Казвин, Харзанабад, Халхал, Ардебиль), а также ряд уже исчезнувших языков.

Гилякский и мазандеранский языки представляют собой два близкородственных северо-западных иранских языка с 2,5 и 3 млн. носителей соответственно. Расселение носителей этих языков в данном регионе является результатом миграций и кросскультурных процессов Прикаспия. Кроме того, названия языков и этнонимы их носителей связаны также и с взглядами носителей на свои наречия, а также их отношением к процессу поддержания и сохранения родных языков. Каждый из упомянутых языков подразделён на несколько диалектов, которые находятся под угрозой исчезновения в различной степени.

Гилякский язык по существу бесписьменный. Он применяется в регионе в быту и общении. При этом в XX–XXI вв. предпринимаются попытки публиковать тексты на арабской графике. Так, были напечатаны отдельные произведения (преимущественно стихотворные) местных гилянских авторов на их родном языке в газете «Чалангар» и в журнале «Форуг» [Керимова, Мамедзаде, Расторгуева 1980]. В настоящее время имеется культурный центр с издательством, при котором регулярно выходит в свет журнал «Гилева». Здесь публикуются как стихотворные, так и прозаические произведе-

¹ Полевой материал для данной работы был собран в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-04-12016В.

² Название «гилянский язык» является некорректным, хотя и широко распространённым в отечественной иранистике.

ния. Имеются отдельные публикации авторских работ, создан ряд словарей на основе различных местных говоров. Однако обучение в школах и делопроизводство традиционно ведётся исключительно на персидском языке.

Первое упоминание о гилякском языке и несколько гилякских слов мы находим в трудах русского учёного-натуралиста и этнографа С.Г. Гмелина [1775], который посетил Гилян во второй половине XVIII столетия. Как натуралист он записал немало названий рыб, животных, птиц и растений. Он составил также и список из приблизительно 200 русских слов. С того времени в секторе иранских языков Института языкознания РАН были опубликованы очерки грамматики гилякского языка и словари [Расторгуева и др. 1971; Керимова и др. 1980], а также специальное фонетическое исследование В.И. Завьяловой [1956].

Данные по мазандеранскому языку были опубликованы академиком Дорном в 1860 г. Он опубликовал на мазандеранском языке более 49 рассказов, записанных на персидском А.Н. Болдыревым, и ряд поэтических отрывков. В следующем году он побывал в экспедиции в Гиляне и Мазандеране, собрал там обширный материал и составил грамматические очерки.

Данные по семнанскому языку были впервые собраны Н.В. Ханьковым в 1861 г., позднее В.А. Жуковским (в 1912–1914 гг.). Оба они полагали, что семнанский язык особенно близок к мазандеранскому. В.А. Жуковский к семнанскому относил и говоры Сангесара и Шамерзада (Шахмирзада). Новые данные по семнанскому языку и диалектам были собраны В.С. Соколовой, Т.Н. Пахалиной и Е.К. Молчановой в 1950–1999 гг.

В обеих разновидностях речь равнин противопоставит речи горцев-галешей (Gāleş), которые называют свои говоры единым термином галеша (Gāleşī). Мазандеранский язык – известный в истории как табари (Tabari) – включает в себя диалекты Баболя, Сари, Амоля; Шамерзада (Шахмирзада); Горгана, Зийарата, Насрабада, Чашмейе сорх; селения Велатру (Велайат-е Руд) и др.³ При этом население Шамерзада (Шахмирзада), как правило, не считает местное наречие родственным мазандеранскому языку. Жители Велатру (Велайат-е Руд) обыкновенно называют своё наречие гилаки (gilaki), т.е. гилякским, хотя они общаются на нём с носителями мазандеранского без каких-либо затруднений. Гилякский язык (гиляки) (предки современных гилянцев – древние гелы – обитали в древности на этой на этой территории⁴) также разделяется на ряд диалектов с центрами в крупных населённых

³ В литературе упоминаются также говоры Бандпея, Парвара, Хесарбона, Дизина, Ростамруда, Рудбарака, Солейманабада, Савадкуха, Каемшахра, Кордана, Каша, Лазвара, Васвакала [Kalbāssi 2009, с. 779].

⁴ После русско-персидской войны 12 сентября 1723 года эта область отошла к России. К концу русско-турецкой войны 1735–1739 область была возвращена Персии с целью организации альянса против Турции. В мае в Гиляне при поддержке военного десанта советской Каспийской военно-морской флотилии власть перешла к повстанцам и Реввоенсоветом, правительством и армией (бывшими отрядами повстанцев-дженгелийцев) в 1920 г. была провозглашена Гилянская Республика (более известная как Советская Республика Гилян) со столицей в г. Реште.

пунктов (таких, как Астара, Энзели, Решт, Лахиджан, Лангеруд, Рудбар и т.д.)⁵. Кроме того, существует целый ряд промежуточных разновидностей речи в Келардаште (в шахрестане Чалус) и в шахрестане Тонекабон. Административно обе эти территории включены в провинцию Мазандеран.

В дополнение к другим аналогичным признакам оба языка характеризуются:

1. Сильным влиянием персидского языка на всех уровнях (фонетика, морфология, синтаксис, лексика).
2. Значительным числом русских заимствований и их более высокой частотностью, нежели в современном персидском языке.
3. Обратной изафетной конструкцией (с обратным порядком элементов), которая, в отличие от персидской, начинается с маркированного зависимого определителя (*dependent determiner*), за которым следует основное существительное (*head noun*) именного словосочетания (*noun phrase*).
4. Тоническим ударением (маркирование высотой основного тона).

Русские заимствования

В диалектизмах северной части Ирана используется группа русских заимствований, отсутствующих в официальном языке. В 1917 г. после Октябрьской революции русские войска были выведены из остана, но часть русских военнослужащих обосновалась в Гиляне, что способствовало сохранению русской лексики в гилякских говорах [Faxte 2008, с. 134]. Значительное количество заимствований из русского языка зафиксировано непосредственно в районе портового города Энзели [Омиди 2014, с. 100]. Фонетические законы прикаспийских языков и их говоров нередко приводят к трансформации заимствованных слов. Приведённые ниже заимствования отсутствуют в большинстве своём в персидском языке и специфичны для мазандеранского, а также гилякского языков. Согласно ряду исследований, следующий лексический материал представлен в основном в гилякском и мазандеранском языках. Языковые материалы приводятся по нашим полевым сборам, а также по известным нам работам (см., например, статью Моханны Резаи, которая принимала участие в нашем исследовании мазандеранского

Главой (Предсовнаркома) республики был Мирза Кучек-хан. 26 февраля 1921 года был заключен советско-иранский договор о постепенном выводе советских войск. Согласно договору, советские войска начали покидать Гилян в апреле и полностью выведены к 8 сентября 1921. 5 июня 1921 года республика была переименована в Персидскую Советскую Социалистическую Республику (ПССР), а ее вооруженные силы ранее (8 мая) были объявлены Персидской Красной Армией (ПКА). В июне, при неофициальной поддержке вооруженных формирований из советского Азербайджана, ПКА во главе с главнокомандующим Эхсанулла-ханом повторно совершила поход в провинции Мазандеран, Зенджан и попыталась овладеть Тегераном (вновь неудачно). 2 ноября 1921 г. республика была ликвидирована центральными иранскими войсками.

⁵ А также Рудбане, Рудсара, Сийахкала, Зийабара, Казийана [Kalbāssi 2009, с. 744].

языка в городе Баболе и др. [Резаи 2013]), а также по работам [Расторгуева и др. 1971; Омиди 2014; Резаи 2014].

Мазандеранский материал:

اسپشکه əspeškə ‘спички’
اسدل osdol ‘стул, сиденье’
آبشکه ābəškə ‘окошко’
آسترا āstrā ‘осетр’
بت bot ‘бита’ (ср., однако, англ. bat)
بتکه botkə ‘будка’
بدره bed(ə)rə ‘ведро’
بولکه bulkə, bibluke ‘белуга’
پابلوس pāblus ‘мундштук (для папиросы)’
تورکا turkā ‘джезве, турка’ (посуда для приготовления кофе)
چرنل čərnəl ‘чернила’
چکا čekā ‘щука’
ختکا xutkā ‘утка’
خوالینسکوموره Хəvālinskom-more ‘Каспийское море’, ист. рус. Хвалынское море
رزین rezin ‘резина’
سپستاک səpistāk ‘свисток’
سمشکه səməškə ‘семечки’
سولودکا soludkā ‘сельдь’
سیبلوکه sibluke, sebergə ‘севрюга’
سیچاس sičās ‘сейчас’
شوت šot ‘шётка’
شرف šarf ‘шарф’
قالاچ qālač ‘белый хлеб, калач’
گالش/کالش gāləš ‘галоши’
لوسمان lusmān ‘лоцман’
منات mənāt ‘рубль, монета’
ناسوز nāsuz ‘насос’
نتکه notkə ‘нитка’
یاشیگ yāšig ‘коробка, ящик’.

Гилякский материал:

بدره bed(ə)rə ‘ведро’⁶
ختکا xut(ə)kā (западн.), xutkə (восточн.) ‘утка’
سمشکه sibiška (западн.), suboškə (восточн.) ‘семечки’
گالش gāləš ‘галоши’. Ср. также: жители остана, живущие в горах и лесах и занимающиеся скотоводством – gāləš
boškə (западн.), buškə (восточн.) ‘бочка’
čāruq (восточн.), čāroq (западн.), ср. рус. čāruki ‘обувь из резины и войлока’

⁶ Запись в арабике приводится только у тех гилякских слов, которые могут быть прослежены в иранских изданиях, остальные даются в латинской транскрипции.

čotkə (западн.) и čortəkə (восточн.) ‘счёты’
 doroškə ‘дрожки’
 estekān, estəkon ‘стакан’
 estəkān (западн.), estəkon (восточн.) ‘стакан’. Как отмечает В.С. Расторгуева,
 «в гилянском языке не допускается стечение двух и более согласных в
 начале слова. В словах такого типа, заимствованных из других языков,
 появляется протетический гласный [i]» [Расторгуева, 1999, с. 127].
 gašur ‘горшок’
 kāləskə ‘коляска’. Отсутствие как в говорах Гиляна, так и в персидском
 нормативном языке сочетания согласных *ст* явилось причиной появле-
 ния в начале слова гласного звука *e*.
 kilkə ‘килька (сорт мелкой рыбы)’. В говорах Гиляна используется как
 комплемент девушке, как сравнение с небольшой рыбкой изящной
 формы [Омиди 2014, с. 95]
 kə/afāl ‘кефаль’ (промысловая рыба, которая водится в Каспийском море)
 lipčik ‘лифчик’ (в значении ‘короткая плиссированная юбка, надеваемая
 обычно поверх брюк’) [Расторгуева и др. 1971, с. 39].
 lū/otkə ‘лодка’
 ostul (западн.) ‘стул’
 ramudur (восточн.) и rāmudur (западн.) ‘помидор’
 pirguzkə рус. ‘(чай) вприкуску’ (западн. части Гиляна)
 samāvar (западн.), səmavər (восточн.) ‘самовар’
 sibili, esbale ‘севрюга (разновидность рыбы, которая водится в Каспийском
 море)’
 šip ‘шип (разновидность рыбы, которая водится в Каспийском море)’
 urus ‘русский’; вост. Гилян rusi; urusi morq ‘русская курица, порода кур из
 России’.

Для обоих языков характерны также слова-интернационализмы,
 характерные также и для русского языка. Таким образом, имеется возмож-
 ность их заимствования через посредство русского языка: rīrimus ‘примус’,
 taraktor ‘трактор’, kombeun ‘комбайн’, rādiyow ‘радио’, gerām ‘граммофон’,
 māšin ‘машина’, bang ‘банк’, mokoroni ‘макаронны’, soyā ‘соя’, boliz ‘блузка’,
 jākat ‘жакет’, rāltow ‘пальто’, māntow ‘манто’, mātur ‘мотор’, nāsūs ‘насос’.

Как отмечает В.С. Расторгуева, «в гилянском языке, как и в других
 иранских языках», можно наблюдать «случаи переосмысления арабских за-
 имствований», например, арабское *barakatun* ‘благословение, благодать,
 небесный дар’ в гилянском *barkat* используется в значении ‘успех, удача’
 [Расторгуева и др. 1971, сс. 37–38]. Некоторые арабские лексемы, заимство-
 ванные гилякским через персидский язык, приобрели дополнительные зна-
 чения, например, арабское слово *bašāratun* ‘кожа, кожица’ в гилякском, как и
 в персидском, употребляется в несколько изменённой форме *bəšərə* в значе-
 нии ‘внешность, вид, лицо’. В гилякском языке можно встретить арабские
 заимствования, употребляющиеся лишь в некоторых словосочетаниях, на-
 пример, арабское слово *yar* с различными значениями: ‘мерило, стандарт,
 калибр (орудия, снаряда), проба (металла); ‘гиря’ можно встретить лишь в

сочетании с глаголом *kudān* ‘делать’: *āyar kudān* в значении ‘отмерять’. В персидском языке слово *āya[r gereftan]* используется в составе ряда сложных глаголов: *āyar zadan* ‘выплавлять’ (драгоценные металлы) *āya[r gereftan]* ‘испытывать’ (драгоценные металлы) [Омиди 2014, с. 90].

Изафетная конструкция и проблема падежа

Российские иранисты постулируют как для мазандеранского, так и для гилякского языков два падежа: винительный и родительный [Керимова и др., 1980, Расторгуева и др., 1971, Расторгуева, Эдельман, 1982, Расторгуева, 1999а, Расторгуева, 1999б].

При внимательном изучении представляется, что падежные системы в обоих языках значительно отличаются от прочих случаев, которые известны в других индоевропейских языках. Типологическое сравнение мазандеранского и гилякского с персидским языком можно провести более корректно с точки зрения маркировки определяемого слова и зависимого. В трудах известных русских иранистов А.А. Арендса [1946], Л.С. Пейсикова [1959], Ю.А. Рубинчика [2001] на примере персидского языка разработана гармоничная система описания синтаксиса от уровня словосочетания до уровня сложных предложений. С некоторыми оговорками это описание может быть применено к другим иранским языкам и их диалектам. Более элементарный уровень синтаксиса – связи между клиткой и связующими частями речи (субсинтаксис) – вообще не был описан. Одна из целей этой статьи – привлечь внимание и восполнить этот пробел, а также пересмотреть те части теории синтаксиса, которые отвечают за взаимодействие между субсинтаксисом и более высокими уровнями синтаксиса – словосочетанием и предложением.

В мазандеранском и гилякском существует ряд послелогов [Расторгуева, Эдельман 1982, сс. 546–549], но только послелог *-re* выделяется в качестве грамматикализованной единицы, которая в состоянии стать падежом. Причину такого особого положения объясняют различными историческими путями развития.

При этом мы также можем отметить различные морфологические характеристики послелогов, присоединяемых к основе именной части речи: послелог *-re* присоединяется непосредственно к основе и может быть употреблён самостоятельно, а другие послелогии, как представляется, используются в сочетании с послелогом *-re*:

маз. *-vəssə* для:
 Intā kār-rə mə -vəssə hākərd-ə⁷
 Это работа-ACC я для PSTST.делать-PST.3SG
 Он сделал это для меня.

⁷ Здесь и далее жирным шрифтом в транскрипции выделены гласные, несущие нефинальное ударение. Финальное ударение (массовый случай) никак не обозначается.

маз. -ja от:
 Мән тә -jā ba-tərsim-ə
 Я ты от IPFV-PSTST.пугаться-PST.3SG
 Я тебя испугался.

гил. -jir под:
 Mizə -jir kāqəz-ana pəxš kud-i
 Стол под бумага-PL распространение PSTST.делать-IPFV.3SG
 Он бросал бумаги под стол.

гил. -bija вблизи:
 Ita duxtar-beče dəgə -bija bāzi kud-i
 Это девочка-ребёнок дверь около игра PSTST.делать-IPFV.3SG
 Эта маленькая девочка играла около двери.

При этом, в принципе, падеж либо можно предполагать для каждого из послелогов, либо следует разработать критерии для различения одних категорий послелогов от других.

Гласные и тоническое ударение

Система вокализма и длительность мазандеранских и гилякских гласных изучалась В.И. Завьяловой [1956], которая отметила, что гласный [ə], как правило, короче, чем другие. Мазандеранская система вокализма рассматривается и в работах В.С. Расторгуевой и Д.И. Эдельман [1982, с. 465] и В.С. Расторгуевой [1999, с. 126], где показана её асимметричность (рисунок 3а). Обычно в языках мира асимметричные системы гласных являются нестабильными и потому редки. Мы не обнаружили в мазандеранском языке гласного [ɛ], но вместо этого были найдены слегка лабиализованные гласные [ə] и [ā]. С учётом этих поправок система мазандеранских гласных приобретает естественную симметричную форму (Рис. 1б). К тому же при документировании речи мы столкнулись с церебральным (ретрофлексным) произношением сонорных (таких, например, как: ɣ, ɳ), что не отмечено в предыдущих описаниях.

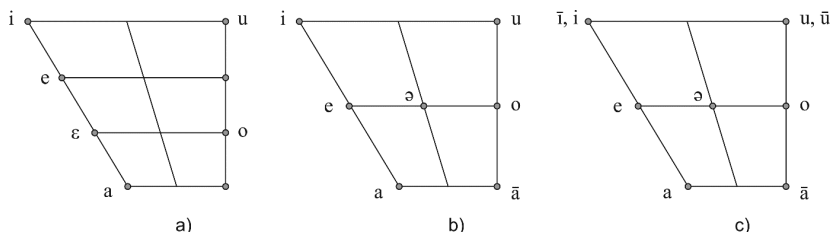

Рис. 1. Мазандеранские гласные согласно работе [Расторгуева 1999] (а), предлагаемые уточнения мазандеранского вокализма (б), гилякские гласные (с)

После введения поправок вокализм мазандеранского языка (Рис. 1б) становится очень похожим на гилякский (Рис. 1с). Единственным отличием

является наличие реликтовых долгих гласных [ī] и [ū] в мазандеранском, который был упомянут в работах [Расторгуева, Эдельман 1982, с. 456; Расторгуева 1999, с. 114].

Чтобы провести анализ акустических свойств ударения, была записана речь носителей языка (3 мазандеранского и 4 гилякского). Сегментация и дальнейший анализ проводились с использованием программы Praat (www.praat.org).

Параметры носителей, которые, как правило, влияют на просодию, были выделены из гласных (слогносителей) записанных слов:

а) Скалярные:

Длительность (в мс),

F_0 (среднее значение частоты основного тона),

I_{mean} (средняя интенсивность),

джиттер (средняя абсолютная разность между последовательными периодами, делённая на средний период),

шиммер (средняя абсолютная разность между амплитудами последовательных периодов, делённая на среднюю амплитуду),

сонорность (отношение амплитуды гармоник к шуму).

б) Интегральные двумерные (2D):

$F_{0\text{area}}$ (площадь под кривой F_0 ; Рис. 2а),

I_{area} (площадь под кривой интенсивности; Рис. 2б).

с) Интегральные трёхмерные (3D): Объем трёхмерной фигуры, очерченной линией F_0 и кривой интенсивности; Рис. 2с).

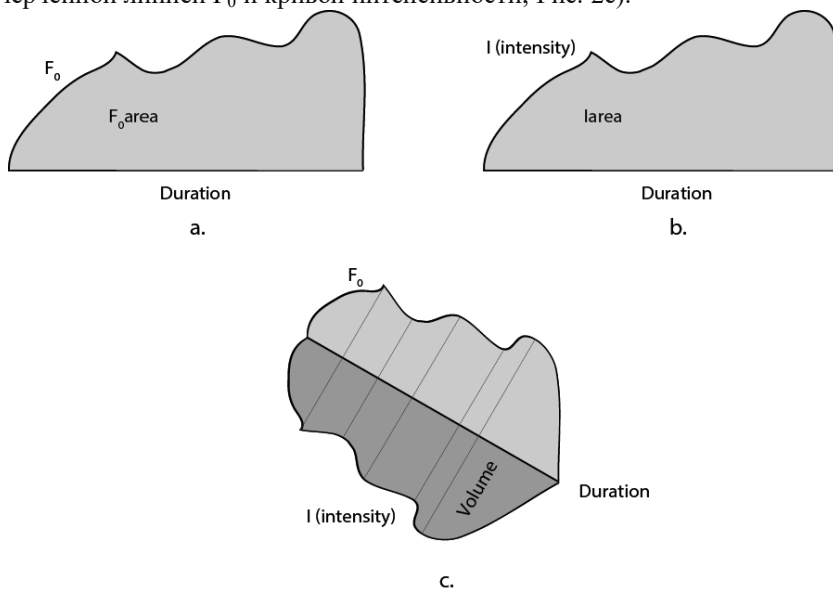

Рис. 2. Интегральные параметры гласного, двумерные: $F_{0\text{area}}$ (а) и I_{area} (б), трёхмерный (объём) (с)

Найденные параметры приведены ниже. Абсолютные параметры были преобразованы в относительные. Значение параметра в ударном слоге принималось равным 100% (Таб. 1).

Многофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), проведённый с помощью пакета программ SPSS, показал, что определяющим признаком ударного слога в обоих языках является частота основного тона ($p < 0,001$). Таким образом, этот тип словесного ударения можно назвать тоническим. Мазандеранское ударение не имеет других существенных факторов, в то время как в гилякском интенсивность ($p = 0,006$) и комплексный трёхмерный фактор (тон-интенсивность-длительность) ($p = 0,034$) также очень важны. Таким образом, ударение в гилякском является сложным, тонально-динамическим.

Причиной наличия общего маркера ударного слога (более высокого тона, F_0) может быть то, что носители отличаются двуязычием (гилякско-персидским и мазандеранско-персидским, соответственно), а персидский, являющийся для них общим, имеет тоническое ударение. Более подробное описание эксперимента можно найти в работах [Иванов 2014; 2015].

Таб. 1. Пример относительных параметров слогов в произношении носителей гилякского языка С. и Х.

Параметры					Длительность	F_0	F_{0arc}	I_{mean}	I_{area}	Объём
Имя	Гласный	Слово	Значение	Ударение						
					%	%	%	%	%	
С	a	salām	привет	0	42	91	34	95	27	36
	ā			1	100	100	100	100	100	100
	a	avāl	состояние	0	151	88	88	96	162	91
	ā			1	100	100	100	100	100	100
	o	koni	делаешь	0	36	114	57	103	32	61
	i			1	100	100	100	100	100	100
	e	netə	нет (не)	1	100	100	100	100	100	100
	ə			0	64	74	46	83	55	39
	i	šimi	твой	1	100	100	100	100	100	100
	i			0	105	107	143	102	102	121
	a	zakan	дети	0	69	87	50	99	66	59
	a			1	100	100	100	100	100	100
	ā	xāna	дом	0	52	80	40	95	47	38

Параметры				Дли- тель- ность	F_0	F_{0arc}	I_{mean}	I_{arca}	Объ- ём
ИМЯ	Гласный	Слово	Значение	Ударение					
					%	%	%	%	%
	a			1	100	100	100	100	100
	i	ita	какой- нибудь	1	100	100	100	100	100
	a			0	50	109	41	111	48
	ā	tāze	новый	0	249	75	242	94	226
	e			1	100	100	100	100	100
X	a	avval	первый	0	136	70	57	93	124
	a			1	100	100	100	100	100

Заключение

В нашем исследовании были обнаружены расхождения с общепринятым подходом к описанию мазандеранского языка, в частности на уровне фонетики. Хотя в настоящее время мазандеранский и гилякский языки не имеют письменности, всё же на них издаются книги на арабской и латинской графике или их сочетании (словари, сборники пословиц и поговорок, легенд и повестей). Фактическое произношение и фонологический состав некоторых слов слегка различаются, во-первых, по своему представлению в традиционной литературе, и, во-вторых, манерой письма и представления у лингвистически образованных носителей языков. Основным коррелятом ударения в обоих языках является частота основного тона (F_0), как и в персидском языке.

Хорошо образованные носители гилякского языка, как правило, используют персидский алфавит при публикации трудов (книг и статей). Так, например, известный литературный деятель Гиляна житель Решта М.П. Джектаджи издаёт литературный журнал «Гилава» (Gilavā). В данном журнале для обозначения гласного [э] (изафетный показатель) в текстах используется специальный символ (7). Имеются некоторые различия между транскрипциями мазандеранского журнала «Барфоруш» и двух словарей мазандеранских пословиц [1996; 1990]. Это свидетельствует о том, что в мазандеранском языке письмо не стандартизировано.

Авторами был составлен электронный корпус текстов на этих языках, которые доступны на сайте Института языкознания Российской Академии наук. База данных даётся для этих разновидностей языка в аудио- и письменной транскрипции (в иранистической международной транскрипции и IPA) с переводом на русский язык и полинейной нотацией. Для гилякского языка мы приводим аудиозапись текстов по работе В.С. Расторгуева и др.

[1971] (<http://iling-ran.ru/iranistika/4tmp/>). При работе над аудиозаписью речи наших языковых консультантов по текстам из указанной книги выяснилось, что транскрипция, представленная в книге, приближена к таджикскому языку. Так, в выражение *Āi kuni?* «Что ты делаешь?» (Текст 1) наши консультанты произносили *Āe koni?* Во многих других местах наблюдаем тот же тип замещения (e ↔ i, o ↔ u). Таким образом, фонетическое описание гилякского требует дальнейшей разработки и детализации.

Для мазандеранского языка мы приводим записи мазандеранских пословиц и притч [Yazdān Panah Lamuki 1997; Ansari 2011], а также некоторые рассказы из истории и культурных традиций этих народов, современного быта и образа жизни, принятых на местах (см. Приложение).

В общем, носители мазандеранского и гилякского языков могут понимать друг друга, хотя обычно они общаются на персидском языке.

С социолингвистической точки зрения мазандеранский не рассматривается в качестве престижного языка. Незнакомые люди на улицах, как правило, обращаются друг к другу на персидском и переходят на местный, родной им, язык только после того, как близко познакомятся. Так, например, местный житель, желая купить газету в местном киоске, использует персидский. При обращении к адвокату также разговор идёт на персидском языке. Даже местная жительница обсуждает проблемы развода с местным поверенным исключительно на персидском языке. Родители, особенно на селе, поощряют своих детей всегда говорить на персидском языке, чтобы сделать их речь неотличимой от жителей столицы. Это делается в целях обретения более высокого статуса, лучшего образования и карьерного роста в столице. Это стремление к более высокому уровню жизни и более высокий социальный статус является одной из причин того, что социальная база для прикаспийских языков сокращается.

Приложение

Глоссы мазандеранского текста с переводом (автор текста Т. Йаздан-Панех Ламуки):

Attā pīte bīy-e attā šexpespəlik attā hessekā
 Один чурбан PSTSt.быть-PST.3Sg один крапивник одна кость
Был сухой прогнивший чурбан, крапивник (птица) и кость.

Attā zemessun ruz bīy-e
 Один зима день PSTSt.быть-PST.3Sg
Был зимний день.

Vūrd-enə attā xəne-i delə
 PSTSt.идти-PST.3Pl один дом-Art в
Они зашли в дом.

Şexrespəlik bürd-ə
Крапивник PSTSt.идти-PST.3Sg
Крапивник взлетел.

Kəle pəşt henīšt-e
Очаг позади PSTSt.сидеть-PST.3Sg
Сел за очагом.

Hessekā bürd-ə bālā kəle sī
Кость PSTSt.идти-PST.3Sg верх очаг в
Кость [села] на почётное место у печи.

Pīte miyun-e kəle sī henīšte
Чурбан между-Izf очаг в PSTSt.сидеть.PST.3Sg
Сухой чурбан сел посредине.

Kəle per-e taş bīye
Очаг полный-Izf огонь PSTSt.быть.PST.3Sg
Печь пылала.

Şexrespəlik hamintī_ke çort zue
Крапивник как сонливость PSTSt.бить.PST.3Sg
Крапивник, как только стал клевать носом,

kəfəne kəle delə
PSTSt.падать.PST.3Sg очаг в
упал в печь.

Pītə bürd-e şexrespəlik-ə nejā dāde
Чурбан PSTSt.идти-PST.3Sg крапивник-Akk спасение
PSTSt.дать.PST.PCPT
Сухой чурбан пошёл доставать крапивника,

vere taş kafən-e
PSTSt.идти.PST.3Sg огонь PSTSt.поймать-PSE.3Sg
упал в печь.

Hessekā ke badiy-ə hamə-rə taş dakət-e
Кость как PSTSt.видеть-.PST.3Sgвсё-Akk огонь PSTSt.брать-PST.3Sg
Кость, как увидела, что всё в огне,

Bürd-ə barīm mardem xaver hākəne
PSTSt.идти-PST.3Sg вовне люди новости PRSSt.делать-SUBJV.PRS.3Sg
вышла на улицу звать народ.

Sag en-ə ver-e vayn-e
собака его-Akk PSTSt.идти-PST.3Sg PSTSt.уносить_away-PST.3Sg
Подбежала собака и её унесла.

Грамматические сокращения

3PL	3-е лицо множественного числа
3SG	3-е лицо единственного числа
ACC	аккузатив, показатель прямого объекта
ART	артиклъ
F0	частота основного тона
F0area	площадь фигуры, ограниченной кривой F0
I _{mean}	средняя интенсивность
I _{area}	площадь фигуры, ограниченной кривой интенсивности
IPFV	имперфект
IZF	изафетный показатель
p	уровень значимости
PTCP	причастие
PL	множественное число
PRS	презенс, настоящее-будущее время
PRSST	основа настоящего времени
PST	претерит, прошедшее время
PSTST	основа прошедшего времени
SG	единственное число
SUBJV	сослагательное наклонение

Литература

1. Арендс А.К. *Краткий синтаксис современного персидского литературного языка*. Академия наук СССР, Институт востоковедения. М.; Л., 1941, XLII.
2. Гмелин С.Г. *Путешествие по России для исследования трёх царств природы*. Спб, 1775.
3. Завьялова В.И. Новые сведения по фонетике иранских языков. Гилянский и мазандеранский языки. // *Труды ИЯз*. М.: Наука, 1956, VI.
4. Иванов В.Б. Гилякская просодия // *Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции*. М.: Ключ-С, апрель 2015, с. 86–87.
5. Иванов В.Б. Мазандеранская просодия // *Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции*. М.: Ключ-С, 2014, с. 103–105.
6. Иванов В.Б. К классификации именных форм в юго-западных иранских языках // *Вопросы языкознания*. М., №2, 2014
7. Керимова А.А., Мамедзаде А.К., Расторгуева В.С. *Гилянско-русский словарь*. М.: Наука, 1980.

8. Омиди Рад Хосейн. *Пути формирования и развития лексики говоров Гиляна в сравнительном отношении*. Дисс. на соискание ... к.ф.н. Душанбе, 2014.
9. Пейсиков Л.С. *Вопросы синтаксиса персидского языка*. М.: ИМО, 1959.
10. Расторгуева В.С. Мазандеранский язык // *Языки мира. Иранские языки*. II. Северо-западные иранские языки. М.: Индрик, 1999. Т. II.
11. Расторгуева В.С. Гилянский язык // *Языки мира. Иранские языки*. II. Северо-западные иранские языки. М.: Индрик, 1999. Т. II.
12. Расторгуева В.С., Керимова А.А., Мамедзаде А. К., Пирейко Л.А., Эдельман Д.И. *Гилянский язык*. М.: Наука, 1971.
13. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Гилянский, мазандеранский (с диалектами шамерзади и велатру) // *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки*. М.: Наука, 1982. Т. 3. VIII.
14. Резаи – Сейед Агаи Резаи С.М. К названиям рыб в мазандеранском языке: русские заимствования // *Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2013. Два выдающихся востоковеда. К 90-летию со дня рождения И.Ф. Вардуля и Ю.А. Рубинчика. Труды научной конференции*, М., 2013, с. 160–174.
15. Резаи – Сейед Агаи Резаи М. Эволюция русских заимствований в мазандеранском языке // *Фундаментальные исследования. Октябрь 2013*. М., 2014, с. 3011–3015.
16. Рубинчик Ю.А. *Грамматика современного персидского литературного языка*. М.: Восточная литература РАН, 2001.
17. Соколова В.С., Пахалина Т.Н. Гилянский язык // *Современный Иран. Справочник*. М., 1957.
18. Ansāri M. Dictionary of Mazandarani proverbs (Словарь мазандеранских пословиц). Сари, 2011
انصاری مسطقی فرهنگ ضرب‌المثل‌های مازندرانی. ساری، شلفین، 1390
19. Faxte Qorban. *Tarix-e Gilān pas az Islām* (История Гиляна после установления Ислама). Piya, Rasht, 1386 (2008)
فخته قربان، تاریخ گیلان پس از اسلام. ایلیا، رشت
20. Kalbassi I. A Descriptive Dictionary of Linguistic Varieties in Iran (Описательный словарь идиомов Ирана). Institute for Humanities and Cultural Studies, Tehran, 2009
کلباسی ایران، فرهنگ توصیفی گونه‌های زبانی ایران. پژوهشگاه علوم انسانی و مطالعات فرهنگی، تهران، 1388
21. Yazdān Panah Lamuki T. *Dictionary of Mazandarani proverbs* (Словарь мазандеранских пословиц). Тегеран, 1997
یزدان‌پناه لموکی طیار، فرهنگ مثل‌های مازندرانی. تهران، فرزین، 1376

Перспективы изучения дардов и нуристанцев в России

Первый зафиксированный контакт русских и горцев Гиндукуша относится к 1820 г., когда натуралист и топограф Е. К. Мейендорф возглавил дипломатическую миссию, совершившую путешествие из Оренбурга в Бухару. Он отметил, что среди рабов, принадлежавших бухарцам, «был только один сияпуш, не знавший ещё местного языка» – соответственно, другие кафиры-сияпуши персидским владели. Скорее всего, то были представители народности катэ. Также Мейендорф видел «несколько афганцев из восточных горных частей страны», которые «отличались прекрасной фигурой», были «весьма выразительны, но дики»: «...закутываются в длинный кусок холста» и «хотя и являются мусульманами, бреют себе только макушку, волосы их очень длинны около ушей и на затылке, поэтому бухарцы называют их “кяфирами”». О коммуникации сказано мало: «Если их спросить, из какой они страны, то услышишь грубый ответ, содержащий богохульства». Описание этих «афганцев» полностью соответствует типичному облику гиндукушских кафиров (нуристанцев или дардов по языку) – то были «нимча», новообращённые мусульмане из предгорий, скорее с юга Кафиристана.

Продвижение Российской империи в Туркестан обусловило проведение разведки областей и за Амударьёй. В докладе 1883 г. полковник П. П. Матвеев сообщает расспросные сведения, полученные в 1877 г. от кафиров-сияпушей в Файзабаде – столице Бадахшана. Прочие публикации тех лет носят переводной либо политический характер. Из этого ряда следует выделить книгу К. Риттера «Кабулистан и Кафиристан» (1837), том серии «Землеведение». Русское издание вышло в 1867 г. в переводе историка-востоковеда В. В. Григорьева, и его критические замечания и дополнения вчетверо превышают объём оригинального текста. Работа велась четыре года по заказу Русского географического общества.

Малоизвестным источником, действительно полезным для лингвистов, являются материалы М. С. Андреева, записанные от кафира-сияпуша осенью 1902 г. в Ташкенте. Материалы фиксируют говор восточного диалекта языка кати (катэ-вэри). Сведений об информанте дано мало, неизвестны его религиозная принадлежность и возраст на тот момент, однако он смог качественно изложить сведения о родной стране, надиктовать два языческих гимна и несколько фольклорных текстов. Общение проходило посредством персидского языка. Оригинальные листы записей хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН, однако ещё в 1980-е гг. А. Л. Грюнберг полностью перепечатал эти материалы на машинке. Совместно с Т. Г. Абаевой и Н. Л. Лужецкой готовилась к изданию книга «Ташкентский сборник», состоящая из:

- материалов российской прессы и донесений рубежа XIX-XX вв.,
- неопубликованного перевода фрагмента книги «Кафиры Гиндукуша» Дж. С. Робертсона, выполненного М. С. Андреевым,
- всех кафирских материалов М. С. Андреева, записанных в 1902 г.,
- а также уникальных сведений из архива А. В. Станишевского, записанных в 1920-е гг. в Советском Бадахшане.

К сожалению, сборник остался неизданным, и лишь в 1994-1995 гг. удалось опубликовать три статьи с материалами М. С. Андреева.

С окончанием Большой игры интерес к малым народам Гиндукуша в России угас. В октябре 1924 г. за три дня Кафиристан пересекли с севера на юг ботаник Н. И. Вавилов и этнограф Д. Д. Букинич из СССР, первыми посетившие некогда языческую область. Издание «Земледельческий Афганистан» (1929) включает список кафирской лексики. Хотя в книге и указано, что слова записаны в с. Пронз, т. е. должны относиться к языку прасун, в действительности это вайгали. Исправление внёс Г. Моргенштерне в публикации [Morgenstierne 1949, p.188]. Известно, что в личном архиве Д. Д. Букинича хранятся машинописный текст и путевые дневники (ЦГА УзССР, фонд Р-2243, оп.1, д.172), в которых содержится еще немного лексики.

В 1932 г. русский эмигрант, лингвист В. А. Иванов опубликовал краткую статью “A specimen of Bashgali from Kamdesh” с материалами, записанными в Бомбее от случайно встреченного нуристанца из народа ком [Ivanow 1932].

Представляет интерес тема повседневного общения жителей Кафиристана между собой и с внешними соседями – не только в древности, но также в период Большой игры и вплоть до наших дней. Можно привести в пример Абдулханана Нуристанани (Abdulhanan Nooristani, известен как Waat Soon – «золотой камень») из народа мумо, работавшего несколько лет переводчиком в частях западной коалиции (ISAF) в Афганистане. Он владеет родным языком мумвири, может переключаться на близкие кати (катэ-вэри) и камвири, свободно разговаривает на государственных языках дари и пушту. Школьное образование он получил в Пакистане, где не только овладел урду и английским, но также в приграничных долинах округа Читрал усвоил кховар от читралцев (кхо), калашамун от калашей, а с местными нуристанцами общался на родных диалектах. Сейчас проживает в Австрии, свободно разговаривая и по-немецки. В прошлом настолько же талантливые люди обеспечивали взаимодействие между кафирскими племенами и чужеземными народами.

В 1957 г. под редакцией С. П. Толстова вышла книга «Народы Передней Азии», для которой Э. Г. Гафферберг и Н. А. Кисляков подготовили главу «Кафиры (нуристанцы)».

С 1963 г. и до самой смерти в 1995 г. работу по нуристанским и дардским языкам вёл А. Л. Грюнберг, собравший полевые материалы по языкам кати, камвири, вамаи, вайгали, земиаки, прасун, а также глангали, пашаи. Помимо серии статей был издан труд «Язык кати» (1980), лишённый, впрочем, словаря. Часть собранных материалов в книгу не вошла. Также учёный

принимал участие в разработке проектов письменности для языков кати (1987), пашаи (1988) и белуджского (1989), которые нашли ограниченное применение в наши дни: публикуются фольклор, поэзия, школьные учебники, переводы зарубежной литературы для детей (например, двуязычные издания на кати/пушту). На шести языках издаётся журнал “Watandaran”.

В 1964 г. по результатам полевых наблюдений Н. А. Дворянков сделал «Предварительное сообщение о говорах горных таджиков Кунара», что подразумевало дардский язык пашаи. В 1973 г. он выступил с докладом по теме «К характеристике пашто-дардских контактов в Кунаре». Сегодня изучение многочисленных диалектов языка пашаи возможно по архивным материалам, современным афганским публикациям текстов и в рамках полевой работы. Материалы А. Л. Грюнберга по языку пашаи остались неизданными. Отметим, что некоторые группы носителей языка отделяют себя от пашаи.

В 1982 г. вышла статья Т. Н. Пахалиной «Материалы по языку киви», включающая словарь дардского диалекта, напоминающего кховар, записанный в Советском Бадахшане. Ответ-дополнение к этой статье опубликовал Г. Буддрусс из ФРГ в 1989 г.

Справочные труды Дж. И. Эдельман по дардским языкам, куда первоначально включались кафирские (нуристанские), выходили в печать в 1965 и 1978 гг., в 1983 г. на английском языке (и в переводе на дари в 1985 г.). Финальный труд – в соавторстве с А. Л. Грюнбергом – был опубликован в 1999 г.

В работах современных российских исследователей нуристанский и дардский материал обычно используется как вспомогательный. Исключения составляют многочисленные труды А. И. Когана, в частности «Дардские языки. Генетическая характеристика» (2005). Интересна статья «Курут (об одной алтайско-арийской изоглоссе)» (2004), автор М. Т. Дьячок.

Представляется целесообразным ввести в научный оборот «Сведения по грамматике сияпушского языка», словарь и другие неизданные материалы М. С. Андреева, отражающие довольно архаичное состояние языка кати, которые доступны в обработанном виде в личном архиве А. Л. Грюнберга. Там же хранятся его собственные полевые материалы: тетради, машинописные листы, аудиозаписи, обширный фотоархив, а также черновик грамматики и словаря языка вамаи, составленный Г. Буддруссом. Эти материалы по языку вамаи использовались А. Л. Грюнбергом при подготовке справочного труда «Дардские и нуристанские языки» [Эдельман 1999]. Позже три текста были опубликованы в российском сборнике как “Drei Texte in der Wama-Sprache des afghanischen Hindukusch” [Buddruss 2006].

С 2018 г. автор занимается оцифровкой архива А. Л. Грюнберга. Известно, что шла работа над подготовкой совместного с Буддруссом труда по языку глангали, однако на текущий момент обнаружены лишь карточки и отдельные листы (в Майнце доступна полная копия).

Также представляет интерес книга “Afsanaha-ye Nuristani” [Jana, Grjunberg 1991], включающая нуристанские сказки на языке кати с переводом на дари, которую составила Я. А. Джанна при участии А. Л. Грюнберга.

Тема богатого фольклора нуристанских и дардских народов (включая песни и поэзию) до сих пор остаётся малоисследованной, особенно в рамках отечественной науки. Существуют словари кати и вайгали и сборники текстов пашаи, набранные арабской графикой. В 2015 и 2017 гг. в Гарварде был издан двухтомный труд Г. Буддрусса и А. Дегенер (на немецком языке), посвящённый языку прасун (грамматика, тексты, словарь) [Buddruss, Degener 2015, 2017]. Целый пласт статей и книг афганских авторов, в т.ч. этнических нуристанцев, на темы истории, культуры и народной литературы остаётся практически неизвестен в России. Эти и другие материалы автор может предоставить в печатном и электронном виде.

В заключение можно привести конкретный пример для работы лингвистов в заявленной области. В конце 2018 г. автор получил запрос на подготовку и публикацию грамматики языка вамаи (диалект языка ашкун). Хафиз Абдул Кайюм (Hafiz Abdul Qayum) – губернатор провинции Нуристан – сетовал на упадок языка своей этнической группы (отметил рост заимствований из дари и пушту, утрату архаичной лексики, смену языка при миграции). Его крайне заинтересовал факт существования неопубликованной грамматики, составленной Г. Буддруссом. Губернатор высказал намерение организовать перевод, публикацию и введение материалов в учебный план. Кроме того, ничто не мешает обрабатывать полевые материалы А. Л. Грюнберга (частично использованные Буддруссом) и проводить новые исследования по языку вамаи, в котором за минувшие 50-60 лет после записи названных материалов очевидным образом произошли изменения. Впрочем, поездка автора в Кабул в июле 2019 г. показала, что намерения большинства лиц, выразивших интерес к сотрудничеству в области нуристанской культуры и языков, далеки от реализации.

В некоторых школах провинции Нуристан ведётся преподавание кати и вайгали школьникам, ограниченное распространение имеет система письма, сходная с пуштунской. Некоторые носители языка прасун аналогичным образом записывают свою речь при общении онлайн. Язык вамаи (ашкун) пока не преподаётся, ни словаря, ни грамматики нет (в отличие от других трёх нуристанских языков). Востребована идея составления нуристанско-русских словарей и разговорников. Таким образом, есть запрос и условия для работы лингвистов и других специалистов, община может оказать поддержку. Вопрос обеспечения безопасности также решаем, и значительная доля работы не требует выезда за рубеж, возможен привоз информантов в Россию.

В настоящее время в Афганистане для работы доступны провинция Панджшер и район Дара-и-Нур в провинции Нангархар. Районы Вама и Парун в Центральном Нуристане считаются безопасными, однако нестабильная ситуация в прилегающих районах и политические соображения делают визит иностранца (особенно гражданина РФ) невозможным. Также с представителями горских народностей Гиндукуша можно работать в Кабуле и других крупных городах Афганистана, что успешно продемонстрировал

шведский лингвист Хенрик Лилъегрен (Henrik Liljegren). В апреле 2017 г. он провёл два пятидневных семинара в Кабуле и бадахшанском Файзабаде с носителями 20 языков, обучая их навыкам фиксации родной речи и собирая материал для дальнейших исследований. Аналогичное проводилось им в Пакистане. В текущий момент исследования по языку пашаи проводит организация Samar, в Кабуле работает лингвист Филлип Хед (Phillip Head).

Для отечественных исследователей неисчерпанным ресурсом остаётся возможность работы с диаспорой и студентами – уроженцами долин Пригиндукушья. В настоящий момент на территории РФ обучаются либо живут носители языков кати, камвири, вайгали, прасун, а также диалектов пашаи. С русскоговорящими горцами, живущими за рубежом, нетрудно связаться по сети Интернет – через электронную почту, соцсети и мессенджеры.

Литература

1. Вавилов Н.И., Букинич Д.Д. *Земледельческий Афганистан*. Л., 1929.
2. Грюнберг А.Л. Кафирский гимн богу Мону (Из архива М.С. Андреева) // *Петербургское востоковедение*. Вып. 7. СПб, 1995. С. 605-620.
3. Грюнберг А.Л. Материалы по этнографии и мифологии Нуристана из архива М.С. Андреева // *Studien zur Indologie und Iranistik*. 1994. Bd 19: Festschrift Georg Buddruss. Reinbek, [1995]. S. 83-107.
4. Грюнберг А.Л. Нуристанские тексты из архива М.С. Андреева // *Стхана-кашраддха: Сб. ст. памяти Г.А. Зографа* / Под ред. Я.В. Василькова и Н.В. Гурова. СПб, 1995. С. 144-161.
5. Гафферберг Э.Г., Кисляков Н.А. Кафиры (нуристанцы) // *Народы Передней Азии* / Под ред. С.П. Толстова. М., 1957. С. 133-148.
6. Грюнберг А.Л. *Язык кати*. М.: Наука, 1980.
7. Дьячок М.Т. Курут (об одной алтайско-арийской изоглоссе) // *Techné grammatike (Искусство грамматики)*. Новосибирск, 2004, № 1. С. 132-138.
8. Коган А.И. Дардские и нуристанские элементы в языке дамели // *Orientalia et classica: труды Института восточных культур и античности*. Вып. XI. Аспекты компаративистики 2. М.: РГГУ, 2007. С. 310-327.
9. Коган А.И. *Дардские языки. Генетическая характеристика*. М.: Восточная литература, 2005.
10. Коган А.И. Некоторые вопросы генетической классификации дардских языков по данным исторической фонетики // *Вопросы языкового родства*. М., 2015, № 13. С. 1-21.
11. Пахалина Т.Н. Материалы по языку киви // *Иранское языкознание. Ежегодник 1982*. М., 1987. С. 112-114.

12. Эдельман Д.И. *Дардские языки*. М.: Наука, 1965.
13. Эдельман Д.И. *Дардские языки // Языки Азии и Африки. Т. 2. Индоевропейские языки*. М.: Наука, 1978.
14. Эдельман Д.И. *Языки мира: Дардские и нуристанские языки*. М.: Индрик, 1999.
15. Buddruss, Georg. Kommentar zu einem Kivi-Vokabular aus dem sowjetischen Pamir // *Studien zur Indologie und Iranistik*, 1989. Vol.15. S. 197-205.
16. Buddruss, Georg. Mara's Mühlenbau. Analyse eines Prasun-Textes aus dem afghanischen Hindukusch // *Hrda Manasa. Studies presented to Professor Leonard G. Herzenberg on the occasion of his 70th birthday*. М.: Наука, 2005. С. 446-469.
17. Buddruss, Georg. Drei Texte in der Wama-Sprache des afghanischen Hindukusch // *Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций: сборник статей к 75-летию профессора А.Л. Грюнберга (1930-1995)*. М.: Наука, 2006. С. 177-201.
18. Buddruss, Georg, and Almuth Degener. *Materialen zur Prasun-Sprache des afghanischen Hindukusch*. Teil 1: Texte und Glossar. Harvard University Press, 2015.
19. Buddruss, Georg, and Almuth Degener. *Materialen zur Prasun-Sprache des afghanischen Hindukusch*. Teil 2: Grammatik. Harvard University Press, 2017.
20. Edelman D.I. *Dardic and Nuristani Languages*. М.: Наука, 1983.
21. Edelman D.I. *Zabanha-ye Dardik wa Nuristani*. Kabul, 1985.
22. Ivanow W. A specimen of Bashgali from Kamdesh // *Acta Orientalia*, 1932. Vol. 10. P. 154-157.
23. Jana Y.A., Grjunberg A.L. *Afsanaha-ye Nuristani*. Kabul, 1991.
24. Kulmani M.Z. *Pashai Pashto mataluna*. Kabul, 1985.
25. Lamwal A. *Pashayi wolesi xesa*. Kabul, 2010.
26. Morgenstierne, Georg. The Language of the Prasun Kafirs // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, 1949. Vol.15. P. 186-334.
27. Sunara S. *Farhang-e Nuristani*. Kabul, 2016.
28. Taza S. *Farhang-e zaban-e Nuristani*. Kabul, 2017.

Некоторые аспекты социолингвистической ситуации племени гутоб¹

Данное сообщение основано на полевых данных экспедиции в Индию (штат Орисса, округ Корапут) в декабре 2018 года. Работа посвящена обзору социолингвистической ситуации племени гутоб.

Языки мунда – самая западная ветвь австроазиатских языков и, по-видимому, древнейший языковой пласт Южной Азии. Общее число носителей этих языков – около 12 миллионов человек. Носители языков мунда обитают в трёх изолированных ареалах в основном на территории Индии. Подавляющее большинство носителей сосредоточены в северо-западных штатах Западная Бенгалия, Бихар, Джаркханд, на северной границе штата Орисса а также на северо-западе Бангладеш. Языки мунда этого ареала можно разделить на две группы. В первую входит сантали, единственный к настоящему времени язык мунда, имеющий официальный статус, и другие языки кхервари – мундари, хо, бхумидж, бирхор, тури, асури, кода, корва. Во вторую – языки кхариа и джуанг, расположенные южнее. Второй ареал мунда находится далеко к западу, на юге штата Мадхья-Прадеш и на севере штата Махараштра, здесь распространён язык корку и близкие к нему диалекты. Третий ареал расположен на юге штата Орисса в округах Гаджапати, Раягада, Корапут и Малкангири и на севере штата Андхра-Прадеш. Это языки сора (савара), джурай (вероятно, исчезающий диалект сора), горум (паренги, вероятно, вымерший), гутоб (гадаба), бонда (ремо), дидеи (гта[?], гета[?]), которые называются «корапутскими мунда». Из них язык сора, распространённый в округах Гаджапати и Раягада, насчитывает около 300 тысяч носителей, тогда как бонда, дидеи (округ Малкангири) и гутоб (округ Корапут) распространены гораздо меньше, однако установить число носителей затруднительно. В переписи населения Индии начиная с 1971 года учитываются только те языки, у которых больше десяти тысяч носителей, поэтому из корапутских мунда она перечисляет только савара (сора) и гадаба (гутоб). При этом этноним «гадаба» относится к двум племенам, близким по ареалу обитания – мундскому гутоб-гадаба и дравидийскому олар-гадаба, которые в переписи не различаются и имеют общую численность около 40

¹ Работа осуществлена при поддержке РФФИ, проект № 17-34-00018 «Социолингвистическое исследование языков корапутских мунда и создание мультимедийного корпуса текстов, иллюстрирующих различные социальные условия бытования языков».

тысяч человек по данным 2011 года. По данным сайта Ethnologue, число носителей языка гутоб – около 8,000 (со ссылкой на ICCS 2000). Однако проверить этот источник не представляется возможным. Кроме того, в работе [Rajan 2003] приводятся данные социолингвистического исследования Asha Kiran Society 1996 года, согласно которому в блоке Ламтапут округа Корапут насчитывалось 5065 носителей гутоб, который сохранился в 40 деревнях.

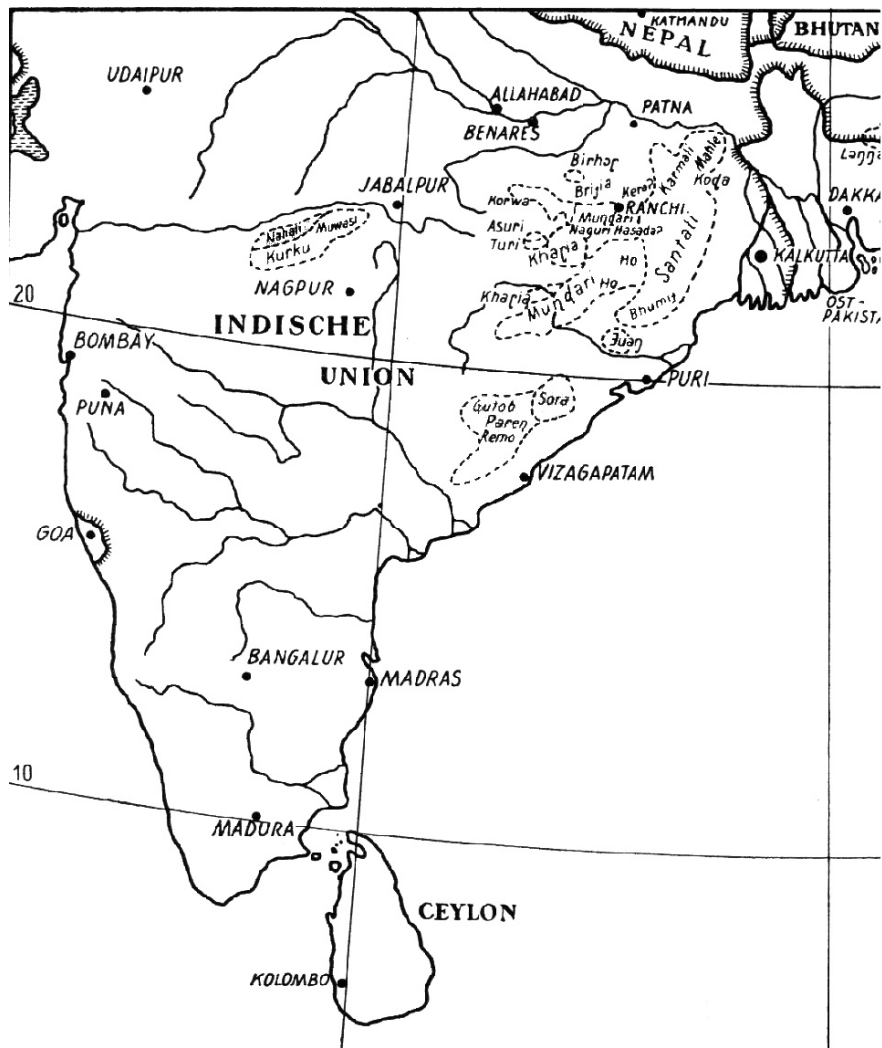

Рис. 1. Карта распространения языков мунда из кн. [Pinnow 1959].

Округ Корапут штата Орисса с этнической и языковой точки зрения представляет собой плавильный котёл, в котором бок о бок проживают племенные и кастовые группы, говорящие на индоарийских, дравидийских и мунда языках. Одна группа может иметь несколько наименований, в то же время одно наименование может применяться к нескольким группам, что затрудняет оценку численности той или иной группы. Вероятно, наиболее многозначным этнонимом можно считать параджа/парджа/порджа – от санскритского ргаја ‘народ’, относящееся к носителям нескольких дравидийских и индоарийских идиомов, а также языка бонда (с эпитетом «нанга породжа», то есть ‘голый народ’).

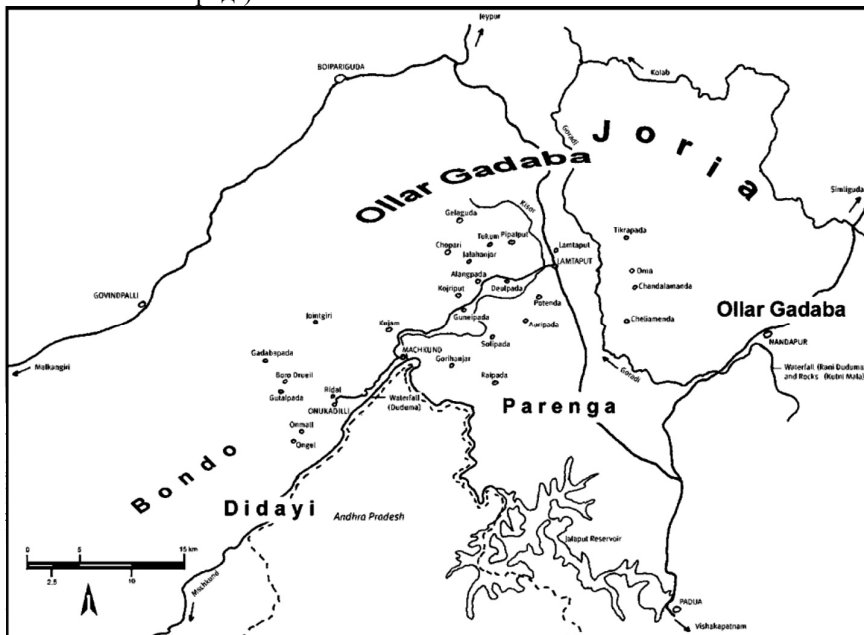

Рис. 2. Карта деревень проживания гутоб из кн. [Berger 2015].

Социолнгвистическая ситуация для всех малых корапутских мунда характеризуется давлением «пирамиды» из нескольких языков более высокого статуса: десия, ория, хинди и английского. Прежде всего, языком бытового общения между представителями разных племён и каст региона выступает индоарийский идиом десия. Именно десия в первую очередь замещает родные языки младшего поколения племён, так как родители стремятся обучить детей этому языку. Официальные лица округа и исследователи считают десия *lingua franca* региона, пиджином, не являющимся родным языком ни для одного из местных сообществ (например, именно такие данные приводятся на сайте Ethnologue). Однако в действительности десия традиционно осваивается как единственный родной язык по крайней мере в такой относи-

тельно высокостатусной местной касте как рона и предположительно также в кастах гоур и кумар. По нашему предположению, именно благодаря своему высокому статусу, связанному с кастой рона, десия стал популярен среди племён как *lingua franca*. В настоящее время десия в той или иной степени вытесняет племенные языки в качестве родного. Языком преподавания в школе, как и языком СМИ и официальных учреждений, является индоарийский язык ория, официальный язык штата. Этот язык обладает более высоким статусом, чем десия, и осваивается племенами с получением образования. Помимо официальных языков штатов, в Индии есть и два общесоюзных языка – хинди и английский. В Ориссе английский язык преподаётся с третьего класса, а хинди – с восьмого, но также усваивается через хиндиязычные телеканалы. При этом английский язык, несомненно, более престижен, чем хинди, и открывает большие коммуникативные возможности для молодёжи. Кроме того, сильно влияние телугу, официального языка соседнего штата Андхра Прадеш, принадлежащего к дравидийской семье. Также имеет место взаимодействие с языками дравидийских племён, такими как олар гадаба, куи, куви и койя.

В религиозном плане, в отличие от сора [Крылова, Ренковская 2018], малые корапутские мунда практически не затронуты христианизацией. В основном в их среде распространены традиционные для них анимистские верования, в той или иной мере синкретически переплетающиеся с индуизмом (например, отмечаются общеиндийские индуистские праздники). Также относительно популярно возникшее в XX веке среди племён монотеистическое вероучение Махима Дхарма, или Алекх. В силу отсутствия сильных религиозных сдвигов, значительного влияния религии на языковую ситуацию у малых корапутских мунда не отмечено.

Во второй половине XX века гутоб подверглись значительному переселению в связи с двумя масштабными гидроэлектрическими проектами (на реках Колаб и Мачкунд), повлекшими за собой затопление деревень. По сведениям [Rajan 2003], именно эти переселения явились причиной того, что носители гутоб более не проживают компактно, а являются меньшинством в деревнях, где основная часть населения говорит на десия (касты рона, кумар, гоур и др.). В результате потеря языка гутоб идёт достаточно быстро, как и культурная ассимиляция гутоб. По сути, в смешанных деревнях можно наблюдать процесс превращения гутоб из племени в касту, размывание его культурной и языковой специфики и встраивание в кастовую иерархию деревень (например, участие в общих деревенских праздниках, очерёдность забора воды из деревенского колодца, и т.д.). Десия уже почти вытеснил гутоб из религиозно-ритуальной сферы [Berger 2007], записанный нами фольклор гутоб изобилует лексикой десия.

Гутоб в силу трудной доступности мест проживания его носителей и пренебрежительного отношения к племенам в индуистском обществе плохо изучен. С учётом быстро происходящих изменений в регионе, положение языка уязвимо, и требуются меры по его поддержке. Одной из таких мер мо-

жет стать программа MultiLingual Education. Это государственная программа внедрения малочисленных родных языков в младшие классы школы в качестве языков образования. В настоящее время такое преподавание ведётся в ряде школ в деревнях бонда, имеется линейка государственных учебников с первого по четвёртый класс на бонда, с письменностью на основе ория. Существенное участие в программе MLE принимает Asha Kiran Society. Asha Kiran Society - некоммерческая организация, расположенная в деревне Маленга блока Ламтапут округа Корапут, созданная группой христиан из Кералы, и первоначально ставившая своей целью обеспечение местных племён медицинской помощью и распространение медицинской грамотности. Позже организация занялась также образовательными проектами, в настоящее время многие её сотрудники являются представителями местных племён, получившими образование с её помощью. Кроме того, Asha Kiran Society занимается проектами Multilingual Education (MLE), то есть программами обучения племён на родных языках. Например, в работе [Rajan 2003] анализируется попытка Asha Kiran Society распространить среди носителей грамотность на языке гутоб в целях ревитализации языка, принятая с 1996 по 2002 гг.

Проект Asha Kiran Society по языку гутоб не получил государственной поддержки и внедрения в школах в связи с тем, что гутоб в настоящее время не проживают компактно, следовательно, преподавание на языке гутоб в младших классах школ в смешанных деревнях, по мнению правительства, может привести к сегрегации и межэтнической розни среди детей. Asha Kiran Society разработало проект преподавания на языке десия, который является основным для населения смешанных деревень, но и он не получает государственной поддержки уже по другой причине: программа MLE в Индии базируется на конституционном праве любой этнической общности Индии получать образование на своём родном языке, в то время как десия, по общепринятому мнению, - это *lingua franca*, не являющийся родным языком ни для одной этнической общности (как было указано выше, по нашим данным, это положение не соответствует истине). В ряде деревень Asha Kiran Society с разрешения школ, но без государственной поддержки, проводит подготовительные занятия для дошкольников на языке десия. Материалы на десия изданы в графике на основе письменности ория.

В заключение отметим, что хотя социолингвистическая ситуация всех малых корапутских мунда довольно уязвимая, в случае гутоб она отличается ещё и отсутствием населённых пунктов компактного проживания, а также связанной с этим невозможностью ревитализации языка через школьное образование. Это говорит о необходимости дальнейших исследований и сотрудничества с такими организациями как Asha Kiran Society.

Литература

1. Доклад: Krylova A., Renkovskaya E. Religion and language preservation: the case of Sora // *51st Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Tallinn University, Tallinn, Estonia. 29.08– 01.09.2018.*
2. Berger, P. Fütterern, *Speisen und Verschlingen. Ritual und Gesellschaft im Hochland von Orissa, Indien.* Berlin, 2007
3. Berger, P. Feeding, *Sharing and Devouring: Ritual and Society in Highland Odisha, India.* Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2015
4. Pinnow H. J. *Versuch einer historischen Lautlehre der Kharia-Sprache.* Wiesbaden: Harrassowitz, 1959.
5. Rajan H. Literature development in minority language: Case study of Gutob-Gadaba Language Revitalization Project in India (Литературное развитие языка меньшинства: случай проекта ревитализации языка гутоб-гадаба в Индии) // *Conference on language development, language revitalization and multilingual education in minority communities in Asia, Bangkok, Thailand, SIL International, Mahidol University, UNESCO, 6-8 November 2003.* Conference paper
6. *Ethnologue: languages of the world.* URL: <https://www.ethnologue.com/> дата обращения 1 августа 2019.

К вопросу о границах и диалектах языка куллуи¹

Настоящая работа посвящена определению границ распространения языка куллуи и выявлению изоглосс, которые могли бы лечь в основу выделения языка куллуи среди соседних идиомов, а также диалектного членения самого этого языка. Работа основана на данных четырех экспедиций в округ Куллу (2014-2018 гг.).

Карта 1. Округ Куллу в штате Химачал-Прадеш.

Экспедиции ставили перед собой цели всестороннего описания языка куллуи, включая грамматическое описание, запись словаря-тезауруса, исследование социолингвистической ситуации, а также уточнение ареала распространения и сбор диалектологических данных, см. [Krylova, Renkovskaya 2018; Мазурова 2018; Крылова 2018]. В рамках двух последних целей ставились следующие задачи:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-012-00355 (2019-2021).

1. Определить границы языка куллуи, а именно выявить фонетические и грамматические изоглоссы, позволяющие провести границы между куллуи и соседними идиомами;

2. Выявить фонетические и грамматические изоглоссы, позволяющие выделить диалекты куллуи.

Язык куллуи относится к северной подгруппе индоарийских языков, общности языков химачали-пахари (называемых западными пахари в традиционной классификации со времен работы [Grierson 1916]). На нем говорят в округе Куллу штата Химачал-Прадеш, Индия (см. Карту 1). Куллуи не имеет официального статуса и литературного стандарта и является преимущественно языком устной коммуникации. Грамматические описания этого языка немногочисленны и фрагментарны, диалектологических исследований не проводилось.

Карта 2. Ареалы распространения куллуи и соседних идиомов.

Карта Ю. Корякова по данным [Grierson 1916].

Одна из первых языковых карт с обозначением распространения идиомов химачали-пахари и в частности куллуи представлена в [Grierson 1916, р. 73]. В центре отмеченного Грирсоном ареала распространения куллуи располагается долина Куллу – долина р. Беас, – которая тянется с севера на юг примерно на 90 км от перевала Рохтанг на севере до ущелья Ларджи и места впадения в р. Беас реки Сейндж на юге. Помимо долины Куллу ареал куллуи охватывает долину Парвати на востоке и регион Чхота Бангахал на северо-западе. Куллуи граничит с языком мандеали на западе, с сейнджи и внутренним сираджи на юге и тибето-бирманскими идиомами на востоке и северо-востоке. На северо-западе ареала куллуи находятся труднопроходи-

мые участки горной местности, что сводит к минимуму языковые контакты с другими языками химачали. Расположение куллуи и окружающих его идиомов, приведенное в [Grierson 1916], проиллюстрировано на Карте 2.

Современный округ Куллу подразделяется на 6 тахсиллов: Куллу (со столицей округа г. Куллу), Манали, Сейндж, Банджар, Нирманд, Ани. При сопоставлении современного административного членения с языковой картой Грирсона получается, что куллуи охватывает территории тахсиллов Куллу и Манали, сейнджи распространен по большей части в тахсиле Сейндж, внутренняя сираджи – в тахсиле Банджар, а жители тахсиллов Ани и Нирманд говорят на внешней сираджи, см. Карту 3. Язык мандеали распространен в соседнем с округом Куллу округе Манди.

Карта 3. Расположение тахсиллов округа Куллу.

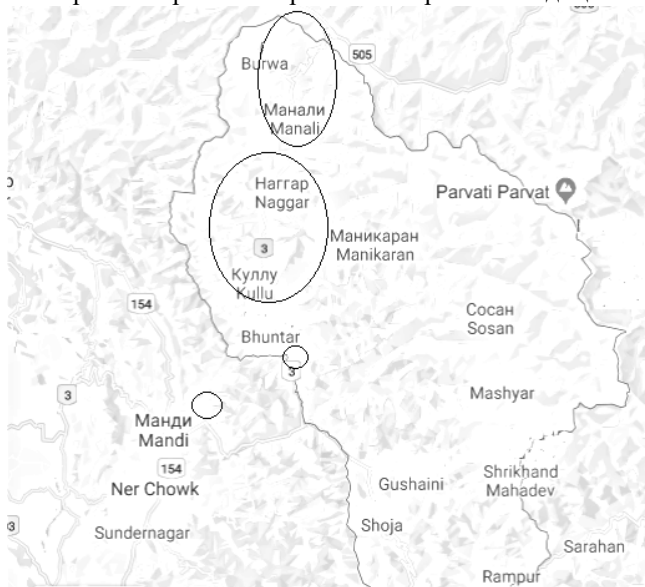

О диалектах куллуи до настоящего момента практически ничего не было известно, поскольку немногие существующие описания куллуи базируются на диалекте столицы округа – г. Куллу, см. [Ranganatha 1971; Thakur 1975; Sharma 2014]. При этом вполне ожидаемо, что язык, никогда не имевший стандартизированной нормы, будет характеризоваться диалектным разнообразием. Так, в работе [Bailey 1908], представляющей собой краткий грамматический обзор языков химачали, упоминаются разные варианты некоторых грамматических элементов, представленные в куллуи, однако не указывается их диалектное или ареальное распределение. В грамматике [Thakur 1975] упоминается диалект долины Лаг в связи с тем, что в нем иначе образуется перфективное причастие, и более никакой информации об этом и других диалектах не приводится.

В ходе наших экспедиций были получены данные из разных населенных пунктов ареала распространения языка куллуи, а также соседних языковых идиомов (сейнджи, внутренний и внешний сираджи, мандеали). Подробно этими идиомами мы не занимались, поэтому на данный момент мы руководствуемся разделением на языки и терминологией Грирсона, однако наши предварительные данные показывают наличие на территории округа Куллу наряду с куллуи по крайней мере трех других идиомов химачали, между которыми можно провести изоглоссы.

Материал языка куллуи был получен от жителей населенных пунктов центральной части тахсила Куллу (г. Куллу, дд. Наггар, Башинг, Катрейн, Джагатсукх, Сума, Бхальяни), южной части тахсила Куллу (д. Баджаура), тахсила Манали (г. Манали, дд. Баруа, Палчайн, Шанаг, Котхи) и округа Манди (д. Чахал). Перечисленные ареалы приведены на Карте 2.

Карта 4. Ареалы распространения языка куллуи, данные по которым были собраны и проанализированы во время экспедиций.

Данные соседних с куллуи языков были собраны от жителей следующих населенных пунктов: дд. Деури, Сучейн (сейнджи), дд. Палач, Гхияги, Шаран (внутр. сираджи), дд. Лошти, Ненавати, Серидхар, Рагхупур, Дареч, Чапел (внеш. сираджи), гг. Манди, Саркагхат (мандеали). В качестве метода сбора данных использовались специально составленные грамматические и диалектологические анкеты. В результате анализа полученных данных были выявлены некоторые изоглоссы, позволяющие провести границы между

разными языковыми идиомами, а также свидетельствующие о наличии диалектов у языка куллуи.

Между куллуи и мандеали существуют достаточно четкие фонетические изоглоссы, описанные еще в [Hendriksen 1986, p. 192] и подтвердившиеся на нашем материале:

Изоглосса	Куллуи	Мандеали
др.-инд. <i>a</i> в открытом ударном слоге >	$\varepsilon \sim \text{ɔ}$	$\text{ɜ} \sim \text{ə} \sim \text{ɹ}$
др.-инд. краткий гласный в закрытом ударном слоге >	остается кратким	становится долгим
др.-инд. $\acute{s}, \acute{\text{ṣ}}$ >	f	s
др.-инд. <i>tr, dr</i> >	$tʃ, dʒ$	сохраняются или t, d
др.-инд. $k\acute{\text{ṣ}}$ >	$tʃ^h$	k^h
др.-инд. <i>c, j</i> >	ts, dz	сохраняются

Среди наиболее очевидных нефонетических изоглосс наш материал позволил выделить следующие:

Изоглосса	Куллуи	Мандеали
показатель будущего времени	<i>-l-</i>	<i>-g^h-</i>
аккузативно-дательный послелог	<i>bε</i>	<i>jo</i>
аблативный послелог	<i>nə</i>	<i>ge, t^he</i>
инструментальный послелог	<i>-ε, seŋge</i>	<i>kəne</i>
‘видеть’	<i>her-</i>	<i>dek^h-</i>

Поскольку куллуи и мандеали распространены в двух разных округах, носители этих языков воспринимают их как два разных языка. На карте распространения языков химачали в [Grierson 1916, p. 73] граница куллуи и мандеали проведена непосредственно по границе двух округов. При этом наши данные по д. Чахал, находящейся на территории округа Манди недалеко от р. Уль, показывают, что этот идиом согласно приведенным выше изоглоссам относится к куллуи, а не к мандеали. Более того, носители этого идиома не относят свой язык ни к мандеали, ни к куллуи (что понятно с географической точки зрения) и называют его языком долины Уттаршал. Таким образом, можно предположить, что граница языковых ареалов куллуи и мандеали не проходит по границе округов и языковой ареал куллуи распространяется также на округ Манди вплоть до р. Уль.

На юге ареала куллуи находятся ареалы сейнджи, внутреннего и внешнего сираджи. Все эти языки распространены в округе Куллу. Границу между куллуи и языками других тахсиллов округа Куллу провести несколько сложнее. Так, Бейли в [Bailey 1908] объединяет все четыре идиома в одну группу языков (Kulu group). Грирсон, во многом ориентированный на работу Бейли, поступает аккуратнее, относя достаточно отличающийся по многим грамматическим критериям внешний сираджи к отдельной группе.

Сложность проведения границ между куллуи и идиомами других тахсиллов округа Куллу определяется несколькими факторами. Во-первых, в представлении носителей между этими языками не существует четких границ. Если обратиться к эндолингвонимам (самоназваниям языков), то наиболее типичные эндолингвонимы всех языков как на территории округа Куллу, так и во многих других округах штата Химачал-Прадеш – это *Deshi* ‘местный’ или его английский аналог *Local*. Реже встречается самоназвание *Pahari* (букв. ‘горный’), а также *Kulvi* (‘относящийся к Куллу’), который является общим вариантом для всех идиомов округа Куллу, что также не способствует их различению. Ниже приведены возможные эндолингвонимы языков куллуи, сейнджи, внутреннего и внешнего сираджи, а также мандеали (данные получены в ходе проведенного нами социолингвистического анкетирования).

Языковой идиом	Куллуи	Сейнджи	Внутр. сираджи	Внеш. сираджи	Мандеали
Возможные эндолингвонимы	<i>Kulvi, Deshi, Local, Pahari</i>	<i>Kulvi, Deshi, Local, Pahari, Siraji, Sainji</i>	<i>Kulvi, Deshi, Local, Pahari, Siraji, Banjar-Siraji</i>	<i>Kulvi, Deshi, Local, Pahari, Siraji, Outer Siraji</i>	<i>Mandeali, Deshi, Local, Pahari</i>

Во-вторых, языки округа Куллу с фонетической точки зрения сходны, и различительными для них являются грамматические изоглоссы. На карте Гриссона куллуи непосредственно граничит только с сейнджи, однако мы не исключаем возможность настоящей или бывшей общей границы ареалов куллуи и внутреннего сираджи, в частности ввиду некоторых языковых черт, сходных в куллуи и внутреннем сираджи и отличных в сейнджи. Ниже перечислены некоторые выделенные нами изоглоссы:

Изоглосса	Куллуи	Сейнджи	Внутр. сираджи
согласный в основе личных местоимений 1 и 2 PL	-s- (<i>ase</i> ‘мы’, <i>tuse</i> ‘вы’)	-s-/-m-	-m- (<i>hame</i> , <i>tume</i>)
возможный переход ДИЯ \bar{a} > <i>au</i>	-	+	-
элизия конечных гласных в грамматических	-	+	-

показателях			
вариативная замена окончаний <i>-a</i> на <i>-ə</i>	-	-	+
отсутствие эргативной падежной формы в некоторых склонениях	-	-	+
распространенность архаичного локатива с показателем <i>-e</i>	-	+	+
показатель будущего времени	<i>-l-</i>	<i>-r</i>	<i>-l-</i>
показатель будущего времени 1SG	<i>-ŋu</i>	<i>-ur</i>	<i>-lə</i>
показатель конверба	<i>-ija/-i</i>	<i>-kəre</i>	<i>-kəri</i>
опущение копулы	-	-	+
обязательность употребления в прохибитивных констукциях особой прохибитивной частицы	+	-	-

Языки округа Куллу заметно различаются лексически. Так, например, в ряде слов куллуи наблюдается сохранение кластера *tr* (и реже *dr*) или их переход в *t*, *d*, но не в *tf*, *dʒ*, как должно было бы произойти по фонетическим соответствиям, ср. *traɪ* (< *trayah*) ‘три’, *potru* (< *pautra*) ‘внук по линии сына’, *tʃ^het* (< *kʃētra*) ‘поле’, *rat* (< *rātri*) ‘ночь’, *nindr* наряду с *nindʒ* (< *nidrā*) ‘сон’. Сейнджи и внутренний сираджи в данном случае более последовательны в регулярности фонетических изменений, ср. соответственно *tʃin* ~ *tʃi*, *potʃo* ~ *potʃa*, *k^hetʃ*, *ratʃ*, *nindʒ*. Такой феномен можно объяснить историческими контактами куллуи с мандеали и заимствованиями из него. Калькой с мандеали, вероятно, является и прохибитивная частица, образованная от глагола *her-* ‘видеть’ (подробнее см. [Ренковская 2018]): в мандеали она образована от глагола ‘видеть’ с другой основой (*dek^h-*), тогда как в сейнджи и сираджи чаще всего в качестве прохибитивной употребляется обычная отрицательная частица.

Самым южным населенным пунктом, языковой идиом которого был нами исследован и отнесен к куллуи, является д. Баджаура. Можно с уверенностью говорить о том, что ареал куллуи простирается вплоть до этой деревни и с большой вероятностью чуть дальше, что совпадает с данными, приведенными на языковой карте в [Grierson 1916, p. 73].

Что касается диалектов куллуи, то на настоящий момент на основе наших данных можно с уверенностью говорить о наличии центрального (г. Куллу, дд. Наггар, Башинг, Катрейн, Джагатсукх, Сума, Бхальяни) и северного (г. Манали, дд. Баруа, Палчайн, Шанаг, Котхи) диалектов, а также

выдвинуть предположение о существовании южного (д. Баджаура) и (юго-) западного (д. Чахал). Среди изоглосс, релевантных для всех диалектов, можно указать следующие:

	Центральный диалект	Северный диалект	Южный диалект	(Юго-) западный диалект
вариативность фонем <i>s~h</i> в некоторых словах	+	-	+	+
наличие формы PL у копулы	+	-	-	-
показатели перфективного причастия	M <i>-u-da</i> F <i>-i-di</i> PL <i>-ε-dε</i>	M <i>-u-ra</i> F <i>-i-ri</i> PL <i>-ε-rε</i>	M <i>-i-ra</i> F <i>-i-ri</i> PL <i>-i-rε</i>	M <i>-i-ra</i> F <i>-i-ri</i> PL <i>-i-rε</i>
наличие архаичного локатива на <i>-e</i>	-	-	-	+
наличие инструментального послелога <i>kerija</i>	-	+	+	+

Если центральный и северный диалекты изучены нами подробно, то предположение о наличии южного и (юго-)западного диалектов мы делаем на основании данных по населенным пунктам д. Баджаура и д. Чахал. Достаточно естественно предполагать, что в зонах непосредственных контактов разных языковых идиомов будут складываться контактные диалекты. Так, в диалекте д. Баджаура имеются особенности, объединяющие этот диалект с сейнджи и внутренним сираджи, как то, например, окказиональная замена окончаний *-a* на *-ɔ*, образование конверба при помощи форманта *kerija* (грамматикализовавшегося из более старой формы конверба от глагола *kernə* ‘делать’, ср. сейнджи *-kɔrε* и внутр.сираджи *-kɔri*), замена *a* дифтонгом *au* (центр. *grā* ~ юж. *grāu* ‘деревня’) и др. Диалект д. Чахал характеризуется достаточно сильным влиянием мандеали, выражающимся в частности в периодическом сохранении фонемы *z* там, где в куллуи она переходит в *ε* и *ɔ*, в большом количестве заимствованной из мандеали лексики (центр. куллуи *to* ‘ты.ОBL’, *seŋge* ‘вместе с’ ~ д. Чахал *tud, saogi*) и др. Кроме того, данные по социолингвистической ситуации в д. Чахал показывают, что большинство жителей деревни являются двуязычными, наряду с родным языком владеют также мандеали, поскольку г. Манди (столица округа Манди) для них – ближайший крупный город, куда ездят на заработки и за покупками. Грирсон в своей работе выделяет в качестве отдельного диалекта мандеали диалект мандеали-пахари, распространенный на границе ареалов мандеали и

внутреннего сираджи и представляющий собой контактный диалект, «частично похожий на мандеали и частично на внутренний сираджи» [Grierson 1916, p. 746]. Тот факт, что Грирсон ничего не пишет о диалектах на границе ареалов мандеали и куллуи, а границу языковых ареалов проводит по границе округов, скорее всего говорит о том, что данными по этому ареалу он не располагал. Вместе с этим он упоминает диалект восточной части региона Чхота Бангхал, расположенного в округе Кангра на границе с округом Манди, описывая его как куллуи, «в большей или меньшей степени смешанный с мандеали» [Grierson 1916, p.715], что может говорить о наличии в то время контактных диалектов куллуи также в округе Кангра.

Центральный и северный диалекты куллуи изучены нами достаточно подробно и по разным населенным пунктам. В частности, есть данные по диалекту долины Лаг (дд. Сума и Бхальяни), упоминаемому в [Thakur 1975] в связи с вариативным образованием перфективного причастия. Действительно, перфективное причастие в двух вышеуказанных деревнях образуется так же, как в дд. Баджаура и Чахал (M *-i-ra*, F *-i-ri*, PL *-i-re*), при этом других отличий от диалекта центральной части округа Куллу отмечено не было, поэтому диалект долины Лаг следует относить к центральному куллуи.

Можно выделить некоторое количество изоглосс, разграничивающих центральный и северный диалекты:

Изогlossa	Центральный диалект	Северный диалект
выпадение интервокальных <i>l</i> и <i>ʃ</i>	– <i>brali</i> ‘кошка’, <i>k^heliṇa</i> ‘играть’, <i>-ṇaṭa</i> (аффикс агентивного имени)	+ <i>brai</i> , <i>k^heiṇa</i> , <i>-ṇuaa</i>
наличие альтернативы <i>s ~ h</i> в отдельных словах	+ <i>ase ~ ahe</i> ‘мы’, <i>tuse ~ tuhe</i> ‘вы’, <i>tesa ~ teha</i> ‘она.OBL’, <i>sa ~ ha</i> (копула), <i>seṅge ~ heṅge</i> (комитативно-инструментальный послелог)	– только <i>ase</i> , <i>tuse</i> , <i>tesa</i> , <i>sa</i> , <i>seṅge</i>
наличие формы PL копулы	+ SG <i>sa</i> – PL <i>si</i>	– SG, PL <i>sa</i>
формы показателя перфективного причастия	M <i>-u-da</i> F <i>-i-di</i> PL <i>-e-de</i>	M <i>-u-ra</i> F <i>-i-ri</i> PL <i>-e-re</i>
образование форм неотрицательного настоящего времени	M <i>-a sa</i> F <i>-a sa</i> PL <i>-a si</i> (сочетание формы герундия и копулы)	M <i>-ara ~ -ala</i> F <i>-eri ~ -eli</i> PL <i>-ere ~ -ele</i>

наличие специальной вопросительной частицы <i>-i</i>	– <i>eŋu?</i> ‘(мне) войти?’	+ <i>eŋu-i?</i>
формы OBL некоторых местоимений	<i>ei</i> (3SG.M. PROX), <i>tei</i> (3SG.M. DIST), <i>koi ~ koiki ~ kosi ~ kosa ~ koski</i> (неопр. одуш. местоимение)	<i>ie, tie, kosu</i>

Несмотря на то, что для четкого определения границ языка куллуи и подробного обзора всех диалектов требуются дальнейшие исследования, на данный момент можно сделать следующие утверждения:

- ареал распространения языка куллуи выходит за пределы округа Куллу, в частности распространяясь на территорию округа Манди вплоть до р.Уль;
- можно говорить о наличии диалектов языка куллуи: центрального, северного и по крайней мере двух диалектов контактных регионов – южного и западного;
- несмотря на то, что основное количество грамматических описаний базировалось на центральном диалекте как на диалекте столицы округа, этот диалект обладает набором нетипичных черт, отличающих его от всех остальных диалектов (это в частности наличие отдельной формы PL у копулы и нестандартное образование перфективного причастия).

Грамматические сокращения

1,2,3 – 1,2,3 лицо, DIST – дальний дейксис, F – женский род, M – мужской род, OBL – косвенный падеж, PL – множественное число, PROX – ближний дейксис, SG – единственное число.

Литература

1. Крылова А.С. Словарь языка куллуи: проблемы полевой лексикографии // *Труды Института востоковедения РАН. Вып.19: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография.* – М.: ИВ РАН, 2018. С. 148-156.
2. Мазурова Ю.В. Малые индоарийские языки Северной Индии: язык куллуи // *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*, 2018, 4. С.82-91.

3. Ренковская Е.А. Императив в языке куллуи // *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 6: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Языки Южной и Юго-Восточной Азии (Материалы научной конференции, ИВ РАН, 26 октября 2016 г.)*. М.: ИВ РАН, 2018. С. 168-173.
4. Bailey T.G. *The Languages of the northern Himalayas, being studies in the grammar of twenty-six Himalayan dialects*. London: The Royal Asiatic Society, 1908.
5. Grierson G.A. *Linguistic Survey of India*. Vol.IX. Part IV. Delhi-Varanasi Patna, 1916.
6. Hendriksen H. *Himachal Studies*, III, Grammar, København: The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1986.
7. Krylova A., Renkovskaya E. Documentation of the Kullui language: problems, results, prospects // *Vaak manthan*, vol. 3, issue 1, 2018. <http://selindia.org/wp-content/uploads/2018/12/vol-3-issue-1-the-verb.pdf>.
8. Ranganatha M.R. *Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh*. Census of India, 1971. Language monograph No.7. Delhi, 1981.
9. Sharma D. (Saraswat). *Kuluti-Hindi vyakaran. Ek tulnatmak adhyayan* (Грамматика кулуту и хинди: сопоставительный анализ). New Delhi: Lekhni, 2014.
10. Thakur M.R. *Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men* (Язык пахари с приложением описания куллуи). Delhi: Sanmarg Prakashan, 1975.

Типология арабского языка в синхронии и диахронии

В связи с публикацией фундаментального исследования «Типология диалектного и литературного грамматического строя современного арабского языка» [Мишкурлов 2019] внимание арабистов вновь обращается к такой актуальной проблеме арабского языкознания, как проблема о соотношении литературного арабского языка и арабских диалектов.

В своей статье мы используем недифференцированный термин «диалект» как обозначение идиома, генетически связанного как с литературно-письменным арабским языком, так и с другими родственными идиомами (диалектами). Каждый из выделяемых диалектов является родным для его носителей в отличие от литературно-письменного арабского, который ни для кого не является родным языком¹.

В развитии типологического направления арабского языкознания можно отметить три последовательных этапа.

На первом этапе внимание к типологической характеристике арабского языка было связано с развитием нового языковедческого направления, с классификацией всех известных языков мира: не по их генетическим признакам, а по структурным особенностям морфологического и синтаксического строя. В первые же классификации включаются и наиболее известные семитские языки, в том числе – (классический) арабский язык. Известным и отправным определением для многих арабистов служит морфологическое определение Ф.Ф. Фортунатова, относящееся к 1892 г. «...я называю семитские языки флективно-агглютинативными... потому, что отношение между основой и аффиксом в этих языках такое же, как в языках агглютинирующих» [Фортунатов 1956, с. 144–155].

В деривационно-реляционной классификации Э. Сепира (1921 г.) семитские языки (древнееврейский и арабский) определяются в соответствии с установленными им принципами классификации по основному типу – как «сложные смешанно-реляционные»; по технике соединения морфем – как «символично-фузионные»; по «синтезированию» (т.е. по способу связи слов) – как «синтетические» [Сепир 1934, с.110–111].

Во второй половине XX в. в связи с разработкой контенсивной типологии к типологической характеристике арабского языка и семитских в целом стал добавляться дополнительный признак «номинативный строй» [Мишкурлов, (1985) 2019, с.95, 351; Коган 2009, с.51; 99].

¹ Далее используются сокращения: ЛАЯ – литературный арабский язык; АДД – арабские диалекты; АД – арабский диалект.

Второй этап повышенного интереса лингвистов к типологической характеристике арабского языка относится ко второй половине XX в. Этот этап связан с предложением новой интерпретации одного из основных морфологических способов словообразования и словоизменения в семитских языках и в наиболее известном – в арабском языке.

Такое явление, как устойчивость консонантного корня при одновременной переменчивости вокалического состава корневой основы, связанная с изменением грамматического или лексико-грамматического значения слова, традиционно характеризовалась как «внутренняя флексия».

Новая характеристика этого грамматического способа как бы «полностью выделяет и отделяет» консонантный остов корня от вокалической части. Прерывистый консонантный остов традиционно рассматривается как корневая морфема. Соответственно вокалическая часть корневой основы – прерывистая последовательность гласных (или одна гласная, если корневая основа имеет структуру $C_1VC_2C_3-$) – некорневая прерывистая морфема (т.е. - $V-V...$ или $V-\emptyset...$ и т. п.) [Старинин 1963, с. 20–23]. Свои положения о прерывистой морфеме (как корневой, так и некорневой – «диффиксе») В.П. Старинин подкрепляет морфологическим анализом структуры слова на материале арабского и эфиопского языков с привлечением некоторых парадигм других семитских языков².

Сама по себе идея «прерывистой морфемы» в синхронном рассмотрении структуры семитского слова имеет свои основания. Однако построение строгого и последовательного описания морфологического строя арабского языка в системе понятий «диффикс/трансфикс» на реальном материале сталкивается с рядом серьезных системных проблем. Частично слабые стороны методики и практические проблемы отмечены как самим автором «Структуры семитского слова» [1963], так и подробно рассмотрены в книге Э.Н. Мишкурова [Типология... 2019, с. 190–201], а также в специальной статье «Морфемы в семитских языках» [Белова 1991, с. 177–219].

Несмотря на то, что прерывистый консонантный корень в арабской классической грамматике в большинстве случаев четко отделяется от некоторых элементов, стройной и адекватной парадигмы некорневых прерывистых морфем пока не построено. В семитологических работах к понятию прерывистой морфемы и терминам «диффикс/трансфикс» обращаются спорадически. В системном описании морфологического строя семитских языков используют традиционные понятия и термины «моделей», выработанные представителями национальных грамматических школ древнееврейского и арабского круга.

² Одновременно сходная трактовка прерывистого вокализма корневой основы семитских языков (прерывистая морфема – «трансфикс») была предложена И.А. Мельчуком [Мельчук 1963, с. 27–40], однако ограничивалась лишь несколькими хрестоматийными примерами из арабской грамматики.

В работах по общему языкознанию термин «диффикс» или «трансфикс» вводится как обозначение одного из позиционных типов аффиксов наряду с уже давно известными «инфиксами» [Плунгян 2000, с. 91–95].

Какое отношение имеет введение понятия «прерывистой морфемы» и термина «диффикс/трансфикс» с вариантами к общей типологической характеристике арабского языка?

«Прерывистая морфема» оказывается в ряду равных ей по значению и функции линейных морфем-аффиксов (префиксов, суффиксов, инфиксов) и как бы «вытесняет» явление «внутренней флексии». В то же время типологическая характеристика арабского языка по ряду вполне реальных признаков продолжает сохранять определение «флективный» тип/строй. А поскольку большинство «внешних» аффиксов в арабском по технике присоединения агглютинативны, то признак агглютинации включается в типологию арабского языка и в традиционных классификациях (см. выше у Ф.Ф. Фортунатова).

Замена понятия и термина «внутренняя флексия» ограничивает типологический признак «флективности» и делает «ведущим» признак агглютинации, но, в конечном счете, не изменяет типологическую характеристику литературного арабского языка, так как «вокалический остов», именуемый «прерывистой морфемой» (трансфиксом, диффиксом) в любом вокалическом составе не является однозначной морфемой³.

Если первые два этапа развития типологических исследований в арабском языкознании характеризовались главным вниманием лингвистов к классическому арабскому языку, позднее – к литературно-письменному языку современной эпохи, то последующий, третий, этап ознаменован типологическим вниманием к современным арабским диалектам.

Вторая половина XX в. отмечена широким размахом изучения территориальных и социальных диалектов практически во всех регионах арабского мира. К концу XX в. арабские диалекты осознаются уже как совершенно реальные, сложившиеся средства коммуникации, которые требуют серьезного и всестороннего исследования. К началу XXI в. арабское языкознание пополнилось большим количеством не только практических учебников, но и научных исследований по арабской диалектологии как в мировом масштабе, так и в отечественной арабистике.

Располагая большим, адекватно представленным материалом большинства арабских диалектов и обнаружив, что каждый диалект не является «упрощенным» (или «испорченным») видом литературного языка, но представляет устойчивую звуковую и грамматическую систему, слагающуюся в течение многих столетий, арабисты установили два очевидных факта: каждый из диалектов отличается от литературного языка; диалекты

³ Как известно, однозначность является одним из обязательных признаков агглютинативной морфемы [Ахманова 1966, с. 31; ЛЭС, 1990, с. 17].

не образуют какой-то один «разговорный» язык (диалектный язык⁴), но различаются и между собой⁵.

Во второй половине XX в. в отечественной арабистике формулируется направление арабской диалектологии⁶, в московских научных центрах складывается московская типологическая школа арабистики.

Эта тенденция наблюдается как в зарубежной арабистике, так и в отечественных востоковедных центрах.

Сопоставительное исследование материалов литературного языка и наиболее изученных современных диалектов дало возможность Г.Ш. Шарбатову (1924–2006), одному из основателей типологического изучения арабских диалектов, сформулировать основную тенденцию типологической эволюции арабоязычного континуума: от синтетизма единого классического литературного языка к аналитизму современных диалектов. Это положение основывалось на таких диагностических признаках, характерных для диалектов, как редукция в системе реляционных морфем (падение падежной системы), инновация в способе связи слов в синтаксических конструкциях (новые системы служебных слов, порядок слов) [Шарбатов 1960; 1961; 1991].

На материале арабских диалектов Северной Африки арабист-языковед Ю.Н. Завадовский (1909–1979) разрабатывает модели «по-уровневого» или же «по-ярусного» установления типологии современных АДД. Анализ диалектного материала на морфологическом уровне, по заключению ученого, может свидетельствовать о тенденции от флективности к агглютинации [Завадовский 1965, с.492–499].

Продолжение и дальнейшее развитие типологического направления в отечественной арабистике получило в трудах Э.Н. Мишкурова, основанных как на фундаментальном исследовании диалектного материала, так и на результатах теоретических трудов по типологии зарубежных и отечественных языковедов.

В наиболее полном и развернутом изложении типологическая концепция Э.Н. Мишкурова представлена в [Мишкуров 2019].

Опираясь на положения отечественной типологической школы и опыт диалектологических исследований⁷, автор значительно расширяет рам-

⁴ См. раскрытие и обоснования термина и понятия «диалектный язык» [Мишкуров 2019, с. 59–76].

⁵ Естественно, что в арабской диалектологии выделены группы более близких между собой диалектов как по территориальному, так и по социальному признаку.

⁶ Подробнее см. [Белова 2004, с. 41–43].

⁷ От трудов А.Е. Крымского, И.Ю. Крачковского, Н.В. Юшманова, поколения середины и второй половины XX в.: А.А. Ковалева, Г.Ш. Шарбатова, Ю.Н. Завадовского, Г.М. Габучяна, В.М. Белкина, Г.М. Гранде в арабистике, от Ф.Ф. Фортунатова, Р.Н. Аванесова, М.М. Гухман, О.С. Ахмановой, С.Д. Кацнельсона,

ки типологических определений языка/диалекта. В результате типологическое определение арабского идиома получает дополнительную характеристику контенсивной типологии (по способу выражения ведущих семантических категорий языка) как «номинативный строй» [Мишкуров 2019, с. 96, 255, 324–328].

Расширяя далее типологическую характеристику арабских идиомов, Э.Н. Мишкуров помимо классифицирующих типологических признаков вводит в свой анализ признак х а р а к т е р о л о г и ч е с к и й, отмечающий специфические черты языковой системы [ЛЭС 1990, с. 513] и определяющий структурные особенности данной системы. В этом вопросе автор, критически рассматривая концепцию внутренней детерминанты Г.П. Мельникова [Мишкуров 2019, с. 96–100, 328–338], признает, что такое явление, как «вербально мотивированная деривация» в семитской грамматической системе может стать вполне необходимым дополнением типологической характеристики как литературного арабского языка, так и диалектов [Мишкуров 2019, с. 351].

Однако «вербально-мотивированная деривация», которую автор включает в типологическую характеристику арабских идиомов как дополнительный признак «вербоцентрической» ориентации [Мишкуров 2019, с. 337], отражает лишь традиционный рабочий прием, принятый в арабской национальной лексикографии. Представление о «глагольности» всей арабской системы сложилось у многих западных арабистов и семитологов под влиянием национальной арабской грамматики и лексикографии. «К о р н е в о й» принцип группировки лексики в словарях и принцип грамматической классификации лексики по условным моделям создают иллюзию, что этимологически каждое корневое гнездо восходит к консонантному корню *CCC, который в непроемной основе может совпадать с простейшей глагольной основой или ассоциироваться с ней. Так, например, имя сущ. *ġabal*- «гора» следует искать под корнем *ġbl*, однако статья под этим корнем начинается с глагольных отыменных лексем «отправляться в горы» [Al-Bustānī, 1869, с. 231; ВК, I, 1860, с. 249; Гиргас (1881) 2006, с. 108].

Учитывая указанные особенности национальной грамматической традиции, следовало бы уточнить степень «глагольности» в системе арабской деривации и понятие «вербоцентрической ориентированности» [Мишкуров 2019, с. 351] в типологической характеристике литературного языка.

Если в типологическую характеристику арабской системы добавляется признак характерологический, т.е. признак «уникальности» [там же, с. 330 и сл.] данной системы, то более целесообразно таким уникальным признаком считать «трехсогласность» корня. Как показывают некоторые предварительные исследования морфологических парадигм литературного языка и современных диалектов [Belova 2015, р. 53–61], именно трехсогласная

В.Н. Ярцевой, Г.А. Климова, Г.П. Мельникова в общем языкознании проложен путь к разработке структурно-типологического анализа арабского материала.

структура корня определяет основные деривационные модели как в литературной, так и в диалектных системах. Так, «внешняя» аффиксация индифферентна к слоговой структуре основы и к количеству согласных в корне. Однако грамматические формы, обусловленные апофонией, или количественным чередованием гласных в основе, возможны только в основе, включающей более двух согласных. Ср. исторические процессы в литературном арабском: финитная имперфектная основа и форма 3-го л. ед.ч. м.р.: *y-a-dūr-u* «[он] вращается; обходит кругом» и аналогичная форма *y-a-drus-u* «[он] молотит». Обе имперфектные формы образованы внешней аффиксацией к первичным основам *-dūr-* и *-drus-*. Внешняя аффиксация «безразлична» к количеству согласных глагольных основ. Однако образование отглагольных имен действия от тех же основ: *dars-* «молотья» и *dawr-* «вращение» показывает, что деривационная модель не может «обойтись» без третьего согласного и «подтягивает» двухсложную основу к трехсложной. Так же правило «трехсложия» просматривается в «разложении» геминированной корневой согласной в именной деривации: *hamm-* «забота», но мн. ч. *humūm-*, где модель мн. числа «требует» разложения гемината на два согласных. Аналогичные явления ср. в египетском диалекте: *šāf* (perf. 3 р., ж. sg.) «[он] смотрел», но *šāyif* (part. act., ж. sg.) «[он] смотрит (< «смотрящий»), по модели причастия $C_1āC_2iC_3$.

Исторически формирование известной нам морфологической системы классического арабского языка в большой степени обусловлено формированием трехсложного корня.

Типологические определения ЛАЯ/АДД расширяются также за счет добавления экстралингвистической характеристики: «идиом, строго кодифицированный и стандартизованный с незначительной ареальной вариативностью». Эта характеристика противопоставляется характеристике АДД – «идиомы: ограниченно кодифицированные и слабо стандартизованные, поливариативные» [Мишкуроев 2019, с. 351].

Определения, включенные в типологические характеристик ЛАЯ и АДД, отражают ту языковую ситуацию в арабоязычном континууме, которая определяет одну из главных проблем арабской типологии: литературный язык – один и един, современных диалектов: а) много; б) каждый из них отличен от литературного; в) сами диалекты суть некие идиомы, также различающиеся между собой.

Возможно ли для различающихся идиом установить общую типологическую модель?

В результате сопоставительно-типологического анализа морфологического и синтаксического строя ЛАЯ и АДД в работе Э.Н. Мишкурова выстроены соответственно две типологические модели [2019, с. 351]. Типологические различия между строем ЛАЯ и АДД в конечном счете заключаются в следующем:

ЛАЯ: 1) на морфологическом уровне – «идиом, ... агглютинативно-флективный с элементами фузии»; 2) на синтаксическом уровне: ...«синтетический с элементами аналитизма»;

АДД: 1) на морфологическом уровне – «идиомы ... флективно-фузионные и агглютинативные»; 2) на синтаксическом уровне: «аналитические с элементами синтетизма».

Основная «детерминанта» и «вербоцентрическая ориентация» (о них см. выше) остаются общими признаками для ЛАЯ и АДД⁸.

Обе модели несопоставимы между собой онтологически: типологическая модель АДД, построенная на общих признаках, отмеченных в этих грамматических системах, синхронно противопоставляется типологической модели современного ЛАЯ в соответствии с принципами типологической классификации языков;

типологическая модель ЛАЯ отражает реальную функционирующую систему языка;

типологическая модель АДД отражает систему самых общих структурных признаков и тенденций диалектного континуума.

Абстрактные типологические характеристики могут быть раскрыты и проверены только на реальном диалектном материале.

Наряду с синхронной типологией в арабском языкознании продолжает развиваться диахронический подход к типологическим изменениям в арабских диалектных системах и сравнительная типология этих систем.

Уже первые наблюдения за системными изменениями большинства современных диалектов показали, что основные структурно-типологические инновации всех языковых уровней АДД обнаруживают параллелизм и сходство с процессами структурных изменений в других древних и современных семитских языках (древнееврейский – иврит; арамейские – новопарамейские; ряд современных эфиосемитских) [EALL III 2008, p. 641]. Сходство и параллелизм структурных изменений как между самими диалектами, так между ними же и новосемитскими языками трактуются как «convergence/конвергенция». К общим явлениям отнесены: редукция в фонетической системе (ларингальная смычка, интердентальный ряд согласных, изменение вокализма ряда морфем и корневых основ); падение падежной системы, редукции в категориях числа и рода, «аналитический генитив», более свободный порядок слов, анафорические местоимения [EALL, 2006, I, p. 492–403]⁹.

Действительно, явление конвергенции в историческом развитии семитских языков и арабских диалектов представляет большой интерес для

⁸ Относительно «контенсивных» моделей ЛАЯ и АДД ([Мишкуроев 2019, табл., с. 329) следует заметить, что изменение базового порядка слов (ЛАЯ – VSO: АДД – SVO (там же, с.269) следует проверить и уточнить на более показательном диалектном материале, так как даже в двух повествовательных текстах алжирского диалекта (№ 1, № 2), приведенных на с. 318–322, преобладают предложения с порядком VSO.

⁹ Расширенное рассмотрение явления конвергенции с привлечением арабского материала см. [Edzard, 2012, p. 165–178].

установления таких важных типологических факторов, как «детерминанта», действие постоянных фонетических и просодических законов. Однако в сравнительно-диахронической типологии не следует упускать из вида и другое явление (или направление) – на дивергенцию.

Сравнительный анализ диалектных фонетико-фонетических систем показывает, что наряду с общеарабской и общесемитской тенденцией редукции и падения ларингала и редукцией интердентальных согласных арабские диалекты кочевого типа сохраняют интердентальный ряд, более того, в некоторых говорах Ирака отмечается расширение интердентального ряда ($d > d/\zeta$) [Белова 1999, с. 82–87].

Падение ларингала [ʔ] (гортанной смычки), «исконного» члена прасемитской фонологической системы [С.Я. I, 2009, с.27–29], характерное для ряда семитских языков и арабских диалектов, можно было бы объяснить его артикуляторной «слабостью». Однако «слабый» ларингал появляется в фонетической системе городских диалектов Сирии и Египта в результате другого фонетического сдвига: [ʔ] < [q] и сохраняется во всех позициях старого [q]. Ср. кл. ар. *qara 'tu* «[я] прочел», но сир. Д. *'arē(y)t*; кл. ар. *ra 's* «голова» > сир. Д. *rās*, но сир. Д. *ra 's* (< *raqs* «танец») и т. д. Фонетические изменения имеют разные направления.

На морфологическом уровне сравнительный анализ категорий и парадигм лица/рода/числа арабских диалектов и других семитских языков свидетельствует о том, что «общий» процесс редукции в разных диалектах и в разных языках происходит по-разному и с различной скоростью. Современные арабские диалектные системы лица/рода/числа представляют разные степени редукции: диалекты кочевого типа характеризуются «полной» парадигмой, различающей род 2/3 лица мн. ч., тогда как диалекты оседлого и, особенно, городского типа характеризуются редуцированной (в разной степени) парадигмой [Белова 2014, с. 194–199; Belova 2017, p. 53–62].

Рассматривая фонетические и грамматические системы современных АДД как результат исторического процесса, общего большинству известных семитских языков, зарубежные арабисты большее внимание уделяют компаративистскому анализу языкового материала. Однако, обобщая такие явления, как падение падежной системы, старой системы глагольного словоизменения, развитие системы служебных слов и частиц, повышение значимости порядка слов в словосочетании и предложении, ученые единодушно отмечают основную типологическую черту современных АДД как сдвиг /<drift> от синтетизма к аналитизму [Grundriss, I 1982, S. 83–84; SL 1997, p. 291; EALL I 2006, p. 562, 606; III 2008, p. 641].

Как наиболее очевидная типологическая инновация в грамматических системах современных АДД рассматривается «аналитический генитив» (analytic genitive) [EALL I 2006, p. 82–85; II 2007, p. 570; III, p. 152, 672–673].

Этот, на наш взгляд, неадекватный, термин¹⁰, видимо, призван сохранить историческую связь с «синтетической» генитивной конструкцией в ЛАЯ¹¹. Однако в связи с отсутствием в АДД падежей, в том числе и генитива, этот термин теряет свое категориальное значение.

Структура «старого» изафета – $N_1 + N_{\text{ген.}}$ или $N_1 +$ клитика личного местоимения. Структура нового «аналитического» изафета – $N_1 + N$ (< «владение, собственность») + N_2 или $N_1 + N$ (–“–) + клитика личного местоимения.

Рассматривая структуру, общую для современных АДД, следует подчеркнуть, что в каждом региональном диалекте в позиции и функции N (соединительного элемента отымённого происхождения) выступает «своя» лексическая единица (но, естественно, связанная с понятием «обладания», «собственности» и т. п.) [Brockelmann, (1913) 1966, II, S. 238–239; Мишкuroв 2019, с. 248–252].

Все известные соединительные «связки» восходят к общеарабскому лексическому фонду, однако выбор исходной лексической единицы происходил, по-видимому, в эпоху разошедшихся диалектных групп¹². В ранних памятниках классического арабского языка также можно обнаружить прототип «аналитического генитива», восходящий, по-видимому, к образным средствам ораторской речи. Ср., например, ... *ī'āmun fī yawmin dī maṣṣabatīn / yaīman dā maqrabatīn* [Q, 90: 15–16] ... «накормить в день [*dī*] голода / сироту [*dā*] из родственников» [Крачковский 1963, с. 488]; или *wa-s-samā'ī dātī l-burūḡī* [Q, 85: 2] «Клянусь небом – **обладателем** башен!» [Крачковский 1963, с. 483].

В трех генитивных конструкциях несогласованное определение связано с определяемым десемантизированным именем *dū* (m.), *dāt* (f.) «владелец, владелица». Карл Брокельман возводит эту лексему к основе указательного местоимения и рассматривает ее как дополнительный демонстратив [Brockelmann 1966, S. 243]; Н.В. Юшманов рассматривает лексему как имя с регулярной парадигмой форм числа и рода и в ряду имен аналогичной функции [Юшманов 1985, с. 130].

¹⁰ Таково же мнение Э.Н. Мишкурова [2019, с. 123].

¹¹ В арабской грамматической традиции – *'idāfat-* (в принятом персидском произношении – «изафет») – «присоединение» к определяемому имени несогласованного определения в род. падеже. В семитологической традиции используется лат. *status constructus* (сопряженное состояние). В отечественной арабистике использовались как термин арабской грамматической традиции, так и семитологический. В последних типологических работах по ЛАЯ и АДД используются «изафет» и, соответственно, – «аналитический изафет» [Мишкuroв, 2004, с. 242–243; Белова, 2014, с. 200; Мишкuroв, 2019, с. 245–252].

¹² В этом отношении другие семитские языки проявляют большее единство, используя в посессивных конструкциях соединительные лексемы, восходящие к Sem **ba' l-* «господин, владетель» [Brockelmann, 1966, s. 240–241].

С типологической точки зрения конструкция с *dū* является избыточной в языке, располагающем полной падежной системой, которая отчетливо просматривается и в составляющих этой конструкции.

Заметим также, что соединительный элемент *dū* отмечается в своей функции в классическом языке, но не отмечен в аналогичной функции в известных нам современных АДД. Следует также отметить, что в ряде периферийных АДД аналитический изафет как регулярная синтаксическая конструкция не зафиксирован [Мишкурков 2019, с. 250].

Таким образом, аналитический изафет («analytic genitive») как характерная аналитическая инновация: а) не является общедиалектной; б) его связочный (служебный) элемент в разных диалектах восходит к различным лексическим основам; в) «зародыш» связи *-dū* остается признаком классического арабского и не имеет каких-либо соответствий в известных нам диалектах.

Как уже говорилось, общим положением исследователей типологии ЛАЯ и АДД является положение об общей тенденции «от синтетизма к аналитизму». Чаще всего это положение связывается с утратой падежных окончаний и, соответственно, с утратой падежной системы [Grundriss, I 1982, S. 83–84; SL 1997, p. 29; EALL, I, p. 562–563, III, p. 641].

Указанные процессы и их результаты являются общедиалектными. Однако падение кратких конечных гласных в современных АДД – явление более широкое (характерно и для глагольной парадигмы). Как явление просодическое, действующее не по грамматическим, категориальным, правилам, а по законам артикуляционным, по правилам ударения и структуры слога, падение конечных гласных имеет последствия не только на синтаксическом, но и на морфологическом уровне.

В современных АДД, где действует закон сохранения слога: только *cv/cv̄*, *cvc/cv̄*; и где действует силовое (динамическое) ударение; наблюдаются следующие явления:

1) при отсутствии конечной гласной структура **cvcc- > cvc[v]c*; но основа *cvcc + at* снова восстанавливается;

2) под действием силового ударения краткий открытый безударный слог падает: **cvc̄vc̄ > *cc̄vc̄ > [v]cc̄vc̄*; но если структура **cc̄vc̄* следует за предыдущим гласным окончанием, то в протетическом гласном не нуждается, ср., например, *'alā ḥṣān* «на коне» и т. п.

Так действует закон сохранения слога, в такой диалектной системе действует система вспомогательных гласных и переменный состав в слоговой структуре слова.

С другой стороны, редукция безударных кратких гласных приводит к редукции их фонологической функции и к редукции морфологических парадигм, построенных в ЛАЯ на вокалических оппозициях (подробнее [Белова (1) 2018, с. 23–33]).

Еще одно следствие просодических изменений: в новой системе, как показал Э.Н. Мишкурлов, ослабляются агглютинативные способы связи морфем и усиливаются фузионные [2019, с. 180–184, 240, 277, 351].

В силу известных культурно-исторических причин и условий язык первого письменного памятника становится неизменным образцом «правильного» языка.

Осознав роль и значение единого общепарабского языка в формировании единого арабоязычного общества, уже первые арабские филологи обратили внимание на фонетические и грамматические особенности в устной речи отдельных кочевых племен и в речи оседлых жителей различных районов нового арабского государства. Все отклонения от установленной языковой нормы стали именоваться в арабской национальной традиции как «ошибочные» единым общим термином *lahn*- («неправильная речь») – по грамматическим признакам, и как «простонародный (язык, речь)» – *‘āmmiyya*-, по социальному признаку.

По мере дальнейшего развития арабского языкознания, вышедшего за пределы арабоязычного мира, поиски названия для «нелитературной» речи продолжаются.

Первые характеристики нелитературных форм арабского языка также начинаются с социального определения – «народный, вульгарный, обиходный»; с функционального определения – «разговорный»; или же с «комплексного» определения – «народно-разговорный»¹³.

Когда же обнаружилось, что в разных частях арабского мира местные жители говорят по-разному, в арабистике появились уже специальные термины: «наречия», «говоры», «диалекты» с дополнительными характеристиками: территориальные (по географическому признаку); социальные (оседлые; кочевые/бедуинские), городские: сельские; по конфессиональному и по профессиональному признакам.

С развитием и расширением арабского языкознания, с развитием диалектологии и социолингвистического направления в арабистике появляются новые понятия и термины: «диглоссия», «двуязычие»; араб. *‘izdiwāḡiyyatu l-luḡa*; «койне» [Ferguson 1959; Завадовский 1967, с. 35–57; Мишкурлов 2019, с. 112–116]; «региональные обиходно-разговорные языки» [Шарбатов 1991, с. 250–331] и более позднее понятие «koinneization» (как обозначение общей тенденции образования более общей, наддиалектной формы коммуникации в различных районах арабоязычного мира) [EALL I 2006, с. 593–597].

Все приведенные выше понятия и их наименования входят в круг социолингвистических исследований языковой ситуации арабоязычного пространства и представляют лишь функциональные характеристики арабских идиомов, как реальных, так и моделируемых.

¹³ Аналитический обзор истории формирования метаязыка см. [Мишкурлов, 2019, с. 45–49].

В отечественной арабистике потребность найти наименование всей совокупности нелитературных идиомов, общее, единое и равное по объему наименованию «литературный язык», приводит к новому термину «арабский диалектный язык» и раскрывается как: «При отсутствии в настоящее время единого общеарабского языка и ввиду специфики территориального развития арабского разговорно-диалектного языка (АРДЯ) терминопонятие “диалектный язык” обозначает абстрактную модель инвариантной системы диалектного континуума, которая отражает потенциальные возможности междиалектного общения в рамках полинационального арабоязычного ареала» [Мишкuroв 2019, с. 61, с. 59–68].

В кругу терминологического разнообразия этот термин представляется более «нейтральным» и более корректным для системного исследования соотношения литературного языка и диалектов¹⁴.

Диахронический подход типологов также стремится найти в АДД структурные признаки, общие для всего диалектного континуума. В такое единое определение включаются и древние состояния диалектных систем, следы которых обнаруживаются в памятниках раннеписьменного периода. Отсюда возникает не столько структурное определение, сколько периодизация истории ЛАЯ и АДД как представителей разных исторических этапов развития. Вводится понятие «новой ступени» «арабского» (языка?) как: «jüngere Entwicklungstufe des Arabischen» [Grundriss, I 1982, S. 83]¹⁵. Для того, чтобы отметить самый общий и бесспорный признак, объединяющий все современные АДД, вводится определение «ново-»¹⁶ – Neo-arabic / Neuarabisch [Blau 1977, p. 1–28; Grundriss, I 1982, S. 85–86; SL 1997, p. 267]. Ср. подробное разъяснение «новоарабского»: «Trotz der grossen und offensichtlichen Unterschiede zwischen den Dialekten des Neuarabischen und trotz der Vielfalt dieser Dialekte lässt sich das Neuarabische als Ganzes auf einen relativ einheitlichen Typus zurückführen» («несмотря на большие и очевидные разли-

¹⁴ Устаревший термин «народный» неадекватен, так как: а) на своем родном диалекте говорят все социальные слои данного сообщества; б) образованные слои народа могут говорить и на литературном языке; в) на диалектах и наиболее престижных койне создаются не только народные, но и авторские литературные произведения. Устаревший термин «разговорный» неадекватен, так как родной диалект используется и в письменной сфере коммуникации [Типы..., 1981, с. 183–195].

¹⁵ Еще в 60-е годы XX в. И.М. Дьяконовым была разработана модель диахронической классификации семитских языков, позднее – для всей макросистемы африканских языков, по степени их структурного развития и по степени их отдаления от первоначальной структуры [Дьяконов, 1967, с. 180–189; Diakonoff, 1988, p. 16–21].

¹⁶ Подобно принятой исторической классификации «арамейские языки: новоарамейские языки» [С.Я., I, 2009, с. 22, 660–704], Neo-Aramaic [Gasparini, Fosco, 2012, p. 191–199].

чия между диалектами новоарабского и несмотря на множество этих диалектов, новоарабский как [нечто] целое можно свести к одному относительно единому типу») [Grundriss, I 1982, S. 85–86]. В более общем, социолингвистическом, значении: «All colloquial varieties or dialects of Arabic are generally called “New Arabic” or Neo-Arabic» [EALL I 2006, p. 613]. В более «историческом» значении, в порядке некоторой периодизации истории арабского языка: «Neo-Arabic is applied to all post-islamic colloquial varieties – medieval or modern, disappeared or living, inside or outside the Arabic Peninsula which emigred after the expansion of the Arabs» [EALL, I, p. 614].

Концепция типологической модели «арабского разговорно-диалектного языка» (АРДЯ), разработанная Э.Н. Мишкуровым в синхронном плане, и концепция «новоарабского» (этапа? типа? языка?) диахронической типологии могут рассматриваться как взаимодополняющие. Первая представляет абстрактную модель, вторая – нерасчлененное понятие «нового» типа и «нового исторического периода в истории арабоязычного общества.

Обе концепции отражают результаты нового этапа в развитии типологических исследований арабского языкового материала.

Обе концепции свидетельствуют о том, что:

а) материал литературно-письменного языка достаточно изучен, имеет достаточно адекватное типологическое определение (новая интерпретация «прерывистой морфемы» принципиально не затрагивает общий тип грамматического строя), а его современные инновации не затрагивают его общую типологическую характеристику;

б) главное внимание арабистов-языковедов направляется на структурно-типологическое исследование отдельных арабских диалектов; изучение реальных арабских идиомов и развитие сравнительной диалектологии несомненно приведет к более адекватному представлению об историческом развитии и изменении уникальных типологических черт арабского и семитских языков;

в) развитие типологии в социолингвистическом направлении, возможно, позволит выявить новые тенденции в формировании койне, «среднего языка» и других форм межарабской коммуникации.

Литература

1. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. М.: Советская энциклопедия, 1966. 609 с.
2. Белова А.Г. Морфемы в семитских языках (на материале арабского) // *Морфема и проблемы типологии*. ИВАН СССР. М.: Наука (ГРВЛ), 1991. С. 177–219.
3. Белова А.Г. 1999. *Очерки по истории арабского языка*. М.: Вост. лит., 1999. 168 с.

4. Белова А.Г. Семитское языкознание в России (XIX–XX) // *Восток*. № 3, 2003; с. 23–35; № 3, 2004, с. 40–52. М.: ИВ РАН.
5. Белова А.Г. К вопросу о типологии иракского диалекта арабского языка (багдадский диалект) // *Проблемы общей и востоковедной лингвистики*. М.: ИВ РАН, 2014. С. 193–204.
6. Белова (1) А.Г. К вопросу о типологии современных арабских диалектов // *Актуальные проблемы арабской филологии*. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 23–33.
7. Володин А.П., В.С. Храковский. Типология классификации морфем // *Морфема и проблемы типологии*. М.: ИВ АН СССР, Наука (ГРВЛ), 1991. С. 108–135.
8. Гиргас В.Ф. *Арабско-русский словарь к Корану и хадисам (1881 г.)* СПб: Диля, 2006. 928 с.
9. Дьяконов И.М. *Языки Древней Передней Азии*. М.: Наука (ГРВЛ), 1967.
10. Завадовский Ю.Н. Типология арабских диалектов Магриба // *Семитские языки*, вып. 2, часть 2. М.: Наука (ГРВЛ), 1965. С. 480–500.
11. Завадовский Ю.Н. Проблема языка в странах Магриба // *Языковая ситуация в странах Азии и Африки*. М.: Наука (ГРВЛ), 1967. С. 35–57.
12. Коган Л.Е. Семитские языки // *Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. северозападносемитские языки*. ИЯ РАН, М.: Academia, 2009. С. 15–112.
13. Крачковский И.Ю. *Коран. Пер. и комментарии И. Ю. Крачковского*. М.: Ин-т народов Азии АН СССР, Вост. лит., 1963.
14. Кудрявцев Ю.Н. Арабский народно-разговорный язык Алжира: обычаи и фольклор. М.: Вост. лит., 2006.
15. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
16. Мельников Г.П. Взаимообусловленность структуры ярусов в языках семитского строя // *Семитские языки*. М.: Наука (ГРВЛ), 1965. Вып. 2. Ч. 2. С. 793–817.
17. Мельников Г.П. Детерминанта – ведущая грамматическая тенденция языка // *Фонетика. Фонология. Грамматика (К 70-летию А.А. Реформатского)*. М.: Наука, 1971. С. 359–367.
18. Мельчук И.А. О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках // *ВЯ*, № 4, 1963. С. 27–40.

19. Мишкурлов Э.Н. Типология арабского языка (общая характеристика); Теоретическая грамматика // *Теоретический курс арабского языка*. М.: МО РФ, Воен. ин-т, 2004. С. 29–32; 307–310.
20. Мишкурлов Э.Н. *Типология диалектного и литературного грамматического строя современного арабского языка*. М.: Изд. Флинта, 2019. 430 с.
21. Плунгян В.А. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: МГУ, Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
22. С.Я. – *Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки*. Сер. Языки мира. ИЯ РАН. М.: ACADEMIA, 2009.
23. Сепир Эд. *Язык*. М.–Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1934.
24. Старинин В.П. *Структура семитского слова*. М.: Вост. лит., 1963.
25. *Типы наддиалектных форм языка*. М., ИЯ АН СССР: Наука, 1981.
26. Фортунатов Ф.Ф. *Избранные труды*. М: Учпедгиз, 1956. Ч. I.
27. Шарбатов Г.Ш. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки // *Языки Азии и Африки*. Т. IV, кн. 1. М., 1991. С. 250–331.
28. Шарбатов Г.Ш. *Современный арабский язык*. М.: Наука, 1961.
29. Шарбатов Г.Ш. Об аналитичности строя современных арабских диалектов // *XXV междунар. конгресс востоковедов*. ИВ АН СССР. М., 1960. С. 1–4.
30. Юшманов Н.В. *Грамматика литературного арабского языка*. Изд. 3-е. М.: Наука (ГРВЛ), 1985.
31. Al-Bustānī, Butros. *Qurt ul-Muhit. Arabic-Arabic. A concise Arabic Dictionary*. Beirut, Librairie du Liban, 1965 (Photopr. 1869).
32. ВК – Biberstein Kazimirski A. de. *Dictionnaire arabe-français*. Т. I, II. Paris: Maisonneuve et Cie. Éditeurs, 1860.
33. Brockelmann Carl. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der Semitischen Sprachen*. Bd. I–II. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1966.
34. Belova Anna. Quelques observations sur la typologie du «Néo-arabe»: système des catégories grammaticales // *Folia Orientalia*. Vol. LIV. Kraków: ELIPSA, 2017. P. 53–62.
35. Belova Anna. Racine à deux consonnes et morphologie à trois consonnes (l'arabe classique) // *Folia Orientalia*. Vol. LII (№ 52). Kraków: ELIPSA, 2015. P. 53–61.

36. Blau Joshua. The beginnings of Arabic diglossia: a study of the origins of Neoarabic // *Afro-Asiatic Linguistics*. Vol. 4. Malibu: Undena, 1977. P. 1–28.
37. Blau Joshua. Das frühe Neuarabisch in mittelarabischen Texten // *Grundriss der arabischen philologie. I. Sprachwissenschaft*, ed. Wolfdietrich Fischer. Wiesbaden, I. Reihert, 1982. P. 96–109.
38. EALL – *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics*. Gen. Ed. K. Versteegh. Vol. I–V. Leiden–Boston, Brill, 2008–2009.
39. Edzard Lutz. Convergence // *EALL*. Vol. I. Leiden–Boston, Brill, 2006. P. 489–495.
40. Edzard Lutz. Genetische, typologische und religionsvermittelte Sprachverwandtschaft: das Arabische in einer vergleichenden linguistischen Perspektive // *Folia Orientalia*. Vol. XLIX. Krakow, 2012. P. 165–178.
41. Ferguson Ch.A. Diglossia // *Word*. Vol. 13, № 2. 1959. P. 325–340.
42. Ferguson Ch.A. The Arabic koine // *Language*. Vol. 35, 1959. P. 616–630.
43. Gasparini Fabio, Mauro Tosco. Building a «new» Semitic language: lexical enrichment in modern assyrian and its problems // *Folia Orientalia*. Vol. XLIX. Kraków, 2012. P. 191–202.
44. Diakonoff I.M. *Afrasian Languages*. Moscow: Nauka, 1988. 144 c.
45. *Grundriss der Arabischen Philologie*. Bd. I: Sprachwissenschaft. Hrs. von Wolfdietrich Fischer. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1982.
46. SL – *The Semitic Languages*. Ed. by Robert Hetzron. Routledge. London, New York, 1997.
47. Qorān – *al-qur'ānu l-karīmu*. Damasq, 1963

К вопросу о типологии адъективной стативности

1. Языки со стативами или стативными прилагательными

Языками со стативами мы будем называть такие языки, в которых адъективные значения передаются непереходными глаголами. Так, во вьетнамском языке «прилагательное», подобно глаголу, возглавляет независимое предложение:

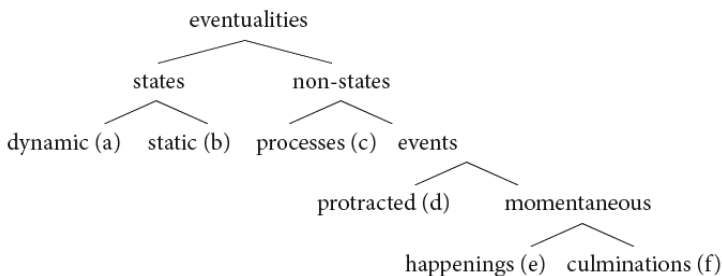
- (1) вьетнамский (Dam 2006: 187)
Giáo sư Smith thông minh vô cùng.
 Профессор Смит умный без границ
 ‘Профессор Смит очень умен’.

В данной работе мы кратко рассмотрим следующие вопросы. Во-первых, мы коснемся проблемы семантических свойств стативов. Мы обсудим место стативов в классификации предикатов и перечислим основные лексические типы стативных предикатов. Во-вторых, мы скажем несколько слов об ареальной типологии стативных глаголов. В-третьих, мы коснемся вопроса о грамматических категориях, релевантных для стативов. Наконец, мы приведем некоторые примеры грамматических свойств, выделяющих стативные предикаты в отдельный подкласс глагольной части речи.

2. Семантика стативных предикатов

Приведем одну из наиболее известных классификаций семантических типов предикатов, предложенную в работе [Bach 1986]:

- (2) (Bach 1986)

Как можно видеть, Э. Бах разделяет все предикаты на состояния и несостояния. Состояния бывают динамические и стативные. Динамическим состояниям соответствуют глаголы *находиться, знать, стоять, весить,...*

Состояниям-стативам по Баху соответствуют предикаты, которые задают ситуацию, относительно стабильную во времени.

Как указано в [Булыгина 1982]: «Существенной характеристикой адъективных и субстантивных предикатов ... является относительная независимость от времени, отсутствие четких временных границ существования связи между субъектом и приписываемым ему признаком».

Признаки, задаваемые прилагательными в русском или других европейских языках как раз обладают указанным свойством, т. к. они, во-первых, могут относиться к определенному моменту времени, а, во-вторых, – задавать изменение ситуации в разной степени, ср. *веселый, пьяный, сердитый, холодный* и т. д. с одной стороны и *интересный, умный, любознательный, круглый* – с другой.

Описываемые стативные предикаты (равно как и соответствующие им в европейских языках прилагательные) можно, таким образом, разделить на два типа. Первый тип – так называемые предикаты стадийного уровня согласно [Carlson 1980]: *веселый, пьяный, сердитый, холодный* и т. д. или состояния по классификации Т. В. Булыгиной, см. [Булыгина 1982]. Ситуация, задаваемая стативами стадийного уровня склонна изменяться во времени. Второй тип стативов – предикаты индивидуального уровня: *умный, высокий, быстрый, интересный...*, или качества по [Булыгина 1982]. Свойства, передаваемые предикатами индивидуального уровня, присущи объектам на протяжении всего их существования.

Итак, все стативные предикаты можно разделить примерно на следующие три класса:

- (3) Динамические стативы: *находиться, знать, стоить, весить, ...*
Состояния: *веселый, пьяный, сердитый, холодный, ...*
Качества: *умный, высокий, быстрый, интересный...*

Граница глагольного класса в европейских языках захватывает динамические стативы, но не состояния и качества. Качества и состояния кодируются прилагательными, последние – за редким исключением причастных образований, ср. известные по работам Р. Диксона антонимические пары типа «свежий – испорченный», «сырой – приготовленный», «целый – отрезанный» и т. п., см. [Dixon 1977] и последующие работы.

3. Лексические классы стативных предикатов

Рассмотрим два языка с прилагательными-стативами. Первый из этих языков – нивхский, лишенный категории прилагательных, см. [Панфилов 1976]; [Недялков, Отаина 2011]; [Груздева 2012].

В нивхском качественные стативы могут без участия связки выступать в функции предиката финитной клаузы и должны в таком случае (как и глаголы) маркироваться показателями наклонения и согласовываться в числе:

(4) нивхский (Груздева 2012: 467)

- a. *ʃ'əŋq* *q'av-d.*
печка быть.горячим-IND
'Печка горячая'.
- b. *Tamk-xun* *tak-nt-γun.*
рука-PL быть.теплым-IND-PL
'Руки теплые'.

Вторым языком будет арчинский, ситуация в котором похожа на нивхский с той лишь разницей, что большинство форм арчинских глаголов образуется аналитически. Как указано в [Кибрик 1992], арчинские стативы в функции вершины предикации могут образовывать все семантически доступные им глагольные формы, ср. формы имперфекта I и II в примерах ниже:

(5) арчинский (Кибрик 1992: 150)

- a. *ʃelɨn* *biŋkʷ-ɨɨ* *e-b-di-li* *lan*
люлька быть.тяжелым-CONV быть.PST.EV очень
'Люлька была очень тяжелая'.
- b. *Kʲob* *çax-mat* *edi*
одежда быть.мокрым-CONTIN быть.PST
'Одежда продолжала оставаться мокрой'.

Следующие примеры из нивхского и арчинского языков демонстрируют лексический состав стативов в каждом из них. В соответствии с принятой выше терминологией, мы заменили ярлык «характеризующие» из [Кибрик 1992] и ярлыки «качественно-стативные», «качественно-инцептивные» из [Груздева 2012] на «свойства». Свойства, таким образом, оказываются противопоставлены качествам – вполне в соответствии с предлагаемой авторами грамматик данных языков терминологией:

(6) нивхский (Груздева 2012)

a. свойства: быть: 'богатым', 'большим', 'босым', 'веселым', 'горьким', 'злым', 'молчаливым', 'нагим', 'слепым', 'светлым', 'старым', 'пустым', 'темным', 'тесным', 'холодным', 'худым', ...

b. качества: быть: 'белым', 'вкусным', 'глубоким', 'горячим', 'длинным', 'жирным', 'искусным', 'кислым', 'красивым', 'крепким', 'лживым', 'ловким', 'мохнатым', 'острым', 'пугливым', 'серым', 'сильным', 'сладким'; 'стройным', 'тонким', 'тяжелым', 'удачливым', 'хорошим', 'широким', 'щедрым', 'прочным', 'узким', ...

(7) арчинский (Кибрик 1992)

a. свойства: быть: 'достаточно', 'жалко', 'нужно', 'далеко', 'отдельно', 'трудно', 'удобно', ...; 'бояться', 'завидовать', 'верить', 'отличаться', 'радоваться', 'стесняться', 'удивляться', 'сомневаться', ...

в. качества: быть: ‘белым’, ‘глуховатым’, ‘длинным’, ‘дорогим’, ‘красивым’, ‘кривым’, ‘старым’, ...

Как мы видим, сгруппированные по своим лексическим и грамматическим свойствам стивы нивхского и арчинского языков как правило соответствуют значениям, передаваемым в русском или английском прилагательными. Подклассы свойств в каждом из этих языков включают также лексемы типа ‘знать’, ‘любить’, ‘понимать’ и т. д., т. е. динамические стивные предикаты.

Одна из наиболее известных семантических классификаций прилагательных была представлена в работе [Dixon 1977], приведем ее ниже:

(8) классы прилагательных по (Dixon 1977)

Размер (*большой, маленький, длинный, короткий, широкий, узкий, ...*)

Физические свойства (*жесткий, мягкий, тяжелый, легкий, ...*)

Цвет (*черный, белый, красный, ...*)

Состояния человека (*ревнивый, счастливый, добрый, умный, веселый, жестокий, ...*)

Время (*новый, молодой, старый, ...*)

Оценка (*хороший, плохой, правильный, совершенный, ...*)

Скорость (*быстрый, медленный, ...*)

Как было установлено в [Dixon 1977], в тех языках, где имеется некоторое минимальное количество прилагательных, они принадлежат к одному из перечисленных выше классов. Как мы видим, тот же лексический состав представлен свойствами и качествами стивных языков.

4. Стаивность в языках мира

Типологически состояния и качества выбирают различные стратегии кодирования. В [Stassen 2013] была исследована выборка из 386 языков. С одной стороны, язык может выделять их в отдельную категорию – собственно категорию прилагательных. Такой стратегии придерживаются все европейские языки. В выборке [Stassen 2013] таких языков 132 (34%). С другой стороны, язык может кодировать значения состояния и качества как стивную (под)категорию глагольного класса. Подобных языков в [Stassen 2013] оказывается 151 (39%). Третий выделенный Л. Стассеном тип – смешанные языки, кодирующие исследуемые значения и при помощи глаголов, и при помощи прилагательных; таких языков оказалось 103 (27%). Ко второму (преимущественно) и третьему типу относится некоторая часть языков Юго-Восточной Азии.

Скажем несколько слов об ареале распространения языков со стивами. Наиболее богат такими языками регион Юго-восточной Азии, к стивным языкам здесь можно причислить абхазо-адыгские, часть австронезийских (например, тагальский, полинезийские), тай-кадайские, тибето-бирман-

ские, мон-кхмерские и другие. Имеется стативность и на других континентах: в Африке можно привести в пример нилотские, в Америке – атабаскские языки и т. д.

5. Грамматическая типология: стативы как глаголы

Грамматические категории, выражаемые стативами, обычно являются подмножеством грамматических категорий глаголов.

В нивхском качественные стативы могут без участия связки выступать в функции предиката финитной клаузы. Нивхские стативы маркируются показателями наклонения и согласуются в числе, см. примеры (4) выше. В качестве иллюстрации релевантности грамматических категорий глагола можно также привести нивхский комплетив, имеющий значение достижения предела в результате изменения задаваемого признака во времени:

(9) нивхский (Недялков, Отаина 2011: 109)

а. *Paḳ tuz-d'*
каша быть.холодным-IND
'Каша холодная'.

б. *Paḳ tuz-ɣyt-m'*
Каша быть.холодным-COMPL-IND.
'Каша совсем холодная'.

В сино-тибетском цянском языке стативы могут оформляться континуативом и проспективом, а также итеративом и инхоативом, ср.:

(10) цянский (LaPolla, Huang 2004: 310)

а. *tə tɛa-ɣqa:*
небо CONTIN-чистый:PROSP
'Небо все еще будет чистым'.

б. *mutuple: zə-təpa-j-ji.*
погода PREF-холодно-IT-INCH
'Снова становится холодно'.

Арчинские стативы в функции вершины предикации могут образовывать все семантически доступные им глагольные формы, ср. формы имперфекта I и II в примерах (5).

Атрибутивное употребление стативов организовано так же, как и у остальных глаголов в стативных языках. Так, в нивхском в функции атрибута качественные глаголы, как и все другие, либо не маркируются, либо получают показатель *-ла*, см. [Отаина 1976]; [Недялков, Отаина 2011]:

(11) нивхский (Недялков, Отаина 2011: 42)

а. *paḳ t'osḳ-m'* б. *t'osḳ vaḳ kūt-m'*
камень треснул-IND треснувший камень упал-IND.
'Камень треснул'. 'Треснувший камень упал'.

Глагол ‘треснуть’ употреблен как финитное сказуемое и как немаркированное атрибутивное определение. То же – для качественного глагола ‘быть большим’:

- (12) нивхский (Груздева 2012: 477)
Иф пил-йво ч ‘омсому-йву-д’
 он быть.большим-CONV быть.молчаливым-PROG-IND
 ‘Он, взрослея, становится молчаливым’.
- (13) нивхский (Недялков, Отаина 2011: 50)
Имң пила эри ух ч ‘о ңыңд’
 Они большой реке на рыбу ловили
 ‘Они на большой реке рыбу ловили’.

В арчинском языке употребление в атрибутивной функции у стативных и прочих глаголов оформляется одинаково, причастным показателем - *тту*:

- (14) арчинский (Кибрик 1992)
кватI – ‘требоваться’, кватI-тту бошор ‘нужный мужчина’
ахас – ‘ложиться’ – аху-ттут ‘легший’

Таким образом, образованные при помощи стативов прилагательные имеют грамматические и синтаксические свойства глаголов. В следующем разделе мы обратимся к вопросу о том, есть ли у стативов свойства, отличающие их от других единиц глагольной категории.

6. Грамматическая типология: отличия стативов от глаголов

Приведем примеры двух наиболее существенных точек расхождения грамматических свойств адъективных стативов и остальных элементов глагольного класса. К этим двум отличиям, систематически наблюдающимся в различных языках мира, относятся расхождения в образовании степеней сравнения и деривационных свойствах.

Различие в образовании степеней сравнения может быть продемонстрировано следующим примером. В тайском языке образование сравнения доступно для стативов, но не для (динамических) глаголов:

- (15) тайский (Post 2008: 345)
- a. *khon nī sūŋ kwàa khon nān*
 человек этот высокий более человек тот
 ‘Этот человек выше, чем тот’.
- b. **khon nī khít / dǎn kwàa khon nān*
 человек этот думать / гулять более человек тот
 Ожид.: ‘Этот человек думает / гуляет больше, чем тот’.

Наряду с различиями в образовании степеней сравнения стативы также систематически отличаются от остальных глаголов способами модификации выражаемого ими признака.

На примере тайского языка можно также продемонстрировать различия в выборе деривационных показателей. Так, в тайском языке в случае выбора номинализатора глагольные и адъективно-стативные лексемы прибегают к разным стратегиям:

- (15) тайский (Post 2008: 349)
a.	<i>khwaam</i> / * <i>kaan dii</i>	b.	* <i>khwaam</i> / <i>kaan dǎn</i>
	NMN		NMN
	‘добрый’		‘ходить’

Похожая ситуация с тайским показателем *jàaŋ*, производящим наречия. Он сочетается с прилагательными, но не с глаголами:

- (16) тайский (Post 2008: 355)
a.	<i>phûut</i>	<i>kàp</i>	<i>phûujǎj</i>	<i>jàaŋ-supháap</i>
	говорить	COM	старший	ADV-вежливый
‘Со старшими разговаривай вежливо.’				
b.	* <i>phûut</i>	<i>kàp</i>	<i>phûujǎj</i>	<i>jàaŋ-ríu</i>
	говорить	COM	старший	ADV-знать
Ожид.: ‘Со старшими разговаривай со знанием’.				

Итак, в языках, где прилагательные являются подклассом глагольной категории, различие между адъективными стативами и остальными глаголами может быть установлено на основании свойств, связанных с градуальностью стативного признака, и на основании расхождения в сочетаемости с деривационными морфемами.

7. Вместо заключения: вопросы для будущих исследований

Данная работа имела своей целью наметить общие направления в исследовании прилагательных-стативов. Как представляется, дальнейшие исследования должны ответить на следующие вопросы:

(i) Какие грамматические различия характерны для разных семантических типов адъективных стативов, свойств и качеств? Есть ли систематические расхождения в поведении этих двух классов в различных языках мира?

(ii) По каким критериям можно отделить адъективные стативы от остальных глаголов (в т. ч. от динамических стативов *находиться* и т. п.)?

(iii) Каково соотношение адъективных стативов и семантических классов прилагательных? Есть ли такие стативные значения, которые никогда не передаются прилагательными?

(iv) Какие грамматические категории глагола оказываются в языках со стативами недоступными для адъективных стативов?

(v) Каким именно образом различаются средства кодирования градуальности (сравнения, модификации и т. п.) у адъективных стативов по сравнению с остальными глаголами?

(vi) Есть ли случаи, когда стативы не отличимы по своим формальным свойствам от других элементов глагольной категории?

Широкое типологическое исследование языков со стативными адъективами поможет ответить на эти и другие релевантные для изучения категории стативности вопросы.

Сокращения

ADV – адвербализатор (показатель, маркирующий переход некоторой единицы в класс наречий)

COM – комитатив

COMPL – комплетив

CONTIN – континуатив

CONV – конверб (деепричастие)

EV – показатель эвиденциальности

INCH – инхоатив

IND – индикатив

IT – итератив

NMN – номинализатор (показатель, маркирующий переход некоторой единицы в класс существительных)

PL – показатель множественного числа

PREF – префикс

PROG – прогрессив

PROSP – проспектив

PST – показатель прошедшего времени

Литература

1. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов* / Под ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С. 7–85.
2. Груздева Е.Ю. 2012. Аспектуальные классы глаголов в нивхском языке // Плунгян В.А. (отв.ред.) *Типология аспектуальных систем и категорий / Труды института лингвистических исследований (Acta linguistica petropolitana)* т. VIII, ч. 2. Исследование по теории грамматики. Вып. 6. РАН. Ин-т лингв. исслед.; Спб: Наука, 2012. сс.: 458-533.
3. Кибрик А. Е. Выражение «органического» и «производного» состояния в арчинском языке // Кибрик А. Е. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. М.: МГУ, 1992. С. 135–168.

4. Недеялков В. П., Отаина Г. А. *Очерки по синтаксису нивхского языка*. М.: Знак, 2011. 304 с.
5. Отаина Г. А. Слова со значением качества в нивхском языке // *Вопросы языкознания*. 1976. № 6. С. 107–117.
6. Панфилов В. З. Категории мышления и языка. Становление и развитие категории качества // *Вопросы языкознания*. 1976. № 6. С. 3–18.
7. Bach E. The algebra of Events // *Linguistics and Philosophy*. 1986. Vol. 9.
8. Carlson G.N. Reference to kinds in English // *Language Arts & Disciplines*. Garland Pub. 1980. P. 311.
9. Dam P. Analyzing some persistent errors in English made by Vietnamese speakers // *Cultural and linguistic issues for English language learners*. Arlington, VA: Canh Nam Publishers, 2006. P. 186–196.
10. Dixon R. M. W. Where have all the adjectives gone? // *Studies in language*. 1977. Vol. 1. P. 19–80.
11. LaPolla R. J., Huang Ch. Adjectives in Qiang // *Adjective classes. A cross-linguistic typology* / ed. by R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald. New York: Oxford University Press, 2004. P. 306–322.
12. Post, M. Adjectives in Thai // *Linguistic Typology* 12 (2008), Walter de Gruyter, P. 339–381.
13. Stassen, Leon. 2013. Predicative Adjectives. // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 <http://wals.info/chapter/118>

Местоименные энклитики в современном персидском языке

На протяжении всей письменно зафиксированной истории персидского языка в нем существуют две параллельные системы личных местоимений – самостоятельных (или ударных) и энклитических (или безударных).

В современном персидском языке местоименные энклитики в литературном и разговорном языке функционируют по-разному. В литературном языке местоименные энклитики чаще всего выполняют функцию определения, передавая значение принадлежности; при этом они, как правило, определяют имена существительные, но, поскольку всегда замыкают изафетную цепь, присоединяться могут и к прилагательным, и к другим местоимениям (например, к местоимению "свой"), оставаясь при этом определением к существительному. Такое употребление местоименных энклитик является исторически обусловленным, поскольку современные энклитики этимологически восходят к форме родительно-дательного падежа древнеперсидских энклитик.

И в литературном, и в разговорном языке местоименные энклитики сопровождают употребление терминов родства и в некоторых контекстах выполняют смысловозначительную функцию для лексем типа *мальчик – сын, девочка – дочь, женщина – жена* (без местоименной энклитики такие слова обозначают лицо определенного пола и возраста, а с местоименной энклитикой, соответственно, – степень родства), также энклитики обычно сопровождают употребление названий частей тела, названия мыслей, чувств и т. п. Таким образом, при таком употреблении местоименные энклитики входят в состав именной группы и не зависят непосредственно от глагола/предиката.

Употребление местоименных энклитик в разговорном языке гораздо шире, здесь энклитики употребляются в различных синтаксических позициях, свойственных имени существительному, т.е. в роли прямого или косвенного дополнения, при этом они могут быть включены внутрь простой или сложной глагольной формы. В отличие от ударных местоимений, энклитики не могут быть формальным подлежащим.

В приведённых ниже примерах видно, что энклитика включается в состав глагольной формы, присоединяясь к личному окончанию (пример 1.1). В сложно-именном глаголе местоименная энклитика присоединяется к именной части глагола (примеры 2.1 и 3.1); во всех трех примерах энклитика является прямым дополнением.

1.1¹

					زن خودش را روی جامه دانها انداخته بود... <u>بردمش</u> روی پیاده رو...	
<i>zan</i>	<i>xod-aš</i>	<i>rā</i>	<i>ru-ye</i>	<i>jāmedān-hā</i>		
женщина	сам-её		на	чемодан		
SG	PR-ECL 3SG	POSTPOS	PREP-IZAF	PL		

					<i>andāxte bud</i>		<i>bordam-aš</i>		<i>ru-ye</i>	<i>piyāderou</i>
бросать	<u>вести-её</u>	на	тротуар							
PQP 3SG	PST 1SG -ECL 3SG		PREP-IZAF	SG						
‘Женщина упала на чемоданы (<i>букв.</i> бросила сама себя)... Я отвёл <u>её</u> на тротуар...’										

В таком же контексте в литературном языке употребляется ударное личное местоимение с послелогом *-rā*, который оформляет прямое дополнение. В литературном языке при стандартном порядке слов это выглядело бы так:

1.2

					من او را روی پیاده رو بردم	
<i>man</i>	<i>u</i>	<i>rā</i>	<i>ru-ye</i>	<i>piyāderou</i>	<i>bordam</i>	
я	он/она		на	тротуар	отводить	
PR 1SG	PR 3SG	POSTPOS	PREP-IZAF	SG	PST 1SG	
‘Я отвёл <u>её</u> на тротуар...’						

2.1

					<u>بازش کردم</u>	
<i>bāz-aš</i>	<i>kardam</i>					
открый-его	делать					
ADJ-ECL 3 SG	PST 1 SG					
‘Я открыл <u>его</u> ’.						

В литературном языке эта фраза выглядела бы так:

2.2

					آن را باز کردم	
<i>ān-rā</i>	<i>bāz</i>	<i>kardam</i>				
тот	открытый	делать				
DEM PR-POSTPOS	ADJ	PST 1 SG				

3.1

					آسوده شدم که پاکت را یافته بودم، که <u>گمش</u> نکرده بودم	
<i>āsude</i>	<i>šodam</i>	<i>ke</i>	<i>pākat</i>	<i>rā</i>	<i>yāfte budam</i>	
спокойный	становиться	что	конверт	находить		
PTCP	PST 1SG	CONJ	SG	POSTPOS	PQP 1SG	

¹ Примеры для современного персидского языка взяты из повести Эбрахима Голестана «Азар – последний месяц осени».

ke gom-aš na-karde budam
 что потерянный-его не делать
 CONJ ADJ-ECL 3 SG NEG-PQP 1SG

‘Я стал спокойнее от того, что нашёл конверт, что **не потерял его**’.

3.2

ke ān rā gom nakarde budam
 что тот потерянный делать
 CONJ DEM PR POSTPOS ADJ NEG-PQP 1SG

В разговорном языке местоименные энклитики также употребляются в синтаксической роли адресата действия и тоже включаются в глагольную форму, например, при глаголах говорения:

4.1. *گفتمش*

goftam-eš
 говорить PST 1SG-его ECL 3SG
 ‘я ему сказал’

противопоставлено литературному:

4.2. *به او گفتم*

be u goftam
 к PREP он PR 3SG говорить PST 1SG

Более того, в разговорном языке возможно употребление местоименной энклитики в качестве глагольного окончания, если глагол употребляется в форме 3 л. ед.ч. прошедшего времени, т.е. там, где в литературном языке – нулевое окончание:

5. *بهش گفتش*

beh-eš goft-aš
 к PREP-его ECL 3SG говорить PST 3SG-его ECL 3SG
 ‘Он ему сказал’.

6. *رفتش*

raft-eš
 идти PST 3SG-ECL 3SG
 ‘Он ушел’.

В таких контекстах мы вынуждены признать, что местоименная энклитика выражает субъект действия, т.е. является формальным подлежащим. В качестве отдельного исследования необходимо изучить, все ли глаголы способны к подобному употреблению.

Местоименные энклитики, употребляясь в качестве косвенного дополнения, присоединяются к предлогам:

7

چرا او که هدیه مادرش را بهش نداده بودم؟

<i>čērā</i>	<i>u</i>	<i>ke</i>	<i>hadiyye-ye</i>	<i>mādar-aš</i>	<i>rā</i>
почему	он	который	подарок	мать-его	
Q	PR 3SG	CONJ	SG-IZAF	SG-ECL 3SG	POSTPOS

<i>beh-eš</i>	<i>na-dāde budam</i>
к-его	не отдавать
PREP-ECL 3 SG	NEG PQP 1SG

‘Почему же я не отдал ему подарок от его матери?’

Как и в предыдущих примерах, в литературном языке в этом контексте употребляется ударное местоимение.

8

اگر مرا نگیرند و دنبالم بیابند...

<i>agar</i>	<i>ma-rā</i>	<i>na-girand</i>	<i>va</i>	<i>dombāl-am</i>
если	я	брать	и	вслед за-меня
CONJ	PR-POSTPOS	NEG COND 3PL	CONJ	PREP-ECL 1SG

<i>biyāyand</i>
поехать
COND 3PL

‘А если меня не схватят, а будут следить за мной... (поедут за **мною**)’

9

بالایش را تا کرده بودند که هر چه درش هست بیرون نریزد

<i>bālā-yaš</i>	<i>rā</i>	<i>tā</i>	<i>karde budand</i>	<i>ke</i>	<i>har</i>
верх-его		складка	делать	чтобы	всё
SG-ECL 3SG	POSTPOS	SG	PQP 3 PL	CONJ	PR

<i>če</i>	<i>dar-aš</i>	<i>hast</i>	<i>birun</i>	<i>na-rizad</i>
что	в-его	быть	наружу	сыпаться
PR	PREP-ECL 3SG	COP 3SG	ADV	NEG-COND 3SG

‘Сверху он был свёрнут так, чтобы из него ничего не выпало (букв. Его верх сложили так, чтобы всё, что **внутри него**, не вывалилось)’.

В данном примере в первом случае местоименная энклитика употреблена в качестве определения, это отсылка к предыдущему предложению, в котором говорится про пакет, сложенный из листка школьной прописи. Во втором случае энклитика тоже отсылает нас к сложенному пакету, но здесь местоименная энклитика примыкает к предлогу и синтаксически является косвенным дополнением. И в том, и в другом случае местоименная энклитика может быть заменена на ударное местоимение, указательное местоимение, которое используется в современном языке в качестве местоимения 3 лица для неодушевленных.

Следует отметить, что, в отличие от ударных местоимений, энклитики не различают одушевленность – неодушевленность, т.е. в речи они замечают как людей, так и предметы, явления и т. п.

Еще одну группу примеров составляют случаи, в которых местоименная энклитика входит в состав фразеологизма. Как правило, эти фразеологизмы передают эмоциональное и ментальное состояние какого-либо лица. Такие конструкции по своей грамматической структуре являются безличными, а местоименная энклитика является единственным маркером Субъекта действия, т.е. лица, которое испытывает какую-то эмоцию, пребывает в некотором эмоциональном или ментальном состоянии.

10

خیالم راحت بود

<i>xiyāl-am</i>	<i>rāhat</i>	<i>bud</i>
мысль-меня	спокойный	быть
SG-ECL 1 SG	ADJ	PST 3SG

‘Я был спокоен... (букв.: **Моя** мысль была спокойна)’.

11

گوشتها یم ریخت...

<i>gušt-hā-yam</i>	<i>rixt</i>
мясо-меня	сыпать
PL-ECL 1SG	3SG PST

‘Я сильно испугался... (букв.: **Моё** мясо упало)’.

12

بهتم زد.

<i>boht-am</i>	<i>zad</i>
удивление-меня	ударять
SG-ECL 1SG	PST 3SG

‘Я пришёл в изумление (букв.: Изумление **меня** ударило)’.

В подобных случаях, кажется, невозможно заменить энклитику на соответствующее ударное местоимение, и это является аргументом в пользу того, что в данном случае энклитика не является определением к тому имени существительному, к которому она непосредственно примыкает, а, скорее, по аналогии со среднеперсидской посессивной конструкцией является носителем грамматической информации.

Для того, чтобы объяснить такое многообразие синтаксических употреблений местоименных энклитик в современном разговорном языке, хотелось бы обратиться к истории языка.

В древнеперсидском языке ударные местоимения могли выполнять любые синтаксические функции, свойственные имени, т.е. могли употребляться как подлежащее, прямое или косвенное дополнение. Опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении тексты, мы можем сказать, что главное

отличие энклитических местоимений от соответствующих ударных состояло, прежде всего, в невозможности употребляться в именительном падеже, т.е. местоименные энклитики никогда не бывали подлежащим.

Местоименные энклитики могли присоединяться как односложным, так и к многосложным словам, они примыкали к именам существительным, предлогам, к личному местоимению 3-го лица, к относительным местоимениям, наречиям. В древнеперсидском языке местоименные энклитики употреблялись в разных падежах, кроме именительного, и синтаксически могли быть прямым дополнением (в винительном падеже), могли обозначать принадлежность (кому-либо) или быть адресатом действия (в смешанном родительно-дательном падеже), употреблялись в качестве косвенного дополнения после предлога, в пассиве в аблативном падеже с предлогом обозначали логический субъект; и во всех этих позициях заменяли ударные личные местоимения.

13²

<i>adam-šām</i>	<i>xšāyaθiya</i>	<i>āham</i>
я-их	царь	быть
PPR 1SGNM-ECL 3PLG	NMSG	IMF 1SG
‘Я был их/им царь’.		

14

<i>avada-šim</i>	<i>avājanam</i>	<i>xšaçam-šim</i>
там-его	убить	царство-его
ADV-ECL 3 SG ACC	IMF1SG	SG ACC-ECL 3SG ACC
<i>adam</i>	<i>adīnam</i>	
я	отнимать	
PPR 1SG NM	IMF 1SG	
‘Там [я] его убил, царство его я забрал’. DB I:56-59.		

Местоименные энклитики в среднеперсидском языке представляют собой усечённые формы энклитических местоимений, представленных в древнеперсидском языке, а формы множественного числа являются новообразованными от энклитик единственного числа, к которым прибавлен суффикс множественного числа – *ān*. Многообразие синтаксических употреблений местоименных энклитик в среднеперсидском можно объяснить тем, что после распада древней падежной системы местоименные энклитики собрали в себя все падежные значения в одном формальном выражении.

Однако в среднеперсидском была и своя специфика употребления энклитических местоимений. Они присоединялись к сочинительным или подчинительным союзам, относительным местоимениям, частицам и предлогам, как правило, к односложным (или двусложным словам) и, как правило, располагались в начале предложения.

² Древнеперсидские примеры цитируются по [Kent 1953].

15³

<i>Sāsān</i>	<i>az</i>	<i>Pābag</i>	<i>pušt</i>	<i>ud</i>	<i>zēnhār</i>
Сасан	от	Папак	поддержка	и	пощада
PROP SG	PREP	PROP SG	SG	CONJ	SG

<i>xwāst</i>	<i>kū-m</i>	<i>xwāst</i>	<i>kū-m</i>
хотеть	что-мне	хотеть	что-мне
PST 3SG	CONJ-ECL 1SG	PST 3SG	CONJ-ECL 1SG

<i>wizen</i>	<i>ud</i>	<i>ziyān</i>	<i>mā kun</i>
вред	и	ущерб	не делать
SG	CONJ	SG	NEG IMV 2SG

‘Сасан попросил у Папака поддержки и пощады: мне вред и ущерб не делай’.

Местоименная энклитика присоединяется к подчинительному союзу и обозначает адресат действия (бывший дательный падеж):

16

<i>Spahān</i>	<i>ud</i>	<i>Pārs</i>	<i>ud</i>	<i>kustīhā</i>	<i>awi-š</i>
Спахан	и	Парс	и	область	к-нему
PROP SG	CONJ	PROP SG	CONJ	PL	PREP-ECL 3SG

<i>nazdīktar</i>	<i>pad</i>	<i>dast</i>	<i>(ī)</i>	<i>Ardawān</i>	<i>sālār</i>	<i>būd</i>
близкий	к	рука		Ардаван	наместник	быть
ADJ CMPR	Prep	SG	IZAF	PROP SG	SG	PST 3SG

‘Спахан и Парс и области, которые были к нему ближе, были под властью Ардавана-наместника’.

Местоименная энклитика примыкает к предлогу и является косвенным дополнением.

Среднеперсидскому языку в прошедших временах была свойственна посессивная конструкция, суть которой состоит в том, что логический субъект действия у переходных глаголов выражается местоименной энклитикой, а не личным местоимением и не личным окончанием, а глагол-сказуемое стоит в форме 3 л. ед. ч. (с нулевым окончанием), энклитики при этом, как правило, стоят в начале предложений и прикрепляются к первому короткому слову⁴.

17

<i>U-š</i>	<i>Ardaxšir</i>	<i>rāy</i>	<i>ō</i>	<i>axwār</i>	<i>ī</i>
И-им/он	Ардашир		к	конюшня	
CONJ-ECL 3SG	PROP	POSTPOS	PREP	SG	IZAF

³ Среднеперсидские примеры цитируются по [Чунакова 1987] (первая цифра – номер главы, вторая – номер предложения).

⁴ Подробнее о посессивной конструкции см. [Расторгуева 1966].

stōrān frēstīd
 конь отправлять
 PL PST 3SG

‘И **им** Ардашир был отправлен на конюшню’. (II, 12)

Если имелась глагольная связка, то она согласовывалась в лице и числе с логическим объектом (действия), а не с субъектом – таким образом, логический объект становился формальным подлежащим. Однако если связка отсутствует, то вся конструкция с трудом осознается как пассивная, особенно при отсутствии местоименной энклитики, выражающей логический субъект. В таком случае выраженное данной конструкцией действие воспринимается как активное (и язык постепенно возвращался к номинативной конструкции). Переходное состояние видно в предложениях, где одновременно употреблены непереходный и переходный глагол, а местоименная энклитика выражает логический субъект при обоих глаголах:

18

<i>U-š</i>	<i>āmad</i>	2	<i>zan</i>	(<i>ī</i>)	<i>nišastag</i>	<i>dīd</i>
И-его/он	идти	два	женщина		сидящий	увидел
CONJ-ECL 3SG	PST 3SG		N, SG	IZAF	PART	PST 3SG

‘Он подъехал и увидел двух сидящих женщин’. (III, 19)

Местоименная энклитика при глаголе "быть" в значении обладания чем-либо выражала обладателя:

19

<i>U-šān</i>	<i>may</i>	<i>nē būd</i>
И-их/они	вино	не быть
CONJ-ECL 3PL	SG	NEG PST 3SG

‘И у них не было вина’.

Классический персидский язык сохранял многообразие синтаксических употреблений местоименных энклитик, которое было свойственно более старому состоянию языка, и расширил сочетаемость энклитик с самостоятельными словоформами. Так, ни в древнеперсидском, ни в среднеперсидском не встречаются случаи присоединения энклитики к личной глагольной форме, а в классическом языке такое употребление было регулярным.

В классическом персидском местоименные энклитики употреблялись во всех возможных синтаксических позициях имени, т.е. определения (передавая значение принадлежности), прямого дополнения при переходных глаголах, косвенного дополнения, присоединяясь к предлогам, адресата при глаголах говорения, направления действия при глаголах движения; они могли присоединяться к именам, предлогам, союзам, глаголам.

20⁵

همی پندشان داد و کرد آفرین همی یاد کرد از جهان آفرین
hamē pand-ašān dād-u kard āfarīn
 постоянно совет-их давать-и делать хвала
 ADV SG-ECL 3PL PST 3SG-CONJ PST 3SG SG

hamē yād kard az jahān-āfarīn
 постоянно память делать от создатель мира
 ADV SG PST 3SG PREP SG
 ‘Он **их** наставлял и хвалил // Поминал создателя мира’.

Местоименная энклитика указывает на адресат действия при глаголе «давать». Она присоединяется к прямому дополнению, выраженному существительным *pand* «совет, наставление».

В функции прямого дополнения энклитики могли присоединяться как непосредственно к глагольной форме (*dīdam-at* «я тебя видел»), так и к имени существительному, обозначающему связанный с тем же глаголом косвенный объект (*ba tabrīz-aš āvardand* «его доставили в Тебриз»).

21

فریدون فرزانه بنواختشان براندازه بر پایگه ساختشان
farīdūn-i farzāna binvāxt-ašān
 Фаридун мудрый приласкать-их
 PROP SG-IZAF ADJ PST 3SG-ECL 3PL

bar andāza bar pāyigah sāxt-ašān
 по размер по место строить-они
 PREP SG PREP SG PST 3SG-ECL 3PL
 ‘Мудрый Фаридун принял их приветливо, // Выстроил их у трона – в соответствии с чином’.

22⁶

نه چندان ریختش از دیده باران که ابر از دیده ریزد در بهاران
na čandān rēxt-aš az dīda bārān
 не настолько лить-он из глаз дождь
 NEG ADV PST 3SG-ECL 3 SG PREP SG SG

ki abr az dīda rēzad dar bahārān
 что туча из глаз лить в весна
 CONJ SG PREP SG PRS 3SG PREP PL
 ‘Такие потоки слез он **пролил** из глаз, // какие туча не проливает весной’.

В данном примере местоименная энклитика 3 лица употреблена в possessive конструкции, аналогичной той, которая существовала в среднеперсидском языке. Энклитика обозначает принадлежность действия какому-либо лицу, т.е. выражает субъект действия, при этом конструкция является

⁵ Примеры 21 и 22 цитируются по [Шах-наме-1], глава Заххак, часть 12.

⁶ [‘Аттар 1960: 221, б. 5376]

по существу безличной, а с помощью местоименной энклитики мы понимаем, кто является участником ситуации, вернее – логическим субъектом действия (он лил слезы).

Местоименные энклитики имели свободное положение внутри предложения, т.е. могли присоединяться как к глаголу, так и к другому слову, предшествующему глаголу; так, в примере из «Шах-наме» местоименная энклитика *-am* присоединена к прямому дополнению *dāstān*, а сказуемое стоит в форме 3 л. ед. ч., а не в 1 л.

23⁷

که این داستايم ز مادر شنود		چنين داد پاسخ مراو را فرود			
<i>čunīn</i>	<i>dād</i>	<i>pāsux</i>	<i>mar-ō-rā</i>	<i>furūd</i>	
так	давать	ответ	он	Фуруд	
ADV	PST 3 SG	SG	PREP-PPR 3SG-POSTPOS	PROP	
<i>ki</i>	<i>īn</i>	<i>dāstān-am</i>	<i>zi</i>	<i>mādar</i>	<i>šunūd</i>
что	этот	рассказ	от	мать	слышать
CONJ	DEM PR	SG-ECL 1SG	PREP	SG	PST 3SG

‘Такой ответ дал ему Фуруд: «Этот рассказ я слышал от матери»’.

Хорошо известен тот факт, что разница между современным литературным и разговорным персидским языком довольно велика, различия касаются абсолютно всех уровней языка, затронута фонетика, морфология, синтаксис и лексика. Одним из различий, которое указывается в современных грамматиках и учебниках, является употребление местоименных энклитик. На примерах было показано, что современный разговорный язык в сфере употребления местоименных энклитик сохраняет более архаичное состояние по сравнению с литературным языком.

Сокращения

ACC – винительный падеж	N – именительный падеж
ADJ – прилагательное	NEG – отрицание
ADV – наречие	PL – множественное число
ART – неопределенный артикль	POSTPOS – послелог
COND – сослагательное наклонение	PQP – преждепрошедшее время
CONJ – союз	PREP – предлог
COP – глагольная связка	PROP – имя собственное
CMPR – сравнительная степень	PPR – личное местоимение
DEM PR – указательное местоимение	PRS – настоящее время
ECL – местоименная энклитика	PST – прошедшее время
G – родительный падеж	PTCP – причастие
IZAF – изафет	SG – единственное число
IMF – имперфект	1 – первое лицо
IMV императив	2 – второе лицо
M – мужской род	3 – третье лицо

⁷ [Шах-наме-4: 45], с учетом разночтения, см. прим. 24

Источники

- Kent 1953 – Kent R. *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. – 2 ed. – New Haven, Connecticut: American Oriental Society, 1953.
- Чунакова 1987 – Чунакова О.М. *Книга деяний Ардашира сына Папака. Транскрипция текста, перевод со среднеперсидского, введение, комментарий и глоссарий*. М.: Наука (ГРВЛ), 1987.
- Шах-наме-1 – *Памятники литературы народов востока. Тексты. Большая серия II. Фирдоуси Шах-наме. Критический текст*. Том 1: под ред. Е.Э. Бертельса. – М.: Востлит, 1960 –74-76 с.;
- Шах-наме-4 – *Фирдоуси. Шāх-нāме. Критический текст*. Т. 4. Под ред. А. Нушина. Составители текста Р.М. Алиев, А.Е. Бертельс, М.-Н.О. Османов. М., 1965.
- ابراهيم گلستان آذر، ماه آخر پاييز. چاپ پنجم – نيو جرسي، 1994 – ۴۰-۷۳ ص
(Ebrāhim Golestān – Āzar māh-e āxer-e pāyiz. New Jersey 1994, p. 40-73).
- فرید الدین عطار. الهی نامه. به تصحیح فؤاد روحانی. تهران، ۱۳۳۹ – ۱۹۶۰
(Farīd ad-Dīn ‘Attār. Ilāhī-Nāma. Tehran 1960).
- Расторгуева 1966 –Расторгуева В.С. *Среднеперсидский язык*. Изд-во "Наука"
Главная редакция восточной литературы. М. 1966.

Классификаторы в языке ма

1. Введение

Данная статья посвящена описанию функций классификаторов в языке ма – одном из языков малых народностей Вьетнама, который входит в бахнарическую группу мон-кхмерской ветви австроазиатской семьи языков. Ма проживают на юге Вьетнама в провинциях Ламдонг, Даклак и Донгнай, их численность – 25 тыс. В статье используются материалы, собранные в советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1981 года. Корпус насчитывает 1366 предложений. Анкета «Классификаторы» насчитывает 197 предложений¹.

Классификаторы в языке ма имеют такие же функции, как в других изолирующих языках ареала. Они используются в следующих случаях:

– При имени в автономном употреблении, когда оно указывает на одну конкретную внеязыковую сущность, т.е. употребляется референтно и выражает значение единичности.

– В именных группах с модификаторами: количественными числительными (счетная конструкция), прилагательными (глаголами качества и свойства), порядковыми числительными, именами possessора, указательными местоимениями и другими дейктическими словами, придаточными определительными.

– Некоторые классификаторы используются в словообразовании. Словообразовательная функция отмечается у *naʔ* ‘CLF’ – классификатора для людей, *chi* ‘вещь; CLF’ – классификатора для вещей, *plaj/naj* ‘плод; CLF’ – классификатора для плодов и круглых предметов, *təm* ‘комель; CLF’ – классификатора для деревьев; *paŋ* ‘CLF’ – классификатора для плоских предметов.

naʔ и *chi* используются как субстантиваторы, при помощи которых образуются имена от глаголов и глагольных сочетаний, например: *chi ʔər* ‘плуг’ (букв. ‘вещь; NMZ – пахать’), *pe naʔ lə ka* ‘три рыбака’ (букв. ‘три – NMZ – делать; ловить – рыба’).

plaj/naj и *təm* отмечаются как средство образования референтной формы имен со значением единичности, *plaj/naj* – с названиями плодов, *təm* – с названиями деревьев, например: *plaj kruəc* ‘апельсин’ (букв. ‘плод; CLF – апельсин’), *ruən tət kruəc* ‘четыре апельсиновых дерева’ (букв. ‘четыре – комель; CLF – апельсин’).

¹ Анкета «Классификаторы» составлена С. Б. Янкивер. Материал собирали Ю. Я. Плам, Хоанг Ван Хань, Доан Ван Фук, информант: К’Бут.

paŋ используется при образовании сложного слова *paŋ sra?* ‘книга’ (букв. ‘CLF – бумага’).

Для остальных классификаторов в языке ма не характерно совмещение функций классификатора и словообразовательной морфемы, хотя это явление часто отмечается в других языках, например, в языке мьонг [Соколовская, Нгуен Ван Тай 1987, с. 41].

kən ‘ребенок’, в отличие от вьетнамского когната *con*, используется только в словообразовании: образует референтную форму со значением единичности от названий животных, например, *kən pu* ‘буйвол’ (букв. ‘ребенок – буйвол’), или используется при номинализации (пример (18)). Как классификатор *kən* не используется.

saw ‘человек’, *pəm* ‘вещь’, в отличие от из синонимов *na?* ‘человек’ и *chi* ‘вещь’, не используются в функции классификаторов, они выступают только в функции словообразовательных морфем и образуют имена от глаголов и глагольных словосочетаний. Например: *saw lə ka* ‘рыбак’ (букв. ‘человек – делать – рыба’), *pəm kənhəl* ‘игрушка’ (букв. ‘вещь; NMZ – играть’).

Имя, в состав которого входит классификатор в словообразовательной функции или словообразовательная морфема *kən*, может иметь при себе классификатор, использующийся в счетной функции, например: *pram [nəm] plaj kruəs* ‘пять апельсинов’ (букв. ‘пять – CLF – плод; CLF – апельсин’) (КЛФ 122). В таких случаях один из элементов может опускаться, например: *bər nəm/kən əsə* ‘две лошади’ (букв. ‘два – CLF/ребенок – лошадь’) (КЛФ 123а), но *pe nəm kən pu* ‘три буйвола’ (букв. ‘три – CLF – ребенок – буйвол’) (КЛФ 137), *bər nəm kən so* ‘две собаки’ (КЛФ 136 (РН)).

Наконец, классификаторы могут иметь анафорическую функцию.

В языке ма отмечаются следующие классификаторы:

<i>na?</i> ‘человек’	для людей
<i>sa?</i> ‘тело’	для людей
<i>kən</i> ‘ребенок’	для животных
<i>chi</i> ‘вещь’	для вещей
<i>təŋ</i>	для лодок
<i>kàr</i>	для корзин
<i>nàŋ</i>	для домов
<i>bu?</i> , <i>bù?</i> ‘голова’	для домов
<i>paŋ</i>	для плоских предметов (циновка, книга, письмо, рубашка)
<i>ndaŋ/daŋ</i>	для длинных предметов (веревка, дорога)
<i>plaj/naj</i> ‘плод’	для плодов, круглых предметов
<i>təm</i> ‘комель; CLF’	для деревьев
<i>nəm/ləm</i>	для животных и вещей
<i>ne?</i>	для животных и вещей

Многие классификаторы не имеют однозначных этимонов в ма. Некоторые из них этимологизируются при сравнении с другими родственными

языками, где их когнаты находятся на разных этапах грамматикализации и выступают либо как полнозначные слова, либо как классификаторы, либо как словообразовательные морфемы. Приведем примеры.

ма *naʔ* – кхм. *něək* {^anak} ‘человек, лицо’, *něək* {nak} ‘классификатор для людей’, др.кхм. {^anak} ‘человек’, возможно также *нях кур nah* ‘человек (пожилой)’ [Diffloth, 1984, с.108], *nah* ‘классификатор для людей’ [Diffloth, 1984, с. 118]. Как видно из примеров, в современном кхмерском языке полнозначное слово и классификатор, будучи омонимами, имеют разную графическую запись, что отражает тот факт, что фонологическая форма исходного слова, развивалась разными путями в зависимости от его функции. То же самое можно сказать и о разных фонологических формах полнозначного слова и классификатора в языке *нях кур*.

ма *ndaŋ/daŋ* – кхм. *to:ŋ* ‘ствол, стебель’, кхм. *dv:ŋ* – морфема, образующая референтную единичную форму имен, например *dv:ŋ miəkia* от *miəkia* ‘дорога, путь’.

nəm/ləm и *neʔ* являются общими, не специализированными классификаторами. В предложениях (1) и (3) они используются как варианты.

(1) *caw lən gè pe nəm kən pu.*
человек деревня иметь три CLF ребенок буйвол

dùl neʔ kra bàr nəm rù
один CLF старый два CLF молодой

‘У крестьянина три буйвола: один старый, два молодых’ (КЛФ 137).

Неспециализированный классификатор может дублировать специализированный классификатор, как в (2), а также употребляться вместо него, как в (3).

(2) *bàr nəm məŋ muk chi ʔaŋ niəm ɲan*
два CLF палка; CLF ручка POS 1SG хороший самый
‘Мои две ручки самые хорошие’ (КЛФ 133г)

(3) *təm daŋ bi nəm gè bàr ndaŋ/nəm gùŋ*
в на гора иметь два CLF дорога

dùl neʔ/ndaŋ jəŋ dùl neʔ/ndaŋ lət
один CLF длинный один CLF короткий

‘В горах две дороги, одна длинная, одна короткая’ (КЛФ 130).

С числительным *dùl* ‘один’, как правило, употребляется классификатор *neʔ*, хотя в материалах встречаются единичные исключения, например: *dùl/dam raŋ/nəm/neʔ ʔuj* ‘одно одеяло’ (букв. ‘один/один – CLF/CLF/CLF – одеяло’) (КЛФ 81ж), *dùl nəm nùs* ‘одно сердце’ (букв. ‘один – CLF – сердце’) (КЛФ 149). Классификатор *neʔ*, а не *nəm* употребляется даже в отсутствие числительного *dùl* ‘один’, когда значение единичности присутствует только на семантическом уровне, как в следующем примере:

- (4) *ʔaŋ bləj bar nəm sətu*
 1SG покупать два CLF шляпа
 [*neʔ*] [*sətu*] *bəʔ dv pàʔ bi*
 CLF шляпа белый этот давать; DAT ст.сиблинг
 [*neʔ*] [*sətu*] *rəmit neʔ pàʔ me*
 CLF шляпа серый тот давать; DAT мать

‘Я купил две шляпы, эту белую тебе, ту серую матери’ (КЛФ 132).

Отмечен один случай употребления классификатора *nəm* с личным местоимением для выражения референции к самому себе:

- (5) *ʔaŋ kəŋ kəl khaj nəm ʔaŋ lè di sut*
 1SG хотеть помогать 3SG CLF 1SG PRF PASS раненый
 ‘Я хотел помочь ему, но был ранен’ (ППП 143а)

Число классификаторов в конкретных МК языках, как правило, невелико, и не все имена могут сочетаться с классификаторами. Степень обязательности употребления классификаторов в разных языках разная. В языке ма инвентарь классификаторов невелик, но они употребляются регулярно и последовательно. Сравнивая диагностические предложения на вьетнамском языке и их переводы на язык ма, можно отметить, что употребление классификаторов в ма более последовательное, нежели во вьетнамском языке.

В конструкциях с классификатором в изолирующих языках отмечаются два разных порядка следования компонентов: с постпозицией вершинного имени по отношению к классификатору и с его препозицией. Во вьетнамском языке первый словоупорядок является доминирующим, и он, как считают некоторые исследователи, установился под влиянием китайского языка [Sim Sok Hui 2003, с. 96]. В языке ма порядок компонентов в конструкциях с классификатором такой же, как во вьетнамском языке.

Числительное – Классификатор – Имя	вьетнамский,
Классификатор – Имя – Дейктическое слово	китайский, ма
Имя – Числительное – Классификатор	вьетнамский
Имя – Классификатор – Дейктическое слово	(устарелое), кхмерский

В конструкции с квантификатором в языке ма отмечается и постпозиция, и препозиция имени по отношению к другим компонентам конструкции, причем второй словоупорядок, т.е. не вьетнамский, более частотный.

Числительное – Квантификатор – Имя	ма, вьетнамский
Имя – Числительное – Квантификатор	ма, кхмерский

Примеры с разным порядком компонентов в конструкциях с квантификатором:

- (6) *ʔaŋ bləj bùm blec dùl kiʔ ram*
 1SG покупать клубень батат один килограмм спелый
 ‘Я купил один килограмм спелых бататов’,
 вьет. ‘Tôi mua một cân khoai lang già’ (КЛФ 181)
- (7) *bàr làn sədàŋ*
 два мера веса сахар
 ‘Двести грамм сахара’, вьет. ‘Hai lạng đường’ (КЛФ 183)
- (8) *kòn klaw ʔaŋ hùc dùl ɲan dàʔ biŋ*
 ребенок мужчина 1SG пить один чашка вода полный
 ‘Мой сын выпил целый стакан воды’ (КЛФ 147)

В работе [Солнцев 1995, с. 264-266] говорится, что в некоторых языках разный порядок компонентов в счетной конструкции связан с коммуникативной структурой предложения: постпозиция числительного с классификатором используется для актуализации числительного в качестве ремы. Это имеет место в китайском языке и языке лаха.

Рассмотрим употребление классификаторов в разных функциях и разных конструкциях.

2. При имени в автономном употреблении

При имени в автономном употреблении классификаторы в МК языках используются в именной группе, предназначенной для осуществления конкретной референции к единичному объекту. Именно эта функция является исходной, основной. Употребление классификаторов в конструкциях с модификаторами имени – это вторичная функция, мотивированная тем, что характеристика объекта при помощи модификатора требует конкретно-референтной формы имени². Это обстоятельство важно подчеркнуть, потому что в научной литературе данная категория единиц часто называется счетными словами, по причине их обязательного использования в счетной конструкции [Горгониев, 1966; Солнцев 1995].

Рассмотрим три случая употребления имени: нереферентное, референтное автономное, референтное с модификатором.

В примере (9) используется нереферентная, родовая форма имени *dùl* ‘лодка’, указывающая не на объект, а на тип объекта, поэтому классификатор отсутствует.

- (9) *bul ʔaŋ gan dùʔ bul daʔ*
 PL+1SG = 1PL EX просить, одалживать лодка PL + сторона = соседи
 ‘Мы одолжили у соседей лодку’,
 вьет. ‘Chúng tôi mượn chiếc thuyền của hàng xóm’ (СКД 133a)

² Ср. в английском языке изменение референциального статуса имени при наличии определения: *My children go to school*, но *My children go to a local school*.

Во вьетнамском предложении употребляется конкретно-референтная форма имени с классификатором – *chiếc thuyền* ('CLF – лодка'). Это означает, что вьетнамское предложение и предложение на языке ма концептуализируют ситуацию по-разному.

В (10) используется референтная форма имени *dù?* 'лодка', указывающая на конкретный объект, присутствующий в поле зрения участников коммуникации, поэтому классификатор употребляется. Что немаловажно, актуализирующую функцию в этом предложении выполняет не только классификатор в именной группе, но и темпоратив:

- (10) *lày đv nhữn dà? gè tòn dù? re dà ne*
 перед этот поток вода иметь CLF лодка плыть сторона, берег тот
 'Только что на другой берег переплыла лодка' (КЛФ 83)

В примере (11), в отличие от примера (9), модификатор «большой» требует конкретно-референтную форму имени, поэтому употребляется конкретно-референтная дескрипция с классификатором и числовой компонентой. Во вьетнамском предложении дескрипция имеет аналогичную форму.

- (11) *bul ʔaŋ gan pòm*
 PL + 1SG=1PL EX просить, одалживать вещь; POS
bul ne dù3 tòn dù? dòn
 PL + tot=3PL один CLF лодка большой
 'Мы одолжили у них большую лодку',
 вьет. 'Chúng tôi mượn của chúng nó một chiếc thuyền lớn' (СКД 1336)

Классификатор используется в интродуктивных ИГ с числительным «один». В идентифицирующей ИГ, которая является номинацией объекта, уже введенного в дискурс, классификатор не используется. Опущение классификатора в таких случаях можно рассматривать как стратегию формирования редуцированной дескрипции. В следующем примере для референции к одному и тому же объекту «мальчик» используются ИГ разного состава: в предложении (12а) – интродуктивная ИГ с классификатором, а в (12б) – идентифицирующая ИГ без классификатора.

- (12а) *bè tòm hìw lèt lic*
 из внутри; в дом идти выходить
dù3 na? kòn dit
 один CLF ребенок + маленький = мальчик

- (12б) *kòn dit bè tòm hìw*
 ребенок+маленький = мальчик из внутри; в дом
lèt lic
 идти выходить

(а) 'Из дома вышел мальчик. (б) Мальчик вышел из дома' (ОМВ 72)

В предложениях, являющихся утверждениями общего характера, обычно используется родовая форма имени, без классификатора, однако в этом типе употреблений и язык ма, и вьетнамский язык часто проявляют непоследовательность. Например, в (13) в предложении на языке ма *kən*, образующее конкретно-референтную форму имени, является факультативным, т.е. здесь может использоваться и конкретно-референтная, и родовая форма. В предложении на вьетнамском языке выступает родовая форма имени, без классификатора (*mèo*). В (14) в предложении на языке ма используется родовая форма имени (*həp*), без классификатора, а в предложении на вьетнамском языке – имя с классификатором (*con kiến*). В (15) родовые формы имен используются и в предложении на языке ма, и в предложении на вьетнамском языке.

- (13) [*kən*] *mèw là3 pəm* *hìn tam hìw*
 ребенок кошка COP вещь, животное кормить в дом
 ‘Кошка – домашнее животное’,
 вьет. ‘*Mèo là động vật nuôi trong nhà*’ (КЛФ 158)
- (14) *həp gədam rə?*
 муравей трудолюбивый много, очень
 ‘Муравьи очень трудолюбивы’, вьет. ‘*Con kiến rất siêng năng*’ (КЛФ 159)
- (15) *sv* *hə?* *kən mèw*
 собака NEG любить кошка
 ‘Собаки не любят кошек’, вьет. ‘*Chó không thích mèo*’ (КЛФ 160)

В первых двух примерах колебания в выборе референциального статуса имени объясняются тем, что утверждения подобного рода допускают разную концептуализацию – как родовую, так и обобщенную.

Во вьетнамском языке, так же как и в языке ма, наличие/отсутствие классификатора изменяет референциальный статус имени. Например:

- (16) вьет. *Tôi mua quả cam*
 1 SG покупать CLF апельсин
 ‘Я покупаю апельсин’ (Sim Sok Hui 2003, с. 156)

Если в данном примере опустить классификатор, именная группа станет генерической [Sim Sok Hui 2003, р. 157] и на русский язык будет переводиться множественным генерическим – *Я покупаю апельсины*.

3. При имени с количественным числительным (счетная конструкция)

Употребление классификатора в счетной конструкции мотивировано тем, что, в общем случае, считать можно только конкретные объекты материального мира, тем самым в счетной конструкции востребована конкретно-референтная форма имени. Например:

- (17) *ə̀t dv gè phà̀m nəm hìw*
 находиться этот иметься восемь CLF дом
 ‘Здесь восемь домов’ (КЛФ 100а)

Однако есть случаи, когда при наличии числительного конкретно-референтная форма имени остается не востребованной. Если имя, выступающее с числительным, не указывает на реальный объект, классификатор не употребляется. Это хорошо видно из сравнения следующих двух примеров. В (18) имя с числительным – «звери с двумя головами» и «рыбы с тремя хвостами» – описывает вымышленную сущность, не существующую в физическом мире, и классификаторы не употребляются. В (19) имя с числительным описывает реальную сущность *cə̀naw rùp* ‘рисунок, изображение’ – картинку девочки с двумя носами и двумя ртами, и классификаторы употребляются:

- (18) *kə̀n ʔəm təm bri gè bàr bùʔ*
 ребенок; NMZ + находиться + в + лес= зверь иметь два голова
mà ka pe ntuj
 и рыба три хвост
 [В сказках народов встречаются] ‘звери с двумя головами и рыбы с тремя хвостами’ (КЛФ 67)

- (19) *ʔə̀ ʔùr ʔaŋ cì d̀ùl cə̀naw niəm*
 мл. сиблинг женщина 1SG писать один слово, рассказ красивый
mà³ chə̀ rùp ʔə̀ ʔùr dit gè
 и веселый форма мл. сиблинг женщина маленький иметь
bàr nəm mù màʔ bàr nəm mbuj
 два CLF нос и два CLF рот
 ‘Моя сестра нарисовала смешную картину девочки с двумя носами и двумя ртами’ (КЛФ 70)

Есть еще один тип высказываний, в которых при наличии числительного классификатор не употребляется, это когда числительное используется не в счетной функции, а для указания на большой/маленький объем референциального множества. Неупотребление классификатора в такого рода случаях отмечается и в других родственных языках, например, в кхмерском языке. Приведем пример из языка ма, в котором, как можно предполагать, отсутствие классификатора связано с указанным фактором. Этот вывод можно сделать из сравнения предложений (20) и (21). В (20) классификатор показан как факультативный, в (21) он обязателен. Факультативность здесь связана с возможностью двух разных актуализаций предложения: при наличии классификатора – это высказывание о конкретном количестве, при отсутствии классификатора – это высказывание о достаточно большом количестве.

(20) *tàm lədu? dv gè pò [nəm] bàn*
 в комната этот иметься семь CLF стол
 ‘В этой комнате семь столов’ (КЛФ 81в)

(21) *dùl/dam ne? bàn tàm lədu? dv*
 один/один CLF стол в комната этот
 ‘Один стол в этой комнате’ (КЛФ 81г)

В КЛФ 172 ‘Во время пожара дома мне обожгло руку и ногу’ конструкция с числительным *dùl ti mà dùl jəŋ* ‘одна рука и одна нога’ (букв. ‘один – рука – и – один – нога’) не содержит классификатора. Это тоже, на наш взгляд, связано с тем, что числительное используется не для счета, а для указания на большой объем травмы, т.е. на большой объем той части двухэлементных референциальных множеств «руки» и «ноги», которая подверглась воздействию.

В языке ма классификаторы употребляются в вопросительных предложениях со словом «сколько». В примере (22) в предложении на языке ма классификатор употребляется, несмотря на то, что во вьетнамском предложении классификатор отсутствует.

(22) *hiw ja? bi gè dò? nəm kòn*
 дом семья ст. сиблинг иметь сколько CLF ребенок
 ‘Сколько детей было в вашей семье?’,
 вьет. ‘Gia đình anh có bao nhiêu con’ (АТР 115 (PH))

4. При имени с порядковым числительным

В языке ма употребление классификатора при имени с порядковым числительным мотивировано тем, что порядковое числительное требует конкретно-референтной формы имени, когда оно указывает на конкретный элемент множества объектов, упорядоченных в пространстве (23). Если порядковое числительное описывает упорядочение во времени, а не в пространстве, классификатор может не употребляться (24, 25, 26 и 27).

(23) *bù? hìw bà tə pe kòp bà tə*
 CLF дом от+ асем. = от; ORD три считать от+ асем. = от
bù? bòn
 голова деревня
 ‘Третий дом от начала поселка’ (КЛФ 78)

(24) *kław hə? là pəgru bà tə bar chi ʔaŋ*
 мужчина тот COP учитель от+ асем.= ORD два POS 1SG
 ‘Он – мой второй учитель’ (КЛФ 79а)

В языке ма в именных группах с порядковым числительным возможна постпозиция классификатора. В (25) и (26) в вариантах предложения на языке ма факультативный классификатор *nəm* находится в постпозиции к имени *dù?*, хотя в предложении на вьетнамском языке классификатор *chiéc*

находится в препозиции к имени *thuyền*. В этих примерах наличие/отсутствие классификатора, по-видимому, связано с разной концептуализацией ситуации: при наличии классификатора ситуация концептуализируется как упорядочение лодок в пространстве, при отсутствии классификатора – как упорядочение лодок (рейсов) во времени.

(25) *bul ʔaŋ trəŋ dù? bə tə pe [nəm]*
 PL 1SG спускаться лодка от+асем = ORD три CLF
 ‘Мы сели в третью лодку’,
 вьет. ‘Chúng tôi xuống chiếc thuyền thứ ba’ (КЛФ 79б, Вар.–1)

(26) *bul ʔaŋ trəŋ bə tə dù? pe [nəm]*
 PL+1sg= 1PL спускаться от+асем.= ORD лодка три CLF
 ‘Мы сели в третью лодку’,
 вьет. ‘Chúng tôi xuống chiếc thuyền thứ ba’ (КЛФ 79б)

В следующем примере речь идет не об упорядочении объектов, существующих в одном пространстве (троих детей), а об упорядочении событий во времени – рождений детей. Тем более, что во вьетнамском диагностическом предложении это выражается эксплицитно при помощи глагола *đẻ* ‘родиться’.

(27) *ʔaŋ lè gè bəŋ na? kən*
 1SG PRF иметь два CLF ребенок
kən đv là bə tə pe [na?]
 ребенок этот COP от+асем.= ORD три CLF
 ‘У меня есть два сына, а теперь родился третий сын’ (букв. ‘этот ребенок третий’ вьет. ‘Tôi có hai con, và bây giờ ẻ đứa thứ ba’ (КЛФ 79в), вьет. ‘Gia đình anh có bao nhiêu con’ (АТР 115 (PH))

5. При имени с определением

Употребление классификатора при имени с определением мотивировано тем, что характеристика объекта при помощи модификатора требует конкретно-референтной формы имени. Например:

(28) *ʔaŋ bə bəŋ mə na? saw niəm*
 1SG разговаривать с CLF человек хороший
 ‘Я разговариваю с хорошим человеком’,
 вьет. ‘Tôi nói chuyện với người tốt’ (КЛФ 105)

Во вьетнамском предложении классификатор не употребляется. Это, по-видимому, отражает тот факт, что вьетнамское предложение имеет другую коммуникативную структуру, в которой определение в реме, и вся именная группа приобретает предикатный статус. И в языке ма тоже, если именная группа с определением выступает в предикатной функции, классификатор не употребляется, например:

- (29) *bi həʔ ləʔ səw ɤən çàj*
 ст. брат тот COP человек стрелять способный
 ‘Он хороший охотник’ (КЛФ 104)

6. При имени с придаточным определительным предложением

Классификаторы употребляется при именах, к которым относятся придаточные определительные предложения, в этом случае, как и в случае несентенциальных модификаторов, вершинное имя должно иметь конкретно-референтный статус.

- (30) *təŋ duiʔ bən ləŋ pləʔ kən gè*
 CLF лодка деревня деревня использовать хотеть иметь; FUT
tiəʔ dà ne ɲən dəʔ ʔalaʔ gə / pəm
 переходить сторона тот поток река все; совсем 3SG.IMPS/вещь
pə
 новый
 ‘Лодка, на которой жители деревни переправятся через реку, совсем новая’ (СЛЖ 4)

- (31) *naʔ səw pə tús ləʔ rə ʔən*
 CLF человек только что приходить COP друг 1SG

‘Только что приехавший человек – мой друг’,
 вьет. ‘Người vừa đến là bạn tôi’ (КЛФ 112)

В последнем примере во вьетнамском предложении классификатор не употребляется. Причина, возможно, в том, что это не характеризующее предложение, а предложение тождества, то есть оно не характеризует конкретного субъекта, а устанавливает референциальное тождество между его двумя разными дескрипциями.

7. При имени в генитивной конструкции

Имя, при котором модификатор выражает посессора или целое по отношению к части, употребляется с классификатором, выражающим его конкретно-референтный статус.

- (32) *chi ɲij bi ram ɲən*
 CLF одеяло ст. брат теплый очень
 ‘Ваше одеяло очень теплое’ (КЛФ 95)

В первом варианте перевода следующего предложения информант не употребил классификатор (о чем свидетельствует номер с буквой) и опустил его при аудиозаписи (о чем свидетельствуют угловые скобки). Такое языковое поведение информанта можно объяснить влиянием вьетнамского языка: во вьетнамском предложении классификатор при слове *cửa* ‘дверь’ отсутствует.

- (33) <(1a) neʔ> pùŋ hìw dv lət ŋan
 CLF дверь дом этот низкий очень
 ‘У этого дома очень низкая дверь’, вьет. ‘Cửa nhà này rất thấp’ (КЛФ 91)

8. При имени с дейктическими модификаторами

Модификаторы, выраженные дейктическими местоимениями, также требуют конкретно-референтную форму имени. Однако в языке ма в таких именных группах классификаторы употребляются нерегулярно.

- (34) pe naʔ lə ka həʔ
 три человек; CLF делать, работать +рыба = ловить рыбу тот
 ‘Эти три рыбака’ (КЛФ 117)

В следующем предложении информант классификатор употребил, но квалифицировал его как факультативный элемент.

- (35) [neʔ] hìw dv làʔ hìw [chi] ʔaŋ
 CLF дом этот COP дом POS 1SG
 ‘Этот дом – мой дом’, вьет. ‘Cái nhà này là nhà của tôi’ (КЛФ 92)

Факультативность и отсутствие классификатора в перечисленных выше конструкциях могут быть связаны со следующими факторами.

1. Как уже было сказано, обычно классификатор отсутствует, если вершинное имя содержит в своем составе классификатор в словообразовательной функции или слово *kən*.

- (35) kən bəs ne
 ребенок змея тот
 ‘Та змея’ (КЛФ 88)
- (36) bəp ʔaŋ lə tam puən təm ləʔəʔ
 отец 1SG PRF сажать четыре ствол; CLF манго
 ‘Мой отец посадил четыре дерева манго’ (КЛФ 86)
- (37) rə chi bi lə sìn gəs
 друг POS ст. брат PRF смотреть; читать заканчивать; REZ
 sáu me sraʔ
 шесть CLF + бумага = книга
 ‘Твой друг прочитал шесть книг’ (КЛФ 84)

Однако отмечаются исключения из этого правила, например:

- (38) bə diŋ chi [rəŋ] trəŋ
 с, от верх, поверхность дерево падать опускаться
 təl naj plaj tawʔ tum
 один CLF плод; CLF яблоко спелый
 ‘С дерева упало созревшее яблоко’ (АТР 21)

2. Если имя является номинализацией, т.е. если в вершине находится имя в номинализирующей функции, факультативен либо классификатор, либо номинализатор. В следующих предложениях факультативен или отсутствует классификатор:

(39) *ɲaj gam dit ʔaŋ gè*
 время оставаться; DUR маленький 1SG иметь
bàr [nəm] chənaʷ kəŋ gəbʔ
 два CLF слово, ... дело; NMZ хотеть+хотеть= хотеть
 ‘У меня в детстве были две мечты [...]’ (КЛФ 75)

(40) *pəgru sùr knəm sram sraʔ ci daŋ ləpàn*
 учитель(ница) сказать ребенок учиться бумага писать на доска
má³ bàr chənaʷ lùp má³ bàr chənaʷ
 и два предложение; NMZ спрашивать и два предложение; NMZ
jal
 отвечать
 ‘Учительница велела ученику написать два вопроса и два ответа’
 (КЛФ 76)

В следующем предложении в номинализации *saw lə ka* ‘рыбак’ отсутствует номинализатор *saw*:

(41) *pe naʔ lə ka həʔ*
 три человек; CLF делать, работать +рыба = ловить рыбу тот
 ‘Эти три рыбака’ (КЛФ 117)

То, что в данном случае *naʔ* – классификатор, подтверждается тем, что он может отделяться от номинализуемого компонента определением. Во вьетнамском диагностическом предложении этой трансформации не происходит. Ср.:

(42) *pe naʔ lə ka bi³ nu həʔ*
 три CLF делать; ловить рыба асем.+ асем.= молодой этот
 ‘Эти три молодых рыбака’, вьет. ‘Ba người đánh cá trẻ ấy’ (КЛФ 118)

(43) *pe naʔ bi³ nu lə ka həʔ*
 три CLF асем.+ асем.= молодой делать; ловить рыба этот
 ‘Эти три молодых рыбака’, вьет. ‘Ba người đánh cá trẻ ấy’ (КЛФ 118, Вар.)

В следующем предложении, наоборот, редукция счетной конструкции происходит за счет устранения классификатора, а номинализатор остается:

(44) *saw lə ka bi³ nu*
 человек; NMZ делать; ловить рыба асем.+ асем.= молодой

bà tə pe həʔ
 от+ асем.= ORD три тот
 ‘Этот третий молодой рыбац’ (КЛФ 119)

3. Классификатор не употребляется с именами, которые сами могут выступать в функции классификатора или номинализатора:

(45) *təm tuʔ həp mhv dv gè pe səpaw*
 в место; NMZ собираться день этот иметь три слово, ... дело
təm
 главный, основной
 ‘Сегодня на собрании было три вопроса’ (КЛФ 77)

4. Классификатор не употребляется, если в вершине именной группы находится квантификатор:

(46) *ju dap ne làj sa*
 пара палочка тот класть; чтобы есть
 ‘Те несколько пар палочек для еды’ (КЛФ 89)

В следующем предложении классификатор показан как факультативный элемент. И, стало быть, можно подумать, что это противоречит сформулированному выше правилу. На самом деле в данном случае наличие классификатора изменяет таксономическую принадлежность слова *drap* ‘кувшин’: *dù³ nəm drap dàʔ* ‘кувшин для воды’, где «кувшин» – объект, *dù³ drap dàʔ* ‘кувшин воды’, где «кувшин» – мера емкости.

(48) *dij bàng làj dù³ [nəm] drap dàʔ*
 на стол стоять один CLF кувшин вода
 ‘На столе стоял кувшин воды’ (АТР 78)

5. Классификатор может быть факультативным в вопросительных предложениях и предложениях с отрицательной полярностью. Это связано с тем, что вопросительные и отрицательные предложения относятся к типу предложений с ослабленной утвердительностью, что влияет на возможность использования референтной формы имени.

(49) *tuəŋ dv gè dèʔ [naʔ] kənm bəsrəm*
 школа этот иметь сколько человек; CLF ребенок, молодой человек
 учиться
 ‘Сколько учеников учится в этой школе?’ (КЛФ 81)

(50) *dèʔ [nəm] ge(B) muk daŋ bàn dv*
 сколько CLF палка ручка на стол этот
 ‘Сколько ручек на этом столе?’ (КЛФ 81a)

Это правило хорошо иллюстрирует серия предложений ВПР 63–63д. В них говорится о конкретном объекте – купленном велосипеде, при этом слово *rədə cə* ‘велосипед’ (букв. ‘повозка – нажимать ногой’) употребляется

с классификатором *ne?* в утвердительных предложениях: *ʔaŋ blaŋ mi ʔin dù³ ne?* *rədə cò* ‘Я купил для тебя велосипед’ (ВПР 63б), *ʔaŋ ʔaj mi ʔin dù³ ne?* *rədə cò* ‘Я даю тебе велосипед’ (ВПР 63в) и без классификатора – в вопросительных предложениях: *caw blaŋ rədə caw mi ʔaj gən* ‘Кому купили велосипед?’ (ВПР 63), *bàp mi blaŋ rədə caw là khaj ʔaj gən* ‘Твой отец купил велосипед, кому он дал его?’ (ВПР 63а), *mi blaŋ rədə caw là mi ʔaj gən* ‘Кому ты купил велосипед?’ (ВПР 63г), *caw là blaŋ mi ʔin rədə gən te(B)* ‘Кто купил тебе велосипед?’ (ВПР 63д).

Классификатор даже не употребляется в предложении ВПР 72 *ʔàn dv ci ʔaj là* ‘Эта чашка из чего?’, где в ИГ *ʔàn dv* ‘эта чашка’ (букв. ‘чашка – этот’) входит указательное местоимение, что в утвердительном предложении требовало бы референтной формы имени с классификатором.

В следующем предложении при имени «ложка», входящем в сферу действия отрицания, классификатора нет, но при имени «палочка для еды», в сферу действия отрицания не входящем, классификатор есть.

(51) *tòm ndrùm bàl ʔò?* *gè tuəŋ gè tuəŋ dùò*
 в ящик стол NEG иметь(ся) ложка иметь(ся) CLF палочка для еды
 ‘В ящике стола нет ложек, но лежат палочки для еды’,
 вьет. ‘Trong ngăn bàn không có thìa, nhưng có đũa’ (СКД 3)

6. Часто классификатор при числительном отсутствует или факультативен в именной группе подлежащего с указательным местоимением в анафорической функции. Это связано с тем, что числительное в таких случаях утрачивает свою рематичность и тематизируется; оно используется не для указания на количество объектов, а для референции – для указания на определенное референтное множество, тем самым именная группа с числительным перестает быть счетной конструкцией, и классификатор как атрибут счетной конструкции не востребован. В следующем предложении языковая стратегия информанта менялась несколько раз: сначала он перевел вьетнамское диагностическое предложение без классификатора, несмотря на то, что во вьетнамском предложении классификатор есть; затем поставил классификатор, но при этом квалифицировал его как элемент факультативный; при аудиозаписи он классификатор все равно опустил. Такое языковое поведение информанта говорит о высоком уровне его языковой компетентности: в режиме спонтанности он строит предложение в соответствии с правилами своего родного языка, а не калькирует структуру вьетнамского диагностического предложения.

(52) *pe* <[nəm]> *bədi prit dəŋ hə?* *chi ʔaŋ*
 три CLF корзина банан большой этот POS 1SG

ʔən daŋ gùl hìw
 находиться на, в середина дом
 ‘Эти три мои большие корзины с бананами стоят на полу’,
 вьет. ‘Ba cái thúng chuối lớn này của tôi đặt trên sàn’ (КЛФ 196)

Однако в случае, когда именная группа подлежащего с числительным содержит указательное местоимение в собственно дейктической функции, т.е. когда оно используется для отсылки к объекту, на который направлен указательный жест, реальный или мысленный (= вот тот/этот), классификатор не является факультативным. В этом случае числительное не тематизируется, оно указывает на границы референциального множества, и именная группа является счетной конструкцией.

- (53) *puən nət pìs həʔ lə məʒ sri sùt ɲan*
 четыре CLF нож этот делать COMIT сталь острый очень
 ‘Эти четыре стальных ножа очень острые’,
 вьет. ‘Bón con dao áy làm bằng thép rất sắc’ (КЛФ 125а)

В следующем предложении классификатор также используется, потому что указательное местоимение употреблено в дейктической функции. Во вьетнамском диагностическом предложении классификатор отсутствует. Это говорит о том, что в языке ма данное правило соблюдается более последовательно.

- (54) *puən nət chi həʔ lə dòn*
 четыре CLF дерево этот PRF большой
 ‘Эти четыре дерева выросли’, вьет. ‘Bón cây áy đã lớn’ (КЛФ 127)

Повтор классификатора. В корпусе встретился один пример с факультативным повтором классификатора в ИГ с большим количеством зависимых членов: [«один» – CLF] – Имя – *Определение₁* – *Определение₂* – *Определение_{POS}* – *Определение_{ORD}* – [CLF] – DEM. Во вьетнамском диагностическом предложении классификаторы отсутствуют, и информант добавил их после того, как перевел предложение (что отмечается порядковым номером с буквой):

- (55) <[(1а) *dùl* (1б) *neʔ*]> *kəldi prít dəŋ chi bul ʔaŋ*
 один CLF корзина банан большой POS PL 1SG
bə tə pe <[(9а) *nəm*]> *həʔ ʔən tòm gùl hìw*
 от+асем.= ORD три CLF этот находиться в, на середина дом
 ‘Эта наша третья большая корзина с бананами стоит на полу’,
 вьет. ‘Thúng chuôi lớn thứ ba này của chúng tôi đặt trên sàn’ (КЛФ 197)

9. Анафорическая функция классификаторов

В рамках конструкций с классификатором возникает еще одна функция – анафорическая. Анафором классификатор становится в случае устрания имени. Анафорическое употребление классификаторов – это обычное явление в МК и других изолирующих языках Восточной и Юго-Восточной Азии.

- (56) *tàm đạy bi nặm gè bằr [ndaŋ/nặm] gùŋ*
 в на гора иметь(ся) два CLF дорога
dùl [neʔ/ndaŋ] jởŋ dùl [neʔ/ndaŋ] lỏt
 один CLF длинный один CLF короткий
 ‘В горах две дороги, одна длинная, одна короткая’ (КЛФ 130)
- (57) *caw lằn gè pe nặm kỏn pư*
 человек+деревня=крестьянин иметь три CLF ребенок буйвол
dùl neʔ kra bằr nặm rừ
 один CLF старый два CLF молодой
 ‘У крестьянина три буйвола: один старый, два молодых’ (КЛФ 137)

10. Стратегии выбора референциального статуса именной группы

Стратегии выбора конкретно-референтного или нереферентного статуса для именной группы, при помощи которой осуществляется референция к объекту, лингвоспецифичны. По этой причине во вьетнамском предложении и в диагностическом предложении на языке ма референциальные статусы именных групп могут не совпадать. В примере (51) во вьетнамском диагностическом предложении обе сочиненные ИГ имеют нереферентный статус, а в предложении на языке ма нереферентный статус имеет только ИГ, входящая в сферу действия отрицания.

Стратегии выбора конкретно-референтного или нереферентного статуса для именных групп во вьетнамском предложении и предложении на языке ма могут не совпадать по чисто субъективным причинам. Например, в СКД 52 во вьетнамском диагностическом предложении используются конкретно-референтные ИГ «внук» и «дед», что отражает «взгляд со стороны» – лица, не принадлежащего семье, в которую входят дед и внук. В предложении на языке ма эти именные группы не маркируются как конкретно-референтные, что отражает «взгляд изнутри» лица, принадлежащего семье, для которого слова «дед» и «внук» являются именами собственными:

- (59a) вьет. *đừa chầu trai tỏc đả*
 CLF внук, внучка + мальчик, мужчина = внук волосы PRF
đậу hơn người ông
 густой более CLF дедушка
 ‘У внука волос уже больше, чем у деда’ (СКД 52)
- (59б) ма *kỏn klaw sỏʔ lẻ lậdut rẻlaw ʔaw*
 ребенок+мужчина=мальчик волосы PRF густой более дед
 ‘У внука волос уже больше, чем у деда’ (СКД 52)

В отличие от этого предложения, в СКД 51 во вьетнамском диагностическом предложении и в предложении на языке ма используется одна и та же стратегия выбора статуса для ИГ «внук» – нереферентная. Использование нереферентного статуса имен-терминов родства для референции к родствен-

никам является общим для обоих языков, в этом случае термины родства выступают как имена собственные³.

- (60) *saw klaw sp² gam lvt ngan*
внук, внучка мужчина волосы оставаться; DUR короткий очень
'У внука волосы еще очень короткие',
вьет. 'Cháu trai tóc còn ngắn lắm' (СКД 51)

11. Счетная конструкция vs. интродуктивная именная группа

В МК языках следует различать два разных типа конструкций с числительным «один»: счетную конструкцию и интродуктивную ИГ. В следующем примере на языке ма *kən* выступает в обоих случаях в словоизменительной функции, но в составе ИГ разных типов: *kən₁* – в составе конкретно-референтной ИГ, имеющей денотативный статус определенности, и *kən₂* – в составе конкретно-референтной ИГ, имеющей интродуктивный статус.

- (61) *kən¹ kəldà² rəp təm chi drim dv*
CLF ворона сидеть комель; CLF дерево утро этот
caw rəsət dül kən² sp rəhaw
люди убивать один CLF собака волк
'Ворона села на дерево, под которым утром убили волка',
вьет. 'Con quạ đậu xuống cây mà sáng nay người ta giết được một con chó sói' (СЛЖ 7)

Поскольку *dül kən² sp rəhaw* не является счетной конструкцией, классификатор *nəm* не употребляется.

12. Вместо заключения

Итак, мы показали, что существует достаточно много правил, регулирующих употребление классификаторов в языке ма. Мы также показали, что классификаторы имеют разные функции. На фоне описанных в данной статье разнообразных функций классификаторов и правил, регулирующих их обязательное употребление, обязательное неупотребление и факультативность, весьма странными, если не сказать опасными, выглядят идеи известного американского ученого проф. Хаймана, высказанные в его статье [Haiman 2011], посвященной описанию кхмерского языка, родственного языку ма.

Проф. Хайман пытается доказать один громкий, но абсолютно бессодержательный тезис, а именно, что в предложении на кхмерском языке разные его компоненты без каких-либо правил могут быть подвергнуты удалению. Этот тезис американский профессор формулирует в довольно категоричной форме: «Кхмерский язык – это язык, где все можно опустить» (Сам-

³ Ср. в английском языке смену стратегии детерминации в случае терминов родства, обозначающих родственников говорящего – употребление притяжательных местоимений, а не артикля.

bodian is an “everything-drop” language) [Haiman 2011, с. 122], «Кхмерский язык – это такой язык, где “все дозволено”» (Cambodian is an “anything goes” language) [Haiman 2011, с. 124], «В кхмерском языке не существует чисто структурного или грамматического определения того, что составляет “восстанавливаемое устранение” <...> В обычной речи огромное количество эллипсиса имен (включая классификаторы), глаголов, предлогов и союзов вносит неразбериху даже в элементарное правило о позиции квантификатора (имеется в виду – классификатора – Т.П.)» (There is no purely structural or grammatical characterization in Khmer of what constitutes a “recoverable deletion” <...> The massive amount of ellipses in normal prose of nouns (including classifier nouns), verbs, prepositions, and conjunctions messes up even the rudimentary quantifier placement rule) [Haiman 2011, с. 123].

Среди примеров, имеющих целью доказать этот тезис, проф. Хайман приводит примеры (58а-в), имеющие отношение к наличию/отсутствию классификатора в конструкции с числительным. Пример (58б) призван показать, что «классификаторы в позиции после числительных в основном факультативны (или подвергаются устранению)» (post-numeral classifiers are largely optional (or subject to deletion)), (58в) – что «вершинное имя также свободно опускается» (heads are also free to drop) [Haiman 2011, с. 123].

(58a)	<i>cru:k pi: kba:l</i>	(58б)	<i>cru:k pi:</i>	(58в)	<i>pi: kba:l</i>
	свинья два CLF		две свиньи		два CLF
	‘две свиньи’		‘две свиньи’		‘две _____’

Все, что было сказано нами о классификаторах в языке ма, свидетельствует о том, что проф. Хайман ошибается. Его примеры вовсе не результат того, что говорящие на кхмерском языке придерживаются принципа «наименьших усилий»: «Все эти потенциальные возможности для создания огромной путаницы – это цена, которую говорящие на кхмерском языке могут, несомненно, заплатить за то, что они придерживаются принципа наименьших усилий» (All this potential for massive confusion is the price that Cambodian speakers can apparently pay for adhering to a principle of least effort) [Haiman 2011, с. 124]. На самом деле все гораздо проще и не требует для своего объяснения сложных идеологем. (58в) – пример употребления классификатора в анафорической функции, а (58б) вполне может оказаться частью именной группы типа той, которая представлена в примере (52), т.е. «имя – числительное – указательное местоимение в анафорической функции».

Из предложенного нами анализа употребления классификаторов в языке ма с очевидностью следует, что классификаторы являются неотъемлемой частью синтаксической, семантической и коммуникативной структуры предложения, поэтому анализировать их употребление на примере словосочетаний типа тех, которые приведены в (58 б-в), бесполезно и даже нелепо.

Сокращения и условные обозначения

асем.	асемантичный	NEG	отрицание
Вар.	вариант	NMZ	номинализация
др.кхм.	древнекхмерский	ORD	порядковое числительное
ИГ	именная группа	PL	множественное число
кхм.	кхмерский	POS	посессивность
COMIT	комитатив	PRF	перфектив
COP	связка	REZ	результатив
CLF	классификатор	SG	единственное число
DAT	датив	+	гlossирование комплексной номинации
DUR	дуратив	[]	факультативность
EX	эксклюзивный	< >	опущение при аудиозаписи
FUT	будущее время	{ }	транслитерация
IMPS	безличный		

Источники

ВПр	«Вопросительные предложения»
АТР	«Атрибутивные отношения»
КЛФ	«Классификаторы»
ПрП	«Простые предложения»
СКД	«Сказуемое-дополнение»
СЛЖ	«Сложные предложения»
КЛФ 136 (РН)	код предложения в анкете.

Литература

1. Горгониев Ю. А. *Грамматика кхмерского языка*. М., 1966.
2. Соколовская Н. К, Нгуен Ван Тай. *Язык мыонг. Лингвистический очерк // Материалы Советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык мыонг*. М., «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1987.
3. Солнцев В. М. *Введение в теорию изолирующих языков*. М., 1995.
4. Haiman J. Competing motivations // Jae Jung Song ed., *The Oxford Handbook of Linguistic Typology*. Oxford university press, 2011. Pp. 121-124. .
5. Diffloth G Dvaravati. *Old Mon language and Nyah Kur*. Bangkok, 1984.
6. Sim Sok Hui. *The semantics and grammar of Vietnamese classifiers*. A dissertation submitted for the degree of Master of Arts, National university of Singapore, 2003.

Опыт измерения частотности грамматических типов монгольских аналитических форм

В работе сделана попытка измерить употребительность грамматических типов аналитических форм (ГрТАнФ) монгольского языка. Эвристически наиболее плодотворным признаётся «широкий» подход к аналитическим формам, представленный в т.н. теории «грамматикализации» или «грамматизации»; но этот подход должен быть дополнен количественными методами, разработанными в корпусной лингвистике. Подсчёт делался на материале Генерального корпуса монгольского языка. На его материале изучены наиболее употребительные грамматические типы аналитических форм. В таблице даётся ранговый список 729 наиболее употребительных ГрТАнФ, абсолютная частотность которых превышает 12 вхождений, а относительная – 11 ipm (instances per million words – вхождений на миллион слов).

В настоящей работе ставится задача измерить употребительность грамматических типов аналитических форм монгольского языка. Одна из главных трудностей такого исследования заключается в том, что границы самого инвентаря аналитических форм не вполне ясны. По-видимому, это множество имеет диффузную природу, то есть его границы расплывчаты. Тем не менее они поддаются исследованию достаточно точными методами, если эти методы будут иметь характер, адекватный своему реальному объекту, то есть количественный характер. Для этого необходимо на некотором первичном этапе исследования условиться, какие именно формально диагностируемые признаки есть у аналитических форм.

Представляется, что эвристически наиболее плодотворный подход к аналитическим конструкциям и аналитическим формам – так называемый «широкий» подход, представленный в т. н. теории «грамматикализации» (по [Meillet 1965 (1912)]¹) или «грамматизации»². Однако эти авторы при выделении аналитических конструкций (и аналитических форм) не прибегают к количественным (статистическим, квантитативным) методам, ограничиваясь характеристикой семантической и синтаксической специфики этих сочетаний.

Цель работы – первичная квантитативная систематизация материала монгольского языка на материале специально разработанного Генерального

¹ Ср. также работы Б. Хайне, Кр. Лемана, Дж. Байби (1980-х гг.), а в XXI в. – Н.Р. Сумбатовой, Т.А. Майсака и др.

² См., напр., работы В.В. Виноградова [Виноградов 1947], С.Д. Кацнельсона [Кацнельсон 1948], В.М. Жирмунского [Жирмунский 1965], В.Г. Гака [Гак 1965], Ю.С. Маслова [Маслов 1975, Маслов 1978] и др.

корпуса современного монгольского языка (ГКМЯ-1а), представленного в ряде предшествующих публикаций автора (см. Крылов 2014, 2017а, 2017б, 2018а, 2018б и указанную там литературу)³.

Изложение материала будет наиболее наглядным, если мы представим его в табличной форме.

Табл. 1а. Грамматические типы аналитических форм (ГрТАнФ) монгольского языка. Ранговый список

В ранговый список включены не все ГрТАнФ монгольского языка, а лишь наиболее употребительные 729 моделей. Пороговое значение для включения в список составляет 12 вхождений (в корпус ГКМЯ-1а), или 11 *ipm*.

ГрТАнФ состоит из знаменательного и строевого компонентов.

В I столбце дан список тех форм, которые относятся к данному ГрТАнФ.

Во II столбце задано имя той (по определению, синтетической) грамматики (грамматической формы), к которой принадлежит знаменательный компонент данной аналитической формы.

В III столбце задана структурная схема строевого компонента данного ГрТАнФ.

Обобщающий символ *Z* обозначает знаменательный компонент. Наличие этого символа в структурной схеме отнюдь не является избыточным (как это может показаться): линейная позиция этого символа (в конце, в начале и в середине схемы) отражает линейную позицию знаменательного компонента в соответствующей аналитической форме.

В IV столбце даётся абсолютная встречаемость ГрТАнФ в ГКМЯ-1а. Этот параметр принимает значения от 3993 до 12.

В III столбце даётся относительная частотность ГрТАнФ в ГКМЯ-1а, измеренная в *ipm*. Этот параметр принимает значения от 3516 до 11.

В IV столбце даётся ранг ГрТАнФ в ГКМЯ-1а. Этот параметр принимает значения от 1 до 729.

³ Квантитативная систематизация даётся в духе метода дистрибутивно-статистического анализа А.Я. Шайкевича, см. [Шайкевич и др. 2013; Шайкевич и др. 2016].

I	II	III	IV	V	VI
<p>ер нь; зарим нь; сэтгэл нь; энэ нь; уг нь; тэр нь; царай нь; бие нь; хүү нь; ард нь; зүрх нь; хөл нь; ээж нь; хоёр нь; гар нь; нөгөө нь; ах нь; морь нь; эцэг нь; аав нь; газар нь; эхнэр нь; нөхөр нь; толгой нь; эзэн нь; гол нь; хоолой нь; охин нь; нүүр нь; үс нь; нөхөд нь; ухаан нь; гэр нь; зах нь; хүн нь; арга нь; бүхэн нь; багш нь; байдал нь; уруул нь; эмгэн нь; мөр нь; жилишээ нь; нэр нь; хамар нь; чих нь; хөмсөг нь; цээж нь; шүд нь; үзүүр нь; нохой нь; хүүхэд нь; хэсэг нь; шөнө нь; өдөр нь; бодол нь; өнгө нь; нойр нь; нуруу нь; сүнс нь; эг чмэд нь; уур нь; хөлс нь; ажил нь; аль нь; дүү нь; зориг нь; авгай нь; амьдрал нь; гал нь; ижийг нь; үнэр нь; амьсгал нь; буйг нь; гэм нь; дарга нь; зан нь; эрэг нь; цаг нь; шар нь; эгч нь; өвдөг нь; өвчин нь; гээжг нь; зовхи нь; урам нь; утга нь; хүсэл нь; хацар нь; хэрэг нь; зам нь; сайхан нь; сахал нь; тэрэг нь; эр нь; дээл нь; инээд нь; хүмүүс нь; хонь нь; хувцас нь</p>	<p>NOM</p>	<p>Z нь</p>	<p>3993</p>	<p>3516</p>	<p>1</p>
<p>хүүг минь; ээж минь; аав минь; дүү минь; охин минь; зүрх минь; өвгөн минь; бурхан минь; нөхөр минь; орон минь; хөөрхий минь; тэр минь; ах минь; эрдэнэ минь; хонгор минь; сэтгэл минь; нас минь; нутаг минь; нөхөд минь; найз минь; эвий минь; бие минь; үр минь; тэнгэр минь; эцэг минь; ижийг минь; морь минь; эгч минь; эжийг минь; дарга минь; эзэн минь; долгор минь; амраг минь; москва минь; наваан минь; эхнэр минь; багш минь; хүүхэд минь</p>	<p>NOM</p>	<p>Z минь</p>	<p>1338</p>	<p>1178</p>	<p>2</p>
<p>ямар ч; бүр ч; улам ч; энэ ч; тийм ч; тэр ч; хүн ч; үнэхээр ч; хоёр ч; хичнээн ч; өчүүхэн ч; аль ч; ганц ч; огтхон ч; арай ч; сайхан ч; нээрэн ч; түүгээр ч; хүмүүс ч; хүү ч; өвгөн ч; нэрээ ч; олон ч; бүүр ч; балданцэрэн ч; дежид ч; ийм ч; муу ч; явдал ч гэж эрдэнэ; гэж сэтгэл; гэж өвгөн; гэж бат; гэж дахин; гэж төмөр; гэж балданцэрэн; гэж хонгор; гэж дорж; гэж толгой; гэж жаргал; гэж огт; гэж хоёр; гэж ээж; гэж долгор; гэж жигтэйхэн; гэж буддун; гэж бие; гэж зарлиг; гэж хоолой; гэж шонхолой; гэж должин; гэж ер; гэж баахан; гэж дулмаа; гэж хичнээн; гэж өндөр; гэж багш; гэж баяр; гэж танзориг; гэж данзан; гэж залуу; гэж сүхбаатар; гэж хуяг; гэж самбаа; гэж эмгэн; гэж арай; гэж довчин; гэж худал; гэж өлзий; гэж павлов; гэж сулхан; гэж түгжил; гэж хүн; гэж хагуу; гэж хэсэг</p>	<p>NOM</p>	<p>Z ч</p>	<p>1141</p>	<p>1003</p>	<p>3</p>
<p>их л; дэмий л; төдий л; тэр л; ийм л; энэ л; арай л; улам л; аанай л; тийм л; хүн л; өнөөх л; зөвхөн л; нээрээ л; хоёр л; цөм л; бүх л; чухам л; нөгөө л</p>	<p>NOM</p>	<p>Z л</p>	<p>802</p>	<p>706</p>	<p>5</p>

нэг нь; нүд нь; өглөө нь; ам нь; санаа нь; ус нь; үг нь; амьстгаа нь; заяа нь; мах нь; чимээ нь; хаашга нь	ABS-NOM	Z нь	740	650	6
нэг өдөр; нэг хэсэг; нэг хүн; нэг үе; нэг том; нэг муу; нэг хоёр; нэг залуу; нэг сайн; нэг зэрэг; нэг газар; нэг сайхан; нэг шөнө; нэг эр; нэг хүүхэд	NOM	нэг Z	699	615	7
нэг хоёр; энэ хүн; энэ зуур; энэ муу; энэ жил; энэ даруй; энэ сайхан; энэ өдөр; энэ шөнө; энэ газар; энэ дэлхийн; энэ явдал; энэ лав; энэ хүүхэн; энэ муусайн; энэ том; энэ хүү; энэ завсар; энэ өвгөн; энэ хэрэг	NOM	энэ Z	653	577	8
тэр хоёр; тэр хүн; тэр шөнө; тэр өдөр; тэр зүт; тэр сайхан; тэр жил; тэр том; тэр завсар; тэр муу; тэр залуу; тэр даруй; тэр зун; тэр зуур; тэр ойн; тэр намар	NOM	тэр Z	637	561	9
сэтгэлд нь; оронд нь; өөрт нь; нүүрэнд нь; санаанд нь; гарт нь; үүнд нь; царайд нь; хөлд нь; биед нь; магнайд нь; замд нь; цагт нь; амьдралд нь; түүнд нь; бүрд нь; биенд нь; хоолойд нь; голд нь; дуунд нь; зүрхэнд нь; толгойд нь	DAT	Z нь	554	489	10
энэ чинь; тэр чинь; аав чинь; өвгөн чинь; хүү чинь; хүн чинь; ах чинь; бие чинь; нөхөр чинь; ээж чинь; эцэг чинь	NOM	Z чинь	511	448	11
орон дээр; эрэг дээр; толгой дээр; дээд дээр; газар дээр; дэнж дээр; сандал дээр; шалан дээр; зам дээр; хорвоо дээр; гар дээр; бүр дээр; буудал дээр; ертөнц дээр; зах дээр; ирмэг дээр; талбай дээр; гал дээр; хичээл дээр; хог дээр; дэлхий дээр; тавцан дээр; өвөр дээр; дэвсгэр дээр; хачар дээр	NOM	Z дээр	469	413	12
энэ бол; тэр бол; хүн бол; тийм бол; сан бол	NOM	Z бол	463	407	13
мөн л; бас л	{PART}	Z л	442	389	14
би ч; хэн ч; чи ч; бид ч; та ч	SBJ	Z ч	431	379	15
хүн шиг; хүүхэд шиг; чам шиг; шувуу шиг; чулуу шиг; морь шиг; гэрцэг шиг; сар шиг; гал шиг; хоёр шиг; чоно шиг; зураг шиг; мал шиг; нохой шиг; тэнгэр шиг; могой шиг; гол шиг; сүүдэр шиг	NOM	Z шиг	427	378	16
гэж бодов; гэж асуув; гэж хэлэв; гэж хаширав; гэж харуулав; гэж илгээв; гэж тушаав; гэж шивнэв; гэж шивэгнэв; гэж бодолдов; гэж дуудав; гэж оролдов	VF.IND.AOR	гэж Z	417	368	17
бүх юм; өөр юм; хүн юм; их юм; сайхан юм; муу юм; олон юм; тийм юм; ийм юм; дэмий юм; сонин юм; улс юм; амьтан юм; хачин юм; хэцүү юм; сайн юм; хамаг юм	NOM	Z юм	399	352	18
мөн ч; харин ч; бас ч; тун ч; маань ч	{PART}	Z ч	395	348	19
дараа нь; маргааш нь; орой нь; урьд нь	{TEMP};NOM	Z нь	391	343	20

сэтгэлийг нь; гарыг нь; өөрийг нь; нүдийг нь; толгойг нь; морийг нь; бүдгийг нь; үгийг нь; амыг нь; зурхийг нь; нэрийг нь; бусдыг нь; хаярыг нь; биеийг нь; түүнийг нь; нүүрийг нь; хөлийг нь; цөмийг нь; заримыг нь; учрыг нь	ACC	Z нь	381	335	21
гэхэд нь; өгөхөд нь; суухад нь; тэгэхэд нь; гарахад нь; ороход нь	PC.PROSP-DAT	Z нь	376	331	22
гэж бодоод; гэж хэлээд; гэж хашгираад; гэж үзээд; гэж санаад;	CVB.ANT	гэж Z	374	329	23
гэж шийдээд; гэж яваад					
ширээн дээр; чулуун дээр; даван дээр; цаасан дээр; түүн дээр; уяан дээр; морин дээр; нуруун дээр; хаалган дээр; үүдэн дээр; ногоон дээр; цасан дээр; модон дээр; нүдэн дээр; тэргэн дээр; хүрэн дээр; мөсөн дээр; усан дээр; нүүрэн дээр; юман дээр	REL-NOM	Z дээр	365	320	24
миний хүү; миний бие; миний дүү; миний нутаг; миний нэр; миний охин; миний аав; миний өвгөн; миний хоёр; миний муу; миний ард; миний сэтгэл	NOM	миний Z	336	297	25
эцэст нь; хариуд нь; сүүлд нь; эзэд нь	NOM & DAT	Z нь	310	273	26
бид хоёр	NOM	бид Z	300	264	27
та нар; бид нар	SBJ	Z нар	294	258	28
юу ч	{PART} & ABS-NOM	Z ч	291	256	29
нэг л	ABS-NOM	Z л	282	248	30
тийм ээ; ээж ээ; хэрэг ээ; тэр ээ	NOM	Z ээ	238	209	31
гэж байна; харгалж байна; асууж байна; санаж байна; зогсож байна; итгэж байна; хүлээж байна; хүсэж байна	CVB.CNGR	Z байна	233	206	32
хэрэг үү; тийм үү; тэр үү; энэ үү; хүн үү; үнэн үү	NOM	Z үү	229	201	33
энэ вэ; тэр вэ; аль вэ; хэрэг вэ; улс вэ; тэр вэ; золиг вэ; хүүхэд вэ	NOM	Z вэ	227	201	34
энэ үед; энэ дэлхийд; энэ үгэнд; энэ удаад; энэ хүнд; энэ хорвоод; энэ бүхэнд	DAT	энэ Z	225	198	35
гэж нь; цаадах нь; ихэнх нь; өгүүлэх нь; үзэгдэх нь; үзэх нь; үхэх нь; суух нь; тавих нь; харгалдах нь; ярицлах нь	PC.PROSP-NOM	Z нь	218	192	36
гэж үү	CVB.CNGR	Z үү	216	190	37

хэзээ ч, одоо ч	{TEMP,NOM}	Z ч	216	190	38
гээд эрдэнэ; гээд төмөр; гээд баяг; гээд хонгор; гээд жаргал; гээд гэрэл; гээд өвгөн; гээд дахин; гээд жамбал; гээд петр; гээд сүхбаатар; гээд түгжил хүн байна; энэ байна; тийм байна; сайхан байна; ямар байна; тэр байна; сайн байна; бэлэн байна; газар байна; морь байна; муу байна; хэрэг байна	NOM	гээд Z	214	188	39
тэгээд л; гээд л, ингээд л	NOM	Z байна	204	181	40
гэж байгаа; зогсож байгаа; идэж байгаа; унтаж байгаа; хүлээж байгаа; харагдаж байгаа; урсаж байгаа; тоглож байгаа	CVB.ANT	Z л	200	177	41
эх нь; дуу нь; гэдэс нь; зүс нь; яс нь; хуруу нь	CVB.CNGR	Z байгаа	197	173	42
жилийн өмнө; юуны өмнө; олны өмнө; нүдний өмнө; түүний өмнө	NOM & ABS-NOM	Z нь	197	174	43
чи минь; та минь	GEN-NOM	Z өмнө	189	167	44
гэж хаширан; гэж гайхан; гэж үзэн; гэж шивнэн; гэж бологдон;	SBJ	Z минь	187	165	45
гэж өгүүлэн; гэж хэлэн; гэж байрлан; гэж дуудан; гэж инээмсэглэн; гэж харамсан	CVB.MOD	гэж Z	186	164	46
хэдэн хүн; хэдэн жил; хэдэн давхар; хэдэн өдөр; хэдэн хоног; хэдэн том; хэдэн сар	NOM	хэдэн Z	186	162	47
энэ үгийг; энэ гэрийг; энэ хүнийг; энэ дууг; энэ хоёрыг	ACC	энэ Z	184	162	48
би чинь; чи чинь; бид чинь; та чинь	SBJ	Z чинь	172	152	49
орон дээрээ; хөл дээрээ; өвдөг дээрээ; өвөр дээрээ; гар дээрээ; эмээл дээрээ; толгой дээрээ; хэрэг дээрээ	NOM	Z дээрээ	168	148	50
олон жил; олон хүн; олон хоног; олон дахин; олон сайхан	NOM	олон Z	168	149	51
нэгэн өдөр; нэгэн зэрэг; нэгэн хэсэг; нэгэн сайхан; нэгэн зүйл; нэгэн том	NOM	нэгэн Z	165	145	52
гэлээ ч, яалаа ч	VF.IND.PROF-EMPH	Z ч	165	146	53
гэж болно; гэж санана; гэж бологдоно; гэж явна	VF.IND.PRSI	гэж Z	163	144	54
гэж болон; гэж явран	NOM & CVB.MOD	гэж Z	162	142	55
нүдэнд нь; чихэнд нь; амаанд нь	REL-DAI	Z нь	158	138	56
сэтгэлий нь; өөрий нь; гары нь; хөлий нь; биеий нь; нүүрий нь; учры нь; үгий нь; гэрий нь; амы нь; нэрий нь	GEN/ACC	Z нь	155	136	57
нэг удаа; анх удаа	ABS-NOM	Z удаа	151	132	58
лам нар; дүү нар; дарга нар; шар нар; багш нар; ач нар; хурц нар	NOM	Z нар	151	134	59

шүүрэн авч; татан авч; хүлээн авч; гэврэн авч; гэврэн авч; утган авч; таслан авч	CVB.MOD	Z авч	150	131	60
гэдэг юм; яадаг юм; ирдэг юм; санагддаг юм; авдаг юм; суудаг юм; ургадаг юм; хийдэг юм	PC.US-NOM	Z юм	144	128	61
өөрийн нь; нүдний нь; түүний нь; морины нь; үүний нь шив дээ; ээ дээ; үгүй дээ	GEN-NOM {PART}	Z нь Z дээ	143 140	126 123	62 63
гэдэг чинь	PC.US-NOM	Z чинь	139	122	64
багш аа; ах аа; аав аа; жанжин аа; найз аа; дарга аа	NOM	Z аа	138	123	65
бүү мэд	V.FORT.IMP	бүү Z	136	120	66
гэж бодоход; гэж асуухад; гэж хэлэхэд	PC.PROSP-DAT	гэж Z	133	117	67
нэг мэдэхэд; нэг харахад; нэг бодоход	PC.PROSP-DAT	нэг Z	130	115	68
хүн дээ; тийм дээ; энэ дээ; тэр дээ; хэрэг дээ	NOM	Z дээ	129	114	69
энэ удаа; олон удаа; хоёр удаа; эцсийн удаа	NOM	Z удаа	126	110	70
тэр цагт; тэр үед; тэр хүнд	DAT	тэр Z	124	109	71
гэсэн үг	ABS-NOM	гэсэн Z	123	108	72
гэж бодсон; гэж хэлсэн; гэж алдаршсан; гэж ирсэн	PC.PRF-NOM	гэж Z	121	106	73
юу вэ	{PART} & ABS-NOM	Z вэ	121	106	74
талаас нь; нүднээс нь; гараас нь; амнаас нь; бүрээс нь; сэтгэлээс нь	ABL	Z нь	120	107	75
гэрийн дотор; зуурын дотор; түүний дотор; хүний дотор; сэтгэлийн дотор; миний дотор; жилийн дотор	GEN-NOM	Z дотор	120	106	76
үгүй ээ; харин ээ	{PART}	Z ээ	120	105	77
гэдэг газар; гэдэг бодол; гэдэг хүн; гэдэг амьтан; гэдэг нэр	NOM	гэдэг Z	114	101	78
гэсэн юм; мэдсэн юм; орхисон юм	PC.PRF-NOM	Z юм	113	100	79
орны минь; нутгийн минь; ээжийн минь; биеийн минь; сэтгэлийн минь; хүүгийн минь; чиний минь	GEN-NOM	Z минь	108	96	80
хэд дахин; хэд хоног	NOM	хэд Z	108	95	81
гэдэг нь	PC.US-NOM	Z нь	108	95	82
ёстой л	COM-NOM	Z л	103	91	83

хүн бэ; амьтан бэ; сайхан бэ	NOM	Z бэ	102	89	84
дүгэр гуай; банди гуай; шарав гуай; ням гуай; янжин гуай; өвгөн гуай; эрдэнэ гуай	NOM	Z гуай	102	90	85
хүн биш; тийм биш; хэрэг биш	NOM	Z биш	98	86	86
хэлүүлсэн нь; бичсэн нь; гэсэн нь; тавьсан нь; ярьсан нь; өмссөн нь	PC.PRF-NOM	Z нь	98	87	87
ГЭЖ ВЭ; ЯАХ ВЭ; ТААРАХ ВЭ	PC.PROSP-NOM	Z вэ	98	87	88
аль болохоор; хүн болохоор; тийм болохоор	NOM	Z болохоор	94	82	89
их амар; их жанжин; их сургууль; их баяр; их хэрэг	NOM	их Z	94	83	90
нэг ч; үг ч	ABS-NOM	Z ч	93	82	91
хүн болж; тус болж; их болж; эр болж; аз болж	NOM	Z болж	91	80	92
гэсэн шиг	PC.PRF-NOM	Z шиг	90	79	93
хажууд нь; урд нь	{LOC}DAT	Z нь	90	79	94
тэр хүний; тэр үеийн; тэр цагийн; тэр жилийн; тэр уулын	GEN-NOM	тэр Z	89	78	95
хэлэн зуун; хэдэн арван; хэдэн мянган	REL-NOM	хэдэн Z	89	79	96
тэр хоёрыг; тэр хүнийг; тэр үгийг; тэр бүрийг	ACC	тэр Z	88	78	97
бусад нь	{ADV}DAT	Z нь	86	76	98
сум шиг; од шиг; сүү шиг; цас шиг; дуу шиг	NOM & ABS-NOM	Z шиг	85	75	99
нэг юм	ABS-NOM	Z юм	84	74	100
яг л	{ADV}	Z л	84	74	101
цааш нь; доош нь; дээш нь; нааш нь	{LOC}LAT	Z нь	83	73	102
зогсож байлаа; санагдаж байлаа; хүлээж байлаа; унтаж байлаа; чичирч байлаа	CVB.CNGR	Z байлаа	82	72	103
араас нь	NOM & ABL	Z нь	81	71	104
өмнөөс нь; дороос нь; дээрээс нь	{LOC}ABL	Z нь	81	71	105
энэ билээ; тэр билээ; хүн билээ; сан билээ	NOM	Z билээ	80	71	106
та хоёр	NOM	та Z	80	70	107
энд тэнд	DAT	энд Z	79	70	108
зогсож байсан; гэж байсан; ажиллаж байсан; хүлээж байсан	CVB.CNGR	Z байсан	77	67	109
гэж болж; гэж хэлж	CVB.CNGR	гэж Z	77	67	110

аль. Хэдийн	GEN-NOM	аль Z	77	68	111
юу билээ	{PART} & ABS-NOM	Z билээ	77	68	112
тэгээд ч	CVB.ANT	Z ч	76	67	113
олон хүний; олон жилийн; олон улсын	GEN-NOM	олон Z	76	68	114
гэж дотроо	{LOC}ESS2-POSS.REFL	гэж Z	75	66	115
хэнд ч; юунд ч	DAT	Z ч	72	63	116
зүүн талыг; баруун талыг; хоёр талын	NOM	Z талын	72	63	117
гэж зарлиг болов	NOM	гэж Z болов	72	63	118
түүнээс хойш; түүнээс цааш	{LOC}LAT	түүнээс Z	72	64	119
гэж дуу; гэж хариу	NOM & ABS-NOM	гэж Z	70	62	120
хоол хийж; ажил хийж; цай хийж	NOM	Z хийж	70	62	121
гэсэн ч; яасан ч	PC.PRF-NOM	Z ч	70	61	122
бас тэгээд	CVB.ANT	бас Z	69	61	123
хэрэг алга; хүн алга; арга алга; даанч алга	NOM	Z алга	69	61	124
тэр дунд; шөнө дунд; өдөр дунд; бага дунд	NOM	Z дунд	69	61	125
хүн шүү; амьтан шүү; сайхан шүү	NOM	Z шүү	69	61	126
нөгөө хоёр; нөгөө хүн; нөгөө муу	NOM	нөгөө Z	69	61	127
дэргэд нь; хооронд нь; өмнө нь	{LOC}NOM	Z нь	69	61	128
ганц хоёр; ганц бие; ганц хүн; ганц хүү	NOM	ганц Z	67	59	129
гэж бодлоо; гэж сэтгэлээ	POSS.REFL & VF.IND.PROF-EMPH	гэж Z	66	58	130
гэнэ билээ	VF.IND.PRS1	Z билээ	66	58	131
гэж хэлэх; гэж бодох; гэж хаширах	PC.PROSP-NOM	гэж Z	65	57	132
би бол; чи бол	SBJ	Z бол	65	57	133
учир нь	{PART}NOM	Z нь	63	55	134
нэгэн удаа; хэдэн удаа; гурван удаа	REL-NOM	Z удаа	62	55	135
зогсож байв; санагдаж байв; ажиллаж байв	CVB.CNGR	Z байв	61	54	136
гэсэн чинь; тэгсэн чинь	PC.PRF-NOM	Z чинь	61	54	137
гэж нүдээ; гэж үгээ; гэж өөрөө; гэж биеэ; гэж нямаа	POSS.REFL	гэж Z	61	54	138
инээд алдан; хөл алдан; ухаан алдан; уулга алдан	NOM	Z алдан	60	52	139

бас чингис; бас дахин; бас хоёр	NOM	бас Z	60	53	140
тас няс; тас харанхуй	NOM	тас Z	60	53	141
гэж ам; гэж санаа; гэж үг	ABS-NOM	гэж Z	58	52	142
хүн байлаа; хэрэг байлаа; тэр байлаа	NOM	Z байлаа	58	51	143
олон таван; олон түмэн; олон зуун; олон анчин	REL-NOM	олон Z	58	51	144
бид хоёрын	ABS-GEN-NOM	бид Z	57	50	145
дахиад л	NOM & CVB.ANT	Z л	57	50	146
энэ тухай; тэр тухай	NOM	Z тухай	57	50	147
гэсэн боловч; оролдсон боловч	PC-PRF-NOM	Z боловч	57	50	148
наадах чинь; цаадах чинь	PC-PROSP-NOM	Z чинь	57	50	149
гэж болдог; гэж үздэг; гэж нэрлэдэг	PC.US-NOM	гэж Z	57	50	150
энэ учраас	{PART}ABL	энэ Z	57	50	151
нөгөө талаар	INSTR	нөгөө Z	56	49	152
аягүй бол	NOM & CAR-NOM	Z бол	56	49	153
идэх юм; гэх юм; санагдах юм	PC-PROSP-NOM	Z юм	56	49	154
санаа алдан	ABS-NOM	Z алдан	55	48	155
энэ хүний; энэ улын; энэ хорвоогийн	GEN-NOM	энэ Z	55	48	156
хэн бэ	SBJ	Z бэ	55	48	157
гэж итгэлт	A.COM-NOM	гэж Z	54	48	158
үүнээс хойш; үдээс хойш	ABL	Z хойш	54	48	159
ийш тийш	LAT	Z тийш	54	48	160
дасал болсон; цаг болсон; цус болсон	NOM	Z болсон	54	48	161
лам нарын; багш нарын; дарга нарын	NOM	Z нарын	54	48	162
гэсэн бодол; гэсэн хэрэг	NOM	гэсэн Z	54	47	163
гэтэл одоо; гэтэл гэнэт; гэтэл өнөөдөр	{TEMP}NOM	гэтэл Z	54	48	164
өөдөөс нь	ABL?	Z нь	53	47	165
олны дунд; харанхуйн дунд; хүмүүсийн дунд	GEN-NOM	Z дунд	53	47	166
би л, чи л	SBJ	Z л	53	47	167
гэж зүүдэллээ; гэж хэллээ; гэж ирлээ; гэж ярилаа	VF.IND.PROF-EMPH	гэж Z	53	47	168
за яахав	{COMM}	Z яахав	53	47	169

гэгж л; ингэж л; тэгж л	CVB.CNGR	Z л	52	46	170
гэгч нь	PC.ACT-NOM	Z нь	52	46	171
гэдэг бол	PC.US-NOM	Z бол	52	46	172
гэнэ шүү; орхино шүү	VF.IND.PRSI	Z шүү	52	45	173
гэсэн юм шиг; болчихсон юм шиг; мэдсэн юм шиг	PC.PRF-NOM	Z юм шиг	51	45	174
гэгж болохоос	PC.PROSP-ABL	гэгж Z	51	45	175
гэх шиг	PC.PROSP-NOM	Z шиг	51	45	176
та нарын	SBJ	Z нарын	51	45	177
хойноос нь; гаднаас нь	{LOC ESSI-ABL}	Z нь	51	45	178
та нарыг	ACC & ACC	та Z	50	44	179
болсноос хойш; ирснээс хойш; явснаас хойш	PC.PRF-ABL	Z хойш	49	43	180
тэгэхээр нь; гэхээр нь; байхаар нь	PC.PROSP-INSTR	Z нь	49	42	181
энэ уг; энэ гурав	ABS-NOM	энэ Z	48	42	182
над шиг	DAT	Z шиг	48	42	183
баруун тийш; зүүн тийш; хоёр тийш	NOM	Z тийш	48	42	184
чи бид хоёр	NOM	чи бид Z	48	42	185
мод шиг; уул шиг	ABS-NOM & NOM	Z шиг	47	42	186
гэгж дээ	CVB.CNGR	Z дээ	47	41	187
их талын; их зохиолчийн; их хурлын; их усны	GEN-NOM	их Z	47	42	188
нэг хүний; нэг ёсны; нэг бодлын	GEN-NOM	нэг Z	47	41	189
та нарт	NOM & A.COM-NOM & DAT	та Z	47	41	190
одоо л	{TEMP NOM}	Z л	47	41	191
юутай ч; хэнтэй ч	COM-NOM	Z ч	46	40	192
буцаж ирээд; гүйж ирээд; давхиж ирээд	CVB.CNGR	Z ирээд	46	40	193
дуугаар хэлэв	INSTR	Z хэлэв	46	40	194
сайн байна уу	NOM	Z байна уу	46	40	195
ямар боловч; бага боловч; хүн боловч	NOM	Z боловч	46	40	196
ийм сайхан; ийм том	NOM	ийм Z	46	41	197
эс бол; үгүй бол	{PART}	Z бол	46	40	198
ус руу; ам руу; хаалга руу	ABS-NOM	Z руу	45	40	199

тэгж байтал; гэж байтал	CVB.CNGR	Z байтал	45	39	200
нэгэн цагт	DAT	нэгэн Z	45	40	201
хүн шүү дээ; амьтан шүү дээ	NOM	Z шүү дээ	45	40	202
тийм том; тийм сайхан; тийм хүн	NOM	тийм Z	45	40	203
гэх мэт; инээмсэглэх мэт	PC.PROSP-NOM	Z мэт	45	40	204
би өөрөө; би чамайгаа	POSS-REFL	би Z	45	40	205
бус уу	{PART}	Z уу	45	40	206
зүгээр л	INSTR	Z л	44	39	207
дуу алдан	NOM & ABS-NOM	Z алдан	44	39	208
нэг бүрийг; нэг хүнийг; нэг зүйлийг	ACC	нэг Z	43	38	209
бараг л	NOM & VF.OPT.JUSS	Z л	43	38	210
хэнээс ч; хаанаас ч; юунаас ч	ABL	Z ч	42	37	211
гэдэг үг	ABS-NOM	гэдэг Z	42	37	212
байлгүй дээ	CAR-NOM	Z дээ	42	37	213
над руу	DAT	Z руу	42	37	214
бага зэрэг; бага балчир	NOM	бага Z	42	37	215
манай багш; манай хоёр; манай муу	NOM	манай Z	42	37	216
би одоо; би өнөөдөр	{TEMP};NOM	би Z	42	37	217
санаж байна уу; гэж байна уу	CVB.CNGR	Z байна уу	41	36	218
баруун талд; зүүн талд; хоёр талд	NOM	Z талд	41	37	219
зарим хүмүүс; зарим газар; зарим хүн	NOM	зарим Z	41	36	220
гээд итгэлт	A.COM-NOM	гээд Z	40	35	221
аргагүй л	CAR-NOM	Z л	40	35	222
ердөө л	DAT-POSS-REFL	Z л	40	35	223
ай даа	NOM & VF.OPT.IMP	Z даа	40	35	224
тэр байтугай; хүн байтугай	NOM	Z байтугай	40	36	225
амьтан даа; яамай даа; яршиг даа	NOM	Z даа	40	35	226
энэ мэт; буй мэт	NOM	Z мэт	40	35	227
тэр ч байтугай	NOM	Z ч байтугай	40	35	228
гэсэн мэт	PC-PRF-NOM	Z мэт	40	35	229

өөрөө ч	POSS.REFL	Z ч	40	35	230
үл мэднэ	{PART}	Z мэднэ	40	35	231
бид хоёрыг	ACC	бид Z	39	34	232
гэж бодож байна	CVB,CNGR	гэж Z байна	39	34	233
галын дэргэд; миний дэргэд	GEN-NOM	Z дэргэд	39	34	234
морин дээрээ; алган дээрээ; дөрвөн дээрээ	REL-NOM	Z дээрээ	39	34	235
урьд өмнө	{TEMP}NOM	Z өмнө	39	34	236
тэр орой	{TEMP}NOM	тэр Z	39	34	237
ус шиг; нүд шиг	ABS-NOM	Z шиг	38	33	238
гэх зэргээр; гэх мэтгээр	INSTR	гэх Z	38	34	239
өөр хүн; өөр арга	NOM	өөр Z	38	34	240
явсны дараа; болсны дараа	PC.PR-F-GEN-NOM	Z дараа	38	34	241
авахгүй бол; тэгэхгүй бол; өгөхгүй бол	PC.PROSP-CAR-NOM	Z бол	38	34	242
тэр дундаас	{LOC}ABL	тэр Z	38	33	243
дээр нь; доор нь	{LOC}ESS2	Z нь	38	33	244
усанд орж; үгэнд орж; өрөөнд орж	DAT	Z орж	37	32	245
байхав дээ; яхав дээ	PC.PROSP-QUEST(S)	Z дээ	37	32	246
буй заа	V.FORT.IMP	буй Z	37	33	247
юу байх вэ	{PART} & ABS-NOM	Z байх вэ	37	33	248
чи юу	{PART} & ABS-NOM	чи Z	37	33	249
Уул нь	ABS-NOM & NOM	Z нь	36	32	250
ширтэж байнаа; зогсож байнаа; ажиглаж байнаа	CVB.CNGR	Z байнаа	36	32	251
хэмээн бодож; эргэцүүлэн бодож	CVB.MOD	Z болож	36	32	252
ёс бий; хүн бий; тийм бий	NOM	Z бий	36	31	253
хог руу; зах руу; толгой руу	NOM	Z руу	36	32	254
ямар сайхан; ямар хүн	NOM	ямар Z	36	32	255
хаана вэ	{ADV}ESS1	Z вэ	36	32	256
юу болохыг	{PART} & ABS-NOM	Z болохыг	36	32	257
өөрт нь; хацарт нь	A.COM-NOM & DAT	Z нь	35	31	258

гэдэг үгийг	ACC		гэдэг Z	35	31	259
өөрийнх нь; нүднийх нь	GEN-SUBST-NOM		Z нь	35	30	260
эдий дунд; зуны дунд; намрын дунд	NOM & GEN-NOM		Z дунд	35	31	261
сайн мэднэ	NOM		Z мэднэ	35	31	262
гэж амандлаа	REL-DAT-POSS.REFL		гэж Z	35	31	263
хаана байна	{ADV} ESSI		Z байна	35	31	264
өөр аргагүй; өөр юмгүй	CAR-NOM		өөр Z	34	30	265
хэрэгтэй юм; ёстой юм	COM-NOM		Z юм	34	30	266
хэдэн жилийн өмнө	GEN-NOM		хэдэн Z өмнө	34	30	267
нэг сум; нэг аята; нэг шил	NOM & ABS-NOM		нэг Z	34	30	268
насны минь; төрийн минь	NOM & GEN-NOM		Z минь	34	30	269
хэдэн өдрийн дараа; хэдэн хоногийн дараа	NOM & GEN-NOM		хэдэн Z дараа	34	30	270
бүх бие; бүх гэр; бүх цэрэг	NOM		бүх Z	34	30	271
гэх зэрэг	NOM		гэх Z	34	30	272
эд нар; тэд нар	PL3-NOM		Z нар	34	30	273
дотор нь	{LOC} ESSI2-NOM		Z нь	34	30	274
гэрт нь	A.COM		Z нь	33	29	275
нэг бол	ABS-NOM		Z бол	33	29	276
гэж дуу алдан	NOM & ABS-NOM		гэж Z алдан	33	29	277
хоногийн өмнө; толсны өмнө	NOM & GEN-NOM		Z өмнө	33	29	278
хамгийн түрүүн	NOM & REL-NOM		хамгийн Z	33	29	279
битгий хэл	NOM & VF.OPT.IMP		битгий Z	33	29	280
хэн нь	SBJ		Z нь	33	29	281
гэж болжээ	VF.IND.RENARR-EMPH		гэж Z	33	29	282
гэж гэнэт; гэж үргэлж	{TEMP} NOM		гэж Z	33	29	283
гэсэн үг вэ	ABS-NOM		гэсэн Z вэ	32	28	284
энд тэндүүй	DAT-CAR-NOM		энд Z	32	28	285
бүү хэл	NOM & VF.OPT.IMP		бүү Z	32	28	286

гэвч балданцэрэн; гэвч хүн	NOM	гэвч Z	32	28	287
тун сайн; тун сайхан	NOM	тун Z	32	28	288
хамаг бие; хамаг хэрэг	NOM	хамаг Z	32	28	289
яадаг билээ	PC.US-NOM	Z билээ	32	28	290
юу болов	{PART} & ABS-NOM	Z болов	32	28	291
аль эсвэл	{PART}CVB.CONDI	аль Z	32	28	292
юуны урьд	GEN-NOM	Z урьд	31	27	293
гэхэд өвгөн; гэхэд хүү	NOM	гэхэд Z	31	27	294
удсан ч үгүй	PC.PRF-NOM	Z ч үгүй	31	27	295
гэж болсоноо	PC.PRF-POSS.REFL	гэж Z	31	27	296
гэдэг шүү	PC.US-NOM	Z шүү	31	27	297
тэр хоёрын	ABS-GEN-NOM	тэр Z	30	26	298
хэдэн үг	ABS-NOM	хэдэн Z	30	26	299
хэнийг ч; юуг ч	ACC	Z ч	30	26	300
гэж болтол; гэж хэлтэл	CVB.TERM	гэж Z	30	27	301
лугаа адил	NOM & POSS.REFL	Z адил	30	26	302
гээд үгээ; гээд нүдээ	POSS.REFL	гээд Z	30	27	303
хажуугаар нь	{LOC}INSTR	Z нь	30	26	304
одоо хүртэл	{TEMP}NOM	Z хүртэл	30	26	305
жилийн дараа; цагийн дараа	GEN-NOM	Z дараа	29	26	306
нэг талаар	INSTR	нэг Z	29	26	307
хоногийн дараа	NOM & GEN-NOM	Z дараа	29	26	308
миний төрсөн	NOM & PC.PRF-NOM	миний Z	29	26	309
тэнгэр өөд; нүүр өөд	NOM	Z өөд	29	25	310
маш сайн; маш сайхан	NOM	маш Z	29	26	311
мэдсэн бол; тэгсэн бол	PC.PRF-NOM	Z бол	29	25	312
болохоос биш	PC.PROSP-ABL	Z биш	29	26	313
хаа байна	{ADV}NOM	Z байна	29	26	314
одоо бол	{TEMP}NOM	Z бол	29	26	315
өөрөөс нь	ABL-POSS.REFL	Z нь	28	25	316

би таныг	ACC		би Z	28	25	317
тэр мөртөө	NOM & DAT-POSS-REFL		тэр Z	28	25	318
энэ өдрийн; энэ айлын	NOM & GEN-NOM		энэ Z	28	24	319
эгээ л	PC.DUR-NOM		Z л	28	25	320
хэр нь	{ADV}		Z нь	28	25	321
сая л	{TEMP}ABS-NOM		Z л	28	25	322
орой дээр	{TEMP}NOM		Z дээр	28	25	323
тагаж аваад; шүүрч аваад	CVB.CNGR		Z аваад	27	24	324
гэж өөртөө	DAT-POSS-REFL		гэж Z	27	24	325
их сургуулийн; их бууны	NOM & GEN-NOM		их Z	27	24	326
бодол болон	NOM		Z болон	27	24	327
цагаан тал; дах тал	NOM		Z тал	27	24	328
би хүн; би хоёр	NOM		би Z	27	24	329
тэгэлгүй яхав	PC.MERIT1-CAR-NOM		Z яхав	27	24	330
тэгэх үү; гэж үү	PC.PROSP-NOM		Z үү	27	23	331
толгойг нь; хэдий нь	GEN-ACC		Z нь	26	23	332
болдоггүй юм	NOM & CAR-NOM & PC.US-CAR-NOM		Z юм	26	23	333
хамаг бие нь	NOM		хамаг Z нь	26	23	334
тэр зуураа; тэр дороо	POSS-REFL		тэр Z	26	23	335
гэдэг маань	{PART}		гэдэг Z	26	23	336
тэр гурав; тэр өглөө	ABS-NOM		тэр Z	25	22	337
гэж байгаа юм шиг	CVB.CNGR		Z байгаа юм шиг	25	22	338
би танд	DAT		би Z	25	22	339
энэ үеэр; энэ мэтээр	INSTR		энэ Z	25	22	340
гэсэн янзтай; гэсэн угатай	NOM & COM-NOM		гэсэн Z	25	22	341
хамгийн түрүүнд	NOM & DAT & DAT		хамгийн Z	25	22	342
болдог юм	NOM & PC.US-NOM		Z юм	25	22	343
үүд рүү; эрэг рүү	NOM		Z рүү	25	22	344
бор морь	NOM		бор Z	25	22	345

байсны нь, болсны нь	PC.PRF-GEN-NOM	Z нь	25	22	346
мэдэв үү	VF.IND.AOR	Z үү	25	22	347
хэн мэдлээ	VF.IND.PROF-EMPH	хэн Z	25	22	348
гэж хэлээрэй; гэж мэдээрэй	VF.OPT.RECOM	гэж Z	25	22	349
дахь нь	{ART}NOM	Z нь	25	22	350
дундуур нь; дөргэдүүр нь	{LOC}TRANSL	Z нь	25	22	351
оройн нар	{TEMP}GEN-NOM	Z нар	25	22	352
бил үү	?	Z үү	24	21	353
чимээ гарч	ABS-NOM	Z гарч	24	21	354
үнэнийг хэлэхэд	ACC	Z хэлэхэд	24	21	355
миний үгийг; миний сэтгэлийг	ACC	миний Z	24	21	356
давхин ирж; хүрэлхэн ирж	CVB.MOD	Z ирж	24	21	357
бид хоёрт	DAT	бид Z	24	21	358
ёсоор нь; хүзүүгээр нь	INSTR	Z нь	24	21	359
мөрөн дээр; элсэн дээр	NOM & REL-NOM	Z дээр	24	22	360
хар юм	NOM & VF.OPT.IMP	Z юм	24	21	361
царай гарган	NOM	Z гарган	24	21	362
хүн юм даа; эр юм даа	NOM	Z юм даа	24	21	363
бүх бие нь	NOM	бүх Z нь	24	21	364
нэг мэдэхнээ	PC.DMIN-POSS.REFL	нэг Z	24	21	365
яадаг юм бэ	PC.US-NOM	Z юм бэ	24	21	366
юу даа	{PART} & ABS-NOM	Z даа	24	21	367
өөр юу ч	{PART} & ABS-NOM	өөр Z ч	24	21	368
болдгосон бол	COI.IRREAL & PC.US-COP.IRREAL	Z бол	23	20	369
гэж байгааг	CVB.CNGR	Z байгааг	23	20	370
хэн хүний; хэн бүхний	GEN-NOM	хэн Z	23	20	371
хүүхдүүд минь	N.PL.AA-NOM	Z минь	23	20	372
юу ч; дуу ч	NOM & ABS-NOM	Z ч	23	20	373
золтой л	NOM & COM-NOM	Z л	23	20	374
тэр чигээрээ	NOM & INSTR-POSS.REFL	тэр Z	23	20	375

гэж хэл; гэж хар	NOM & VF.OPT.IMP	гэж Z	23	21	376
чи яагаад	{ADV} & CVB.ANT	чи Z	23	20	377
цаана нь	{LOC}ESSI-NOM	Z нь	23	20	378
энэ хооронд	{LOC}NOM	энэ Z	23	20	379
юу ч үгүй	{PART} & ABS-NOM	Z ч үгүй	23	20	380
аль эрт	{TEMP}NOM & ABS-NOM & A.COM-NOM & DAT	аль Z	23	20	381
гэрг орж	A.COM	Z орж	22	19	382
энэ хоёрын	ABS-GEN-NOM	энэ Z	22	19	383
зүрхэнд минь; сэтгэлд минь	DAT	Z минь	22	20	384
хүн байжээ; энэ байжээ	NOM	Z байжээ	22	20	385
гэж асуулаа	PC.DUR-NOM & VF.IND.PROF-EMPH	гэж Z	22	19	386
гэж яваа	PC.DUR-NOM	гэж Z	22	19	387
таних уу; барах уу	PC.PROSP-NOM	Z уу	22	20	388
тэд чинь; эд чинь	PL3-NOM	Z чинь	22	20	389
өөрөө л	POSS.REFL	Z л	22	19	390
чи өөрөө	POSS.REFL	чи Z	22	19	391
молон дотор; усан дотор	REL-NOM	Z дотор	22	20	392
түүний хойноос	{LOC}ESSI-ABL	түүний Z	22	19	393
юу байна	{PART} & ABS-NOM	Z байна	22	19	394
юу ч л	{PART} & ABS-NOM	Z ч л	22	19	395
чи одоо	{TEMP}NOM	чи Z	22	19	396
тэр цагаас хойш	ABL	тэр Z хойш	21	18	397
үг яриа	ABS-NOM	Z яриа	21	18	398
байлгүй яхав	CAR-NOM	Z яхав	21	18	399
тулгаж байгаад; гэж байгаад	CVB.CNGR	Z байгаад	21	19	400
гэж байдаг	CVB.CNGR	Z байдаг	21	18	401
байн байн	CVB.MOD	Z байн	21	18	402
ийм үед	DAT	ийм Z	21	18	403
миний сэтгэлд	DAT	миний Z	21	18	404
аль хэдий нь	GEN-ACC	аль Z нь	21	18	405

тэр ёсоор	INSTR	тэр Z	21	18	406
дуу гарч	NOM & ABS-NOM	Z гарч	21	18	407
их мөрний	NOM & GEN-NOM & REL-GEN-NOM	их Z	21	18	408
тэр өдрийн	NOM & GEN-NOM	тэр Z	21	18	409
түс болох; хүн болох	NOM	Z болох	21	19	410
сайн уу	NOM	Z уу	21	18	411
нэгэн адил	REL-NOM	Z адил	21	18	412
би байна	SBJ	Z байна	21	18	413
үндэндээ ч	{ADV} & DAT-POSS.REFL	Z ч	21	18	414
юу юм бэ	{PART} & ABS-NOM	Z юм бэ	21	18	415
би юу	{PART} & ABS-NOM	би Z	21	18	416
та юу	{PART} & ABS-NOM	та Z	21	18	417
энэ маань	{PART}	энэ Z	21	18	418
нэг орой	{TEMP}NOM	нэг Z	21	18	419
гэнэ лээ	0	гэнэ Z	20	18	420
үг хэлж	ABS-NOM	Z хэлж	20	18	421
нэг өглөө	ABS-NOM	нэг Z	20	18	422
дуугүй болов	CAR-NOM	Z болов	20	18	423
чи тэгээд	CVB-ANT	чи Z	20	18	424
бүхий л	GEN/ACC	Z л	20	18	425
тийм байх; хүн байх	NOM	Z байх	20	18	426
та нар чинь	SBJ	Z нар чинь	20	18	427
хэн байг	VF.ORT.JUSS	хэн Z	20	18	428
за даа	{COMM}	Z даа	20	18	429
юу болж байгааг	{PART} & ABS-NOM	Z болж байгааг	20	18	430
гэв гэнэт	{TEMP}NOM	гэв Z	20	18	431
гэрээс гарч	ABL	Z гарч	19	17	432
ийм үг	ABS-NOM	ийм Z	19	17	433
гэх мэтийн	GEN-NOM	гэх Z	19	17	434
чи зүгээр	INSTR	чи Z	19	17	435

хайрт минь	NOM & A.COM-NOM & DAT	Z минь	19	17	436
гүйн ирж	NOM & GEN-NOM & CVB.MOD	Z ирж	19	17	437
мөрөн дээрээ	NOM & REL-NOM	Z дээрээ	19	17	438
тас хар	NOM & VF.OPT.IMP	тас Z	19	17	439
ямар нэг юм	NOM	Z нэг юм	19	17	440
яагаа ч үгүй	PC.DUR-NOM	Z ч үгүй	19	17	441
гэж бодсон юм	PC.PRF-NOM	гэж Z юм	19	17	442
байхыг хараад	PC.PROSP-ACC	Z хараад	19	17	443
гэж бодохдоо	PC.PROSP-DAT-POSS.REFL	гэж Z	19	17	444
гэх юм уу	PC.PROSP-NOM	Z юм уу	19	17	445
энэ насанд	REL-DAT	энэ Z	19	17	446
хэн билээ	SBJ	Z билээ	19	17	447
байна уу	VF.IND.PRSI	Z уу	19	17	448
яаж байна	{ADV} & CVB.CNGR	Z байна	19	17	449
хаашаа ч	{ADV}LAT-POSS.REFL	Z ч	19	17	450
үл болно	{PART}	Z болно	19	17	451
энэ гухайд	{POST.REL}DAT	энэ Z	19	17	452
та одоо	{TEMP}NOM	та Z	19	17	453
гэж бадарч	ABS-NOM & CVB.CNGR	гэж Z	18	16	454
дуугүй байснаа	CAR-NOM	Z байснаа	18	16	455
зүлгэн дээр	CVB.MOD	Z дээр	18	16	456
гэж болсоор	CVB.PERSEV	гэж Z	18	16	457
цээжинд нь	DAT-POSS.REFL	Z нь	18	16	458
хэдий ч	GEN-ACC	Z ч	18	16	459
шуудл	NOM & DAT	Z л	18	16	460
манай ангийн	NOM & GEN-NOM & GEN-NOM	манай Z	18	16	461
хоногийн дотор	NOM & GEN-NOM	Z дотор	18	16	462
хэрэг болно	NOM	Z болно	18	16	463
ямар ч байсан	NOM	Z ч байсан	18	16	464
хэн нэг нь	SBJ	Z нэг нь	18	16	465

гэнэ ээ	VF.IND.PRSI	Z ээ	18	16	466
даан ч	{PART} & CVB.MOD	Z ч	18	16	467
мөн үү	{PART}	Z үү	18	16	468
мөн байна	{PART}	Z байна	18	16	469
дандаа л	{TEMP}	Z л	18	16	470
түүнээс биш	ABL	Z биш	17	15	471
та хоёрын	ABS-GEN-NOM	та Z	17	15	472
зурхийг минь	ACC	Z минь	17	15	473
түүний сэтгэлийг	ACC	түүний Z	17	15	474
хүрээд ирлээ	CVB.ANT	Z ирлээ	17	15	475
гэж байхад	CVB.CNGR	Z байхад	17	15	476
гэж билээ	CVB.CNGR	Z билээ	17	15	477
гэж асуувал	CVB.CONDI	гэж Z	17	15	478
болтол нь	CVB.TERM	Z нь	17	15	479
нөгөө талд	DAT	нөгөө Z	17	15	480
догроос нь	ESS2-ABL	Z нь	17	15	481
дуугаар хэлээд	INTR	Z хэлээд	17	15	482
сарны дор	NOM & GEN-NOM	Z дор	17	15	483
хүн ирж	NOM	Z ирж	17	15	484
том хүрэн	NOM	Z хүрэн	17	15	485
би ер нь	NOM	би Z нь	17	15	486
би гэдэг хүн	NOM	би гэдэг Z	17	15	487
үзээгүй тул	PC.DUR-CAR-NOM	Z тул	17	15	488
болоогүй юм шиг	PC.DUR-CAR-NOM	Z юм шиг	17	15	489
байдаггүй юм	PC.US-CAR-NOM	Z юм	17	15	490
хэд гурван	REL-NOM	хэд Z	17	15	491
хэн болохыг	SBJ	Z болохыг	17	15	492
хэн нь ч	SBJ	Z нь ч	17	15	493
яана аа	VF.IND.PRSI	Z аа	17	15	494
би мэднэ	VF.IND.PRSI	би Z	17	15	495

яв явсаар	VF.ОРТ.ІМР & {ADV}&{ADV}	Z явсаар	17	15	496
хаа ч	{ADV}NOM	Z ч	17	15	497
юу байх билээ	{PART} & ABS-NOM	Z байх билээ	17	15	498
юу нь	{PART} & ABS-NOM	Z нь	17	15	499
юу хийж	{PART} & ABS-NOM	Z хийж	17	15	500
харин одоо	{TEMP}NOM	харин Z	17	15	501
гэж бий	CVB.CNGR	Z бий	16	14	502
миний л	GEN-NOM	Z л	16	14	503
хэний ч	GEN-NOM	Z ч	16	14	504
юу вэ	NOM & ABS-NOM	Z вэ	16	14	505
нэг хар	NOM & VF.ОРТ.ІМР	нэг Z	16	14	506
хүн байсан	NOM	Z байсан	16	14	507
тэр гэх вэ	NOM	Z гэх вэ	16	14	508
зүт явлаа	NOM	Z явлаа	16	14	509
чи ер нь	NOM	чи Z нь	16	14	510
байгаагүй нь	PC.DUR-GEN/ACC	Z нь	16	14	511
тэдний дунд	PL3-REL-GEN-NOM	Z дунд	16	14	512
нулимс нь	REL-NOM	Z нь	16	14	513
та нар минь	SBJ	Z нар минь	16	14	514
хэн ч үгүй	SBJ	Z ч үгүй	16	14	515
гээд инээмсэглэв	VF.IND.AOR	гээд Z	16	14	516
гэнэ үү	VF.IND.PRSI	Z үү	16	14	517
яана даа	VF.IND.PRSI	Z даа	16	14	518
яаж ч	{ADV} & CVB.CNGR	Z ч	16	14	519
хажуугаас нь	{LOC}ABS-ABL	Z нь	16	14	520
тэр маань	{PART}	тэр Z	16	14	521
тэр аяараа	{TEMP}POSS.REFL	тэр Z	16	14	522
хаанаас даа	ABL	Z даа	15	13	523
нэгий нь	ABS-GEN/ACC	Z нь	15	13	524
нэг нэгээр нь	ABS-INSTR	нэг Z нь	15	13	525

Үг хэлэх	ABS-NOM	Z хэлэх	15	13	526
нэг ч үгүй	ABS-NOM	Z ч үгүй	15	13	527
бид гурав	ABS-NOM	бид Z	15	13	528
гээд санаа	ABS-NOM	гээд Z	15	13	529
гэсэн бололтой	COM-NOM	гэсэн Z	15	13	530
гэж байгаа нь	CVB.CNGR	Z байгаа нь	15	13	531
гэж байхгүй	CVB.CNGR	Z байхгүй	15	13	532
чи юунд	DAT	чи Z	15	13	533
өглөөний нар	GEN-NOM	Z нар	15	13	534
нөхдийн хамт	GEN-NOM	Z хамт	15	13	535
би өөрийн	GEN-NOM	би Z	15	13	536
гэж эрдэнийн хэлэхэд	GEN-NOM	гэж Z хэлэхэд	15	13	537
хүүхдүүд нь	N.PL4A-NOM	Z нь	15	13	538
эх болсон	NOM & ABS-NOM	Z болсон	15	13	539
чимээгүй болов	NOM & CAR-NOM	Z болов	15	13	540
гайгүй ээ	NOM & CAR-NOM	Z ээ	15	13	541
их буу	NOM & VF.OPT.IMP & ABS-NOM	их Z	15	13	542
энэ хар	NOM & VF.OPT.IMP	энэ Z	15	13	543
хүн байж	NOM	Z байж	15	13	544
овогтон болов	NOM	Z болов	15	13	545
зарим нэг нь	NOM	Z нэг нь	15	13	546
ямар нэгэн юм	NOM	Z нэгэн юм	15	13	547
буруу харж	NOM	Z харж	15	13	548
өөр ямар ч	NOM	Z ямар ч	15	13	549
бүрэн эрхт	NOM	бүрэн Z	15	13	550
тэр эр	NOM	тэр эр	15	13	551
хамгийн гол нь	NOM	хамгийн Z нь	15	13	552
гэгч вэ	PC.ACT-NOM	Z вэ	15	13	553
гэхдээ л	PC.PROSP-DAT-POSS.REFL	Z л	15	13	554
чадах билээ	PC.PROSP-NOM	Z билээ	15	13	555

нэгэнт л	REL-A.COM-NOM	Z л	15	13	556
аман догроо	REL-NOM	Z догроо	15	13	557
хэн хэн нь	SBJ	Z хэн нь	15	13	558
аль хэр	{ADV}	аль Z	15	13	559
тэр дорхиноо	{LOC}A.ATTENI-POSS.REFL	тэр Z	15	13	560
цаана чинь	{LOC}ESSI-NOM	Z чинь	15	13	561
түүний хойно	{LOC}ESSI-NOM	түүний Z	15	13	562
гээд цааш	{LOC}LAT	гээд Z	15	13	563
юу бодож	{PART} & ABS-NOM	Z бодож	15	13	564
гэж юу	{PART} & ABS-NOM	гэж Z	15	13	565
гэж аяархан	{TEMP}A.ATTENI-NOM	гэж Z	15	13	566
орой дээрээ	{TEMP}NOM	Z дээрээ	15	13	567
би чамгаас	ABL	би Z	14	12	568
уул өөд	ABS-NOM & NOM	Z өөд	14	12	569
шороо нь	ABS-NOM & POSS.REFL	Z нь	14	12	570
хуудалдаж авсан	CVB.CNGR	Z авсан	14	12	571
гэж байгаа юм	CVB.CNGR	Z байгаа юм	14	12	572
гэж байх уу	CVB.CNGR	Z байх уу	14	12	573
гэж бодож байлаа	CVB.CNGR	гэж Z байлаа	14	12	574
гэж бодож байна уу	CVB.CNGR	гэж Z байна уу	14	12	575
гэртээ ирээд	DAT-POSS.REFL	Z ирээд	14	12	576
нэгэн болдын	GEN-NOM	нэгэн Z	14	12	577
нүдээр харж	INSTR	Z харж	14	12	578
юугаар ч	INSTR	Z ч	14	12	579
харамсалтай нь	NOM & COM-NOM	Z нь	14	12	580
хэлэн өдрийн	NOM & GEN-NOM	хэлэн Z	14	12	581
өвөө нь	NOM & POSS.REFL	Z нь	14	12	582
гэж чулуун	NOM & REL-NOM	гэж Z	14	12	583
чогжмаа гуай	NOM?	Z гуай	14	12	584
аль аль нь	NOM	Z аль нь	14	12	585

хүн бөгөөд	NOM	Z бөгөөд	14	12	586
өдний хүртэл	NOM	Z хүртэл	14	12	587
гэж эрдэнэ хэлэв	NOM	гэж Z хэлэв	14	12	588
эд хөрөнгө	NOM	эд Z	14	12	589
гэж асуусанд	PC.PRF-DAT	гэж Z	14	12	590
чи яасан	PC.PRF-NOM	чи Z	14	12	591
миний бодоход	PC.PROSP-DAT	миний Z	14	12	592
гэдэг ч	PC.US-NOM	Z ч	14	12	593
гэмээ нь	POSS.REFL	Z нь	14	12	594
бага наснаас	REL-ABL	бага Z	14	12	595
түүн шиг	REL-NOM	Z шиг	14	12	596
хэн ч мэдэхгүй	SBJ	Z ч мэдэхгүй	14	12	597
урд талын	{LOC}DAT	Z талын	14	12	598
миний хойноос	{LOC}ESSI-ABL	миний Z	14	12	599
юу болоод	{PART} & ABS-NOM	Z болоод	14	12	600
юу ч биш	{PART} & ABS-NOM	Z ч биш	14	12	601
дараад нь	{TEMP}DAT	Z нь	14	12	602
тун саяхан	{TEMP}DMIN-NOM	тун Z	14	12	603
өноөдрийн хувьд	{TEMP}NOM & GEN-NOM	Z хувьд	14	12	604
би вээр	?	би Z	13	11	605
гэж өөрөөсөө	ABL	гэж Z	13	11	606
бор гөрөс	ABS-NOM & ABL	бор Z	13	11	607
гээд бадарч	ABS-NOM & CVB.CNGR	гээд Z	13	11	608
энэ уул	ABS-NOM & NOM	энэ Z	13	11	609
нэг л биш	ABS-NOM	Z л биш	13	11	610
та хоёрыг	ACC	та Z	13	11	611
өөр аргагүй болов	CAR-NOM	өөр Z болов	13	11	612
хэрэгтэй байлаа	COM-NOM	Z байлаа	13	11	613
хэрэгтэй болов	COM-NOM	Z болов	13	11	614
өөртэй нь	COM-NOM	Z нь	13	11	615

бор царайтай	COM-NOM	бор Z	13	11	616
юмсан уу	COPIREAL & REL-NOM	Z уу	13	11	617
авчирч өгсөн	CVB.CNGR	Z өгсөн	13	11	618
гүйж очоод	CVB.CNGR	Z очоод	13	11	619
ингэж явсаар	CVB.CNGR	Z явсаар	13	11	620
би мэдэж байна	CVB.CNGR	би Z байна	13	11	621
гэж бодож байсан	CVB.CNGR	гэж Z байсан	13	11	622
гэж бодож явлаа	CVB.CNGR	гэж Z явлаа	13	11	623
гэж бодовч	CVB.CONC	гэж Z	13	11	624
чи билэн	CVB.MOD & REL-NOM	чи Z	13	11	625
сөхрөн сууж	CVB.MOD	Z сууж	13	11	626
тэггэл ч	CVB.TERM	Z ч	13	11	627
болдын хүрээ	GEN-NOM	Z хүрээ	13	11	628
юуны чинь	GEN-NOM	Z чинь	13	11	629
би зүгээр	INSTR	би Z	13	11	630
бүсгүй минь	NOM & CAR-NOM & CAR-NOM	Z минь	13	11	631
чингэж байтал	NOM & CVB.CNGR	Z байтал	13	11	632
олон өнгийн	NOM & GEN-NOM & GEN-NOM	олон Z	13	11	633
бага үдийн	NOM & GEN-NOM	бага Z	13	11	634
хэд хоногийн дараа	NOM & GEN-NOM	хэд Z дараа	13	11	635
төрсөн минь	NOM & PC.PRF-NOM	Z минь	13	11	636
өнгөрсөн хойно	NOM & PC.PRF-NOM	Z хойно	13	11	637
аль хэдийнээ	NOM & POSS.REFL	аль Z	13	11	638
гээд дулмаа	NOM & POSS.REFL	гээд Z	13	11	639
тэр тусмаа	NOM & POSS.REFL	тэр Z	13	11	640
элдэв юм	NOM & VF.IND.AOR	Z юм	13	11	641
хэл нь	NOM & VF.OPT.IMP	Z нь	13	11	642
бага сага	NOM & VF.OPT.IMP	бага Z	13	11	643
зүүн өмнө	NOM	Z өмнө	13	11	644
өдөр ирэх	NOM	Z ирэх	13	11	645

тийм л дээ	NOM		Z л дээ	13	11	646
аль нь ч	NOM		Z нь ч	13	11	647
хүн тул	NOM		Z тул	13	11	648
чи муу	NOM		чи Z	13	11	649
энд намайг ирэхэд	PC.PROSP-DAT		энд намайг Z	13	11	650
гэх бол	PC.PROSP-NOM		Z бол	13	11	651
гэх боловч	PC.PROSP-NOM		Z боловч	13	11	652
хэн мэдэх вэ	PC.PROSP-NOM		хэн Z вэ	13	11	653
яагаад ч юм	{ADV} & CVB-ANT		Z ч юм	13	11	654
би яаж	{ADV} & CVB-CNGR		би Z	13	11	655
цааш явлаа	{LOC}LAT		Z явлаа	13	11	656
хажуу тийш	{LOC}NOM		Z тийш	13	11	657
юу байдаг билээ	{PART} & ABS-NOM		Z байдаг билээ	13	11	658
юу ч алга	{PART} & ABS-NOM		Z ч алга	13	11	659
юу ч болсон	{PART} & ABS-NOM		Z ч болсон	13	11	660
өөр юу	{PART} & ABS-NOM		өөр Z	13	11	661
энэ орой	{TEMP}NOM		энэ Z	13	11	662
энэ нутагт	A.COM-NOM & DAT		энэ Z	12	11	663
нөгөөх нь	A.COP		Z нь	12	11	664
чи бид хоёрын	ABS-GEN-NOM		чи бид Z	12	11	665
зүүд шиг	ABS-NOM & DAT		Z шиг	12	11	666
нэг дор	ABS-NOM		Z дор	12	11	667
нүд чинь	ABS-NOM		Z чинь	12	11	668
өөр үг	ABS-NOM		өөр Z	12	11	669
юмыг нь	ACC & ACC		Z нь	12	11	670
юмыг яаж мэдэх вэ	ACC & ACC		Z яаж мэдэх вэ	12	11	671
учрыг олж	ACC		Z олж	12	11	672
шарилыг эргэн	ACC		Z эргэн	12	11	673
хэдэн морьтой	COM-NOM		хэдэн Z	12	11	674
гэж үү дээ	CVB.CNGR		Z үү дээ	12	11	675

гэж байж	CVB.CNGR	Z байж	12	11	676
гэж их л	CVB.CNGR	Z их л	12	11	677
гээд гарч	CVB.CNGR	гээд Z	12	11	678
заавал ирнэ	CVB.CONDI	Z ирнэ	12	11	679
тэгвэл ч	CVB.CONDI	Z ч	12	11	680
энд тэндээс	DAT.ABL	энд Z	12	11	681
нэг хүнд	DAT	нэг Z	12	11	682
тэнгэрийн дор	GEN-NOM	Z дор	12	11	683
иймийн тул	GEN-NOM	Z тул	12	11	684
хүний хувь	GEN-NOM	Z хувь	12	11	685
манай нутгийн	GEN-NOM	манай Z	12	11	686
зүгээр үү	INSTR	Z үү	12	11	687
сүртэй бөгөөд	NOM & COM-NOM	Z бөгөөд	12	11	688
өөр хүнтэй	NOM & COM-NOM	өөр Z	12	11	689
би хайртай	NOM & COM-NOM	би Z	12	11	690
ахиад л	NOM & DAT & CVB.ANT	Z л	12	11	691
бүргэд шиг	NOM & DAT	Z шиг	12	11	692
гэж шууд	NOM & DAT	гэж Z	12	11	693
гүйн очиж	NOM & GEN-NOM & CVB.MOD	Z очиж	12	11	694
их баярлалаа	NOM & POSS.REFL & VF.IND.PROF-EMPH	их Z	12	11	695
согоо шиг	NOM & POSS.REFL	Z шиг	12	11	696
тэр хар	NOM & VF.OPT.IMP	тэр Z	12	11	697
цаг боллоо	NOM	Z боллоо	12	11	698
хүн гарч	NOM	Z гарч	12	11	699
ер нь л	NOM	Z нь л	12	11	700
ухаан орж	NOM	Z орж	12	11	701
нөгөө хоёр нь	NOM	Z хоёр нь	12	11	702
тэр ч яахав	NOM	Z ч яахав	12	11	703
гэтэл нэг өдөр	NOM	гэтэл нэг Z	12	11	704
барих уу даа	PC-PROSP-NOM	Z уу даа	12	11	705

гэлэг л	PC.US-NOM	Z л	12	11	706
эд бол	PL3-NOM	Z бол	12	11	707
туурдлээ харан	POSS.REFL	Z харан	12	11	708
миний нүдэнд	REL-DAT	миний Z	12	11	709
хэн нэгний	REL-GEN-NOM	хэн Z	12	11	710
нэг мөсөн	REL-NOM	нэг Z	12	11	711
энэ гурван	REL-NOM	энэ Z	12	11	712
хэн боловч	SBJ	Z боловч	12	11	713
гэв үү	VF.IND.AOR & {PART}	Z үү	12	11	714
гэл үү	VF.IND.PROF(Q) & NOM	Z үү	12	11	715
энэ ажээ	VF.IND.RENARR-EMPH	энэ Z	12	11	716
хий л	VF.OPT.IMP	Z л	12	11	717
гэж мэд	VF.OPT.IMP	гэж Z	12	11	718
үндэндээ бол	{ADV} & DAT-POSS.REFL	Z бол	12	11	719
энэ хэр	{ADV}	энэ Z	12	11	720
урдаас нь	{LOC}DAT-ABL	Z нь	12	11	721
доош харан	{LOC}LAT	Z харан	12	11	722
юу болж	{PART} & ABS-NOM	Z болж	12	11	723
жав гуай	{PART}	Z гуай	12	11	724
үл мэдэх	{PART}	Z мэдэх	12	11	725
үгүй шүү	{PART}	Z шүү	12	11	726
хамаг юмаа	{PART}EMPH & POSS.REFL	хамаг Z	12	11	727
орой нар	{TEMP}NOM	Z нар	12	11	728
одоо яах вэ	{TEMP}NOM	Z яах вэ	12	11	729

Заключение

Квантитативный подход к процедуре выделения множества грамматических типов аналитических форм позволяет взглянуть на это множество как на разновидность своеобразного поля, имеющего свой центр и свою периферию. В центре этого поля находятся несомненные грамматические типы, имеющие максимальную частотность, а на его периферии лежат менее употребительные типы.

Литература

1. Виноградов В.В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М., 1947.
2. Гак В. Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса // *Аналитические конструкции в языках различных типов*. – М., 1965, с. 129-143.
3. Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях (1965) // Жирмунский В.М. *Общее и германское языкознание*. Л.: Наука, ЛО, 1976, с. 82-125.
4. Кацнельсон С. Д. О грамматической категории // *Вестник ЛГУ*, 1948, №2 (см. также: Кацнельсон С. Д. *Общее и типологическое языкознание*. Л., 1986).
5. Крылов С.А. *Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики.: (в 6 ч.) Ч. 2. Структурно-вероятностная модель современного монгольского языка (на базе Генерального корпуса современного монгольского языка)*. М.: Наука, Восточная литература. 2014.
6. Крылов С.А. Монгольские аналитические конструкции в количественном аспекте // Куканова В. В. (отв. ред.). *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2017. № 5. С. 155-179.
7. Крылов С.А. Монгольские аналитические словоформы: опыт лингвостатистического исследования // Куканова В.В. (отв. ред.). *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2017. № 6. С. 79-93.
8. Крылов С. А. Опыт дистрибутивно-статистической классификации монгольских аналитических словоформ // Куканова В. В. (отв. ред.). *Oriental studies*, ISSN 2075-7794, Vol. 36, Is. 2, 2018. С. 88-101.
9. Крылов С. А. О гибридных жанрах словарей (на материале монгольского языка) // *Востоковедные чтения 2018. Лексикология и лексикография. К 200-летию ИВ РАН. Тезисы докладов межинститутской научной конференции*. Москва, 4-6 апреля 2018. М.: ИВ РАН, 2018, с. 33-34.
10. Крылов С.А. О гибридных жанрах словарей (на материале монгольского языка) // *Труды Института востоковедения РАН, вып. 19. Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Лексикология и лексикография.* / отв. ред. З.М. Шаляпина. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. С. 156-165.

11. Маслов Ю.С. *Введение в языкознание*. М.: Высшая школа, 1975; (2-е изд., М.: Высшая школа, 1987).
12. Шайкевич А.Я., Андриющенко В.М., Ребецкая Н.А. *Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850-1870-х гг.* Том 1. М.: Языки славянской культуры, 2013. – 504 с.
13. Шайкевич А.Я., Андриющенко В.М., Ребецкая Н.А. *Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850-1870-х гг.* Том 2. М.: Языки славянской культуры, 2016. – 850 с.
14. Meillet, Antoine. L'évolution des formes grammaticales // Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*, Paris: Honoré Champion, 1965. P.130–148

Орфография тигринья. Материалы по стандартизации письменного тиграйского языка

1. Введение

Язык тигринья, или тиграйский язык, относится к северной подгруппе абиссинской (эфioseмитской) группы семитской ветви афразийской семьи языков. Основным его ареалом является Эритрейское нагорье (кэбэса) и северный край Эфиопского нагорья, т.е. территория, примерно вписывающаяся в границы древнего государства Аксум.

Тигринья является основным из трёх рабочих и самым распространённым языком Государства Эритрея, где им в разной степени владеет около трёх четвертей населения. В административном регионе Тыграй (Тиграй) на севере Федеративной Демократической Республики Эфиопия тигринья является родным для 95% жителей и обладает статусом официального языка. Общее число носителей тиграйского языка оценивается в 10 млн.

Несмотря на то, что тигринья – один из старейших, наиболее распространённых и статусных языков Африканского Рога, его письменная традиция довольно молода. Литература на тигринья начинает появляться в XIX в.

Правописание тигринья находится на промежуточной стадии процесса стандартизации. Важно и интересно отметить, что в Эритрее и Эфиопии (Тыграе), геополитически обособленных друг от друга, результаты этого процесса во многом обнаруживают единообразие. Справедливости ради необходимо добавить, что в Эритрее процесс закрепления тиграйских правописных норм и их фиксации в словарях (кодификация) протекает активней, чем в Эфиопии (Тыграе), что объясняется, конечно, более высокой письменной функциональностью национального языка по сравнению с языком региональным. Нечёткая регламентированность орфографии, часто обусловленная диалектологией, закономерностями разговорного языка, амхарским влиянием и прочими факторами, идёт в ногу с нетвёрдо установленной орфоэпией.

Отсутствие чёткой регламентированности правописания во многих случаях заходит так далеко, что одно и то же слово может иметь множество орфографических вариантов. Например, слово **ፆፃፃላይ** məşuṣəllay «белка», «вид куницы» может записываться и как **ፆፃፃላይ** məşuṣullay, **ፆፃፃላይ** məşəṣullay, **ፆፃፃላይ** məşəṣəllay, **ፆፃፃላይ** muşuṣəllay, **ፆፃፃላይ** muşuṣullay, **ፆፃፃላይ** muşəṣullay и **ፆፃፃላይ** muşəṣəllay.

Приведённые ниже основные орфографические особенности представлены в синхронном и диахроническом аспектах, они касаются как общих для письменного тигринья Эритреи и Эфиопии (Тыграя) фактов вариативности, так и некоторых различий между эритрейским и эфиопским (тыграйским) стандартами письменного тиграйского языка. Говоря о своеобразных, размытых по своей природе, эритрейском и эфиопском «стандартах» письменного тигринья, уточним, что в каждом случае мы имеем дело не с языковым стандартом в его классическом понимании, а скорее, с комплексом разных по степени проявления (закреплённости) тенденций письменного языка.

В настоящей работе в соответствии с лексикографической традицией, принятой в семитологии, форма 3л. ед.ч. перфекта условно переводится русским инфинитивом.

В тигринья нет заглавных букв. Направление тигринского (геэзского) письма аналогично русскому и любому другому европейскому письму.

2. Переход из одного порядка в другой

Переход порядка 6 в порядок 2 и наоборот:

6	2	ምምላእ → ሙምላእ məm̥la, → mumla, «наполнять» ምሁር → ሙሁር məhur → muhur «образованный, учёный»
2	6	ሉቺ → ልቺ luçi → læçi «электрический свет»

Переход лабиовелярных в нелабиовелярные и наоборот:

1	7	ተሐገሰ → ተሐገሰ tāhaggʷāsä → tāhaggosä «радоваться» ቁልቋል → ቆልቋል qʷälqʷal → qolqʷal «канделябровый молочай»
7	1	ጎማ → ጎማ gomma → gʷamma «покрышка»
6	2	ኩሉ → ኩሉ kʷəllu → kullu «весь» የሐገሰ → የሐገሰ yähaggʷəs → yähäggus «он радуется» ይገባለ → ይገባለ yəggʷəʼaz → yəgguʼaz «он путешествует»

Переход порядка 3 в порядок 6 и наоборот:

3	6	а) при присоединении суффиксов или послелогов: ሐላፊነት → ሐላፍነት ḥalafinnät → ḥalafənnät «ответственность» ሱዳናዊያን → ሱዳናውያን sudanawīyan → sudanawyan «суданцы» ወለዲኻ → ወለድኻ wäläddiḳa → wäläddəḳa «твои родители» ሕጂውን → ሕጅውን ḥəjjiʼwwən → ḥəjjeʼwwən «и сейчас, снова» እዚ ጥቕሲ'ዚ → እዚ ጥቕስ'ዚ əzi təqsɪ'zi → əzi təqsə'zi «эта цитата» Однако обычно при личных именах и заимствованиях перехода 3 → 6 не наблюдается: ወይነን ሙሐሪን wäynin → māḥarin «Уойни и Мэхари» ታክሲን በቕልን taksin → bəqələn «такси и мул»
---	---	---

		б) в сложных словах: ወዲ ተባዕታይ → ወድ ተባዕታይ wäddi täba'tay → wäddä täba'tay «лицо мужского пола» в) другие случаи: ዓብዩ → ዓብይ 'abəyi → 'abəy «большой» ናባዩ → ናባይ nabayi → nabay «заботящийся» (не путать с ናባይ nabay «ко мне»)
6	3	а) разнообразные случаи: ብተይ → ቢተይ bətäy → bitäy «молочный телёнок» ዓብዩ → ዓቢዩ 'abəyi → 'abiyi «большой» ጸላእቲ → ጸላሊቲ şäla,ti → şäla,iti «враги, неприятели» እዩ → ኢዩ əyuu → iyuu глагол-связка наст. 3л. м.р. ед.ч. б) часто перед «ያ»: ፋንድያ → ፋንዲያ fandəya → fandiya «ослиный помёт»

Переход порядка 1 в порядок 5 и крайне редко наоборот:

1	5	ወሳነ → ወሳኔ wəssanä → wəssane «решение»
5	1	ብሄር → ብሀር bəher → bəhär «народность»

Переход буквы (чаще всего 1-го порядка) в порядок соседней буквы (чаще всего 4-го или 7-го порядка) (один из наиболее некорректных случаев):

1	4	መሳኹቲ → ማሳኹቲ mäsaḳutti → masaḳutti «окна»
1	7	ለቆታ → ሎቆታ läqota → loqota «кожаный мешок» ኮኹብ → ኮኹብ koḳäb → koḳob «звезда»
6	4	ይጉዓዝ → ይጓዓዝ yəgg ^{wə} ʾaz → yəgg ^{wä} ʾaz «он путешествует»

Особые случаи:

6	4	ማዕድን или መዓድን → ማዓድን ma'dən или mä'adən → ma'adən
1	4	«минерал»

Переход буквы порядка 1 в порядок 7 и наоборот в Тыграе (также в диалектах)

1	7	አደ → አዶ addä → addo «мать» ይፈቱ → ይፍቱ (или ይፍቲ) yəfätu → yəfottu (или yəfotti) «он любит, ему нравится»
7	1	ሎምዘመን → ለምዘመን lomzämän → lämzämän «этот год»

Переход среднего радикала глагола в перфекте с конечным гортанным радикалом из 6-го порядка в 1-ый в Тыграе:

6	1	በለዐ → በለዐ bäl'ä → bälä'ä «есть, принимать пищу» አብዝሐ → አብዘሐ abzəhə → abzähä «умножать»
---	---	---

Переход буквы порядка 1 в порядок 6 и наоборот в позиции перед гортанными:

1	6	ደአ → ድአ dä, a → də, a «а, же»
6	1	ይምሃር → ይመሃር yəmməhar → yəmmāhar «он учится» ይውሐጥ → ይወሐጥ yəwwəḥat → yəwwāḥat «он проглатывается» ይክአል → ይክአል yəkkə, al → yəkkā, al «можно» ዚርአ → ዚረአ zirrə, ä → zirrā, ä «видный, виднеющийся» ይጉግዝ → ይጉግዝ yəgg ^{wə} ’az → yəgg ^{wā} ’az «он путешествует»

3. Разнообразные переходы

Переход **ጥ** или **አ** в **በ** и крайне редкий переход **በ** в **ጥ**:

ጥ или አ	በ	ጥኮ → በኮ pakko → bakko «коробка» ጥሊስ → በሊስ или ቡሊስ polis → bolis или bulis «полиция» ጴጥሮስ → ቤጥሮስ petros → betros «Петрос, Пётр»
በ	ጥ	ታቤላ → ጥፔላ tabela → tapela «вывеска», «номерной знак»

Переход **አ** в **ቀ** (редко):

አ	ቀ	አውሎስ → ቃውሎስ rawlos → qawlos «Паулос, Павел» አጉመን → ቋጉመ řag ^{wə} män → q ^{wə} g ^{wə} mä «пагумен (эпагоменальный, 13-й месяц эфиопского календаря)» (типичное влияние разговорного языка, имеют место сопутствующие изменения)
----------	----------	--

Переход **ቨ** в **በ**:

ቨ	በ	ቪታሚን → ቢታሚን vitamin → bitamin «витамин»
----------	----------	---

Переход **ብ** в **ፍ** перед глухими согласными:

ብ	ፍ	ከብቲ → ከፍቲ käbti → käfti «скот» አብቲ → አፍቲ abti → afti «там», «в + опр. арт.» ናብታ → ናፍታ nabta → nafta «по направлению к + опр. арт.» (не путать с ናፍታ nafta «дизельное топливо»)
----------	----------	--

Крайне редкий переход **ው** в **ፍ** или **ብ** перед глухими согласными:

ው	ፍ или ብ	ሐውቲ → ሐፍቲ или ሐብቲ ḥawti → ḥafti или ḥabti «сестра»
----------	-----------------------	--

Переход **ን** в **ም** или наоборот в позиции перед губно-губным **በ**:

ን	ም	ተንበርከኸ → ተምበርከኸ tänbärkäkä → tämbärkäkä «вставать на колени»
ም	ን	ሐምበሰ → ሐንበሰ ḥambäsä → ḥänbäsä «плавать»

ቀ	ቀ , иногда ቐ	ዲያቆን → ዲያቆን diyaqon → diyaqon «дьякон», но መዝገበ ቃላት → መዝገበ ቃላት и መዝገበ ቃላት mäzɡäbä qalat → mäzɡäbä qalat и mäzɡäbä qalat «словарь»
ከ	ከ , иногда ኸ	ቲኬት → ቲኬት tiket → tiket «билет», но ጉምሩክ → ጉምሩክ и ጉምሩኸ gumruk → gumruk и gumruk «таможня»

Переход начального **አ** в **የ** и **እ** в **ይ** под влиянием разговорного языка (один из самых некорректных случаев):

አ-	የ-	አዕሩኸ → የዕሩኸ a'ruk → yä'ruk «друзья» አእተኸ → የእተኸ a,täka → yä,täka «ты всунул»
እ-	ይ-	እበልዕ → ይበልዕ əbällə' → yəbällə' «я ем»

Обратные случаи тоже возможны:

ይ-	እ-	ይበልዕ → እበልዕ yəbällə' → əbällə' «он ест»
-----------	-----------	---

ЛабIALIZация гласного буквы порядка 1 (или порядка 4 в случае гортанных) в позиции перед **ወ**, сопровождающаяся выпадением последней:

1 + ወ	7	አተወ → አቶ atäwä → ato «входить» (не путать с አቶ ato «господин») ንየወ → ንዮ nəyāw → nəyo «там»
4 + ወ	7	ዓወደ → ዖደ 'awädä → 'odä «ходить по кругу»

Редкий переход конечного **ወ** глагола в перфекте в **የ** (также в диалектах):

ወ	የ	ሸንደወ → ሸንደየ šändäwä → šändäyä «выбрасывать»
----------	----------	---

Редкий переход конечного **ዩ** (в герундии глаголов с конечным **ወ**) в **ዉ**, т.е. восстановление исходного радикала:

ዩ	ዉ	ቀልዩ → ቀሊዉ qäləyu → qäliwu «[он] поджаривая»
----------	----------	---

Периодический переход **ዊ** в **አ** имени деятеля (возможно диалектное):

ዊ	አ	አሰናዳዊ → አሰናዳአ assänädawī → assänäda,i «подготовитель, составитель»
----------	----------	--

Периодический переход **በ** в **መ** и наоборот:

በ	መ	ፀብሪ → ፀምሪ šäbri → šämri «грязь, слякоть» (не путать с ፀምሪ šämri «шерсть»)
መ	በ	ለምዘመን → ለብዘበን lämwämän → läbzäbän «этот год»

4. Взаимозаменяемость

Взаимозаменяемость **ጃ** и **ገ** (регулярная) или **ዘ** (менее распространенная):

ḡ	ዝ или ዘ	መጀመርታ ↔ መዝመርታ mājämmärta ↔ mǎžämmärta «начало» ዝንጅብል ↔ ጅንጅብል zənǰəbəl ↔ ǰənǰəbəl «имбирь»
---	---------	---

Нерегулярная взаимозаменяемость ሰ и ሸ (также в диалектах):

ሰ	ሸ	ሰንደወ ↔ ሸንደወ sändäwä ↔ šändäwä «выбрасывать» ሐሳዊ ↔ ሐሻዊ ḥassawi ↔ ḥaššawi «лжец»
---	---	---

Нерегулярная взаимозаменяемость ጠ и ጨ (также в диалектах):

ጠ	ጨ	መጨረሽታ ↔ መጠረሽታ mäčärräšta ↔ mäṭärräšta «конец» ሸንጥሮ ↔ ሸንጭሮ šəntəro ↔ šəncəro «долина»
---	---	--

Нерегулярная взаимозаменяемость букв 2-го и 7-го порядков:

2	7	ሐጻ ↔ ሐጻ ḥuša ↔ ḥoša «песок»
---	---	-----------------------------------

Взаимозаменяемость букв 3-го и 6-го порядков:

В случае некоторых префиксов, присоединяемых к имперфекту

3	6	ዚኸውን ↔ ዝኸውን zikāwwən ↔ zəkāwwən «предназначенный» ኪዓቢ እዩ ↔ ክዓቢ እዩ ki'abbi əyuu ↔ kə'abbi əyuu «он вырастет» (первые формы регулярно используются в Эритрее, а вторые типичны для Тыграя)
---	---	--

В заимствованиях:

3	6	ሩሲያ ↔ ሩሲያ rusya ↔ rusiya «Россия»
---	---	-----------------------------------

Взаимозаменяемость букв 5-го и 1-го порядков:

В случае некоторых префиксов, присоединяемых к имперфекту

1	5	ኪዕርፍ እዩ ↔ ከዕርፍ እዩ ke'ərrəf əyuu ↔ kə'ərrəf əyuu «он отдохнет» ዜጥፍእ ↔ ዝጥፍእ zəṭəffə ↔ zätəffə, «уничтожающий, выключающий» (первые формы регулярно используются в Эритрее, а вторые типичны для Тыграя)
---	---	---

В заимствованиях:

1	5	В Эритрее чаще всего используется первый порядок: መክሲኮ mäksiko «Мексика», а в Тыграе обычно 5-ый: ሜክሲኮ meksiko «Мексика», но это не правило
---	---	---

Взаимозаменяемость «1-го порядка + ኛ», «6-го порядка + ኛ» или «4-го порядка + ኛ» и суффикса -ይና. Взаимозаменяемость суффиксов -ተኛ и -ተይና:

1 + ኛ, 6 + ኛ» или 4 + ኛ	-ይና	ሹመኛ ↔ ሹመይና šumäñña ↔ šumäyña «высокопоставленное лицо», «деревенский / сельский староста» ትግርኛ ↔ ትግርይና təgräñña ↔ təgräyña «тигринья» ዳኛ ↔ ዳይና dañña ↔ dayna «судья»
-ተኛ	-ተይና	ሰራሕተኛ ↔ ሰራሕተይና särahtäñña ↔ särahtäyña «работник»

Взаимозаменяемость конечной буквы имени деятеля в присущем её третьем порядке и буквы в 4-ом порядке + -ይ:

3	4 + -ይ	ተምሃሪ ↔ ተምሃራይ tämhari ↔ tämharay «студент» ሰሓቢ ↔ ሰሓባይ sähabä ↔ sähabay «привлекательный»
---	--------	--

Взаимозаменяемость лабиовелярных и нелабиовелярных согласных с сохранением порядка):

3	3	ዙኪኒ ↔ ዙካኒ zukkini ↔ zukkini «цуккини» ዕንቀጥ ↔ ዑንቂ 'ənqʷi ↔ 'unqi «жемчуг» (имеет место также переход o в 6-ом порядке во второй порядок)
4	4	(один из наиболее некорректных случаев) ትኳን ↔ ትኻን təkʷan ↔ təkʷan «клоп» ጉድጓድ ↔ ጉድጋድ gʷədɡʷad ↔ gudgad «яма» ጽግቆ ↔ ጽግቆ ṣəmmaqʷ ↔ ṣəmmʷaʷ «фруктовое пюре», «фруктовый сок» (оба обратных случая имеют место; типично для Тыграя)

Взаимозаменяемость при написании форм имперфекта, императива, юссива и герундия в Тыграе; приложимо к глаголам со слабым конечным радикалом (в Эритрее используются только первые формы):

2	6 + ው	ይፈቱ ↔ ይፈትው yəfätu ↔ yəfätəw «ему нравится, он любит»
3	6 + ይ	ይሰቲ ↔ ይሰትይ yəsätti ↔ yəsättəy «он пьёт»
1	1 + ይ	ስተ ↔ ስተይ sətä ↔ sətäy «пей»
1	1 + ይ	ይስተ ↔ ይስተይ yästä ↔ yästäy «пусть он пьёт»

5. Другие непоследовательности

Непоследовательность в написании некоторых слов с исходными (или этимологически исконными) **ሐ** и **ዐ**, которые переходят в **ሀ** и **አ** соответственно:

ሕይወት	→	ሀይወት	həywät → həywät «жизнь»
መድኅኒት	→	መድሃኒት	(особенно в Эритрее) mädhānit → mädhānit «лекарство»
እግዚአብሔር	→	እግዚአብሄር	əgzi, abhər → əgzi, abhər «Бог»
ረግዐ	→	ረግአ	räg'ä → räg, ä «застывать»
ግዕዝ	→	ግእዝ	gə'əz → gə, əz «гезз, древнеэфиопский язык»

Свободное варьирование возможно в случае некоторых, прежде всего служебных слов и морфем:

ከአ и **ከዓ**, kǎ, a и kǎ´a «а, же; но»

ንዕኡ и **ንእኡ** nə´ə, u и nə, ə, u «его», «ему»

መእስ и **መዓስ** mä, as и mä´as «когда»

Непоследовательность в написании формы 3л. глагола пассивного залога в перфекте. Средний радикал может быть в 6-ом или 1-ом порядках:

ተሰብረ и **ተሰበረ** и т.д. täsäbrä и täsäbärä «ломаться; быть сломанным»

Непоследовательное присутствие начального **አ** в каузативных формах перфекта с приставкой **እና-**:

እና- + **አንቀጥቀጠ** → **እናንቀጥቀጠ** ənna- + anqätqätä → ənnanqätqätä «сотрясаясь»

እና + **አንጸባረቅ** → **እናንጸባረቅ** ənna- + anṣäbaräqä → ənnaṣäbaräqä «сияя», «отражая»

but **እና** + **አጉረምረመ** → **እናአጉረምረመ** ənna- + ag^wrämramä → ənna, ag^wrämramä «ворча»

Непоследовательность в написании конечной буквы (4-го порядка) существительного при присоединении к нему притяжательного местоименного суффикса 3-го лица. Буква обычно переходит в 6-ой порядок, но случаи с нулевым изменением также возможны:

ዕላማ + **አ** → **ዕላምአ** или **ዕላማአ** ´əlam, a или ´əlama, a «её цель»

Непоследовательность в написании конечной буквы (7-го порядка) существительного при присоединении к нему притяжательного местоименного суффикса 3-го лица. Буква либо переходит во 2-ой порядок, либо остаётся без изменений:

አቦ + **ኡ** → **አቦኡ** или **አቡኡ** abbo, u или abbu, u «его отец»

Непоследовательность в написании конечной буквы (2-го порядка) перфектного глагола в 1л. ед.ч., 3л. м.р. мн.ч. и герундия 3л. м.р. ед.ч., а также императива мн.ч. при присоединении объектного местоименного суффикса 3-го лица. Буква может переходить в 6-ой порядок, но может остаться без изменений:

ወሰዱዎ и **ወሰድዎ** wäsäduwwo и wäsädəwwo «они взяли его/это»

ወሰድኩዎ и **ወሰድከዎ** wäsädkuwwo и wäsädkäwwo «я взял его/это»

ወሲዱዎ и **ወሲድዎ** wäsīduwwo и wäsīdəwwo «он взял его/это»

ውሰዱዎ и **ውሰድዎ** wəsäduwwo и wəsädəwwo «возьмите его/это»

Непоследовательность в написании конечной **ም** герундия 3л. м.р. мн.ч. при присоединении к нему объектного местоименного суффикса 3-го лица. Она может перейти во второй порядок, но может остаться без изменений:

ወሲደምም и **ወሲደሙም** wäsidioməwwo и wäsidiomuwwo «они взяли его/это»

Непоследовательность в написании сложных слов (раздельно, через дефис или слитно):

а) Заимствования из геэза или неологизмы и другие:

ቤተ ክርስቲያን → **ቤተ ክርስትያን** (ቤተ ኻርስትያን), **ቤተ-ክርስትያን** или **ቤተክርስትያን**
betä krəstəyan → betä krəstəyan (betä krəstəyan), betä-krəstəyan или betäkrəstəyan «церковь»

ዓለም ለኻዊ → **ዓለም ለኻዊ**, **ዓለም-ለኻዊ** или **ዓለምለኻዊ**

ʾalām läkäwi → ʾalām läkäwi, ʾalām-läkäwi или ʾalāmläkäwi
«международный»

При записи в одно слово, сопутствующие изменения могут иметь место:

ጌላ አንስተይቲ → **ጌላንስተይቲ** gʷal anəstäyti → gʷalänəstäyti «лицо женского пола»
ጭራ አምዑት → **ጭራምዑት** cəra am ʾut → cəram ʾut «аппендикс»

б) Личные имена обычно записываются в одно слово:

ጊላ + ጋብር → **ጊላጋብር** gila + gabər → gilagabər «Гилягабыр (букв. слуга Гэбрэ Мэнфэс Кыддуса)»

ለተ + ብርሃን → **ለተብርሃን** lättä + bərhan → lättäbərhan «Леттэбырхан (букв. дочь света)»

ተወልደ + መድኃኑን → **ተወልደመድኃኑን** täwäldä + mädhən → täwäldämädhən
«Тэуольдэбырхан» (букв. родился Спаситель)

Однако все остальные случаи всё ещё возможны:

ገብረ + እግዚአብሔር → **ገብረ እግዚአብሔር**, **ገብረ-እግዚአብሔር** или **ገብረእግዚአብሔር**
gäbrä + əgzi, abhər → gäbrä əgzi, abhər, gäbrä-əgzi, abhər gäbrä, əgzi, abhər
«Гэбрэ-Ыгзиабхер» (букв. раб Божий)

в) Топонимы обычно записываются раздельно:

ዕዳጋ ሓሙስ ʾədaga ḥamus «Ыдага Хамус» (букв. четверговый рынок, рынок по четвергам)

ማይ ድማ may dəmma «Май Дымма» (букв. вода баобаба)

ዓዲ ቸይኦ ʾaddi qäyuüḥ «Адди-Кэйих» (букв. деревня красного, красный населённый пункт) и т.д.

Однако все другие случаи тоже возможны:

ዓዲ + ግራት → **ዓዲ ግራት**, **ዓዲ-ግራት** или **ዓዲግራት**

ʾaddi + grat → ʾaddi grat, ʾaddi-grat или ʾaddigrat «Аддиграт»

Существуют также традиционно записываемые случаи, например:

እንዳባገና əndabbaguna «Ындабагуна» (от **እንዳ** + **አባ** + **ገና**; как видно, имеет место и выпадение **አ**)

Сосуществование некоторых заимствований (включая сложные слова из геэза) в исходной форме и их типично тигринизированных вариантов:

ደርግ *därg* и **ደርጊ** *därgi* «Дэрг, Временный военный административный совет (в Эфиопии)»

ፊልም *film* и **ፊልሚ** *filmi* «фильм»

ካርድ *kard* и **ካርዲ** *kardi* «карта (учётная, медицинская и т. п.)»

ዓምደ ብርሃን *ʾamdä bərhan* и **ዓምዲ ብርሃን** *ʾamdi bərhan* «столп света» и т.д.

Специальные знаки (первого, третьего, четвёртого, пятого и шестого порядков) формально предусмотрены только для **ቈ** (**ቈ**), **ኮ** (**ኸ**) и **ጐ**, а в прошлом и для **ጒ**. Тем не менее в тигринья Эфиопии возможны случаи использования специальных знаков (четвёртого порядка) и в иных случаях (**ሲ**, **ሚ**, **ሯ**, **ሰ**, **ሱ**, **ሲ**, **ሳ**, **ሴ**, **ስ**, **ሶ**, **ሷ**, **ሸ**, **ሹ**, **ሺ**, **ሻ**, **ሼ**, **ሽ**, **ሾ**, **ሿ**):

ተፈጥሮአዊ → **ተፈጥሯዊ** и т.д.

täfätrö awi → **täfätr^wawi** «естественный»

Метатеза:

ከፈተ → **ፈኸተ** *käfätä* → *fäkätä* «открывать»

እግዚአብሔር → **እዝሊአብሔር** и даже **እዝጋብሔር**

əgzi abher → **əzgi abher** и даже **əzgabher** «Бог» и т.д.

(уникальный случай **ጳጉሙን** → **ጳጥሜን** *paḡwəman* → *g^waq^wəmen* тоже можно рассматривать как случай метатезы)

Непоследовательность в написании предлога + **አ**:

ን + **አጣል** → **ነጣል** *nə + aṭal* → *näṭal* «козлов», «козлам»

ብ + **አምሳል** → **በምሳል** *bə + amsal* → *bämsal* «наподобие, в виде»

но

ን + **አብነት** → **ንአብነት** *nə + abənnät* → *nə abənnät* «например»

ብ + **አድጊ ኸደ** → **ብአድጊ ኸደ** *bə + adgi kädä* → *bə adgi kädä* «ехать на осле»

ብ + **አጋጣሚ** → **ብአጋጣሚ** или **በጋጣሚ** *bə + aggaṭami* → *bə aggaṭami* или *bäggatami* «случайно»

Случаи без изменений встречаются при личных именах:

ንአቤል ሂባቶ *nə abel hibatto* «она дала это Абелью»

አቦኩ ንአቤል *abo u nə abel* «отец Абелия»

В некоторых диалектах Тыграя **ቐ** и **ኸ** могут играть роль независимых фонем, обычно будучи только аллофонами:

ቐርሺ *qərsi* вместо **ቐርሺ** *qərsi* «местная денежная единица»

ኸናናት *k^winat* вместо **ኸናናት** *k^winat* «война»

Непоследовательность в написании прилагательных, оканчивающихся на **ዊ** и **ዊይ**:

ዘመናዊ zāmānawī и **ዘመናይ** zāmānay «современный»

Непоследовательность в обозначении вопросительного знака:

В Эритрее «?» или (редко) «:»

В Эфиопии только «?»

Непоследовательность в постановке пробела между служебными словами и другими словами или словоформами:

ብዘይ ፍልጠት и **ብዘይፍልጠት** bəzäy fəltät и bəzäyfəltät «без знания»

ከም ዝነገረኒ и **ከምዝነገረኒ** kām zənägäränni и kāmzənägäränni «как он мне сказал»

ምስ ተወድኦ и **ምስተወድኦ** mäs täwäddə, ä и mästäwäddə, ä «когда [это] закончится»

ምስ ሰብ и **ምስሰብ** или даже **ምስብ** mäs säb и mässäb или даже mässäb «с кем-то, с одним человеком»

и т.д.

Непоследовательность в написании форм перфекта, имперфекта, герундия и имени действия и состояния глаголов типа А (включая глаголы с начальным гортанным радикалом) со средней **የ**:

ሓየሽ, **ሓሽ**, **ሓሼ**, **ሓሽ**, **ሐሽ** ሣayäšä, ሣäšä, ሣäše, ሣešä, ሣšä «быть или становиться лучше»

ይሓይሽ, **ይሓሽ**, **ይሓሽ**, **ይሐሽ** yəḥayyüş, yəḥeš, yəḥüş, yəḥäš «это лучше»

ሐሹ, **ሓይሹ** ስišu, ስayišu «стало лучше»

ምሓሽ, **ምሓሽ** məḥäš, məḥyāš «быть лучше» (имя действия и состояния)

ምሻጥ, **ምሻጥ** məšat, məšyaf «продавать» (имя действия и состояния)

ምኻድ, **ምኻድ** məkad, məkyad «идти, уходить» (имя действия и состояния)

Непоследовательность в написании форм перфекта и имени действия и состояния глаголов типа А со средней **ወ**:

ጸረ, **ጸወረ** šorä, šäwärä «нести» (см. тж. раздел 3 «Разнообразные переходы»)

ምጸር, **ምጸጦር** məšar, məšwar «нести» (имя действия и состояния)

Умеренная непоследовательность в написании форм герундия глаголов типа А (включая глаголы с начальным гортанным радикалом) со средней **በ** (**ነበረ**, **ገበረ**, **ሰበረ**, **ተገበረ**, **ተሰበረ** и т.д.) и средней **ወ**:

а) В 1л. ед.ч. и 3л. следующие формы регулярны:

ነይረ, **ነይሩ**, **ነይራ**, **ነይሮም**, **ነይረን** näyṛä, näyru, näyru, näyrom, näyṛän «будучи», «был» и т.д.

ኮይነ, **ኮይኑ**, **ኮይና**, **ኮይናም**, **ኮይነን** koynä, koynu, koyna, koynom, koynän «будучи; становясь», «стал» и т.д.

В то же время попадают и редуцированные формы типа **ጎሩ** neru, **ጎሩ** geru и т.д. Тривиальные формы типа **ጎቢሩ** näbiru и **ጎቢሩ** gäbiru периодически встречаются в Тыграе.

б) В 1л. мн.ч. и 2л. распространены редуцированные формы:

ጌርና, **ጌርካ**, **ጌርኪ**, **ጌርኩም**, **ጌርክን**, **ጌርካትኩም**, **ጌርካትክን** nerna, nerka, nerki, nerikum, nerkæn, nerkatkum, nerkatkæn «будучи», «был и т.д.»

ኑንና, **ኑንካ**, **ኑንኪ**, **ኑንኩም**, **ኑንክን**, **ኑንካትኩም**, **ኑንካትክን** k^wenna, k^wenka, k^wenki, k^wenkum, k^wenkæn, k^wenkatkum, k^wenkatkæn «будучи; становясь», «стал» и т.д.

Формы типа **ገይርካ** gäyruka и **ኮይንካ** koynka довольно распространены в Тыграе.

6. Диахронические изменения

ጸ и **ፀ**, в каждом случае обозначающие «ፍ», использовались избирательно в зависимости от слова. Так, например, слова ፍገህህ, 'aşäwä, ፍሕህ и ፍገገገ записывались, как правило, как **ጸሩይ**, **ፃጸወ**, **ፀሓይ** и **ሕፃን** соответственно. В наши дни в каждом случае в Эритрее используется **ጸ**, а в Эфиопии - **ፀ**:

ጸሩይ, **ፃጸወ**, **ጸሓይ**, **ሕፃን** и т.д. (Эритрея)

ፀሩይ, **ፃፀወ**, **ፀሓይ**, **ሕፃን** и т.д. (Эфиопия)

ፍገህህ, 'aşäwä, ፍሕህ, ፍገገገ «чистый», «закрывать», «солнце», «младенец»

ሐ и **ሀ** были объединены в **ሐ**, а **ሠ** и **ሰ** были объединены в **ሰ** (таким образом **ሀ** и **ሠ** были упразднены):

ሕወ → **ሐወ** ḥaw «брат»

አሥመራ → **አሰመራ** asmära «Асмэра» (столица Эритреи)

Конечный гортанный радикал перфекта глагола 3л. ед.ч. и (редко) герундия 1л. ед.ч. перешёл из 5-го порядка в первый:

ገፍሖ → **ገፍሐ** (перфект 3л. ед.ч.) gäfḥe → gäfḥä «быть широким; расширяться»

ወድኤ → **ወድአ** (перфект 3л. ед.ч.) wäddə, e → wäddə, ä «заканчивать»

አጥፍኤ → **አጥፍአ** (перфект 3л. ед.ч.) atfə, e → atfə, ä «уничтожать», «выключать»

በጽሔ → **በጽሐ** или чаще **በጸሐ** (герундий 1л.) bäsəḥe → bäsəḥä или чаще bäsihä «я прибыл»

Гортанный с гласным [a] мог записываться в 1-ом порядке. В настоящее время в таких случаях используется только 4-й порядок:

ሐኪም → **ሐኪም** ḥakkim «врач, доктор»

ዐበረ → **ፃበረ**, 'abärä «худеть; быть худым»

ሀቀነ → **ሃቀነ** haqqänä «пытаться, стараться»

ዘዐያ → **ዘፃያ** zä'ayya «работающие» (ж.р.)

ምውዕል → **ምውፃል** maw'al «проводить день/время»

7. Знаки препинания

Пунктуация в современном тиграйском языке строго не регламентирована.

Оригинальные знаки препинания

Тиграйский знак	Примерное соответствие в русской пунктуации
⋮	«,» (запятая); ранее использовался как словораздел, в этой функции заменён пробелом
⋈	«.» (точка в конце предложения)
⋮̇	«,» (запятая), «:» (двоеточие), «;» (точка с запятой)
⋮̈	«:» (двоеточие), «,» (запятая), «;» (точка с запятой)
⋮̉	«,» (запятая, отделяющая обычно простые предложения в пределах сложного), «;» (точка с запятой), «:» (двоеточие)
⋮-	«:» (двоеточие), «-» (тире)
⋮̇̇	«?» (вопросительный знак); применяется только в Эритрее, вытесняется знаком «?»

Заимствованные знаки препинания и небуквенные орфографические знаки

Знак	Употребление (указано, если особое)
.	точка; используется в аббревиатурах, сокращениях
/	косая черта; используется в аббревиатурах, сокращениях
'	апостроф; факультативно фигурирует при усечении слов
()	круглые скобки
«»	кавычки
?	вопросительный знак
!	восклицательный знак
-	дефис
...	многоточие
–	тире
□	квадратные скобки

8. Заключение

Основные вопросы

- Современное тигринское правописание демонстрирует значительное число непоследовательностей;
- Неадекватное использование порядков письма;
- Гибкий выбор буквы почти на всех уровнях морфологии;
- Одно и то же слово может записываться множеством вариантов;
- Тигринское правописание находится в процессе изменения;

- Возможно представить все фонемы средствами используемого письма;
- Возможно собрать и систематизировать имеющиеся непоследовательности.
- Необходимо признать, что некоторые случаи, упомянутые в настоящем исследовании, фактически являются своего рода «опечатками», регулярно производимыми ради экономии времени или умышленно используемыми для простоты. Это особенно относится к случаям выпадения знака спирантизации. Эти случаи включены в работу для наиболее возможной полноты картины.

Рекомендации

- Группам экспертов на уровне языковых академий необходимо добиться адаптации верных и гармоничных вариантов, приемлемых большинству носителей;
- Ущерб диалектам должен быть сведён к минимуму (к сожалению полностью избежать его невозможно);
- Эритрейские и эфиопские эксперты должны насколько возможно совместно координировать эту работу.

Положительные ожидания

- Относительная простота процесса стандартизации;
- Облегчение изучения и преподавания языка;
- Облегчение языковой передачи;
- Упрощение составления и использования словарей и других пособий;
- Создание морфологических анализаторов, которые способствуют созданию и использованию электронных, цифровых и онлайн-словарей, переводчиков, включая автоматические переводчики и переводчики посредством сканирования; все эти инструменты уже доступны для крупнейших и наиболее развитых языков мира;
- Успешная стандартизация письменного тигринья в конечном итоге станет благоприятным фактором для развития множества областей общественной жизни его носителей: образование, литература, СМИ, бизнес и многих других.

В 2015 г. автор передал данные настоящего исследования доктору Даниэлю Тэкло, главе Академии языков Тыграя, для дальнейшей стандартизации орфографии языка тигринья. Настоящая версия является несколько обновлённой и дополненной, она была представлена на 20-ой Международной Конференции по эфиопистике в столице Тыграя, г. Мэкэле в октябре 2018 г.

Сокращения

ж. р. – женский род	наст. – настоящее время
л. – лицо	опр. арт. – определенный артикль
м. р. – мужской род	ч. – число

Литература

1. Kane, Thomas Leiper. *Tigrinya-English dictionary* (2 vol.). Springfield, 2000.
2. ተክአ ተስፋይ። ዘመናዊ መዝገበ ቃላት ትግርኛ፡ አስመራ፡ 1999፡ 2011።
3. da Bassano, Francesco. *Vocabolario tigray-italiano*. Roma, 1918.
4. ካሳ ገ/ረወትን ብአማኑኤል ጋንኪንን። መዝገበ-ቃላት ትግርኛ፡ አዲስ አበባ ፳፻ ዓ.ም.።
5. ናይ ኢትዮጵያ ቋንቋታት አካዳሚ። መዝገበ ቃላት ትግርኛ ብትግርኛ። አዲስ አበባ፡ ፲፱፻፹፱ ዓ.ም.።
6. አባ ዮሐንስ ገብረ-እግዚአብሔር። መዝገበ-ቃላት ትግርኛ-አምላካዊ፡ አሥመራ፡ ፲፱፻፵፰-፵፱ ዓ.ም.።
7. Гутгарц Я.Н. *Русско-тиграйский тигринья-русский разговорник и словарь*. М.: Наука, 2017.

Лексические особенности современного арабского политико-экономического дискурса

Изменения, причинами которых являются языковые контакты, присутствуют в каждом языке. Языковые контакты определяются как смешение двух или более языков, когда влияние оказывается в том числе и на словарь одного из них.

Развитие языка без всякого влияния со стороны окружающего глобального пространства невозможно, и возможности смешения зависят от многих, в том числе экстралингвистических причин. В наши дни главным фактором такого развития является глобальное пространство Интернета. Вместе с тем очевидно, что разные языки не в одинаковой степени подвергаются подобному влиянию.

Что касается арабского мира, то одной из важнейших характеристик лингвокультурной ситуации конца 20 – начала 21 в. является тот факт, что, в отличие от большинства других обширных языковых пространств, на территории этого региона знание английского языка, понимание многих недавно вошедших в общий обиход англицизмов не являются одним из существенных компонентов языковой компетенции. В арабском языке, когда он выступает в качестве языка-реципиента, процессы адаптации новых, в том числе заимствованных, лексем отличаются очевидным своеобразием. Особенности формирования компьютерной терминологии в арабском литературном языке были рассмотрены в диссертации О. М. Синьковой [Синькова 2007].

Структурно-семантическая и функциональная адаптация заимствований

Исследование современного арабского общественно-политического дискурса дает возможность проследить текущие тенденции развития и формирования понятийного аппарата, которым оперируют средства массовой информации. Применительно к этой сфере развития арабского языка речь может идти не только о прагматике как системе изучения единиц языка в их отношении к тем лицам, которые ими пользуются [Ахманова 2009, с.344], но и о закономерностях в системе формирования современного лексикона в рамках целого этноса. Подобные исследования в области словарного состава неизбежно выводят их на уровень лингвокультурологии. В арабском языке подобные процессы освоения новой лексики связаны, как и в любом другом языке, с особенностями речевого поведения под воздействием разнообразных условий, связанных с прагматикой, экстралингвистическими императивами, наконец, со своеобразной ментальностью носителей арабского языка

как одного из древнейших языков мира. Вместе с тем, при таком своем качестве, он остается живым языком, чей лексический состав продолжает пополняться за счет новых понятий.

Применительно к арабскому языку можно утверждать, что семантика слова, морфологические модели и существующие способы словообразования позволяют в большинстве случаев либо найти готовый эквивалент, либо подобрать соответствующую словообразовательную модель для того или иного термина или нового понятия.

Когнитивная адаптация заимствований в арабском языке превращается в многоуровневый процесс, который занимает подчас несколько лет, а то и целое десятилетие. Изучение особенностей структурно-семантической и функциональной адаптации связано с ходом освоения новых терминов и понятий в арабском языке, с процессом достижения смысловой однородности и зачастую занимает достаточно продолжительное время из-за того, что он сопряжен с преобразованиями, происходящими в сознании более чем одного социума более чем в одной стране.

Рассмотрим некоторые когнитивные аспекты терминологического своеобразия и общеупотребительной лексики в современном арабском языке. Здесь следует отметить, что в целом арабский терминологический тезаурус включает в себя не только новые термины, поскольку в нем функционирует большое количество уже имеющихся исконных лексем. На лексическом уровне это – прежде всего заимствованные термины, являющиеся относительно немногочисленными и преимущественно относящиеся к сфере общеупотребительной лексики. Например: *بيولوجي* «биологический»; *التكنولوجيا* «зеленые технологии»; *الاوزون* «озоновый слой»; *الهيبر ماركت* «гипермаркет»; *الميكروباص* «микроавтобус»; *التريسكل و المتوسيكال* «мопеды и скутеры».

В этом сегменте терминологического тезауруса широкое распространение получили композиты (сложные слова). В их состав входит от двух неаффиксальных морфем, т.е. морфем, не употребляющихся в качестве аффиксов и естественно выступающих в качестве основы слова [Ахманова 2009, с.430]. Например: *كيلوات*, *كيلومتر*, *كيلو غرام*.

От этих заимствованных словоформ, относящихся к общеупотребительной лексике, образуются акомпированные слова, т.е. усеченные, которые функционируют параллельно с полной сложной основой как самостоятельные слова. Например: *كيلو* (в значении «один килограмм»). Являясь прямыми заимствованиями, эти лексемы образуют присущие арабской грамматике словоформы, например формы правильного множественного числа (*كيلومترات*, *كيلو غرامات*), однако, в отличие от исконных лексем, они не могут образовывать новые словоформы путем морфонологического изменения основы, т.е. за счет внутренней флексии, как это происходит чаще всего в арабском языке.

Наиболее обширную группу лексем, функционирующих в современном арабском общественно-политическом дискурсе, составляют семанти-

ческие заимствования. В состав этого значительного лексического пласта входят как прочно освоенные термины, например: إحصائيات «статистика», так языковые соответствия, возникшие относительно недавно. Среди них встречаются дериваты как отглагольного, так и отыменного происхождения. Например: اشتراكية «социализм» от глагола اشتراك «участвовать, делать что-либо совместно, объединять»; رقم قياسي «индекс» – семантическое заимствование, представляющее собой словосочетание из определения قياسي «правильный, относительный» и существительного رقم «номер, цифра». Среди них также встречаются композиты. Например: в слове «капитал», присутствующем во всех европейских языках, включая русский, основа представлена латинским заимствованием capitalis «главный». В арабском же языке для обозначения этого понятия издавна функционирует слово رأسمال, состоящее из двух исконно арабских слов: رأس «голова» и مال «деньги». В процессе функционирования подобные семантические заимствования становятся самостоятельными основами и образуют дериваты: رأسمالية «капитализм», رَسَمَل «капитализировать», رأسملة «капитализация» и т.д.

Дериваты отглагольного происхождения

исходная форма	перевод	термин	перевод
إشترك	совместно участвовать	إشتراكية	социализм
إستورد	привозить	إستيراد	импорт
صدر	отправлять, вывозить	تصدير	экспорт
تشتت	рассеиваться, расходиться	تشتت	дезинтеграция
تضخم	разбухать	تضخم	инфляция
سوق	отправлять на рынок	تسويق	маркетинг
إحتكر	скупать, спекулировать	إحتكار (ات)	монополия
إستثمر	использовать	إستثمار	инвестиция

Термины отыменного происхождения

исходная форма	перевод	термин	перевод
رقم قياسي	номер, относительный	رقم قياسي	индекс
مَعْرِفي، عامل	«относящийся к области познания»; работник	عامل معرفي	программист
خط (خطوط)	линия	خط (خطوط)	вектор
عصر، معرفة	эпоха, знание	عصر المعرفة	век информатизации
قمر صناعي	«искусственная луна»	قمر صناعي	спутник
شركة عملاقة	«гигантская компания»	شركة عملاقة	корпорация
سهم (اسهم)	доля	سهم (اسهم)	акция
موقع	место, позиция	موقع	сайт
ضرورة (ات) تنمية	необходимость, развитие	ضرورات التنمية	императивы развития

إحصاء (ات)	исчисление, счет	إحصاءات	статистика
اقتصاد كلي	экономика, полный	الاقتصاد الكلي	макрэкономика
اقتصاد جزئي	экономика, частичный	الاقتصاد الجزئي	микрэкономика
طبقة	слой, пласт	طبقة	(общественный) класс
مبيد	уничтожающий	مبيدات	инсектициды
الموارد، الأحياء البحرية	ресурсы, морские живые организмы	موارد الأحياء البحرية	морские биоресурсы
ترشيد	«правильное направление»	ترشيد	оптимизация
ماركة عالمية	«мировая марка»	ماركة عالمية	бренд
مشروع نووي متكامل	«ядерный проект, достигший полноты»	مشروع نووي متكامل	ядерный проект полного цикла
حضانة المشروعات	«инкубация проектов»	حضانة المشروعات	бизнесинкубатор
صرف في غير الشأن المخصص	«расходование на неспециальное дело»	صرف في غير الشأن المخصص	непрофильное расходование
احتفالات	торжества, празднования	حتفالات	«корпоративы»
جهاز المحاسبات	«аппарат подсчетов»	جهاز المحاسبات	аудит
احصائيات	исчисления, вычисления	احصائيات	статистика
هامش	поле, поля (книги)	تهميش	маргинализация

Составные термины отыменного происхождения могут включать в себя несколько слов, в том числе существительное, прилагательное и масдар. Например: слово «центрифуга» (от лат. centrum «центр» + fuga «бегство») трансформировалось в семантическое заимствование جهاز الطرد المركزي. Слово «прогноз» (от греч. prognosis) в значении «предсказание экономического развития» в арабском варианте – «دراسات مستقبلية», термин «капитализация» сформировался как «تشكيل رأس المال» «клиринговый фонд» соответствует термину «صندوق المُقاصَّة» и т.д.

Здесь следует отметить активно идущий процесс образования неологизмов. Выдвигались многие концепции о самом процессе освоения неологизмов в арабском языке, однако в теоретическом отношении есть два основных подхода, и проблема еще является объектом активного обсуждения. Одна группа специалистов считает, что все грамматические правила арабского языка утвердились еще у Сивавейхи, потому следует во всем придерживаться этих правил. При таком консервативном подходе они категорически против арабизации иностранных слов. Вторая группа ученых исследует процессы взаимодействия слов из арабского языка и других языков, подчеркивая при этом, что некоторые заимствованные слова надо принимать в той форме, в какой они приняты для использования в родном языке.

Будем исходить из того определения заимствования, которое дает «Лингвистический энциклопедический словарь»: Заимствование – это элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой (ЛЭС 2002:158). Очевидно одно: в исходной форме в словарь арабского языка заимствованные слова на данном этапе входят при условии, что они в исконном виде чаще всего являются именами собственными или близки к ним. Это, к примеру, такие слова, как: Google, Opera, Apple.

Заимствования могут иметь и промежуточные варианты: в ходе развития современного словаря возникают ситуации, когда в состав термина входят заимствованные лексемы наряду с исконно арабскими. Например, возникший относительно недавно термин «биоинженерия» трансформировался в арабском дискурсе в словосочетание البيواوجية الحيوية, букв. «жизненная биология». Другие примеры:

сеть = شبكة = أنترنت
 сайт = موقع = سايت
 файл = ملف = فايل
 компьютер = حاسوب = كومبيوتر
 mail = بريد = مايل

Однако чаще всего освоение новых номинаций происходит путем семантических заимствований. Приведем примеры некоторых лексических соответствий, наиболее характерных для современного экономического тезауруса:

إعادة الهيكلة	реструктуризация
بدائل أخرى لتوليد الطاقة	альтернативные источники энергии
الاستثمارات غير المباشرة	портфельные инвестиции
ابتكار	инновации
مبتكر	инновационный
مشروع متناهي الصغر	микропроект
تمويل رأس مال المخاطر	венчурное финансирование
التاجير التمويلي	лизинг
الفئات المهمشة	маргинальные слои общества
صندوق التمويل العقاري	фонд ипотечного финансирования
البنية التحتية	инфраструктура
عجز الميزانية	бюджетный дефицит
منحة (منح)	грант
المشروعات الحكومية	государственные проекты
إجمالي التمويل	общий объем финансирования
التصنيف الائتماني	кредитный рейтинг
طرح للاستثمار	вести в эксплуатацию
متخصص في التسويق	маркетолог

متابعة التسويق	маркетинговое исследование
خطابات الضمان	аккредитивы
عزز خطاب الضمان	акцептовать аккредитив
الملاحة عبر الاقمار الصناعية	спутниковая навигация
عملة محلية	национальная валюта
تجارة بينية	двусторонняя торговля
تيسير نفقات الميزانية	сокращение бюджетных расходов
مؤسسات ائتمانية	кредитные организации
تطوير حقول النفط	освоение нефтяных полей
تعديل اسعار النفط	корректировка нефтяных цен
نمو سكاني	демографическое развитие

Даже когда первоначально то или иное вновь появившееся явление или понятие обозначается в АЭД с помощью термина, представляющего собой прямое заимствование, впоследствии в ходе *языковой корреляции* его вытесняет семантическое заимствование. Например:

- إمبريالية – «империализм»
- تليفون – «телефон»
- الانترنت – «интернет»
- شبكة عامة – «компьютер»
- الكمبيوتر – «компьютер»
- الايكولوجيا – «экология»
- الهيبير ماركت – «гипермаркет»

Иногда на месте одного прямого заимствования возникает *два семантических заимствования*. Например: *فيرتوال – شبه حقيقي – افتراضي*

В процессе освоения и закрепления новых номинаций в арабском языке, помимо формирования семантических заимствований, в системе словообразовательных морфем происходят процессы, связанные с образованием новых корней. Характерная особенность этих процессов состоит в том, что они проходят в соответствии с нормами арабского словообразования в рамках существующих способов словообразования.

Для корня существуют запреты на совмещение согласных, т.е. на их следование рядом в пределах двусогласной ячейки. Для четырёхсогласных корней согласно этим правилам необходимо присутствие хотя бы одного из «плавных» согласных [Юшманов 1928, с.41]. Корни могут содержать в себе слабые согласные в качестве инфиксов для образования четырехбуквенных корней. Формы, содержащие дифтонг после 1-го корневого, считаются в историческом языкознании параллельными интенсивным геминированным основам. Глагольные основы такой структуры считаются производными от имени [Гранде 1998, с.63, 72].

В ходе освоения в общественно-политическом дискурсе общепотребительные слова претерпевают лексические трансформации, порождая вторичные языковые структуры. В качестве примера подобной трансформации

ции можно привести арабский аналог термина «глобализация». Когда возникла необходимость арабской номинации этого явления жизни, то в отличие от русского и других мировых языков, функционирующих на территории более чем одного государства, в арабском языке прочно утвердилось слово «АУЛЯМАтун». Оно образовано от существительного «ААЛЯМ», что означает «мир». Это существительное имеет в своей основе классический арабский трехсогласный корень. Словообразование произошло по одной из моделей арабского словообразования, когда в трехсогласный корень в качестве инфикса включается слабый согласный, и корень, таким образом, превращается в четырехбуквенный, где место долготы после первой корневой, выраженной буквой «алиф», заняла более «сильная» согласная «вав». Затем уже от этого нового существительного были образованы в качестве производных глагол, причастие и т.д. Изначально это понятие вошло в экономический обиход, а далее получило широкое распространение во всех сферах лексикона. Морфологические средства арабского языка дают возможность пополнять это новое гнездо, в результате чего в обиход вошли такие слова как: «عَوْلَمَة» «глобализация»; «مُعَوْلَم» «глобализованный». Аналогично на базе корня خَصَن путем редупликации, т.е. удвоения двусогласной ячейки, образовалось гнездо, семантически связанное с понятием «приватизация»: «خَصْنَصَة» «приватизация»; «خَصَّنَص» «приватизировать»; «مُخَصَّنَص» «приватизированный».

На недавних по времени образования примерах можно увидеть употребление моделей классического языка. В современном арабском тезаурусе появились глаголы مَصَّر «переводить в египетскую собственность», تَكَوَّن «натурализоваться в Кувейте», سَوَّن «перевести в суданскую собственность».

Современный общественно-политический дискурс в целом не лишен *метафоричности*. Из приведенных выше примеров видно, что преобладание семантических заимствований дает большие возможности для использования метафор в ходе закрепления и освоения понятийных аналогий. Так, например, экономика ассоциируется с живым организмом: النمو الاقتصادي «экономический рост»; التضخم المالي «инфляция»; غير دماء العاملين «проводить ротацию кадров»; فساد «коррупция»; استعادة عافية الاقتصاد «оздоровление экономики»; حضانات المشروعات الصغيرة «бизнесинкубаторы».

Что касается назначения метафоры в политическом дискурсе, то среди его основных функций выделяют когнитивную, коммуникативную, прагматическую и эстетическую. Если углубляться в исследование этого явления, то, как представляется, при изучении метафор в общественно-политическом и экономическом дискурсах рационально использовать структурно-функциональный метод в когнитивном аспекте.

Метафорика арабского социально-экономического дискурса

разбухание денежной массы (инфляция)	التضخم المالي букв. денежное разбухание
проводить ротацию кадров	غير دماء العاملين

	букв. «сменить кровь работающих» استعادة عافية الاقتصاد
оздоровление экономики	букв. «вернуть здоровую экономику» فساد
коррупция	букв. «гниение» حضانات المشروعات الصغيرة
бизнес-инкубаторы	букв. «вскармливание малых проектов» القرصنة
хакерство	букв. «пиратство, морской разбой»

Таким образом, в основе лексики современного арабского общественно-политического дискурса преобладают термины, относящиеся к наиболее информативным единицам языка на уровне слова. Они имеют особую коммуникативную функцию и способствуют расширению информационной картины мира.

Сегодня можно выделить три основных направления пополнения арабского общественного-политического словаря:

- 1) прямые заимствования, в основном из английского языка;
- 2) неологизмы. К ним относятся новые словоформы, образованные по моделям арабского словообразования, от которых возникают вторичные корни, образующие дериваты.
- 3) семантические заимствования. Этот способ пополнения лексического состава является в настоящее время наиболее продуктивным и распространенным при номинации новых понятий и явлений. К нему можно также отнести и заимствования, возникающие на основе метафорического переноса.

Литература

1. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. М., 2009-2013
2. Баранов Х. К. *Арабско-русский словарь*. Изд. 5. М., 1976.
3. Белкин В. М. *Формирование словарного состава современного арабского литературного языка*. Автореферат дисс. на соискание ... д.ф.н. М.: ИВ АН СССР, 1980.
4. *Большой латинско-русский словарь* [электронный ресурс]. URL: <http://linguaterna.com/vocabula/>
5. Бухаркин П.Е. и др. Проблемы лексикографического описания риторической терминологии М.В.Ломоносова. // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2013 с.137-159
6. Виноградов В. В. *Лексикология и лексикография. Избранные труды*. М.: Наука, 1977. – 312 с.

7. Гранде Б.М. *Курс арабской грамматики*. Изд.2. М., 1998.
8. Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // *Теория метафоры*. М., 1990. с. 236-283
9. Скворцова И.В. *Особенности экономической терминологии современного арабского литературного языка: на материале арабской прессы начала XXI века*. Автореферат дисс. на соискание ... к.ф.н. М., 2008
10. Синькова О.М. *Способы словообразования компьютерной терминологии в арабском литературном языке: на материале современной прессы*. Дисс. на соискание ... к.ф.н., М., 2007
11. Юшманов Н. В. *Грамматика литературного арабского языка*. Л., 1928.
12. Газеты «Аль-Ахрам» и «Аль-Хаят», 1997-2019 гг.

Переносные употребления турецкого глагола *düşmek* ‘падать’

Лексема *düşmek* является высоко частотным глаголом падения. По статистике, полученной нами из материалов Национального корпуса турецкого языка (НКТЯ) частота встречаемости глагольных форм с корнем *düş-* составляет 41735 вхождений на 50 млн. слов. Глагол *düşmek* передает значения разнообразных ситуаций падения [Кадырова 2018, с. 368] и часто употребляется в переносном смысле, входит в состав устойчивых сочетаний. Задача данной работы в том, чтобы классифицировать ситуации употребления лексемы в переносном смысле, оказав таким образом помощь обучающимся, переводчикам и исследователям.

Прямое значение падения – это «вертикальное движение вниз под воздействием гравитации» [Reznikova et al 2015, p. 6]. Переносные смыслы глагола *düşmek* можно распределить по следующим группам или фреймам.

1. Снижение количества, сокращение численности, объема

Употребление лексемы *düşmek* уместно, когда речь идёт о снижении числовых показателей, сокращении количества предметов или вещества.

В примере (1) говорится о снижении температуры, то есть о снижении высоты ртути в термометре:

- (1) *Vücut ısısı-nın düşme-si neden ol-ur?*
 тела температура-gen падение-3sg почему быть-prz1,3sg
 ‘Почему падает температура тела?’ (НКТЯ)

В примере (2) речь идёт о снижении стоимости валюты:

- (2) *Dolar ve euro düş-üyor.*
 доллар и евро упасть-prz2,3sg
 ‘Доллар и евро падают’ (НКТЯ).

В примере (3) *düşmek* означает сокращение числа объектов:

- (3) *Meclis-te-ki kadın sayısı düş-tü.*
 Меджлис-loc-conj женщина число упасть-pst1,3sg
 ‘В меджлисе сократилось число женщин’ (НКТЯ).

В примере (4) падение прироста импорта в сущности означает уменьшение некоторого численного значения.

- (4) *Geçen süre-de ihracat-in yıllık ortalama artışı-ı*
 прошлый период-loc экспорт-gen годовой средний рост-3sg
%1,2ye düş-müş.
 %1,2-dat упасть-pst3sg,
 ‘За прошедший период средний годовой прирост импорта упал на 1,2%’ (НКТЯ).

2. Снижение качества, деградация

В примере (5) прямо говорится о снижении качества, а в примере (6) ‘падение сервиса’ – это снижение качества сервиса:

- (5) *Teknoloji-de kalite düş-üyor.*
 Технология-loc качество падать-prz2
 ‘Падает качество технологии производства’ (НКТЯ).
- (6) *Servis düş-üyor*
 сервис упасть-prz2,3sg
 ‘Падает уровень обслуживания’ (НКТЯ).

3. Моральная деградация

В турецком языке, как и в русском, падение может быть метафорой, означающей моральную деградацию человека.

Пример (7) содержит шуточное рассуждение о том, какая ситуация первична – моральная деградация женщины или слом её личности. В примере (8) используется выражение ‘моральный облик споткнулся (букв. упал на ногу)’.

- (7) *Küçük orospu, kırıl-ıp düş-müş*
 Маленькая проститутка сломаться-cvb упасть-pst2,3sg
veya düş-üp kırıl-mıştı.
 или упасть-cvb сломаться-pst4,3sg
 ‘Маленькая проститутка то ли, сломавшись, пала, то ли, пав, сломалась’ (НКТЯ).
- (8) *İstanbul-un ahlak-ı ayağ-a düş-müştü.*
 Стамбул-gen мораль-3sg нога-dat упасть-pst1,3sg
 ‘Моральный облик Стамбула упал’ (НКТЯ).

4. Выпадение из списка, из последовательности, из общества

Подобно одному из прямых значений *düşmek* ‘выпадать из контейнера’ [Кадырова 2018, с. 370], этот глагол в переносном смысле может означать выпадение выпадение из списка, из последовательности, из общества. *Düşmek* в значении ‘выпадать’ – это ‘выбывать’. Когда футбольная команда «Ризе» потерпела поражение и выбыла из соревнований «Супер-лига», в газетах появились заголовки:

- (9) *Rize düş-tü, Bursa kal-dı.*
 Ризе упасть-pst1,3sg Бурса остаться-pst1,3sg
 ‘«Ризе» выбыли, «Бурса» остались (футбольные команды)’ (Haber).
- (10) *Süper Lig'den son düş-en takım Çaykur Rize Spor ol-du.*
 Супер Лига-abl последний падать-ptcp команда Чайкур Ризе Спор стать-past1,3sg
 ‘«Чайкур Ризе Спор» стала последней командой, выпавшей из «Супер-лиги»’ (Birgun).

Учитывая то, что в примере (9) антонимом *düştü* выступает глагол *kaldı* ‘остались’, надо полагать, что в данном случае эквивалент *düştü* в русском языке – ‘выбыли’. О том же говорит и новостной контекст, и форма аблатива исходной точки падения в примере (10).

От этого же глагола в турецком языке образован лингвистический термин «выпадение гласных (в корне)»:

- (11) *Ünlü düşme-si*
 гласная падение-3sg
 ‘выпадение гласных’ (Turkdilbilgisi)

Метафора выпадения из общества проявляется в устойчивом выражении *gözden düşmek* (букв. выпасть из глаз) ‘попасть в немилость, потерять популярность, быть дискредитированным’. Речь идёт о том, что люди очеркивают человека или вещь из своей жизни или из области своих представлений о положительном (перестают уважать, доверять, любить), из области вещей, которые их интересуют (потеря популярности). В данном выражении указана исходная точка «падения» *göz* ‘глаз’, которая оформляется аблативом.

В примере (12) продемонстрировано «выпадение» изделий из области интереса покупателей:

- (12) *Yeni ürün-ler-in piyasa-ya çık-ma-sı-yla eski ürün-ler iyice göz-den düş-tü.*
 новый изделие-pl-gen рынок-dat выход-3sg-inst старый изделие-pl
 хорошо глаз-abl упасть-pst1,3sg
 ‘С выходом новых изделий на рынок сильно упала популярность старых’ (НКТЯ).

5. Потеря функциональности

Потеря вертикальной ориентации может ассоциироваться с потерей функциональности у людей (гибель человека, болезнь, сильная усталость). В примере (13) человек сообщает о состоянии сильной усталости, а не о физическом падении:

- (13) *Ben ders-ler-i al-ır-ken düş-tü-m.*
я урок-pl-acc брать-prz1-cvb упасть-pst1-1sg
'Я уже с ног валюсь от этих занятий' (НКТЯ).

Чаще всего значения потери функциональности у людей выражаются посредством фразеологизмов с участием *düşmek*: *şehit düşmek* 'героически погибнуть', *hasta düşmek* 'свалиться больным', *yorgun düşmek* 'свалиться от усталости' (гипербола). Однако *düşmek* может быть употреблен в тех же значениях как отдельная сегментная единица.

6. Падение власти, города, авторитета (разрушение)

Düşmek как 'падение-разрушение' означает не только физическое разрушение (стена упала), но и падение власти, авторитета, значения. Например, 'падение города' в турецком языке, как и в русском, обычно означает не физическое разрушение, а его захват врагом и потерю статуса. В примере (14) говорится о ситуации потери статуса людьми, обладавшими властью, о падении их власти:

- (14) *İktidar varlık-lar-ı, yüksel-ir-ken de düş-er-ken de*
власть актив-pl-3sg возвышаться-prz1-cvb и упасть-prz1-cvb и
tehlikeli ol-ur-lar.
опасный быть-prz1-3pl
'Люди власти становятся опасными как во время своего возвышения, так и во время падения' (НКТЯ).

Пример (15) – это пословица, в которой содержится предостережение против тщеславия, которое ассоциируется с полётом, а разочарование тщеславного человека ассоциируется с падением:

- (15) *Uçma-yı sev-iyor-sa-n düş-me-yi de bil-ecek-sin.*
Летать-acc любить-prz2-cnd-2sg упасть-acc и знать-fut2-3sg
'Любишь летать – узнаешь и падение' (НКТЯ).

7. Впасть в состояние, попасть в ситуацию

Düşmek встречается в сочетании с существительными в дативе, обозначающими негативное состояние. Уныние, пессимизм, нерешительность, хаос, безысходность, безвыходное положение и т.д. – всё это абстрактные конечные точки падения, которые непременно оформляются аффиксом датива:

- (16) *Ne zaman karamsarlığ-a düş-se-m <...>*
Какое время пессимизм-dat упасть-cnd-1sg
'Когда я впадаю в пессимизм' (НКТЯ).
- (17) *Anadolu yine tam bir kaos-un iç-i-ne düş-müştü.*
Анатолия снова настоящий art хаос-gen нурпо-3sg-dat упасть-pst3,3sg
'Анатолия снова погрузилась (впала) в абсолютный хаос' (НКТЯ).

Пример (18) – это анонс очередной серии кинофильма, в которой девушка Мелек попадает в безвыходную ситуацию:

- (18) *Melek tuzağ-a düş-müş.*
Мелек ловушка-dat упасть-pst2,3sg
'Мелек попала в ловушку' (ТВ).

В примере (19) конечная точка вполне конкретна – это больница. Но только оказаться в больнице человек не может посредством физического падения в эту точку. Поэтому *düşmüş* 'упал, попал', как и в русском эквиваленте, здесь употребляется в переносном смысле.

- (19) *Hastane-ye düş-müş.*
больница-dat упасть-pst2,3sg
'Он попал в больницу' (НКТЯ).

В подобных употреблениях речь идет о попадании в неприятную ситуацию или состояние. Иногда среди состояний, которые описываются с помощью *düşmek*, встречается *aşk* 'любовь', но такая сочетаемость характерна для лирических текстов и подразумевает неконтролируемые сильные чувства, которые тоже могут оцениваться отрицательно. Возможно, это выражение появилось сравнительно недавно как калька с английского.

8. Назначение, распределение

В ситуациях распределения работы, обязанностей, ресурсов *düşmek* употребляется в значении 'досталось, распределено'. Получатель доли оформляется дативом:

- (20) *Kitab-ım-ın ban-a düş-en bölüm-ü-nü neredeyse bitir-di-m.*
книга-1sg-gen я-dat упасть-ptsp часть-1sg-acc в.короткий.срок закончить-pst1-1sg
'Я вскоре закончил выделенную мне (букв. упавшую мне) часть книги' (НКТЯ).

- (21) *Bu aşama-da, üniversite yönetim-ler-i-ne de önemli sorumluluk-lar düş-mekte-dir.*
этот этап-loc университет руководство-pl-3sg-dat тоже важный обязанность-pl падать-prz3-3sg
'На данном этапе на руководство университета возлагаются важные обязанности' (НКТЯ).

9. Начало сезона, периода

Лексема *düşmek* сочетается с лексемами *sevre* 'ранняя весна' и *güz* 'осень' и означает начало весеннего потепления и пробуждения природы или осеннего похолодания, увядания природы:

(22) *İlk cemre ne zaman düş-ecek?*
Первое потепление какое время упасть-fut2,3sg
'Когда наступит первое потепление?' (НКТЯ).

(23) *Güz düş-tü.*
осень упасть-pst1,3sg
'Наступила осень' (НКТЯ).

Также с началом и начинаниями ассоциируется фразеологизм:

(24) *Yol-a üş-mek*
путь-dat упасть-inf
'пуститься в путь' [Юсипова 2005, с. 660].

Лексема *düşmek* в турецком языке стремится к «захвату мест» в разнообразных семантических полях: сокращение (см. раздел 1), деградация (раздел 2), моральная деградация (раздел 3), выпадение из последовательности или из области чьих-то интересов (раздел 4), потеря функциональности (раздел 5), потеря статуса (раздел 6), попадание в неприятности (раздел 7), распределение (раздел 8) и иногда начало (раздел 9).

Преподавая турецкий язык как иностранный, следует обращать внимание не только на прямые значения лексемы *düşmek* и фразеологические единства, которые обычно указываются в словарных статьях, но и на высокую встречаемость данной лексемы в переносных значениях. Девять видов метафор с *düşmek*, указанные в данной работе, могут быть помощниками переводчика или преподавателя.

Сокращения

, – отделяет значение
нулевого аффикса

abl – аблатив

acc – аккузатив

art – артикль

cond – условие

cvb – конверб

dat – датив

fut2 – будущее время на -acak

gen – генитив

inf – инфинитив

prz1 – настоящее время на -ı/-maz

prz2 – настоящее время на *yor*

prz3 – настоящее время на -makta

ptcp – причастие

pst1 – прошедшее время на -dı

pst2 – прошедшее время на -mış

pst3 – прошедшее время на -mişti

1/2/3pl – личный аффикс сказуемости/
принадлежности, множественное число

1/2/3sg – личный аффикс сказуемости/
принадлежности, единственное число

Источники

НКТЯ – Национальный корпус турецкого языка [сайт] // URL: <https://v3.tnc.org.tr> (электронный ресурс).

ТВ – youtube [видеоролик] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7bZzF60aOqE> (электронный ресурс). Дата размещения 27.03.2017; дата обращения 30.06.2019.

Birgun – birgun.net [сайт] // URL: <https://www.birgun.net/haber-detay/teknolojide-kalite-dusuyor-141713.html> (электронный ресурс). Дата размещения материала 03.06.2017; дата обращения 30.06.2019.

Haber – haber365.com.tr [сайт] // URL: <https://84.gostreamcdn.net/uploads/images/news/745x500-super-ligden-son-dusen-takim-caykur-rizespor-oldu.gif> (электронный ресурс). Газета «Haber 365». Дата размещения материала 04.06.2017; дата обращения 30.06.2019.

Turkdilbilgisi – turkdilbilgisi.com [сайт] // URL: <https://www.turkdilbilgisi.com/ses-bilgisi/unlu-dusmesi-daralmasi-turemesi.html> (электронный ресурс). Дата размещения 2013 г.; дата обращения 25.06.19.

Литература

1. Гениш Э. *Словарь турецких глаголов и управление глаголов в турецком языке*. М.: ЛКИ, 2008. 328 с.
2. Кадырова О.М. К лексической типологии глаголов падения: данные турецкого языка // *Труды института Востоковедения РАН*. № 19, 2018. С. 368-371.
3. Кузьменко Е.А., Мустакимова Э.Г. Глаголы падения в лексико-типологической перспективе // *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции "Типология морфосинтаксических параметров 2015"*. М.: МГГУ им.М.А. Шолохова. С. 149-160
4. Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход в лексической типологии // *Вопросы языкознания* 2013, №2. С. 3-31.
5. Юсипова Р.Р. *Турецко-русский словарь*. М.: Русский язык МЕДИЯ, 2005.
6. Reznikova T.I., Vyrenkova A.S. *Semantics of Falling: A Cross-Linguistic Approach* (Семантика падения: кросс-лингвистический подход). Working papers, series: Linguistics. М.: ВШЭ, 2015. p. 3-14

Корневые варианты в арабском языке как основа афразийской лексической реконструкции (корни с чередованием гуттуральных в анлауте)

‘Корневыми вариантами’ в семитских языках называют «пары или группы слов с общим значением и близким, но не идентичным составом согласных корня, засвидетельствованные в одном и том же или в различных языках» [Милитарев 1983, с. 7]. По мнению А. Милитарева, тот факт, что корневые варианты реально существуют в семитских языках в массовом масштабе, был впервые открыт и описан не как случайный казус, а как значительное явление в работе С.С. Майзеля [Майзель 1983]. На стр. 150-167 указанной монографии автор приводит около 400 примеров «парных чередований, т.е., пар слов с одинаковым значением и чередованием какого-либо одного из согласных, составляющих корень». Чередующиеся согласные распределены по четырем гомоганным рядам (губные, дентальные, веллярные и поствеллярные, плавные). По мнению автора чередование было одним из важнейших способов формирования корневого фонда семитских языков, а «семантическая дифференциация» корневых вариантов происходила в соответствии с хозяйственно-культурными потребностями носителей семитских языков. Главное место в монографии отведено арабскому как самому лексически богатому из семитских языков и сохранившему максимальное число корневых вариантов.

Наша задача – показать, что корневые варианты возникли еще на праафразийском уровне, (хотя очевидно, что в семитских языках они представлены наиболее широко), а арабский язык сохраняет свое преимущественное положение и в рамках АА макро-семьи.

Дело в том, что корни с чередованием одного из согласных обнаруживаются в языках чадской ветви АА семьи, см., например, чадские параллели к корневым вариантам *hms* ~ *hmz* ~ *hmš* в арабском языке:

a. Arabic¹ *hms* ‘briser/ломать’, Sabaic *hms*₁ ‘to crush, overwhelm (enemy)’ (BK II: 1446) ~ Chad **humVs* ‘крошить’: Kupto *humséy* ‘to squeeze leaves with hand (in order to make powder)’, Bura *humsa* ‘to shell out guinea corn by rubbing in between the hands’, Gude *huməsə* ‘to crumble dried leaves in hand’, Hdi *humus* ‘soft, crumbly’, Mofu *-húms-* ‘pulvériser entre ses doigts (tabac, oseille), froisser’.

b. Arabic *hmz* ‘presser qqch avec la main ou avec les doigts; pousser, repousser qqn, frapper, briser, casser’ (BK II: 1445) ~ Chad Dzepaw *húmzú* ‘froisser/комкать, мять’.

¹ При цитировании названия АА языков даются в латинице с заглавной буквы, а значение лексических единиц – по источнику.

с. Arabic *hmš* ‘traire (une chamelle)’ (БК II: 1447) ~ Chad Bana *xəmti* ‘to squeeze in hands’.

Некоторые примеры корневых вариантов в семитских и чадских языках были приведены в [Белова, Столбова 2003]. Собранный и этимологически обработанный к настоящему времени автором статьи база данных по чадским языкам позволяет систематизировать релевантную лексику и начать полноценный поиск корневых вариантов на АА уровне.

Для того, чтобы подтвердить тезис об уникальности арабского материала, мы начнем с семитских корней с чередованием гуттуральных в начальной позиции. Дело в том, что прасемитская система гуттуральных кроме арабского полностью сохранилась лишь в угаритском, сабейском и южно-аравийских, но у всех этих языков довольно короткий словарь. Поэтому корневые варианты с начальными гуттуральными (ниже они даются под одним номером с индексами *a*, *b*, *c*) представлены, за редким исключением, только в арабском. Этот факт порождает предположение о том, что подобная лексика могла появиться в результате заимствований на разных уровнях (от междиалектного до субстратного)².

И только АА когнаты помогут доказать ее исконный характер. Пока нам удалось обнаружить надежные внешние параллели к следующим семитским корневым вариантам с гуттуральным в начальной позиции:

1а. Sem **hrr* ‘быть жарким, варить, сжигать’: Arabic *hrr* ‘être chaud (se dit d’un jour d’été, et de toute chose chauffée), chauffer, préparer une bouillie’, *harr-* ‘chaleur’ (БК I: 400), Hebrew *hārar*; Aramaic *h^hrar* ‘brûler, flamber’, *har* ‘être sec’, Ugaritic *hrr* ‘brûler, rôtir’, Jibbali *har* ‘chaleur’ (DRS II: 929), Geez *hrr* ‘burn’; be hot, be dried up’, Tigre *harra*, Harari *harāra* ‘be hot’, Tigrinya *harārä* ‘burn, be hot’ (LsG: 243).

Чадским когнатом семитского корня является **hVwVr-* ‘греть(ся), варить’: Mulwi *hiwri*, Munjuk *hurwi* ‘bouillir’; Somrai *ʔwə-rə* ‘devenir chaud’, WDangla *šə̀rè* ‘to warm o.s.’, Bidiya *ʔoor* ‘se chauffer au feu ou au soleil’. Произв. формы: прилаг. с преф. *m-*: Daffo *mà horán*, Monguna *mà hoùr*, Karfa *má horí* ‘горячий’; прилаг. с суфф. *-f-*: **hVrVf-* ‘теплый, горячий’: Муянг *xùrùfā* ‘warm’ (*x* < чад **h*), Ouldem *hùruffā* ‘chaud, tiède’. Следующие формы образованы от прилаг. *hVrVf-*, а именно: Ouldem *-hùrfè-ŋ* ‘faire chauffer’, Vame *húrf-* ‘to heat’, Glavda *xurfa-ka* ‘the warming’.

Рефлексы афразийского **hrr* сохранились и в кушитских языках: Saho *harare* ‘to burn, to scorch’ (Vr).

1б. Sem **ʔrr* ‘зажигать’: Arabic *ʔrr* (u) ‘allumer le feu’, *ʔry* II stem ‘allumer le feu’ (БК I: 22, 27), Soqotri *ʔerir* ‘allumer’ (LsS: 35). В отсутствие параллелей в других южно-аравийских языках вероятность заимствования из арабского языка в сокотри весьма велика.

Chad **ʔVr-* > **rVʔ-* ‘жечь, раздувать огонь’: Hausa *riúurà* ‘to blow up a fire’, Daba *rī* ‘brûler, briller’, Buduma *róro* ‘to warm’, Masa *raia-mo* ‘to fry’,

² Подробнее см. [Милитарев 1983, с. 9-12].

Dangla *èrè*, Bidiya *ʔèer* ‘brûler’. Произв. имя с суфф. *-p-* (мн.ч.): **ʔVr-p-* ‘искры, горящий уголь’: Mupun *ārēp wūs* (*wūs* ‘fire’), Bolewa *ʔerwe* ‘embers’, Pero *yèrèp* ‘red glowing wood before it becomes charcoal’, Kupto *yàrfè* ‘ember, charcoal (burning)’.

Рефлекс АА **ʔr(r)* сохранился по крайней мере в одном кушитском языке – Afar *ur-* ‘to burn, to be hot’³ (RnA).

1с. Chad **hVwVr-* ‘сжигать’: Hausa *húurè* ‘to burn up completely’, Bokkos *hoorây* ‘to burn’, Muyang *áhâr* ‘to burn’, Mbuko *hawar* ‘brûler qqñ’, Musey *hawra* ‘to roast, burn’, Mesme *hâr* ‘to grill’.

Cush Somali *huri* ‘to kindle (fire), burn’, Burji *hur-i-* ‘to kindle fire’ (SsB: 102), Saho *harur* ‘heat, hotness’ (Vr), Gollango *hoor-* ‘wärmen’ (AMS).

К АА **h(w)r-* может восходить и Eg *hʔ* ‘rösten’⁴ (EG II: 475).

2а. Sem **hwb* ‘жар(а), согреть’: Arabic *hawb-* ‘intensité, ardeur du feu’ (BK II: 1455), Mehri *hîwəb* ‘to get warm’, Jibbali *hub* ‘warmth, heat’ (JnM: 161), Harsusi *hwōb* ‘réchauffer’, Tigre *hāb* ‘ardeur du feu, chaleur’ (DRS I: 383).

Когнаты семитского корня представлены в чадских (Mada *hòvvó* ‘chaud’, Kera *hābí* ‘to sweat, perspire’, Lele *ōb* ‘to warm oneself’) и кушитских языках (Afar *hābbi*, Saho *hābbe* ‘die Hitze’ [RnA]).

2b. Arabic *hbw* ‘brûler (se dit du feu)’ (BK I: 537).

Отсутствие семитских когнатов компенсируется надежными внешними параллелями: Eg *hbt* ‘fire’ (EG III: 252), Chad **yVwVb-* ‘жечь’: Paa *hʔūbu* ‘to burn’, Polchi *gōbe* ‘to set a fire to’.

3а. Sem **ʔbb* ‘хотеть, желать’: Arabic *ʔbb* ‘désirer vivement qqch’ (BK I: 2), Hebrew *ʔby* ‘want, desire’, Aramaic *ʔby* ‘désirer’ (DRS I: 5), Akkadian *bubūtu* ‘famine, want; hunger’ (CAD b: 301).

Chad **ʔab-* ‘любить’: Kupto *ʔabbéy* ‘to cohabit; to love’, Dzepaw *bà* ‘aimer, préférer’. При этимологическом алефе к этому же АА корню восходит и Eg *ʔby* ‘wünschen, eine Sache begehren/желать’ (EG I: 6).

3b. Sem Arabic *hbb* ‘aimer, vouloir, désirer’, *habb-* ‘amour’ (BK I: 363), Sabaic *hbb* ‘to love’ (Biel: 63), в (SD) эта форма отсутствует. Надежная параллель арабскому корню сохранилась в языке онгота⁵: *hab-ini* ‘want, seek, search for’ (FIO), *haabi* ‘to want’ (SaT). К этому же АА корню восходит и Chad **[h]Vb-* ‘искать, охотиться’: Monguna *haʔ* ‘to seek’, Richa *hāb* ‘to search’, Mada *āhbá* ‘chercher; Mawa *ēba-ŋ* ‘chasser’. Заметим, что семантика ‘любить’ и ‘искать’

³ (LsG, p. 243) эта форма приводится среди кушитских параллелей к семитскому **hrr* (см. 1а). Однако это сопоставление неверно, т.к. АА **h > ħ* в языках сахо и афар (они образуют отдельную подгруппу кушитской семьи), ср. Saho *harare* ‘to burn’.

⁴ Египетский *ʔ* может восходить к АА **ʔ, *r, *l*, см. [Takács 1999, p. 52-78].

⁵ Генетическая принадлежность языка онгота (*ongota*) – кушитский или омотский (и даже отдельная ветвь АА семьи), – до сих пор находится в процессе обсуждения, см. (SaT, p. 65).

совмещена в языке Онгота. Кроме того, семантический сдвиг: ‘желать’ > ‘искать’ > ‘охотиться’ достаточно тривиален, ср. ‘хотеть’ и ‘охота’ в русском языке.

Ввиду нерегулярного рефлекса АА **h* (см. сноску 3), следующие кушитские формы, скорее всего заимствованы из арабского: Afar, Saho *habbúu* ‘Liebe/любовь’.

4а. Sem **hrr* ‘копать, протыкать’, Akkadian *ḥarāru* ‘dig with a hoe’, Aramaic *ḥ^arar*, Arabic *ḥarra* ‘creuser, perforer, percer’, Geez *ḥarawa* ‘pierce, make a hole, dig (out)’. Произв. имя ‘яма, дыра’: Akkadian *ḥurru* ‘hole’, Ugaritic *ḥr* ‘cave, (nasal) fossa, tomb’, Hebrew *ḥōr* ‘hole, cave’, Arabic *ḥur-trou de la meule dans lequel on jette la grain*’ (BK I: 55, DRS III: 1033, LsG: 265).

Chad **y[u]r-⁶* ‘копать, хоронить’: Hausa *gúure* ‘to hollow out (e.g., the bottom of the well)’, Volewa *guraa* ‘to dig, clean out a well; hoe up’, Sakun *yrə* ‘to bury’. Произв. глагол с суфф. *-d-*: Margi *yər-dū* ‘to hoe for the first time’. Произв. имя: ‘яма, дыра’: Mushere *guru-k* ‘hole’, Tangale *kuru-k* ‘tomb’, Mburku *yar* ‘grave’, Ngizim *gər-íd* ‘hollow, cave’, Hdi *yuru-m* ‘hole’.

К АА **hr(r)* восходят следующие формы: Eg *hr* ‘tomb, necropolis’ (EG III: 323], Cush Iraqw *x^waar* ‘to dig up using claws’ (MQK), dullaay Harso *xaar-xo*, Dobase *xoxro* ‘hole’ (AMS).

4b. Sem Arabic *ḡrr* ‘creuser (un puits)’, *ḡurr-* ‘fente, crevasse; petite source d’eau’ (BK II: 445-6). Именная форма сохранилась в современных диалектах арабского языка: йеменский *ḡawr* ‘Höhle’, дофарский *ḡār* ‘Grotte, Höhle’ (Белова: 249). В качестве произв. формы можно рассматривать Mehri *nḡr* ‘to dig’ (JnM: 289).

Chad **hir-* ‘дыра’: Warji *gir-na*, Kariya *gir*, Tsagu *gären*, Paa *ḡgir*, Siri *yəri*, Jmb *yira*, *yiira*, Miya *agir* ‘hole’, Siri *yir-təni* ‘nostril’ (‘hole-nose’), Paa *ḡgir* ‘hole, rectum’, Zaar *ḡir* ‘hole, tomb’, *gir-ža* ‘well’ (‘hole water’), Gude *ngūrə-nyīnə* ‘water hole dug up in the dry season’ (‘hole-water’).

5а. Sem *ʕwr* ‘быть/сделать кого-то слепым’: Arabic *ʕwr* ‘rendre qqn borgne, ne lui laisser qu’un oeil’, *ʔaʕwār* ‘borgne’ (BK II: 403), Hebrew, Ugaritic *ʕwr* ‘blind man’, Syraic *ʕwārā* ‘blind’, Geez *ʕwr*, *ʕora* ‘be blind, Tigre, Tigrinya *ʕwər*, Amharic *əwīwər* ‘blind’, Soqotri *ʕer* ‘be blind’ (DUL I: 192, LsG: 79). Арабским заимствованием, скорее всего, является Cush Somali *ʕawar* ‘blind, one-eyed person’.

В чадских языках представлена произв. форма (прилаг. с суфф. *-f-*): **[ʕ]VwVr-f-* ‘слепой’: Margi *lifū*, Kilba *wūlfū*, Jimi *wərəf-ən*, Tsvan *awəlfə*, Gude *wərəfə*, Fali *mə-rūfun*, Gudu *mu-rūfa*, Gavar *wələf*, Mina *wələf*; Mofu *hulaf* ‘blind’, *-hūlf-* ‘(to be) blind’, Gis *hulof*, Mbuko *hūróf*, Moloko *hə/uof* ‘blind’, Muayang *wūlūf* ‘blindness’. Рефлексы в чадских языках допускают реконструкцию как **ʕ-*, так и **h-*, однако арабская параллель указывает на фарингальный.

⁶ Прачад. веллярный фрикативный **y* восходит к АА **h*, а ларингальный фрикативный **h* - к АА **ḡ*.

5b. Sem Arabic *ǧrr* ‘être aveugle’ (BK II: 445).

Изолированный арабский гагол имеет надежную чадскую параллель: **hVr-* ‘слепота’: Hausa *ǧàrà-ǧàrà* ‘partial blindness or dimness of sight though eyes look normal’, *ǧàraarà* ‘a person who has gone quite or nearly blind, but whose eyes appear normal; any blindness in which the eyes appear to be normal’, Mazera *ǧ^wirà* ‘aveugle’, Zina *ǧ^wàyrà* ‘blind’, прилаг. с суфф. *-f-*: *(*m-*)*hVrVf-* ‘слепой’: Bana *ǧ^wàlǧf*, Ghye *x^wùli*, Higi Futu, Kapsiki *ǧ^wùli*, Fali Kiriya *tu-yùrīpū*, Wandala *ɲwulfē*, Gava *ng^wulfā*, Dghwede *ng^wulfe*, Hdī *ǧulpa-ku*, Lamang *ǧùlpà*, Merey *ǧùluf*, Zulgo *ǧùluf*. Отметим, что регулярные фонетические соответствия, установленные для чадских языков⁷, не позволяют возвести формы из 5а и 5б к одному прачадскому корню.

6а. Sem Arabic *hawḥ-at-* ‘lucarne dans un mur, petite fenêtre, ouverture pratiquée dans la porte; anus’ (BK I: 644), Sabaic *hḥ-nhn* ? ‘passageway, corridor’ (SD: 64), Geez *hohæt* (pl. *hohāt*, *hawāhəw*) ‘door(way), gate’, *hawa* ‘open’, *hewa* ‘window’ (‘seems to be reconstructed from *hawāhəw*’), Hbr *hāwāḥ-īm* ‘hollows, recesses’, Mehri *hō* ‘mouth, opening’ (LsG: 260, 269).

Chad **ǧayw-* ‘отверстие’: Paa *h^wa* ‘door(way)’, Fali Kiriya *ǧàw* ‘hole’, Gvoko *ǧay-we* ‘mouth’ (‘hole-mouth’), Glavda, Chinene, Guduf *ǧáyà* ‘mouth’, Glavda *ǧáyá-gúda* ‘door’ (‘mouth-house’), Sakun *n-gwu* ‘mouth’.

Менее надежна (ввиду поздней фиксации и моноконсонантной структуры) египетская параллель: Eg *h* ‘als Bezeichnung für Gruben’ (EG III: 359). Согласно [Takács 1999, p. 173-176], египетский *h* может быть рефлексом АА **h* и **ḥ*.

6б. Sem Arabic *ǧuww-at-* ‘creux dans la montagne’ (BK I: 348), Mehri *ǧwē* ? ‘deep hole’ (JnM: 126).

Chad **ǧVw(Vy/?)*- ‘hole’: Ngizim *ǧ^wàya* ‘deep canyon with steep sides’, Gude *ǧù^wwá* ‘grave’, Bata, Bachama *ǧ^we*, Nzangi *ǧówe* ‘hole’.

6с. Sem Arabic *hawwiy-at-* ‘puits ou fossé très profond’, *haww-* ‘fenêtre’ (BK II: 1462), Aramaic *hawtā* ‘fossé’, Tigre *hahy-* ‘ouverture, trou’ (DRS I: 382).

Chad **hVy/w-* ‘дыра, яма’: Bolewa *ùyo*, *wùyo* ‘hole’, Ngamo *wùyo*, Kupto *wúyo* ‘hole, burrow, cavity; ditch, pit’, Мака *ʔòyó-k* ‘hole’, Kulere *haw*, Fyer *haw* ‘armpit’, Margi *hù* ‘grave’.

7а. Sem Arabic *hāw-* ‘sauterelles, mouches’ (BK II: 1462).

Chad **hVyVw-/*haway-* ‘саранча, кузнечик’: Chibak *hawà*, Ngwahi *həwà*, Margi *hā^wa* ‘locust’, Bura *hawa* ‘kind of locust’, Bana *xày* ‘sauterelle’, Fali Kiriya *hàyi* ‘criquet’, Wandala *ìwe*, Malgwa *iìwe* Dghwede *h^weye-k*, Podoko *ìiyawa* ‘locust’, Hdī *hi^ʔ* Buwal *wāyāy-k* ‘grasshopper’, Mbedam *waya-k*, Merey *heyew*, Gisiga *hoyo-k* ‘locust’, Muyang *éyèw*, Chuvok *ǧò-k^w* ‘grasshopper’, Ouldem *àwàya-k*, Moloko *heyew* ‘criquet’, Mofu *áya-k^w*, Zulgo *háyaw* ‘sauterelle’, Makari *hayo* ‘grasshopper, cricket’; Musgu *ayú*, Munjuk *áyíwí*, Mawa *uwi* ‘locust’, Mubi *wáwó* ‘sauterelle, cricket’, Masmaje *wàyaó* ‘criquet’.

⁷ См. [Stolbova 2019, с. 40-46].

7b. Sem Arabic *ḡawḡa*² ‘sauterelles qui commencent à voler’ (BK II: 519). Chad **hVwahV*² ‘саранча’: Ngas *g^wok*, Goemai *n-gok* ‘locust’, Mushere *ngok* ‘grasshopper’, Margi *áyà’i*, Kilba *hà’i*, Hildi *ya’i* ‘locust’ (< *ahV*², полная редукция первого слога), Makari *gayo* ‘grasshopper, sauterelle’, Kera *gògò* ‘insect’, Lele *gùùgù* ‘criquet’. Отметим достаточно редкий случай, когда в одном чадском языке сохранились оба варианта – Makari *hayo* ‘grasshopper, criquet’ ~ *gayo* ‘grasshopper, sauterelle’.

8a. Sem Arabic *hrr* ‘gémir’, *hirr-* ‘cri avec lequel on appelle les moutons à l’eau’, *harr-* ‘certaine manière de crier pour stimuler son chameau à la marche’ (BK II: 1408), Tigre *hærr* ‘cri d’une armée pendant le combat’, *harharä* ‘appeler’, Tigrinya *hora* ‘cri de joie’, Amharic *arrärä* ‘crier’ (DRS I: 459, 451).

Chad **hVr(Vy)*- ‘звать, кричать’: Vana *xàr* ‘appeler’, Kaba *aare*, Gabri *heräye* ‘to cry’, Dangla *òrìyè* ‘to utter a cry’, Bidiya *’erèyè*, Migama *èrèyyò* ‘pousser un cri de joie’.

8b. Sem Arabic *’rr* ‘crier avec insolence et effronterie; crier’ (BK I: 22), Akkadian *arürütü* ‘shouting (to express complaint)’ (CAD a₂: 324).

Chad **’VrVr-* крик’: Hausa *àrereyà* ‘loud laughter, ecstatic cries’, Kupto *yíriri* ‘yelling’

9a. Sem Arabic *’mm* ‘couvrir entièrement, tout à fait’ (BK II: 357), Geez *’mm*, *’oma* ‘cover’ (LsG: 78), со следующим комментарием: «когнат арабского *ḡamma* ‘cover, conceal’». В связи с этим следует отметить, что арабский *’mm* ‘couvrir’ с точки зрения семантики представляется более точным когнатом глагола ‘to cover’ в языке геез, чем арабский *ḡmm* ‘couvrir, boucher’. Заслуживает внимания также Tigre *’amma* ‘to cover’ (эта форма отсутствует в (LsG), но указана в (ApAg), вместе с заимствованием в кушитский язык Bilin - *’amām* ‘to cover’).

Chad **[ʃ]Vm-* ‘укрывать, покрывать’: Tangale *wume* ‘to cover, gird around’, Kupto *màaméy* ‘to thatch’ (< *Haamey*, ‘замещающая редупликация’), Glavda *xum* ‘to cover’. Чаадский материал не позволяет специфицировать гуттуральный (**ʃ-* или **h-*), а арабская параллель указывает на фарингальный.

9b. Sem Arabic *ḡmm* ‘couvrir, recouvrir, boucher’ (BK II: 514). Семантика ‘boucher/затыкать’ сближает арабский с египетским глаголом *’my* ‘den Verschlussstopfen der Weinkrüge verschmieren?, versiegeln?’/ ‘пробку заткнуть?, запечатать?’ (EG I: 185). АА **ʃ* и **ḡ* отражаются как *ʃ* в египетском (см. [Takács 1999, p. 92-97]).

Chad **’hum-* ‘укрывать, хоронить’: 5 Guruntum *gumii*, Jimi *ngumi* ‘to bury’, Zul *yumi* ‘to cover’.

10a. Sem **hb*² ‘прягать’: Arabic *hb*² ‘cacher’ (BK I: 530), Sabaic *hb*² ‘to hide, conceal’ (SD: 158), Akkadian *habû* ‘verbergen’ (AHw: 306), Aramaic *h^abā* ‘cacher’, Hebrew *hb*² (hif’il), Geez *hab’a* ‘hide, conceal’, Tigrinya *hab’e*, Tigre *hab’a*, Amharic *’abba* ‘hide’, произв. имя: Geez *məhbā*² ‘hiding place, hidden place’, Harsusi *məhabbet* ‘trou, cachette’ (DRS III: 951, LsG: 255).

С учетом семантических сдвигов ('прятать' > 'запирать в клетке/охранять'), заслуживает внимания Chad **yVb(V)*- > **yVb*-: Mazera *yábó* 'garder', Kera *gùbí* 'enfermer (dans un cage)', произв. имя: Mafa *mó-g^wab* 'nid de souris'. Отметим сходную семантику произв. имен в семитских языках ('место, где можно спрятаться') и в Mafa ('нора').

10b. Sem Arabic *gby*, *gb^o* 'ne rien comprendre; être caché pour qqn', *gyb* 'être caché, invisible, mystérieux' (BK II: 434, 520). Семантика арабского глагола: 'быть невидимым/скрытым для кого-то, мистическим' коррелирует с 'сидеть в засаде, прятаться' в чадских языках, см. Chad **hVbV*'- > Bana *yùbá* 'to hide o.s. (to catch smth)', Mígama *gòòbò* 'to lie in ambush, trace', Bidiya *guub* 'guetter', Dangla *gòbē* 'se cacher derrière'.

11.a. Sem Arabic *hwn* II stem 'dédaigner/prenebregat' IV-V stems 'mépriser/презирать, пренебregat' (BK II: 1460), Arabic *hāna* 'être bas, abject, méprisé', Mehri *hawīn*, Jibbali *hawin* 'méprisable', Tigre *han'a* 'nuire' (DRS I: 389, 428).

Chad **hV(wV)n*- 'злоба; презирать, оскорблять': Mbuko *hùwán* 'méchanceté', Dzepaw *hīhēy* 'malin, rusé', Lele *hīndi* 'to insult', Dangla *ànyē* 'mépriser, dédaigner, négliger, mésestimer', Mokilko *ʔònyè* 'faire très mal'.

11.b. Sem Arabic *hnyw* 'tenir des propos sales, obscènes/ делать непристойные предложения'.

Chad **yVn*- 'быть злобным; зло': Dera *gəngəy* 'evil person', Gude *yàn-žá* 'evil ghost', Mokilko *gònnò* 'rancune, evilness'. ECush Somali *hun* 'bad, evil, worthless' (LIS). Семантика арабского глагола вряд ли может быть первичной, но она могла возникнуть в результате конкретизации из более общего значения 'зло'.

12a. Sem Geez *hawana'u* 'take a rest' (LesG: 249), Hebrew *hānā* (*hnw/y*) 's'asseoir, se coucher', *maḥ^anēh* 'campement', Aramaic *hn^o* (qal) 'se reposer' (DRS II: 891), Arabic *hyn* IV stem *ʔahyana* s'arreter dans un lieu' (BK I: 528)

Chad **hVn*- 'спать, ночевать': Margi *yànyí*, Kilba *hányì*, Chibak *xamui*, Hildi *xanyii*, Bura *xenyi*, Fali Kiriya *hàné* 'to sleep', Glavda *xan* 'to lie (down)', Podoko *həna* 'to lie down, spend the night/time', Hdi *hanay* 'to spend the night', Wandala *háaré*, Dghwede *xará*, Guduf *xān*-, Chinene *xará*, 'to sleep', Muyang *xùn-dùm* (*x* < **h*, **ʕ*) 'to overnight' (compound), Zulgo *háná* 'se coucher; passer la nuit', Vame *han*-, Merey *həna*, Somrai *nūnī* 'to sleep', Mígama *wá:nò* 'to dream, sleep'. Произв. имя **hVn*- 'сон': Malgwa *háre*, Mbuko *àhàn*, Zulgo *mé-hiné*.

Cush Afar *hiin*- 'to sleep, spend the nigh' (EhC: 249), Ongota *huuna* 'to sleep' (FIO).

12.b. Sem Arabic *hwn* 'se reposer, se calmer, s'endormir' (BK II: 1460).

Chad **hV(wV)n*- 'ложиться, успокаиваться': Hwona *xùnà*, Ga'anda *h^woniha*, Gabin *xunixa*, Higi Baza *xinù-vè*, Fali Kiriya *hànaná* 'to lie down', Bana *xáni* 'se coucher', Glavda *xən* 'to calm', Sokoro *enéni* 'to lie down'.

Приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что корневые варианты, действительно, возникли еще на АА уровне. Кроме семитских, они регулярно сохраняются в чадских языках. Весьма перспективным представляется поиск корневых вариантов в кушитских языках (см. 1а – 1б).

Очевидно, что ‘семантическая дифференциация’ не вторична, а является одной из изначальных характеристик АА корневых вариантов. При этом «основной» (лучше документированный) вариант может иметь более нейтральную семантику. Например, ба. ‘отверстие’ ~ бв. ‘глубокая дыра’ ~ бс. ‘яма, дыра’.

И, наконец, совершенно очевидно, что именно арабский материал лежит в основе реконструкции корневых вариантов на АА уровне – только арабская лексика присутствует в каждой из приведенных этимологий. В некоторых случаях арабские когнаты позволяют уточнить чадскую реконструкцию. Со своей стороны, внешние когнаты (чадские, кушитские, египетские) служат доказательством исконного характера арабской лексики, не имеющей семитских параллелей.

Сокращения

АА – афразийский
Chad – Chadic
Cush – Cushitic
Eg – Egyptian
Sem – Semitic
Суфф. – суффикс
Прилаг. – прилагательное
Произв. – производное

Источники

- Белова – Белова А.Г. *Этимологический словарь древнеарабской лексики на материале избранных текстов доисламской поэзии*. Выпуск 2. М.: ИВ РАН, 2014.
- АНw – Soden W., von. *Akkadisches Handwörterbuch*. Wiesbaden: Harrassowitz. Band 1 (A-L), 1965.
- AMS – Amborn, H., G. Minker, H-J. Sasse. *Das Dullay. Materialien zu einer ostkuschitischen Sprachgruppe*, Berlin: Reimer, 1980.
- ApAg – Appleyard D. *A Comparative Dictionary of the Agaw Languages*. Köln: Rüdiger Köppe, 2006.
- Biel – Biella Joan C. *Dictionary of old South Arabic, Sabaean Dialect*. Chico: Scholars Press, 1982.

- BK – Biberstein-Kazimirski A. de. *Dictionnaire arabe-français*. 2 vol. Paris: Maisonneuve et Co, 1860.
- CAD – Gelb, I.J. et al. (eds.). *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Glückstadt: J.J. Augustin, 1957-2010.
- DRS – Cohen, D., *Dictionnaire des racines sémitiques ou attestées dans les langues sémitiques*, vol. I-III. Paris: Mouton, Leuven: Peeters, 1970-2014.
- DUL – Olmo Lete del G., J. Sanmartín. *A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition*, 2 vol. Leiden/Boston: Brill, 2015.
- EG – Erman A., H. Grapow. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*, VI Bds. Berlin: Akademie, 1937 – 1971.
- EhC – Ehret, Ch. Proto-Eastern Cushitic Consonant Inventory // *Studies in African Linguistics*, 22 (3), 1991.
- FIO – Fleming H.C., A. Yilma, A. Mitiku, R. Hayward, Y. Miyawaki, P. Mikeš, J.M. Seeling. Ongota (or Birale). A moribund language of Gemu-Gofa (Ethiopia). // *Journal of Afroasiatic Languages*, 3.3, 1992. P. 181-225.
- JnM – Johnstone T.M. *Mehri Lexicon*. London: University Press, 1987.
- LsG – Leslau W. *Comparative Dictionary of Ge'ez*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1987.
- LsS – Leslau W. *Lexique Soqotri*, Paris: Klincksiek, 1938.
- LIS – Luling U. *Somali-English Dictionary*. Wheaton: Dunwoody, 1987.
- MQK – Mous M, M. Qorro, R. Kiessling. *Iraqw-English Dictionary*. Köln: Köppe, 2002.
- RnA – Reinisch L. *Die Afar-Sprache*. Wien: Hödler, 1886.
- SaT – Savà, G., M. Tosco. A sketch of Ongotta, a dying language of Southwest Ethiopia // *Studies in African Linguistics*, 29 (2), 2000.
- SD – Beeston A.F.L., M.A. Ghul, W.W. Müller, J. Ryckmans. *Sabaic Dictionary*. Louvain-la-Neuve: Peeters, 1982.
- SsB – Sasse H.-J. *Etymological Dictionary of Burji*. Hamburg: Buske, 1982.
- Vr – Vergary M., R. Vergari. *A basic Saho-English-Italian Dictionary*. Asmara, Eritrea, 2003.
- Список источников по чадским языкам см. на сайте:
<http://ivran.ru/en-book?id=1403>. Дата обращения 12.12.2019.

Литература

1. Белова А. Г., О. В. Столбова. К вопросу о корневых вариантах в семитских и чадских языках // *Сборник памяти К. Церетели*. Тбилиси: Мецниереба, 2003. С. 38-50.
2. Коган Л. Е. Семитские языки // *Языки мира. Семитские языки*. М.: Academia, 2009. С. 15-112.
3. Майзель С. С. *Пути развития корневого фонда семитских языков*, М.: Наука, 1983. 282 с.
4. Милитарев А.Ю. Вступительная статья // Майзель С. С. *Пути развития корневого фонда семитских языков* / М.: Наука, 1983. С. 6-31.
5. Stolbova O. *Chadic Lexical Database* (Лексическая база данных по чадским языкам). Issue V. М.: IV RAN, 2019. 208 p.
6. Takács G. *Etymological Dictionary of Egyptian*. (Этимологический словарь египетского языка). Vol. I. Leiden: Brill, 1999. 476 p.

Лексико-семантический анализ японской медицинской терминологии, обозначающей заболевания

1. Введение

В данной статье рассматривается лексико-семантическое поле медицинских терминов, обозначающих заболевания, на материале японского языка. Эту работу можно считать продолжением предыдущего исследования [Тарасова 2018], в котором основное внимание уделялось японской терминологии дефектов, применяемой в автомобильной промышленности. Но в данном случае мы рассматриваем дефект как отклонение от нормы или эталона не в промышленной продукции, а в состоянии организма человека.

Под термином здесь подразумевается слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности [ЛЭС, с. 508].

Терминологии в японском языке были посвящены работы [Пашковский 1966; Пыриков 1990; Кутафьева 2005], вопросы японской медицинской терминологии рассматривались в работе Ивановой К.О. [Иванова 2016] при построении японско-русского нейрохирургического глоссария. Однако работ, посвященных лексико-семантическим вопросам терминологии в японском языке, по-прежнему не публикуется, тогда как активизация российско-японского сотрудничества в различных сферах требует изучения терминологии и создания отраслевых словарей. В частности медицина является одним из восьми направлений, выбранных в качестве актуальных для сотрудничества Японии и России, осуществляется совместное строительство больниц и клинических центров, проводятся совместные медицинские исследования. При этом наблюдается значительный дефицит медицинских словарей. Нам известен Русско-японский медицинский словарь [Ооя 1970], давно ставший библиографической редкостью и увы неизвестный большинству специалистов, а также Японо-англо-русский словарь для Айфона [Medipass ru], ограниченный кругом пользователей продукции компании «Эппл» и насчитывающий около 3000 словарных статей, чего явно недостаточно. Данное исследование носит предварительный характер, являясь частью работы по составлению японо-русского медицинского словаря.

2. Общее определение ситуации заболевания

Рассмотрим базовую ситуацию заболевания. Определим ее в общем виде следующим образом:

Отклонение в функционировании органа(ов) или систем(ы) организма А, вызванное причиной В, проявляющееся в виде симптомов С, требующее лечения D, приведшее к осложнениям E, развившееся в период времени F в местности G при обстоятельствах H.

(1) 次郎は5年前、タイでの留学中、マラリアに罹った。

Дзиро: ва [гонэн маэ – F] [Тай дэ – G] но [рю:гаку тю: – H] марариа ни какатта.

«[5 лет назад – F] Дзиро заболел малярией [во время стажировки – H] [в Тайланде – G]».

(2) 真理子は甥から三日麻疹に感染した。

Марико ва [ои кара миккахасика ни кансэн сита – В].

«Марико [заразилась краснухой от племянника – В]».

(3) 宏は頭痛になり、吐き気もし、どこかで今流行っているウイルスにかかり、入院した。

Хироси ва [дзцу: ни нари, хакикэ мо си – С], [докока дэ – G] [има хаяттэ иру уиурусу ни какари – В], [ню:ин сита – D].

«У Хироси [заболела голова, его тошнило – С], он [где-то – G] [заразился распространенным сейчас вирусом – В], и [его положили в больницу – D]».

3. Общая лексика

Для обозначения состояния здоровья или ситуации его отсутствия в японском языке существует общая лексика, которая отличается довольно большим разнообразием.

3.1. Общая лексика, обозначающая состояние здоровья

При обозначении состояния здоровья используются следующие имена: 調子 *тё:си*, 体調 *тайтё:*, 具合 *гаи*, 気分 *кибун*. При этом существуют некоторые отличия в их семантике и сочетаемости.

体調 *тайтё:* указывает только на состояние одушевленного существа: человека, животного, что видно по смыслу входящих в него иероглифов 体 *тай* «организм/тело» и 調 *тё:* «состояние», «ритм». Это сокращение словосочетания 体の調子 *карада но тё:си* буквально «состояние организма/ тела».

(4) ペットの体調はよくなった

Пётто но тайтё: ва ёку натта.

«Состояние здоровья домашнего животного улучшилось».

調子 *тё:си* обладает более широким смыслом и используется не только при указании на одушевленных объектов. В частности среди его значений: «ритм», «тон», «манера», «состояние». Значение состояния может указывать не только на состояние организма, но и на состояние (функционирование) механизмов, оборудования.

(5) 今日は一日エンジンの調子が悪かった。

Кэ: ва итинити эндзин но тэ:си га ёкатта.

«Сегодня весь день в работе двигателя не было неполадок (букв. состояние двигателя было хорошим)».

調子 *тэ:си* может сочетаться с именами, обозначающими части тела, тогда как 体調 *тайтэ:* указывает на общее состояние организма.

(6) 薬を飲んだら、お腹の調子がよくなった。

Кусури о нондара, онака но тэ:си га ёку натта.

«Он выпил лекарство, и у него прошел живот».

И 体調 *тайтэ:*, и 調子 *тэ:си* могут использоваться в конструкции が + よい ёй «хороший»/ 悪い *варуй* «плохой», в отличие от 具合 *гуаи* «состояние», которое используется только для указания негативного состояния: 具合が悪い *гуаи га варуй* «Плохо себя чувствовать».

Применительно к состоянию здоровья 具合 *гуаи* в отличие от 体調 *тайтэ:* указывает не только на физическое, но и на психическое состояние. При присоединении обозначающего отрицание префикса китайского происхождения 不 *фу-* 不具合 *фугуаи* применяется при обозначении ситуаций дефекта при производстве, также используется в сочетании 体の不具合 *карада но фугуаи*, что переводится как «недомогание», буквально «неполадки организма».

気分 *кибун* также обозначает «состояние», помимо этого имеет значение «настроение». 気分が悪い *кибун га варуй* в отличие от предыдущих трех имен в аналогичном сочетании означает состояние недомогания, характеризующееся менее конкретной симптоматикой: головокружение, тошнота, общая слабость, в отличие от, например, жара, головной боли, боли в животе и т. п. Кроме физического недомогания может означать «мрачное настроение», «на душе тяжело».

(7) 昨日は父と喧嘩したので、気分が悪い。

Кино: ва тити то кэнка сита нодэ, кибун га варуй.

«Вчера поссорилась с отцом, и на душе тяжело».

3.2. Общая лексика, обозначающая заболевание

К общей лексике наименования заболеваний относятся следующие имена: 病氣 *бэ:ки*, 病 *ямаи*, 疾患 *сиккан*, 疾病 *ситпэй*.

Наиболее общее, разговорное – 病氣 *бэ:ки* «болезнь, заболевание», не используется как медицинский термин. Оно обозначает общую ситуацию недомогания, причины и характерную симптоматику которого определить затруднительно.

В отличие от 病氣 *бэ:ки* 疾患 *сиккан* обозначает болезнь или заболевание, причины и симптомы которого четки и понятны. Также часто употребляется после имени, обозначающего наименование органа или части

тела. Например, 腹部疾患 *фукубу сиккан* «заболевание в абдоминальной области». Кроме этого используется для обозначения общих групп заболеваний тех или иных систем организма. 呼吸器系疾患 *кокю:ки кэй сиккан* «заболевания органов дыхания», 消化器系疾患 *сё:каки кэй сиккан* «заболевания органов пищеварения» и т.д.

(8) 隣のおばさん、肺に病気が見つかったそうよ。

Тонари но обасан, хаи ни бё:ки га мицукатта со: ё.

«Говорят, у соседки нашли проблемы в легких».

(8) 隣のおばさん、肺に疾患が見つかったそうよ。

Тонари но обасан, хаи ни сиккан га мицукатта со: ё.

«Говорят, у соседки нашли заболевание легких».

疾病 *сиппэй* также обозначает «заболевание, болезнь», но как узкоспециальное заболевание, диагноз, поставленный врачом. Кроме того, используется для обозначения совокупности заболеваний. Например, 三大疾病 *сандай сиппэй* «три группы наиболее распространенных заболеваний», а именно кардиологические, онкологические заболевания и инсульт.

Различие в употреблении данных имен можно также продемонстрировать через их английский перевод. 病氣 *бё:ки* соответствует англ. *illness*, 病 *ямаи* «недуг, недомогание, болезнь» – *sickness*, и 疾病 *сиппэй* «заболевание» – *disease*.

Помимо вышеуказанной общеупотребительной лексики также существуют специальные имена для обозначения недомогания императора 不ふ予よ *фуё*, 不ふ例れい *фурэй*.

3.2.1. Сочетаемость 病氣 бё:ки

Из всех вышеуказанных имен, обозначающих болезнь, 病氣 *бё:ки* обладает наиболее развитой сочетаемостью.

В качестве субъекта 病氣 *бё:ки* сочетается с глаголами: 起こる *окору* «возникать», 再さい発はつする *сайхацу суру* «возникать повторно», 重おもくなる *омоку нару* «становиться тяжелее», 重おも症しやうになる *дзю:сё: ни нару* «приобретать тяжелые симптомы», 悪あく化する *акка суру* «ухудшаться», 進しん行こうする *синко: суру*, 進しんむ *сусуму* «развиваться», ううつる *уцуру* «передаваться», 癒いえる *изэру* «излечиваться», 落おちち着つきく *отицукэ* «ослабевать», 快かい復ふくする *кайфужу суру* «проходить», 完かん治ちする *канти суру* «излечиваться полностью».

В качестве объекта 病氣 *бё:ки* сочетается с глаголами: 癒いす *иясу* «излечить», 悩なやむ *наяму* «страдать», 克こく服ふくする *кокуфуку суру* «превозмогать», 抱かかえる *какаэру* «иметь», 診しん断だんする *синдан суру* «диагностировать» и т.д.

Может обозначать причину 病氣で休学する *бё:ки дэ кю:гаку суру* «пропустить занятия по болезни», а также ситуацию заболевания 病氣にかかかる, 感かん染せんする *бё:ки ни какару/ кансэн суру* «заболеть, заразиться».

В качестве определяемого сочетается с 恐ろしい *осоросий* «страшная», 重い *омой* «тяжелая», 不気味な *букимина* «странная», 発作的な *хосатэкина* «внезапная, приступообразная».

4. Наименования конкретных заболеваний

При наименовании конкретных заболеваний существует несколько словообразовательных моделей в зависимости от семантических особенностей заболевания.

4.1. Словообразовательная модель с использованием 症 *сэ:* и 病 *бэ:* в постпозитивной позиции

Наиболее распространенной моделью является модель с использованием в постпозитивной позиции аффиксов 症 *сэ:* и 病 *бэ:*, означающих «болезнь», «заболевание». 病 *бэ:* употребляется чаще всего с нарицательными именами, обозначающими фамилию исследователя, именем которого названо это заболевание, а также для номинации тех заболеваний, чьи причины и симптомы четко определимы. Например, パーキンソン病 *па:кисон бэ:* «болезнь Паркинсона», アジソン病 *адзисон бэ:* «болезнь Адисона», ガイエ病 *гайе бэ:* «болезнь Гайе», ハンセン病 *хансэн бэ:* «проказа», «болезнь Хансена», 白血病 *хаккэцу бэ:* «лейкемия».

Использование 症 *сэ:* часто указывает на то, что организм человека находится в некотором специфическом состоянии: 脱水症 *дассуй сэ:* «обезвоживание», 熱中症 *нэттю сэ:* «тепловой удар», 感染症 *кансэн сэ:* «инфекционное заболевание», 神経症 *синкэй сэ:* «невроз», 恐火症 *кэ:ка сэ:* «пирофобия», 高所恐怖症 *ко:сэ кэ:фу сэ:* «акрофобия». Данная словообразовательная модель является более продуктивной и наиболее распространенной.

При этом «болезнь Дауна» обозначается как ダウン症 *даун сэ:*, а не ダウン病 *даун бэ:*, так как предстает в сокращенной форме от синдрома Дауна ダウン症候群 *даун сэ:ко:гун*, где синдром – это не наименование болезни, а определенная совокупность различных симптомов, ср. 禁断症候群 *киндан сэ:ко:гун* «абстинентный синдром».

Иногда 症 *сэ:* может сокращаться, например, при обозначении заболеваний, которые характеризуются снижением или эскалацией функций, невозможностью выполнить какую-либо функцию или действие, чувством боли: 肢端疼痛 (症) *ситан то:цу:* (*сэ:*) «акродиния», 発語不能 (症) *хацуго фуно:* (*сэ:*) «алалия», 甲状腺機能減退 (症) *ко:дзэ:сэн кино: гэнтай сэ:* «гипотиреоз», 甲状腺機能亢進 (症) *ко:дзэ:сэн кино: ко:син сэ:* «гипертиреоз».

4.2. Прочие словообразовательные модели

Помимо 症 *сэ:* и 病 *бэ:* существуют и другие словообразовательные модели. В таком случае находящиеся в постпозитивной позиции аффиксы

указывают на основные симптомы заболевания. При этом они часто относятся к одному иероглифическому ключу, обозначающему «болезнь» (104-ый ключ в нумерации иероглифических словарей).

Так же, как и в терминологии, относящейся к другим профессиональным областям, в японской медицинской терминологии значение термина можно понять по смыслу составляющих его иероглифов, что позволяет даже неспециалисту в данной области понять значение данного термина.

4.2.1. Словообразовательная модель с использованием 炎 эн в постпозитивной позиции

Данная модель строится следующим образом: локализация (наименование органа) + 炎 эн «воспаление».

Например, 肺炎 хайэн «пневмония», «воспаление легких», 扁桃腺炎 хэнтосэньэн «ангина», «воспаление миндалин», 気管支炎 кикансиэн «бронхит» (букв. «воспаление бронхов»), 肋膜炎 рокумакуэн «плеврит», 腎炎 дзиньэн «нефрит» (букв. «воспаление почек»), 肝炎 каньэн «гепатит», 膀胱炎 бо:ко:эн «цистит», 盲腸炎 мо:тё:эн «аппендицит» (букв. «воспаление слепой кишки») и проч.

4.2.2. Другие модели

Прочие модели словообразования строятся по аналогичному принципу: в постпозитивной позиции находится аффикс, обозначающий основной симптом, форму или причину заболевания: 熱 нэцу «лихорадка», 通 цу: «боль», ウィルス уирусу «вирус», 腫 сю «опухоль», 癌 ган «рак» и проч.

Например, アデノウイルス адэноуирусу «аденовирус», 片頭痛 хэндзюцу: «мигрень», 神経痛 синкэйцу: «невралгия», 流行性出血熱 рю:ко:сэй сюккэцуэнэцу «геморрагическая лихорадка», デング熱 дэнгэнэцу «лихорадка Денге», エナメル腫 энамэрусю «адамантинома», 腺様リンパ腫 сэньё: римпасю «аденолимфома», 腺癌 сэган «аденокарцинома» и т.д.

4.3. Заимствования

Помимо указанных выше моделей при образовании медицинской терминологии используются заимствования, как из китайского языка, так и из английского и других европейских языков.

4.3.1. Китайские заимствования

Китайские заимствования в основном обозначают инфекционные заболевания, а также заболевания, которые были известны японцам до знакомства с европейской медициной. Преимущественно это «канго», состоящие из двух-трех иероглифов, по значению которых можно иногда понять симптомы или длительность заболевания. Например, 麻疹 масин/хасика «корь» (букв. «конопляная сыпь»), 百日咳 хякунитисэки «коклюш» (букв. «стодневный кашель»), 黄疸 о:дан «желтуха» (букв. «желтый, желтуха»), 水

痲疹 *midзубо:со:* «ветрянка» (букв. «водяная оспа»), 天然痘 *тэннэнто:* «оспа» (букв. «природная оспа, оспины»), 喘息 *дээнсоку* «астма» (букв. «затруднение дыхания»), 梅毒 *байдоку* «сифилис» (букв. «сливовый яд»), 痛風 *цу:фу:* «подагра» (букв. «ветер с болью») и т.д.

4.3.2. Заимствования из европейских языков

Встречаются заимствования из латыни, английского и других европейских языков, но они не столь многочисленны. Например, *インフルエンザ инфуруэндза* «грипп», *ヘルニア хэруниа* «грыжа», *チフス тифусу* «тиф», *コレラ корэра* «холера», *ペスト пэсудо* «чума» и др.

Помимо вышеуказанного существуют также имена в постпозитивной позиции, указывающие на наличие сбоя в работе тех или иных функций организма, который может быть вызван различными заболеваниями. Например, к ним относятся: 障害 *сё:гай* «нарушение», которое может быть вызвано различными причинами, а также 不全 *фудзэн* «недостаточность».

Например, 歩行障害 *хоко:сё:гай* «нарушение походки» (при болезни Паркинсона), 心不全 *синфудзэн* «сердечная недостаточность», 肝不全 *канфудзэн* «печеночная недостаточность» (не наименование заболевания, а указание на состояние; часто употребляется в некрологах известных лиц, когда не хотят указывать подлинное название болезни) и т.д.

Таким образом, в японском языке существует богатая лексико-семантическая система для обозначения состояний недомогания, нездоровья и болезни. Общая лексика имеет свои особенности употребления в зависимости от принадлежности к узко специальной терминологии или наличия более широких значений.

Наиболее распространенным является наличие в постпозиции аффикса 症 *сё:*, остальные медицинские термины, указывающие на конкретные заболевания, строятся по аналогичной модели: аффикс, указывающий на основной симптом, причину или форму заболевания, ставится в постпозиции.

Существуют заимствования-китаизмы, которые не соответствуют распространенным моделям словообразования, указанным выше, а также заимствования из иностранных языков.

Литература

1. Иванова К.О. *Формирование японского медицинского словаря в кросс-культурном аспекте.* [Электронный ресурс] / Иркутск : ФГБОУ ВПО "ИГЛУ", 2016. – 134 с. <http://rucont.ru/efd/346183>
2. Кутафьева Н.В. *Японский язык: особенности научно-технического стиля: синтаксис японского предложения, грамматические конструкции в научных текстах.* М.: АСТ: Восток – Запад, 2005.

3. ЛЭС 1990 – *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
4. Ооя Дзэнэцу. *Русско-японский медицинский словарь*. Токио: Канегара, 1970.
5. Пашковский А.А. Общая характеристика японской отраслевой лексики // *Иностранные языки. Сборник статей № 2*. М.: Изд-во ВИИЯ, 1966. С. 33-48
6. Пыриков Е.Г. *Лексика и терминология современного японского языка в сопоставительном освещении*. М.: ВЦП, 1990
7. Тарасова Е.С. Лексико-семантический анализ терминологии дефектов, применяемой в автомобильной промышленности, на материале японского языка. // *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 19: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография*. М.: ИВ РАН, 2018, С.412-424.
8. *MediPass Русский·Английский·Японский медицинский словарь для iPhone*. <https://apps.apple.com/ru/app/medipass-русский-английский-японский-медицинский-словарь/id1082240099>.

**Об истории оливкового дерева
и его названии в иранских языках**

В статье речь идет о названии маслины и оливки в иранских языках и об истории оливкового дерева. Персидское слово *zeytun* – семитское заимствование. В языке Авесты оно не засвидетельствовано, мы находим его лишь в среднеиранских языках (ср.-перс. *zayt*).

Общие сведения: маслина, олива – род вечнозелёных деревьев и кустарников семейства маслиновых, культивируемое с древности.

Оливковые деревья живут 700 лет. Их основные типы встречаются в археологических данных еще 12000 лет назад. Культивируемая маслина появилась около 6000 лет назад в Малой Азии, но была по большей части неизвестна вавилонянам и ассирийцам. В Сирии и на Святой Земле олива была известна давно, она была завезена в Египет из Сирии между 3000 и 1800 гг. до н.э. Согласно хеттским текстам, оливки выращивались в Анатолии и импортировались в Египет со времен Рамзеса II (1197–1165 гг. до н.э.).

По мнению исследователей [Sarfaraз et al. 2009, p. 291] олива также выращивалась в Иране примерно с 3000 г. до н.э., и, как указывает заимствованное персидское название как оливкового дерева, так и его плодов (*zeytun*), она, возможно, была импортирована из Леванта.

В X–XI вв. оливу культивировали в Нишапуре, Горгане, Дейламе, Рамхормозе, Арраджане и в Фарсе. В доисламской Персии, вероятно, было такое же распределение плантаций. Оливки употреблялись в питании в прикаспийском регионе [Floor 2005].

В период Сефевидов, как кажется, оливки и оливковое масло не употреблялись в Иране. Оливковые деревья росли «на границах с Аравией и в Мазандеране, около Каспийского моря» К 1740 г. относится высказывание, что оливковые деревья росли около Ардебилля, что, вероятно, является ошибкой (вместо Манджиля) [там же].

В XIX в. олива по-прежнему культивировалась в каспийских провинциях, оливковых рощ было особенно много вдоль дороги Решт – Манджил и в районе Рудбар – Сефидруд. В других частях Персии олива могла расти в диком виде. Дикая олива росла на протяжении от берегов Каспия до реки Терек. Армяне и татары (народности Кавказа) употребляли оливки в пищу и выжимали из них сок, называя его *tolkan* [von Freygang 1823, p. 192 цит. по Floor 2005]. На юге Ирана, поблизости от Бехбахана и недалеко от города Зейтун росли оливы. Их видели в Белуджистане, возле святых мест, а также

недалеко от Бушира, Кермана и Тарома (Зенджан), см. [de Bode 1845, I, p. 294, цит. по Floor 2005].

Различались три вида оливковых деревьев: желтая олива, из которой получали съедобные оливки, и два других вида, которые разводили исключительно ради их масла. Предпочтение несъедобным оливкам связано с тем фактом, что персы не использовали оливковое масло и не знали способа его правильного приготовления. Поэтому оно использовалось только для изготовления мыла и масла для ламп. Часть плодов армяне солили и хранили в уксусе и продавали на Кавказ. Согласно Болеру, это оливковое масло было настолько отвратительным, что его можно было использовать лишь для освещения. Впоследствии иностранцы организовали в Иране многочисленные фабрики по производству оливкового масла [Bohler 1977, p.6, цит. по Floor 2005].

В XX в. иранский потребитель уже рассматривал оливки и оливковое масло как съедобный продукт и как растительное масло для приготовления еды. Это обстоятельство стимулировало коммерческий интерес к разведению оливы.

В настоящее время оливковые деревья растут главным образом в Манджиле и Рудбаре, в Гиляне, но также и в других местах Ирана.

Как было показано выше, разведение оливковых деревьев в Иране относится к периоду Сефевидов. Однако новые исследования показывают, что в окрестностях озера Паришан (провинция Фарс) оливу разводили в Иране начиная с эпохи Ахеменидов и, возможно, при Селевкидах [Djamali et al. 2015]. Эта информация получена на основе палеоэкологии и является хорошим примером того, как палеоэкологические исследования могут дополнять исторические и археологические данные. В этом случае, хотя ни археологические свидетельства, ни исторические документы, имеющиеся в настоящее время, не дают четких указаний на выращивание оливок на юге Персии в древности, данные пыльцы настоятельно указывают на то, что в ахеменидский и селевкидский период вокруг озера Паришан существовала развитая олеокультура.

Мифология и религиозные тексты Библии и Корана указывают на священный характер оливы и на сохранение ее связи с божеством (Афиной, Иисусом, см. также клятву оливой у Аллаха). Плодородие и красота как символ оливкового дерева подчеркнуты в Библии и Коране, в Коране также делается акцент на использовании оливы для лечения и питания. В этих же источниках сказано об использовании оливкового масла для освещения.

Плоды оливы употреблялись во многих обрядах. Согласно Гомеру, оливковое масло считали дорогим и питье из него называли золотым. Плоды оливы входили как один из основных элементов в погребальный обряд.

В III в. до н. э. на могиле известного мудреца, проповедника Талмуда, Yehuda bar Hai – произрастало (недалеко от Zefat) священное оливковое дерево. Последователи мудреца верили, что, если получить кусочек этого дерева, он принесет счастье [Lissovsky 2004].

ЭТИМОЛОГИЯ

В персидский язык слово *zeytun* заимствовано из арамейского *zēthā*, *zaythā*. В древнееврейском языке название выглядит как *zayit*; эта основа, вероятно, имеет значение «выжимать масло из оливок». Более вероятно, что древнееврейская лексема заимствована из *zayit*, которое связано с *ziv* «свечение»; это значение связано с листьями оливы, которые блестят подобно оливковому маслу.

В арабском языке название оливкового дерева *zaytun* связано с *zayt* «оливковое масло; земля, на которой растет олива» [Lane 1998, p. 1274].

База данных по иранским языкам и диалектам Академии персидского языка и литературы (в базе их 50) показывает, что в них употребляется только слово *zeytun* и для плодов, и для деревьев. Почти во всех языках и диалектах употребляется одна и та же лексема с фонетическими изменениями.

В статье [Djamali et al 2015] дается эламское название оливы: *GIŠ za-da-um*; упоминается, что это западно-семитское заимствование. *GIŠ* – шумерский детерминатив, означающий «дерево» [Djamali, Contreras 2015].

Название оливы в среднеиранских языках: среднеперсидский: *zayt*, согдийский: *zyθ* [Hasandust 2014, № 2844].

В новоиранских языках и диалектах:

хорасанские диалекты персидского языка: *zeytun*

гилянский язык: *zytun*

мазандеранские диалекты: *zeytun*; *zitun*

диалект Tati: *zytun*

давани: *zytin*

говор евреев города Йезда: *zətun*

ларестанские диалекты: *zetoona*.

Многие топонимы основаны на названиях оливы, например, в одном из районов Ларестана деревня называется *Zeytun*. В Иерусалиме имеется знаменитая Масличная гора. В странах Средиземноморья встречаем топонимы, производные от греч. *elaia* и латин. *oliva*. Например: *Elaia*, *Elaikhorian*, *Elaiofiton*, *Elaion*, *Elaiotopos* – названия греческих деревень; *Ela* – гидроним на Кипре; во Франции *Olivet*; в Испании *Olivares*.

Таким образом, оливковое дерево и его плоды широко распространены в Иране. Это культурное растение имеет древнюю историю и отражено в иранской (и не иранской) мифологии и в религиозных текстах. Его считали священным. В иранском лексиконе слово для оливы заимствовано из семитских языков и мало различается по языкам и диалектам. Можно заметить, что и в Иране, и в других странах именуются топонимы, в которых мотивирующей основой служит название оливы.

Литература

1. Сокольский И.Н. *Растения из Садов Священного Корана*. М., 2008.
2. Djamali M., Contreras D. et al. Olive cultivation in the heart of the Persian Achaemenid Empire: new insights into agricultural practices and environmental changes reflected in a late Holocene pollen record from Lake Parishan, SW Iran (Разведение оливы в центре ахеменидской империи ...). // *Vegetation History and Archaeobotany*. Springer-Verlag Berlin-Heidelberg 2015. https://www.academia.edu/19496080/Olive_cultivation_in_the_heart_of_the_Persian_Achaemenid_Empire_new_insights_into_agricultural_practices_and_environmental_changes_reflected_in_a_late_Holocene_pollen_record_from_Lake_Parishan_SW_Iran
3. Floor W, Olive Tree (Оливковое дерево). // *Encyclopedia Iranica*. <http://www.iranicaonline.org/articles/olive-tree>
4. Golan A. *Myth & Symbol (Symbolism in Prehistoric Religions) (Миф и символ)*. Jerusalem, 1991.
5. Hasandust M. *An Etymological Dictionary of the Persian Language (Этимологический словарь персидского языка)*, vol. 3 № 2844. Tehran, 1393/ 2014 (на персидском языке).
6. Lane E. W. *An Arabic-English Lexicon*. Beirut-Lebanon, 1998.
7. Lisovsky N. Sacred trees – Holy land (Священные деревья – Святая земля). // *Studies in the History of Gardens & Designed Landscapes*, 2004. https://www.academia.edu/12958220/Sacred_trees_Holy_land
8. Sarfaraz Khan Marwat, Mir Ajab Khan + 5 more. Fruit Plant Species Mentioned in the Holy Qura'n and Ahadith and Their Ethnomedicinal Importance (Разновидности фруктовых растений в священном Коране...) // *American-Eurasian Agric J. Environ Sci.*, 5: 284-295, 2009.
9. *Электронная база данных иранских языков и диалектов*. Академия персидского языка и литературы. На персидском языке (для внутреннего пользования).

**Будда увещевает Нанду
(тохарский текст А 125 + ТНТ 1425 fgm. e + А 117)¹**

В недавней статье, посвященной цитате из "Mahādevasūtra" в тох. А пьесе "Saundaranandacarita-Nāṭaka", Х. Огихара, следуя за указанием В. Зиглинга [Siegling PK, p. 70], опубликовал в целостном виде тох. А текст, вошедший в издание [Sieg, Siegling 1921] в виде двух отдельных фрагментов – А 128 и А 130. Последняя строка этого текста в реконструкции Х. Огихары выглядит следующим образом [Ogihara 2017, p. 205]:

(waṣṭā)

128+130 b6: ṣ lāmṣäl (-----) trāṅkā(ṣ) -- k kus ne
waṣṭāṣ (lām(ts)e kus pat nu waṣṭ ṣmeñc kus cesmi (-----).

На наш взгляд, утраченный текст строки b6 может быть частично восстановлен. Реплика, вводимая словом *trāṅkā(ṣ)*, принадлежит Нанде и обращена к Будде; соответственно, ее первое слово надежно реконструируется в виде (*nātā*)k "господин". Конец строки, очевидно, содержит вопрос Нанды о различиях между "ушедшими из дома" (монахами) и "сидящими дома" (мирянами). Похожая ситуация имеет место в одном из эпизодов III акта другой буддийской пьесы, "Maitreyasamiti-Nāṭaka", где царица Гаутами спрашивает Будду о разнице между двумя видами даров – *saṃghālabhana-* и *puḍgalika-*:

//// – *gautami lāmṣ ptāṅkāt kāṣṣimnac trāṅkāṣ kus nu tine āṣā(nik) ////*
(ā)lās ālam wcanāṣ wākām n=ām || *ptāṅkāt kāṣṣi trāṅkāṣ tsopa(ts) ////* (YQ-18[III.10] a3-4) "...queen Gautamī speaks to the Buddha-god the teacher: But what is (the difference) between the two, o venerable one? ...(Or) is it a weak difference between the two? || The Buddha-god the teacher says: Big..." (перевод по [Ji, Winter, Pinault 1998, p. 189] с незначительными отличиями).

Основываясь на данной параллели, мы предлагаем восстанавливать текст, следующий после *cesmi*, в виде (*ālam wcanāṣ wākā*): такая конъектура в точности соответствует лакуне в 7 акшар. Окончание же вопроса Нанды (*m naṣ* ||) обнаруживается в первой строке фрагмента А 125, который, в свою очередь, является частью одного листа с небольшим неопубликованным фрагментом ТНТ 1425.e и фрагментом А 117 (этот последний в настоящее время считается утраченным). Таким образом, А 128+130 и А 125ext (= А 125 + ТНТ 1425 fgm. e + А 117) представляют собой два соседних листа (№№ 202 и 203 исходной пагинации) рукописи, сохранившаяся часть которой была опубликована в издании 1921 г. под №№ 89-143.

¹ Автор выражает искреннюю благодарность С.В. Малышеву и С.И. Переверзевой за многообразную помощь в работе над статьей.

Ниже приводится сводный текст листа А 125ext с предшествующей ему строкой А 128+130 b6, а также комментарии и перевод на русский и английский языки. Знаком ○ отмечено положение отверстия для шнура, скрепляющего листы. Текст фрагмента ТНТ 1425.e и конъектуры, предлагаемые нами, выделены жирным шрифтом.

А 125ext (= А 125 + ТНТ 1425 fgm. e + А 117; лист №/(20)[3]/):

<(waštā)

128+130 b6: š lämtšäl (----- **nande**) tränkä(š **nätä**)k kus ne

waštāš (l)äm(ts)e kus pat nu wašt šmeñc kus cesmi (**ālam wcanāš wākā**)>

a1: m naš || pättāñkāt kāšši (**trän**)[**kä**]**š tso**[p](ats) //// <≈ 7 акшар>

//// (**wkām**) pe wlalune kāt-kāšši šāmnāšši aššāšši krañcāšši umparñ[e]

a2: šši p_ukis šiya wkām kumnāš [**š**]**ñ(i)kek (nu) na(nde)** ////

<≈ 6 акшар> //// (**wla**)lune māskatār krañš nu tām kus tränkäntrā kus ne āštrām pāpšu

a3: neyaṃ štmoš tākeñc pāpšu ○ [**ne**] //// <≈ 7 акшар> //// (ya)tatar

mā wašt lmontāp k_uyalte || āryahāraṃ || kāmar ā

a4: - | emts yāsly | roñcām ○ (- - | - - - | - - -) · unt **♦**_{1a} tom nu

nākseñc | pāpšune | tām_yo wašt lmo | pāpšune | mānt

a5: (**pā**)[š]tār **♦**_{1b} pā<p>šuneyāš | wārcetsnu[**nt**] | (- - - - | - - - - |

- - - - **♦**_{1c} p)āpšu wra(s)om | sne onmiṃ | śla kācke sām | wällāstrā | yā

a6: (š) [**k**](**rā**)[**m**]tsām yme **♦**₁ || taṃ (ne) wkānyo nan(d)e ////

<≈ 16 акшар> //// (ā)lyeksāš wākāštār kupre ne nande

b1: (**waš**)[**tā**]š lāñcluneyā(š) mā āla[k] · · //// <≈ 18 акшар> //// yo

šākkiñ māškitañ pracre waštā

b2: (š) laltuš ci ce[sā]m pālkoraš nu tmā //// <≈ 15 акшар> //// sn(e)

y(ārm pā)rkowāntu māskantrā waštāš laltu

b3: (**ntā**)[**p**] tām_yo nande mā ti ○ (**ri**) //// <≈ 7 акшар> ////

(**k_uya**)lt(e) || yarāssinaṃ || rāskār penu | sāmtāk tās | wraskentu nu | cāmpa

b4: m[o] | wikāssi tās **♦**_{1a} kā ○ (- - | - - - | - - **sāmtā**)k |

wraskeyunt | šwātsi wāt-kāš **♦**_{1b} sne lyutār naš | sāmtkenu | knā

b5: [**n**](**a**)m nande | tñi wraske | eñ[kā]l[š]i[nā](**m**) [**♦**]_{1c} [**p**]y · - - - |

- - - | - -) sāmtāk | samvrašim | pāštāk šāmaṃ **♦**₁ mkälto āknats | āco tās |

b6: šwāts·imeyo | koyam tās | (-) I [**pe mā**]**m**[t] n(e) (**♦**_{2a} - - - - |

- - - | - -) r cami | šūnkāš pre | tsāknātār tām **♦**_{2b} tām ne menāk |

tu nande | ska

(m)

КОММЕНТАРИИ

Начиная с середины строки a1, текст листа A 125ext представляет собой обращенный к Нанде увещательный монолог Будды, продолжавшийся и на следующем листе (не сохранившемся или, по крайней мере, пока не идентифицированном). Речь Будды построена в виде чередования стихов и прозы; обе стихотворных врезки (в строках a3-6 и b3-6) написаны размером 4x18 слогов (метрическая схема 4/3/4/3/4).

К сожалению, утраченная средняя часть листа довольно велика: по-видимому, ни в одной строк разрыв между сохранившимися частями (без учета коньектур) не составляет менее 9 акшар, так что связный перевод оказывается возможным лишь для нескольких строк и лишь сугубо гипотетически.

Некоторые реплики Будды находят себе параллели в 5-ой песни "Sa-undarananda" Ащвагхоши ("Nanda-pravrājanah"²); эти параллели (в английском переводе М. Кросса, см. [Aśvaghōṣa's Gold 2015]) приведены после нашего перевода тохарского текста. В одном случае (строки b5-6) санскритская параллель позволяет надежно интерпретировать трудный для понимания фрагмент натаки. При этом, однако, рассматриваемый эпизод пьесы, в отличие от некоторых других ее эпизодов, нельзя считать прямым переводом соответствующего пассажа из Ащвагхоши. Показательно, в частности, что сравнения Нанды, упорствующего в своем нежелании отказаться от мирской жизни, с ребенком и с больным в санскритском и в тохарском тексте идут в разном порядке.

Строки a1-2. Вторая фраза Будды представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным уступки: *wkām pe..., śñikek nu...* "Хотя..., однако ж...". В утраченной срединной части строки a2, возможно, содержалось сочетание *ālak wkām* "различный"; в качестве гипотетической параллели ср. *//// śśi rake ālak wkām māskātār* (102 a6) "...Х-ов речь различна".

Нанда именует мирян-домохозяев *kus ... wašt-šmeñc*, букв. "<те,> кто домосидят", используя форму 3 Pl Pr A уникального сложного глагола *wašt-šäm-lläm-* "избирать стезю домохозяина". Обращает на себя внимание, что в строках a3-4 Будда называет домохозяина *wašt-lmo*, т.е. субстантивированной формой PP от этого глагола, однако в строке a1 фигурирует форма *kātkāśśi*. Возможно, это обстоятельство проливает свет на тот отмеченный М. Перо [Peurot 2014, p. 141] загадочный факт, что тох. А слово *kātak** "хозяин

² В контексте истории о Нанде и Сундари название "Nanda-pravrājanah" можно описательно перевести примерно как "Увод Нанды из дома". Единственным способом сохранить лаконичность санскритского оригинала представляется перевод "Извлечение Нанды", по аналогии со знаменитым названием гл. 24 романа М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита" – "Извлечение мастера". О переводах названия "Nanda-pravrājanah" на английский язык см. [Aśvaghōṣa's Gold 2015, p. 282 и сн. 867].

дома, глава семьи" ведет себя как *plurale tantum*: не исключено, что перед нами нечто вроде супплетивной парадигмы *wašt-lmo* (Sg) / *kātak** (Pl).

Правда, безоговорочному принятию этой гипотезы противоречат два примера, в которых, по-видимому, представлены формы Pl от *wašt-lmo*: N Pl *wašt-(lmo)š* (312 a5-6) и фрагментарное (*wa)št-lmo[ñcā]*... (436 b2). Таким образом, распределение "*wašt-lmo* в Sg ~ *kātak** в Pl" либо имеет лишь характер тенденции, либо выдерживается не во всех тох. А рукописях.

Строка а3. Конъектура (*ya)tatār* приведена в [Siegling PK, p. 66]. Для данного фрагмента в целом высоко вероятным выглядит предложенное С.В. Малышевым (устное сообщение) чтение *pāp̄su[ne]* (*waštāš laltuntār pāssi ya)tatār mā wašt lmontār*.

Строки а3-4. Двусложное слово на стыке строк а3 и а4, очевидно, представляет собой название одного из пороков, свойственных жизни в миру; скорее всего, речь идет о слове *āmām* "гордыня, высокомерие", ср. *ets āmām treke rapurñeyis šurm nišpa(l)* (60 b6) "жадности, гордыни, заблуждения, алчности причина – имущество".

Строка а5. Формы Opt от глагола *pās-* ранее не были известны, однако форма (*pā)[šī]tār* соответствует ожидаемому: ср. *wlešitār* 3 Sg Opt M от спрягающегося по той же модели глагола *wles-* "делать, совершать".

Форма *wārcetsnu[nt]* (прочие чтения, как кажется, палеографически невозможны), по-видимому, должна трактоваться как Acc Sg m: интерпретировать ее как N-Acc Pl f содержание текста едва ли позволяет. Соотношение между обычным прилагательным *wārcets* "ущербный" и нигде более не засвидетельствованным *wārcetsnu** загадочно как в словообразовательном, так и в семантическом отношении. Если эти прилагательные (квази)синонимичны, в строке а5 представлен такой же *ablativus inopiae*, что и в *aśnāš milārtse tsarnāš pesāš wārcetse* (293 a1) "с ранеными глазами, с ущербными руками и ногами". Синтаксическая структура третьей пады так или иначе остается неясной.

Строки а5-6. Чтение *yä(š) [k](rā)[m]tsām yme* букв. "идет хороший путь" вполне надежно. Эта фраза представляет интерес в нескольких отношениях.

Во-первых, перед нами первый бесспорный пример употребления при *yme* атрибутива ж.р. Принадлежность слова *yme* к *feminina* выглядит вполне ожидаемой, учитывая, что именно к ж.р. относятся как его (квази)синоним *ytār*, так и его тох. В соответствии *ymiye* – ср., в частности, следующий пример, где представлена та же конструкция: *kartsai yamai ynemane* букв. "хороший путь идя" (IOL Toch 43 a2, ср. [Adams 2013, vol. 2, p. 562]). Между тем два других примера, предположительно содержащих информацию на этот счет, демонстрируют согласование по м.р.:

krañcän ymeyo /// (221 b7) "хорошим путем (?)"

šāmnuneyāš pkānt wasām kus škaṃ tākiš yme ālak (YQ-10[II.12] b4 + 261 b8) "Вне монашества какой был бы у нас путь другой?".

Каждый из этих двух примеров по отдельности может быть поставлен под сомнение. В первом из них форму *umeyo*, возможно, следует интерпретировать не как Instr Sg от *ume*, а как метрический вариант к *imeyo* Instr Sg от *ime* "сознание", во втором не исключено наречное употребление *ālak* ("иначе"). Более вероятно, однако, что слово *ume* входит в довольно длинный ряд тох. А существительных, демонстрирующих колебания в роде.

Во-вторых, сочетание *ume y-/* "идти путь" представляет собой *figura etymologica*, в составе которой обычно непреходный глагол *y-/* "идти" выступает с прямым дополнением.

Строки b1-2. Сочетание *mā ālak* в других тох. А текстах не засвидетельствовано. Допустимым, хотя и не совсем надежным, представляется чтение *mā āla[k w](kā)[m]* "нет другого пути", ср. частотное выражение *sne ālak wkām* "однозначно, без альтернативы". Слитное написание сочетания *ālak wkām* необычно, но возможно: оно встретилось в строке ТНТ 1378.d b4.

Во фразе *sākkiñ māskitāñ pracre waštā(š) laltuṣ ci* (125+117 b1-2) букв. "принцы-Щаки, братья из дома ушедшие твои" ЭМ 2 Sg =*ci* синтаксически ведет себя так же, как во фразах с финитными глаголами, ср. [Peurot 2017, p. 634], а морфонологически – нет: при присоединении =*ci* к форме 3 Sg A сочетание *ṣc* дает *śś*, ср., например, *yeśśi* (< *yeṣ* + *ci*) "Он пошел к тебе". Обе эти особенности поведения =*ci* можно объяснить, если предположить, что в случаях, подобных данному, энклитика присоединяется к нулевой связке.

Оборот *ce[sā]m pālkorāṣ nu* также примечателен в нескольких отношениях сразу. Как показано в [Иткин, Курицына 2017], в тох. А абсолютный оборот обязательно стоит в начале предложения, если он содержит анафорическую отсылку к предшествующему тексту. При глаголах *lāk-/pāl-* "смотреть, видеть", *klyo-s-* "слушать, слышать" и *kārs-* "знать" в роли такой отсылки в подавляющем большинстве случаев выступает сентенциальное местоимение *tām* "это (≈ то, что было только что сказано)"; дважды (320 b8, ТНТ 1606 fgm. d, a1) встретилось сочетание *cam wram* "это дело". Форма *cesām* "этих, их" нигде более в таком качестве не засвидетельствована; неизвестны нам и другие случаи, когда бы за формой Abs следовала усилительная частица *nu*.

Конъектуру *sn(e) y(ārm)* см. [Siegling PK, p. 66].

Строка b5. Четвертая пада первой строфы, по-видимому, содержит цепочку из 3 или 4 императивных форм. Для начального [p]y· наиболее вероятной представляется конъектура [p]y(ām) 2 Sg Imp A или [p]y(āmtsār) 2 Sg Imp M от *y-/yṣ-/yām-* "делать". Перед *śāmtāk* можно предполагать, например, *purpār* "прими" или *peṣṣār* "возьми".

Строки b5-6. Последовательность *śwātsīmeyokoyam* в [Sieg, Siegling 1921, p. 69] дана без разделения на слова. В последующих работах конкурируют две интерпретации: *śwātsī-meyo koyam* [Sieg, Siegling, Schulze 1931, p. 142; Poucha 1955, p. 85; Carling 2009, p. 165] и *śwātsī-mey-okoyam* [CEToM]. Первая из них предполагает выделение в строке b6 словоформы *koyam* Loc Sg от *ko** "рот", вторая – выделение словоформы *okoyam* Loc Sg от *oko* "плод". Сопоставление с поэмой Ацвагхоши однозначно свидетельствует в

пользу первой интерпретации: речь идет о ребенке, по незнанию кладущем в рот нечто несъедобное. Слово *āco*, во всех других ясных контекстах выступающее в значении "эмбрион", здесь имеет значение "младенец". Форма *tāṣ*, дважды встретившаяся в одной и той же паде, принадлежит двум разным глаголам: первое ее вхождение представляет собой 3 Sg Conj A от *nas-/ṣ-tāk* "быть", второе – 3 Sg Pr или Conj A (судя по контексту, почти наверняка Conj) от *tā-//* "ставить, класть".

Для слова после *koyam tāṣ* кажется вероятной, хотя и не совсем надежной, конъектура (*spa*)l. Значение тох. А *ṣpal*, тох. В *ṣpel* не вполне ясно; по-видимому, эта лексема может означать и нечто вроде природной грязи, и какую-то медицинскую форму. Д.К. Адамс усматривает у *spel* развитие значения по модели "mud" → "mud-pack, poultice" [Adams 2013, vol. 2, p. 731], тогда как Ж.-Ж. Пино в "медицинско-магическом" контексте переводит *ṣpal* (А РК NS 2 b4) как "pill" [СЕТом], что, по-видимому, предполагает в качестве исходного скорее значение типа "шарик, комок (грязи)". Упоминание грязи хорошо соответствует как тексту Ацвагхоши, так и общему содержанию реплики Будды.

Представляет интерес позиция союза *mānt ne* "как", стоящего очень далеко от начала предложения. Для слова перед *camī* высоко вероятна конъектура (*māca*)r "мать" (у Ацвагхоши речь идет о кормилице). Разница между (квази)синонимами *ko** и *ṣuñk**, в данном фрагменте описываемыми один и тот же объект – рот ребенка, – остается неясной. В конце пады 2b, по-видимому, представлено "эксплетивное" *tām*, иногда употребляющееся в тох. А стихах для соблюдения нужного числа слогов.

ПЕРЕВОД

(фрагменты, соответствующие менее надежным конъектурам,
подчеркнуты пунктиром)

128+130 b6: ...из дома уйти надлежит... (Нанда) говорит:

"Господин, <те>, кто из дома уходят, и домохозяева (букв. <те,> кто "домосидят"), какая (между) ними разница?"

a1: Будда-бог учитель говорит: "Большая... Хотя смерть к

домохозяевам, к монахам и монахиням, к хорошим и дурным –

a2: ко всем равно приходит⁽¹⁾, однако ж, Нанда, ... (разной)

смерть бывает. Какие же <люди> называются хорошими?

<Те,> кто чистый образ жизни

a3: соблюдают (букв. "в чистом соблюдении стоящими будут").

Соблюдение <правил> (ушедшим из дома соблюдаться) может,

<но> не домохозяином. Потому что: || на мотив А. || Вместе (?)

a4: гордыня (?), эгоизм, вражда и зависть... Они уничтожают

соблюдение <правил>. Поэтому домохозяин правила (букв.

"соблюдение") как

а5: мог бы соблюдать? Ущербного (?) в соблюдении
 <правил>... <А> соблюдавший <правила> человек – без
 раскаяния, с радостью он умирает⁽²⁾ и идет
 а6: хорошим путем. Так что, Нанда... от других отличается. Если, Нанда,
 б1: кроме ухода из дома нет другого пути (?)... принцы-Щакья,
 твои братья, из дома
 б2: ушли; их же видя...⁽³⁾ Бесчисленные преимущества есть
 у ушедшего из дома.
 б3: Поэтому, Нанда, не следует (тебе)... Потому что: || на мотив
 У. || Хотя и горьким лекарство будет, болезни сможет оно
 б4: устранить... (Врач)... лекарство больного принять
 заставляет⁽⁴⁾. Я непревзойденный врач,
 б5: я знаю, о Нанда, твою болезнь страстную... (прими)
 лекарство самоограничения, стань монахом. Как младенец,
 будучи мал и неразумен,
 б6: с мыслью о еде в рот кладет комок грязи (?) даже... <a>
 мать (?) у него изо рта вытаскивает <его>, подобно этому ты,
 Нанда, всегда...⁽⁵⁾

TRANSLATION

(the fragments relating to less certain conjectures are underlined
 by a dotted line)

128+130 б6: ...should leave home... (Nanda) says: "Lord, <those>,
 who leave home, and householders (lit. "<those,> who "homesit""),
 what is the difference (between) them?"
 а1: The Buddha-god the teacher says: "Big... Although
 to householders, to monks and nuns, to the good and bad ones –
 а2: to everyone equally death comes⁽¹⁾, still, Nanda, ... death tends
 to be (different). So which <people> are called good? <Those,>
 who will observe a pure lifestyle
 а3: (lit. "in pure observation will be standing"). Observation
 <of rules> (by the one who left home) can be (observed), <but> not
 by a householder. Because: || on the tune A. || Together (?)
 а4: pride (?), selfishness, hostility and envy... They destroy the
 observation <of rules>. Thus, how a householder
 а5: could observe rules (lit. "observation")? Defective (?) in the
 observation <of rules>... <Whereas> a man observing <rules> –
 without remorse, with joy he dies⁽²⁾ and goes
 а6: a good way. So, Nanda... from others differ. If, Nanda,
 б1: besides leaving home there is no other way (?)... princes
 Śākya, your brothers, left home;

b2: just seeing them...⁽³⁾ Countless advantages has the one who left home.
 b3: Thus, Nanda, (you) shouldn't... Because: || on the tune Y. ||
 Although the medicine will be bitter, it will be able to
 b4: eliminate illnesses... (A doctor)... makes an ill one take a
 medicine⁽⁴⁾. I am an unsurpassed doctor,
 b5: I know, oh Nanda, your passionate illness... (take) the medicine
 of self-restraint, become a monk. As a baby, being small and
 ignorant,
 b6: with an idea of food puts a lump of mud (?) into its mouth
 even... <whereas> a mother (?) draws <it> out of its mouth,
 similar to that you, Nanda, always...⁽⁵⁾

⁽¹⁾ Cp.: "...For operating in all situations, using all manner of attacks, Death kills" // 5.22-2 //

⁽²⁾ Cp.: "Staying with practice and fully committed to what is, at the hour of death he is not afraid..." // 5.32-1 //

⁽³⁾ Cp.: "O you who have yet to conquer yourself! Given that I, your elder brother, have gone forth, and your cousins have gone forth after me, / And seeing that our relatives who remain at home are committed to practice, are you minded to be conscious of consciousness, or are you not?..." // 5.37 //

⁽⁴⁾ Cp.: "And just as a doctor restrains a patient then gives him bitter medicine; / So have I given you, in order to help you, this disagreeable advice with beneficial effect" // 5.48 //

⁽⁵⁾ Cp.: "Just as a nurse keeps firm hold of an infant while taking out soil it has put in its mouth, / So, wishing to draw out the dart of passion, have I spoken to you sharply for your own good" // 5.47 //

Литература

1. Иткин И.Б., А.В. Курицына. Структура предложений с абсолютивными оборотами в тохарских языках. Тезисы доклада на международной конференции "Типология морфосинтаксических параметров"-2017 // [сайт] URL: <http://ossetic-studies.org/tmp2017/data/uploads/abstracts/itkinkuritsyna.pdf>. Дата обращения: 25.09.2018.
2. Adams D.Q. *A Dictionary of Tocharian B. Revised and greatly enlarged*. Vol. I–II. Amsterdam – New York, 2013.
3. Aśvagoṣa's Gold. *Translations of Buddhacarita and Saundarananda by Mike Cross* // [сайт] URL: <http://mike-cross.buddhasasana.net/asvaghosas-gold/asvaghosas-gold.pdf>. Дата обращения: 25.09.2018.
4. Carling G. *Dictionary and thesaurus of Tocharian A*. Volume 1: A–J. Compiled by Gerd Carling in collaboration with Georges-Jean Pinault and Werner Winter. Wiesbaden, 2009.

5. CEToM = *A Comprehensive Edition of Tocharian Manuscripts* // [сайт] URL: <http://www.univie.ac.at/tocharian/>. Дата обращения: 25.09.2018.
6. Ji Xianlin (in collaboration with W. Winter and G.-J. Pinault). *Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nāṭaka of the Xinjiang Museum, China* [Transliterated, translated and annotated by ...] (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, v. 113). Berlin – New York, 1998.
7. Ogihara H. The Mahādevasūtra quoted in the Saundaranandacaritanāṭaka in Tocharian A // *Tokyo University Linguistic Papers*. 38. September 2017 (на яп. яз.). P. 197-219.
8. Peyrot M. Notes on Tocharian glosses and colophons in Sanskrit manuscripts I // *Tocharian and Indo-European studies*, vol. 15. Copenhagen, 2014. P. 131-179.
9. Peyrot M. Slavic *onъ*, Lithuanian *anàs* and Tocharian A *anac, anäṣ* // Bjarne S. S. Hansen, Adam Hyllested, Anders R. Jørgensen, Guus J. Kroonen, Jenny H. Larsson, Benedicte Nielsen Whitehead, Thomas K. Olander, Tobias M. Søbørg (eds.): *Usque ad radices. Indo-European studies in honour of Birgit Anette Olsen*. Copenhagen, 2017. P. 633-642.
10. Poucha P. *Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A*. Praha, 1955.
11. Sieg E., W. Siegling. *Tocharische Sprachreste*. Bd. 1. Die Texte. Berlin – Leipzig, 1921.
12. Sieg E., W. Siegling. *Tocharische Grammatik*. Im Auftrage der Preussischen Akademie der Wissenschaften bearbeitet im Gemeinschaft mit W. Schulze. Göttingen, 1931.
13. Siegling PK = *Personal and annotated copy of [Sieg, Siegling 1921] by Wilhelm Siegling*. Scanned by Douglas Q. Adams with the technical assistance of Michael Tarabulski and Kevin Dobbins // [сайт] URL: <http://www.univie.ac.at/tocharian/?Siegling>, pers. copy. Дата обращения: 25.09.2018.

Ритм хеттской поэзии: позиция глагола в «Песни об Улликумми»¹

1. Постглагольная позиция в хеттском языке

Хеттский поэтический эпос переводной: практически весь корпус мифологических песен представляет собой перевод с хурритского языка. Цикл о боге Кумарби и его отношениях с богом грозы, в который входит рассматриваемая в настоящей работе «Песнь об Улликумми», – не исключение. Поэтому когда речь идет о порядке слов в этом жанре хеттской литературы, сразу возникает вопрос, не обоснованы ли отклонения от нейтрального порядка слов влиянием со стороны хурритского. Нейтральный порядок слов в хеттском – SOV (субъект – объект – глагол), с крайне редким заполнением постглагольной позиции. При этом частота постглагольной позиции в «Песни об Улликумми» демонстрирует значения существенно выше стандартных, при p value < 0.0001, так что это не случайное отклонение. Каковы функции этого порядка слов в рассматриваемом памятнике? Цель нашего исследования – проверить, не может ли данная особенность найти объяснение внутри хеттского языка.

Ранее мы уже показывали корпусными методами, что нейтральный порядок слов SOV характеризует около 74% предложений с субъектом и объектом, выраженными самостоятельными словами; еще около 25% предложений с полноценно выраженным субъектом и объектом показывают порядок слов OSV [Молина 2018, с. 52–108]. Эти данные получены на материале писем и инструкций, введенных в разрабатываемый нами аннотированный корпус хеттских клауз. Предложения с невыраженными субъектом или объектом (хеттский язык – язык с *pro-drop*, где местоименный субъект может быть выражен с помощью личного окончания глагола), статистические подсчеты порядков слов по которым ранее отдельно не производились, в подавляющем большинстве случаев также демонстрируют на нашем материале глагол в конце клаузы. Таким образом, общее количество клауз с глаголом в абсолютном конце предложения достигает 98–98%, поэтому предложения с составляющей, тем более с именной группой, после глагола являются отчетливо маркированными.

Как уже показал А. Сидельцев [среди прочих работ, Сидельцев 2017, с. 52–53], постглагольная позиция может быть зеркальным отражением пред-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ #17-06-00392 «Типология зарождения стиха: точные и компьютерные методы».

глагольной: «Непосредственно предглагольную позицию адекватнее описывать как непосредственно приглагольную позицию. Вариативность позиции – ее размещение как до, так и после глагола – не уникальна для хеттского, но хеттский демонстрирует ее наиболее расширенно из известных нам языков». Однако это касается именно составляющих предглагольной позиции, а именно, фокус, вопросительные именные группы, маркеры отрицания, относительные местоимения, подчинительные союзы, экзистенциальные кванторы и местоимения отрицательной полярности. Когда за глаголом оказывается именная группа (субъект или объект), речь идет о том, чтобы либо описывать ее как фокус (и тогда анализ структуры клаузы должен идти в полном соответствии со схемой, предложенной Сидельцевым), либо ее нужно рассматривать как-то иначе. Характерная черта хеттских мифологических песен заключается в том, что в постглагольной позиции не оказываются стандартные составляющие предглагольной позиции, описанные в работах Сидельцева: именные группы в постпозиции в основном не представляют собой вопросительные именные группы и, кажется, не оказываются в фокусе. Они, таким образом, перемещаются в позицию после глагола по причинам, никак не связанным с синтаксисом хеттской клаузы.

Отгlossированная выборка клауз с постглагольными составляющими по материалу первой таблицы «Песни об Улликумми» представлена в Приложении. На ней можно видеть, что только в первой части «Песни об Улликумми» количество клауз с порядком слов VS/VO – 20 (при полном объеме этой части эпоса, составляющем 231 предложение), то есть 9.09% от общего объема. Выборка по постглагольной позиции была также ранее сделана для корпуса хеттских писем, общий объем исследованного по этому параметру корпуса писем – 2772 клаузы, и на материале писем только 65 предложений имели составляющую в постглагольной позиции, что составляет 2.34% от общего объема. Тексты хеттских инструкций, общим объемом 1997 клауз, продемонстрировали всего 40 предложений с постглагольной позицией, что составляет 2% от общего объема обследованного корпуса инструкций. Таким образом, мы полагаем, что, за исключением довольно редких для данных жанров списков (перечней предметов, расположенных в абсолютном конце предложения после глагола), на основании данных писем и инструкций можно предварительно оценивать долю постглагольной позиции в хеттском языке в 2% (или примерно так). Представляется, что 9% заполненной постглагольной позиции при стандартной величине 2% трудно рассматривать как случайность (как уже говорилось, для данного корпуса p value при статистических расчетах по вышеописанным параметрам оказывается меньше 0.0001).

2. Повторы и параллелизмы в «Песни об Улликумми» и хеттская поэтическая традиция

При первом же взгляде на выборку с постглагольными составляющими из первой таблицы «Песни об Улликумми» в глаза бросаются четыре пары клауз, похожих на формулы либо семантические повторы, характерные для поэтического текста (подробнее о роли повторов и параллелизмов в ран-

нем эпосе и мифологических песнях см., напр., уже в [Мелетинский 1968]); в каждой паре начальный оборот либо точно повторяется, либо незначительно варьируется, в целом сохраняя звуковой облик и синтаксическую структуру.

Мелетинский отмечает, на примере древнегерманского эпоса, что «повторы, часто еще связанные с параллелизмами, чрезвычайно характерны для мифологических песен... Особенно характерны анафорические повторы в коротких стихах, двойные или (в диалогических строфах с применением диалогического размера) тройные, как исключение – даже четырехкратные. Анафора может включить одно слово или захватывать целую их группу таким образом, что различными оказываются только последние слова». Представляется, что именно в повторах можно видеть элементы стихотворной природы исследуемого текста, и любопытно, что именно на такие синтаксические повторы приходится самая яркая группа случаев с заполнением постглагольной позиции на нашем материале. При этом следует отметить также, что именно на повторы при произнесении поэтического текста вслух часто приходится интонационное выделение, которое в непоэтической речи находило бы аналог в виде интонационного выделения, связанного с информационной структурой предложения, а именно в виде фокуса той или иной семантики.

Парные конструкции с анафорическими повторами в «Песни об Улликумми» находятся в тексте на близком расстоянии друг от друга, в соседних строках или на расстоянии 2–3 строк, поэтому есть смысл рассматривать такие повторы как единое конструкционное целое. Любопытно, что часто варьироваться может только постглагольная составляющая, при полном совпадении остального предложения, в том числе включая глагол.

(1) Парные конструкции

a.

n=aš šarā tīyat^d Kumarbiš...

n=aš iyanniya[t]^d Kumarbiš (C ii 17–20²)

b.

*lē=m[a=war=an aušz]i *Tarḫuntaš^{URU} kumm[iyaš *ḫa]štiliuš *ḫaššuš...*

lē=[war]=an aušzi^d ŠTAR-iš^{URU} ninuwaš MUNUS.LUGAL-aš tar-[...]kantaš MUNUS-aš (A iii 32–34)

² Здесь и далее: A – копия A первой части «Песни об Улликумми», публикации разных частей текста: KUB 33.96, KUB 17.7, KUB 33.93, KBo 26.58, KUB 36.7b, KUB 33.95, KUB 36.7a. C – копия C первой части «Песни об Улликумми», публикации разных частей текста: KUB 33.102, KUB 33.104, KBo 57.228, KBo 26.61, KUB 36.9. Звездочкой * отмечены слова, представленные в тексте гетерограммами (шумеро- и аккадограммами), но для удобства анализа представленные в хеттском чтении. Шумерограммы представлены прописными буквами, аккадограммы – прописными строчными. Курсивом выделен хеттский текст. Цит. по: E. Rieken et al. (ed.), hethiter.net/: CTH 345.I.1 (INTR 2009-08-31).

c.

*həlz[eš]šai=wa=šmaš^d Kumarbiš *šiunaš addaš *ʀšiu^ʔaš parna...*

*[həlzəššai=wa=šm]aš^d Kumarbiš *šiunaš attaš...*

[həlzəššai]=ma=wa=šmaš kuedani memiyani (A iii 43–44, C iii 11–12)

d.

*ku[in] namma šallanuēr *gulšuš DINGIR.MAH^{MEŠ}-uš...*

*kuiš=war=aš [namma] uškezzi šallayaš *šiunaš daššawēš zahhāu[š] (A iv 14–16)*

Каждое предложение в рамках блока представляет собой самостоятельную единицу, в которой границы предложения подчеркиваются не только анафорическим повтором слева, но и с другой стороны граница оказывается отмечена выносом вправо именной группы (субъекта, объекта или косвенного объекта). При этом слева, в левой периферии, в цепочке ваккер-нагелевских энклитик обычно наблюдается дублирование клитикой (clitic doubling, часто называемое местоименной репризой).

В своей наблюдениях за местоименной репризой А. Сидельцев [Sideltsev 2002, 2007] отмечает, что при дублировании клитикой в прозаических текстах на хеттском языке перемещений вправо практически нет, и единственный пример перемещения вправо в собственно хеттских текстах он (вслед за хеттской грамматикой [Hoffner, Melchert 2008:409]) находит в хеттских инструкциях:

- (2) [(n=a)]n lē šannatti memian (KUB 26.1+ rev. iv 11–19)
“Не скрывай его, (это) дело”.

Текст «Песни об Улликумми» значительно отличается от текстов писем и инструкций тем, что в нем появляется серия таких примеров с перемещениями вправо при дублировании клитическим местоимением. Подобная структура предложения характерна, например, для «Песни освобождения», другого памятника мифологического характера, по жанру совпадающего с «Песней об Улликумми». Параллель с «Песнью освобождения» подчеркивается тем, что «Улликумми», как и «Песнь освобождения» – один из хеттских текстов, отмеченных логограммой ŠĪR (хетт. *išhamaiš* ‘песнь’), то есть осознаваемых певцами как поющие под звуки лиры. При этом М. Бачварова [Bachvarova 2005], описавшая поэтические средства выражения в «Песни освобождения», напоминает, что тексты, отмеченные идеограммой ŠĪR, в целом характеризуются преемственностью ряда других поэтических формул, и это свидетельствует об их жанровом единстве. Бачварова приводит пример, полностью соответствующий конструкциям с выносом вправо из «Улликумми» и идентичный единственному примеру с выносом вправо из инструкций [Bachvarova 2005:46]:

- (3) *n=an=kan huišnumini^d IM-an^{LÜ} šiššiyalan* (КВо 32.14+³)
“(Мы) спасем его, Тешшуба, того, на кого нападают”.

³ Цит. по [Bachvarova 2005, с. 46].

Отсюда напрашивается промежуточный вывод, что данный ненейтральный порядок слов – перемещение вправо с дублированием клитикой – не характерен для прозаических текстов на хеттском языке, но встречается в предположительно поэтических текстах. Мы можем, таким образом, зафиксировать частотность инвертированного порядка слов как специфическую особенность для мифологических песен на хеттском языке.

Чем, кроме предположительного и на данный момент не доказанного корпусными методами хурритского влияния, может объяснить довольно последовательное применение таких средств выражения в мифологических песнях и, в частности, в «Песни об Улликумми»? Вынос вправо подчеркивает правую границу клаузы путем предположительно акцентного выделения, связанного с маркированным порядком слов; дублирование именной группы клитикой в левой периферии клаузы подчеркивает левую границу путем предположительно акцентного выделения, связанного с повторением референтной группы в виде клитики в позиции, ассоциирующейся с фокусной, в начале клаузы. Таким образом, имея мы возможность услышать оригинальное исполнение текста хеттским певцом, мы, вероятно, могли бы услышать необходимое в ритмически организованном тексте выделение границ строки – акцент, маркирующий границы поэтической строки, – в начале и конце предложения.

Отсюда можно сделать вывод, что для объяснения маркированного (инвертированного) порядка слов в хеттском поэтическом тексте специально не требуется гипотеза влияния со стороны хурритского (другое дело, что отсутствие такого влияния еще потребует доказать отдельно). Мы выдвигаем гипотезу, что в «Песни об Улликумми», как и в «Песни освобождения», конструкции с выносом вправо нужны для ритмического выравнивания текста с помощью повторений, совпадающих или близких по звучанию, располагающихся в начале строки и подчеркивающих это начало. Синтаксически ритм поддерживается вынесением фокуса в начало клаузы, а также выносом NP вправо и дублирующей его клитикой в левой периферии, кореферентной NP. Таким образом, кажется, что есть все основания трактовать рассматриваемые выше парные конструкции в «Улликумми» именно как ритмическую фигуру, ответ на требование поэтической структуры, с эмфатическим выделением составляющих в начале и конце поэтической строки.

2. Повторы и параллелизмы в «Песни об Улликумми» и хеттская поэтическая традиция

В нашей выборке из «Песни об Улликумми» наблюдается блок расположенных рядом клауз (копия А, строки iv 22–31), где в конце строки повторяется одно и то же слово в конце предложения (‘камень’, то есть каменный монстр, см. пример 4).

- (4) а. [*šalliškezzi*]_{focus}=*ya=aš*^{NA4}*kunkunuzziš*⁴ (А iv 22, пример 16 в полном списке, см. Приложение)
 “И увеличивается он, диорит”

⁴ NA4 *kunkunuzziš* ‘диорит’ (вид камня); *perunaš* – ‘камень’.

- b. [*witenaz*]_{focus}=*aš*=*kan arħa uet *perunaš* (A iv 28, пример 17)
 “Из воды он выходит, камень”
- c. [*:maldaniš*]_{focus}=*aš* **mahħan karpeškettari *perunaš* (A iv 31, пример 18)
 “Как мальдани, он поднимается, камень”
- d. *ħaššanuer=an* MUNUS^M[^{ES} ...] (A iii 10, пример 4)
 “Они родили его, женщины”
- e. *ħalz[eš]šai=wa=šmaš* ^d*Kumarbiš *šiunaš addaš *šium`aš parna...*
 (A iii 43–44, пример 8)
 “Мол, вас (он) зовет, Кумарби, отец богов, в дом богов”
- f. [*ħalzeššai=wa=šmaš*]^d*Kumarbiš *šiunaš attaš...* (C iii 11, пример 12)
 “Мол, вас (он) зовет, Кумарби, отец богов”
- g. [*ħalzeššai*]=*ma=wa=šmaš kuedani memiyani* (C iii 12, пример 13)
 “Но дело (=слово), мол, по которому (он) вас зовет”
- h. *uezzi=ma=war=aš kuedani memiyani* (A iv 45–46, пример 21)
 “Приходит же, мол, он по которому делу”

Если следовать сформулированной выше гипотезе, для поддержания ритма в устном исполнении данный блок использует не только маркированный порядок слов с выносом вправо, но и использует в качестве этого выноса повтор слова со значением «камень» (что позволяет предположить и фонетически, и семантически достаточно сильный акцент на конце клаузы). Дублирование клитикой в левой периферии и выделение фокусом именной группы в начале предложения, – пример 4 показывает фокус в начальной позиции, – также ритмически подчеркивают начало клаузы в данной группе.

Глагол в таких предложениях может занимать позицию в конце клаузы, но перед выносом вправо, как в примере 4b. Ряд примеров, однако, демонстрирует линейное расположение глагола в начальной позиции в клаузе, как в 4a. Мы предполагаем, что в этих случаях глагол оказывается в фокусе и именно поэтому перемещается в фокусную позицию. Таким образом, порядок слов никаким образом не связан с позиционированием глагола – структурирование клаузы в таких примерах должно быть вызвано сугубо требованиями информационной структуры предложения (интонационного выделения); и, соответственно, может быть связано с требованиями ритмической организации стиха. Примеры 4f, 4g, 4h показывают, что порядок слов при анафорическом повторе может быть никак не связан с синтаксической структурой предложения: если в 4f вынос вправо является приложением, в 4g вынос вправо представляет собой косвенное дополнение, при явно параллельном характере ритмической организации клаузы.

Таким образом, можно предположить наличие в мифологических песнях структур, организованных следующим образом: **#фокус (энклитическое местоимение) – глагол – NP (субъект/объект/косвенный объект)#**.

Мы предполагаем, что такая организация позволяет подчеркнуть начало и конец строки, определяя акцентное выделение, и задает ритм при чтении, поддержанный анафорическими и эпифорическими (см. выше «камень» в А, строки iv 22–31) повторами.

4. Клаузы без видимого фокуса и местоименной репризы в начале строки

Из не рассмотренных выше в нашей выборке присутствуют еще четыре клаузы, в которых не наблюдается подъем глагола и которые не могут быть сведены к поэтическим созвучиям в начале или конце строки (пример 5).

(5)

a. ^d*Kumarbiš*=*wa*=*kan* [^{*k}*išhi*=*šši* *ēšzi* ^{*š}*iunaš addaš* (A ii 13, пример 1
в полном списке, см. Приложение)

“Кумарби, мол, на своем троне сидит, отец богов”

b. [*kued*]*ani*=*wa*[*r*]=*an peḥḥi aši* ^{*p}*ullan* (A iii 27–28, пример 5)

“Кому, мол, отдам его, этого сына?”

c. [*n*=*an*=*za*]^d*Irširriu*š *danzi* ^{*p}*ullan* (A iii 46, пример 9)

“И божества Ирси́рра берут его, сына”

d. *n*=*aš* ^{*T}*arḥuni* ^{*k}*attan iyanneš* [^{*š}*ius*]² (A iv 43, пример 19)

“Он к бугу грома вниз пошел, бог солнца”

В клаузе 5a наблюдается *перемещение приложения* (appositive dislocation), как это явление называет М. де Вриес [de Vries 2009]. Такое перемещенное приложение может в языках мира либо привязываться к кореферентному местоимению и тогда порождать классическое приложение, либо выноситься вправо, что мы и наблюдаем на хеттском материале и что связывает рассматриваемую клаузу с ранее рассмотренными клаузами, имеющими дублирование клиткой. Таким образом, единственное отличие клаузы 5a от клауз с местоименной репризой – вместо клитического местоимения вынос вправо связывается с полноценной именной группой (*Kumarbiš*).

Де Вриес считает, что вынос такого типа не привязывается к выделенной синтаксической позиции, а, скорее, несет интонационное выделение и семантику второстепенной информации. Такая функция полностью соответствует идее, что порядок слов здесь следует рассматривать не в терминах синтаксических позиций, а в терминах интонационного выделения границ строки справа (вынос) и слева (кореферентная NP). При этом *Kumarbiš* не находится в фокусе, что свидетельствует о необязательности фокусного выделения, если левая граница строки подчеркнута кореферентцией с выносом вправо. Предложение 5b включает местоименную репризу и тем самым соответствует описанной выше формуле с дублирующей клиткой слева, именной группой справа; клаузы 5c, 5d также имеют редупликацию, но не имеют фокуса на именной группе в начале предложения. Эти примеры

говорят нам о необязательности фокусного выделения, если левая граница строки уже подчеркнута кореференцией с выносом вправо.

5. Заключение

Подводя итоги нашего исследования составляющих, расположенных в предложении после глагола, на материале хеттской «Песни об Улликумми», следует сказать, что материал позволил легко систематизировать наблюдаемые явления. Фактически, во всех предложениях мы видим следующее:

– подъем глагола или другой важной составляющей в фокусную позицию, линейно проявляющийся как перемещение в первую позицию в клаузе; фокус, предположительно, интонационно соотносится с акцентным выделением, маркирующим начало строки;

– вынос именной группы вправо (right dislocation, или именная группа в конце клаузы), маркирующий конец строки и заставляющий думать о возможном интонационном выделении, отмеченном в типологически сходных структурах германских языков;

– дублирование именной группы клитическим местоимением (clitic doubling, местоименная реприза), прикрепляющимся к первому фонетическому слову в клаузе и маркирующим начало строки; в отдельных случаях на месте клитики может выступать полноценная именная группа.

Такой маркированный порядок слов, встречающийся в рассматриваемом тексте более чем в четыре раза чаще, чем в прозаических текстах (письмах и инструкциях), позволяет интонационно выделить начало и конец предложений, которые предположительно представляют собой поэтическую строку и были предназначены для ритмизованного исполнения вслух. Акцентное выделение линейно начальной и конечной позиций в клаузе задает определенный ритм, который должен был быть значимым для устного исполнения.

Как сказано выше, данный порядок слов (VS/VO) часто считают влиянием на хеттский со стороны хурритского синтаксиса. Однако нам кажется, что такая особенность текстов, отмеченных логограммой S₁R, специально не нуждается в объяснении через контакт. Данный порядок слов хорошо описывается как требование поэтической структуры текста – оформление строки по схеме “#фокус (клитическое местоимение) – глагол – NP (субъект/объект/косвенный объект)#”, где границы поэтических строк хорошо подчеркиваются акцентным выделением на левой периферии клаузы и выносом вправо именной группы (субъекта/ объекта/ косвенного объекта), поддержанного слева, в свою очередь, через дублирование именной группы местоимением – вакернагелевской клитикой, присоединяющейся к первому фонологическому слову (как правило, к фокусу). При этом само фокусное выделение или местоименная реприза не являются обязательными компонентами конструкции, так как есть примеры, показывающие похожую структуру без фокусного выделения при наличии кореференции линейно самого левого элемента клаузы с выносом справа или фокусное

выделение без дублирования клитикой. Мы полагаем, что комплексное оформление поэтической строки может работать при включении всех трех параметров, либо только двух или (реже) одного.

Что касается возможного хурритского влияния на данный порядок слов, следует отметить, что подобные явления – изменение порядка слов для ритмизации при предполагаемом устном исполнении, – видимо, можно наблюдать и в хеттских молитвах, не попадающих в сферу влияния хурритского синтаксиса. Как всякие молитвы, они должны иметь что-то вроде ритмической манеры чтения с эмфатическим усилением на границах строк, этим они близки поэтическому тексту; именно в молитвах мы окказионально находим похожие клаузы с инвертированным относительно глагола порядком слов, с вынесением вправо именных групп и дублированием клитиками. Тем не менее, разумеется, выводы статьи в дальнейшем должны быть верифицированы сопоставлением с хурритским текстом.

Источники

АЧНС – М. Molina (ed.), Annotated Corpus of Hittite clauses, <http://hittitecorpus.ru>. (Аннотированный корпус хеттских клауз. Молина М. (ред.))

Das Lied von Ullikummi: hethitische Version – Erste Tafel. E. Rieken et al. (ed.), hethiter.net/: СТН 345.I.1 (INTR 2009-08-31). («Песнь об Улликумми: хеттская версия» – Первая таблица. Рикен Е. и др. (ред.))

Литература

1. Мелетинский Е.М. *«Эдда» и ранние формы эпоса*. М.: Наука, 1968.
2. Молина М.А. Хеттская метрика: полвека исследований // *Критика и семиотика*, 2017, №1. С. 206–219.
3. Молина М.А. *Порядок слов в хеттском языке: корпусные методы и анализ в типологической перспективе*. Дисс. на соискание ... к.ф.н. М.: Институт языкознания РАН, 2018.
4. Сидельцев А.В. *Синтаксис простого предложения в хеттском языке*. М.: Издательство ЯСК, 2017.
5. Bachvarova M. Relations between God and Man in the Hurro-Hittite “Song of Release” // *Journal of the American Oriental Society* 125–1, 2005. P. 45–58. (Бачварова М. Отношения между богом и человеком в хурро-хеттской «Песни освобождения». // *Журнал Американского восточного общества*, 2005, №125–1. С. 45–58.)

6. Güterbock H. The Song of Ullikummi, revised text of the Hittite version of a Hurrian myth // *Journal of Cuneiform Studies* 5–4, 1951. P. 135. (Гютербок Г. «Песнь об Улликумми», редакция текста хеттской версии хурритского мифа. // Журнал клинописных исследований, 1951, №5–4. С. 135)
7. Hoffner H., Melchert H.C. *A grammar of the Hittite language*. Winona Lake, Indiana, Eisenbrauns. 2008. (Хоффнер Г., Мелчерт К. Грамматика хеттского языка. Уинона Лейк, Индиана, Эйзенбраунс, 2008.)
8. Sideltsev A.V. Inverted Word Order In Middle Hittite // V.V. Shevoroshkin, P.J. Sidwell (eds.), *Anatolian Languages. Association for the history of language studies in the science and history of language* 6, Canberra. 2002. P. 137–188. (Сидельцев А.В. Инвертированный порядок слов в среднехеттском // Шеворошкин В.В., Сидуэлл П.Дж. (ред.). Анатолийские языки. Ассоциация истории лингвистических учений в науке и истории языка 6. Канберра, 2002. С. 137–188.)
9. Sideltsev A.V. An overlooked case of inversion in Middle Hittite? // Groddek D., Zorman M. (eds.), *Tabularia Hethaeorum – Hethitologische Beiträge Silvin Košak zum 65. Geburtstag, (DBH 25)*, Wiesbaden, 2007. P. 613–629. (Сидельцев А.В. Неучтенный случай инверсии в среднехеттском? // Гроддек Д., Зорман М. *Tabularia Hethaeorum – юбилейный сборник к 65-летию Сильвина Кошака (DBH 25)*. Висбаден, 2007. С. 613–629.)
10. Sideltsev A.V. Clitic doubling: A new syntactic category in Hittite // *Altorientalische Forschungen* 38–1, 2011. P. 81–91. (Сидельцев А.В. Дублирование клитикой: новая синтаксическая категория в хеттском // Древневосточные исследования 38–1, 2011. С. 81–91.)
11. Sideltsev A.V. Hittite clause architecture // *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 109–1, 2015. P. 79. (Сидельцев А.В. Архитектура хеттской клаузы // Обзор восточной ассириологии и археологии 109–1, 2015. С. 79.)
12. de Vries M. Specifying coordination: an investigation into the syntax of dislocation, extraposition and parenthesis // Dryer C.R. (ed.), *Language and Linguistics: Emerging Trends*. New York: Nova Science Publishers, 2009. P. 37–98. (Де Вриес М. Уточняя согласование: исследование синтаксиса перемещения, экстрапозиции и парентезы // Драйер К.Р. (ред.) *Язык и лингвистика: возникающие направления*. Нью-Йорк: Нова Сайенс Паблишерс, 2009. С. 37–98.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список предложений с нарушенным порядком слов VS/VO

Список предложений с нарушенным порядком слов VS/VO

Первая табличка «Песни об Улликумми»

1. ^d*Kumarbiš=wa=kan* [^{*k}*išhi=šši ēšzi *šiu-naš addaš* (A ii 13)
Kumarbi-š=wa=kan kišh-i=šši ēš-zi šiu-naš
 Кумарби-nom.sg=quot=loc трон-loc.sg=poss быть-3sg.prs бог-gen.pl
adda-š
 отец-nom.sg
 “Кумарби, мол, отец богов, восседает на своем троне”
2. *n=aš šarā tīyat* ^d*Kumarbiš* (C ii 17)
n=a-š šarā tīya-t ^d*Kumarbi-š*
 conn=он-nom.3sg.encl вверх встать-3sg.pst Кумарби-nom.sg
 “И он встал, Кумарби”
3. *n=aš iyanniya[t]* ^d*Kumarbiš* (C ii 20)
n=a-š iya-nniya-t ^d*Kumarbi-š*
 conn=он-nom.3sg.encl идти-iter-3sg.pst Кумарби-nom.sg
 “И он продолжал идти, Кумарби”
4. *haššanuer=an* MUNUS^M[^{EŠ} ...] (A iii 10)
haššanu-er=a-n MUNUS^{MES} [...]

дать.рождение-3pl.pst=он-acc.3sg.encl	женщины.nom.pl	frgm
---------------------------------------	----------------	------

 “Родили его женщины [...]”
5. [*kued*]ani=wa[r]=an *pehhi aši *pullan* (A iii 27–28)
kie-dani=war=a-n pe-hhi aši pulla-n
 кто-dat.sg=quot=он-acc.3sg.encl дать-1sg.prs тот-acc.sg сын-acc.sg
 “Кому, мол, дам его, этого сына”
6. *lē=m[a=war=an aušzi]* ^{URU}*Tarhuntaš kumm[iyaš *ha]štiliuš *haššuš* (A iii 32)
lē=ma=war=a-n auš-zi Tarhunta-š
 neg=же=quot=он-acc.3sg.encl видеть-3sg.prs бог.грома-nom.sg
Kummiy-aš haštili-uš haššu-š
 Куммия-gen.sg храбрый-nom.sg хозяин-nom.sg
 “Не видит же, его, мол, Тархунтас, храбрый хозяин Куммии”
7. *lē=[war]=an aušzi* ^d*IŠTAR-iš* ^{URU}*niņuwaš* MUNUS.LUGAL-*aš tar-[...]-kantaš*
 MUNUS-*aš* (A iii 33-34)
lē=war=an auš-zi ^d*IŠTAR-i-š*
 neg=quot=он-acc.3sg.encl видеть-3sg.prs Иштар-nom.sg

šalli-ške-zzi=ya=a-š

^{NA4}*kunkunuzzi-š*

вырастать-iter.3sg.prs=и=он-nom.sg камень.диорит-nom.sg

“И вырастает он, диорит”

16. *witenaz=aš=kan arħa uet *perunaš* (A iv 28)

*witen-az=a-š=kan arħa ue-t *peruna-š*

вода-abl.sg=он-nom.sg=loc прочь идти-3sg.pst камень-nom.sg

“Из воды он вышел, камень”

17. *:maldaniš=aš *maħħan karpeškettari *perunaš* (A iv 31)

*maldaniš=aš *maħħan karp-eške-ttari*

мальдани-nom.sg=он-nom.sg.encl как поднимать-iter.3sg.prs

**peruna-š*

камень-nom.sg

“Подобно мальдани, он поднимается, камень”

18. *n=aš *Tarħuni *kattan iyanneš [*šiuš²]* (A iv 43)

*n=a-š *Tarħun-i *kattan iyanne-š *šiu-š*

conn=он-nom.sg бог.грома-dat.sg вниз идти-3sg.pst бог.солнца-nom.sg

“И он к богу грома идет, бог солнца”

19. *kuit=war=aš uezzi AN-aš *šiuš *udneāš *ħaššuš* (A iv 44–45)

*kuit=war=a-š ue-zzi AN-aš *šiu-š*

почему=quot=он-nom.sg приходить-3sg.prs небо-gen.pl бог-nom.sg

**udne-aš *ħaššu-š*

земля-gen.pl хозяин-nom.sg

“Почему, мол, он пришел, небесный бог, владыка земель?”

20. *uezzi=ma=war=aš kuedani memiyani* (A iv 45-46)

ue-zzi=ma=war=a-š kie-dani memiyan-i

приходить-3sg.prs=но=quot=он-nom.sg который-dat.sg дело-dat.sg

“Но по какому делу пришел он (, то дело важное)”

Албасты и Кивина в иранской мифологии, или кто вредит роженицам и новорожденным¹

В статье рассматриваются мифологические демонические персонажи *Albasti*, *Āl*, *Kivina*, прослеживаются их функции, этимология их наименований, изменение или сохранение исходной семантики.

В рамках исследования поверий (и соответствующей лексики) иранских зороастрийцев, связанных с рождением ребенка, мы обратились к демонским образам, широко известным другим ираноязычным (а также тюркским и кавказским) этносам. Ранее, вслед за акад. Б.А. Литвинским, мы рассмотрели образ *пары*, *пэри*, см. [Молчанова 2019; Молчанова, Мейтарчиян 2019].

С традициями иранской мифологии предположительно связаны также представления о демонском персонаже *Албасты*, широко распространенные в Средней и Центральной Азии, на Кавказе и в Турции. *Албасты* – уродливая женщина, оборотень; обитает около водных источников. Она особенно вредит роженицам и новорожденным. В.Н. Басилов предполагает, что образ *Албасты* сформировался в эпоху древнейших контактов этнических общностей (индоевропейской и семитской), см. [Литвинский 1990].

Ученик акад. Б.А. Литвинского этнограф Т.С. Каландаров посвятил свою диссертацию и затем монографию исследованию верований, связанных с нечистой силой, на памирском (шугнанском) материале, см. [Каландаров 2000; 2004]. Самыми популярными духами здесь являются *пары* (пери). Т.С. Каландаров анализирует и другие демонические существа, в том числе *almasti*.

Об *Āl* как наименовании класса демонов в фольклоре стран Кавказа, в Иране, Центральной Азии и в южных частях России подробно писал Г. Асатрян [Asatrian 2001]. Это злобные существа, чья главная функция – препятствовать нормальному ходу демографического роста. Сфера их демонской активности – дети. *Āl* – демоны женского рода, вопреки мнению М. Абеги-яна, что в Армении *al* (или *alk'*) обычно рассматриваются как мужские существа. Неслучайно в армянском фольклоре встречается сочетание *al crone* (по Г. Асатрян «mother *al*») аналогично перс. *mādar-e-āl*.

Армянские *al* обладают чертами, характерными для злых духов: острыми железными зубами, всклокоченными волосами, медными когтями, кабаньими клыками, обвислыми, как у старухи, грудями. У них глиняный нос и огненные глаза. Их любимое занятие – кража легких, печени и сердца

¹ Исследование поддержано грантом РФФ (РГНФ), проект № 17-04-00563а

у рожениц, молодых матерей или у беременных, уничтожение плода в утробе матери, что заканчивается выкидышем. Через сорок дней после рождения ребенка *al* может утащить его, заменив чертенком. Согласно армянскому фольклору, этих злых духов можно поймать, уколов иголкой; принести домой и заставить работать.

В армянском, персидском, курдском имеются грубые ругательства: «Чтобы тебя унесла/съела твои внутренности *al!*!» Иранских женщин, у которых имеются проблемы с деторождением, называют *āl-zade* «ударенные *al*».

Средствами для защиты против демонов, по ближневосточным повериям, служат амулеты, заклинания, молитвы, курение ладаном, железные изделия: мечи, ножницы, а также чеснок и лук. Важно еще не дать *al* возможности вымыть (а затем съесть) свою добычу в водном источнике, ручье, речке. Для этого надо кричать, шуметь, стрелять из оружия и баламутить воду палками, мечами.

В Иране *āl* – это костлявая тощая старуха с глиняным носом, красным лицом и соломенной или тростниковой корзиной через плечо, где находятся печень или легкое молодой матери или новорожденного. Г. Асатрян приводит варианты наименования *al* в разных регионах ираноязычного мира и возможные их этимологии, а также способы борьбы с *al*. Так, в Хорасане лицо новорожденному мажут золой и дом наполняют пороховым дымом. Помимо железных предметов, которые кладут в головы постели или под подушку роженице, к руке новорожденного привязывают иголку с трехцветной ниткой. Чтобы отвлечь *al* от матери и ребенка и не дать ей пролезть в дом через чердачное окно, на крышу дома ставили для нее еду: хлеб, мед, масло и кувшин воды.

В Центральной Азии *āl* (*almasti*, *albasti*) представляется в виде жирной, безобразной и волосатой старухи с обвислыми грудями, одна из которых висит через плечо, а через другое плечо висит волосяная сумка (*xurjīn*), в которой она держит части тела своих жертв.

Г. Асатрян отмечает, что в различных частях Ирана верят в *čāl* – мужской вариант *āl* с аналогичными функциями. Иногда они появляются вместе: *āl-o-čāl*. Г. Асатрян рассматривает это сложение как эхо-параллель. В заключительной части статьи Г. Асатрян рассматривает возможность/невозможность возведения *āl* (*almasti*, *albasti*) к имени древнеиранского высшего божества Ahura Mazda (Ohrmazd), предложенную в 1904 г. Олуфсеном.

Ранее этимологией Albasty/Almasty занимались также Г.А. Климов и Д.И. Эдельман [Климов-Эдельман 1979], см. также [ЭСИЯ 1, с. 309].

Упомянем, что у **иранских зороастрийцев** имеется поверие, также связанное со злой силой в женском обличье, очень опасной для рожениц. Ее имя *Кивина*. Оно засвидетельствовано в паре с именем (*v*)*ōl*. Этот феномен не исследован. Иранские ученые зороастрийцы мало о нем осведомлены. Образец, приведенный в словаре проф. К. Маздапур [Mazdāpūr 1995, с. 183]: *vōdem-i tar-za še tehni navō haste ge ya-vaxti vōl oš nakuda* 'Нельзя оставлять в

одиночестве только что родившую (женщину), чтобы ее не убила Völ'; *hemiša xōbder-e Katun yōmišta qesse-y Ōl o Kivina še bōr e tōrt-im* 'В прежние времена тетя Кетаюн рассказывала нам множество сказок об Аль и Кивина'.

Автор настоящей статьи склоняется к тому, чтобы установить связь между ведьмой *Кивина* и древнеиранским демонским образом Акваном.

Вот как описывают древнего демона [Брагинский 1990, с.31]: «**Акв́ан** – один из дэвов в иранских преданиях. Согласно «Барзу-наме», у него голова, как у слона, длинные волосы, пасть полна зубов, как у дикого кабана, глаза белые, а губы черные. На его тело невозможно смотреть. Убийство Акван-дэва – один из подвигов эпического героя Рустама».

К этому описанию можно добавить еще **среднеперсидские** лексемы, восходящие к гнезду производных от корня ир. *¹*aka-* «злой, плохой» из индоевропейского **ak^w*- «причинять страдания, вред, ущерб; вредить», см. [ЭСИЯ, с. 150]: ср.-перс. *akōman* «злая мысль; an arch-demon» [CPD, с.7. arch «хитрый, лукавый»]; *akōmand* «злой, злонамеренный, пагубный, опасный» [там же].

См. также [Чунакова 2004, с. 21, 60]: Акоман – один из верховных дэвов, противостоящий Вахману. Злой дух сначала создал Ложь, а затем Акомана. В конечном итоге, при воскрешении, победу над Акоманом одержит Вахман (божество, входящее в состав амахраспандов, персонификация «благой мысли» в зороастрийской этической триаде).

На тему взаимосвязи образов (а возможно и лексем) Кивина – Акван автор статьи предварительно консультировалась с известным иранским этимологом доктором М. Хасандустом, автором пятитомного этимологического словаря *персидского* языка. Он отнесся к этой идее с вежливым скептицизмом. Мы надеемся, однако, что дополнительный сбор фонетического и мифологического материала поможет прояснить этот вопрос.

Источники

- CPD – A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971.
ПРС – Персидско-русский словарь. Под ред. Ю.А. Рубинчика. Т. I–II. М., 1983.
ЭСИЯ – Этимологический словарь иранских языков, т. I. М., 2000.

Литература

1. Брагинский И.С. Акв́ан-дэв // *Мифологический словарь* М., 1990. С. 31.
2. Каландаров Т. С. *Исторические судьбы шугнанцев и их верований*. Диссертация на соискание ... к.ф.н. М.: ИВ РАН, 2000.
3. Каландаров Т. С. *Шугнанцы (историко-этнографическое исследование)*. М., 2004.

4. Климов Г.А., Эдельман Д.И. К этимологии Albasty/Almasty // *Советская тюркология*. Баку, 1979, № 3.
5. Литвинский Б.А. Пари // *Мифологический словарь* М., 1990. с. 421. Статья «Пари» Б.А. Литвинского в «Мифологическом словаре» 1990 г. продолжена информацией об этом и других демонских феноменах у тюркоязычных народов Малой и Средней Азии, Казахстана, Северного Кавказа и Поволжья, написанной В.Н. Басиловым и Х. Халиловым [Там же, с. 421–422].
6. Молчанова Е.К., Мейтарчиан М.Б. К этимологии названий нечистой силы в иранской мифологии. // *Актуальные проблемы иранской филологии. К 90-летию доктора филологических наук, профессора Рахима Халиловича Додыхудоева. Труды международной научной конференции. Институт гуманитарных наук им. академика Б. Искандарова Памирского филиала АН РТ, Центр письменного наследия АН РТ, Таджикский государственный институт языков имени С. Улугзода 20-22 августа, 26 сентября, 4 октября 2018 г.* Душанбе, 2019. С. 194-202.
7. *Персидско-русский словарь*. Под ред. Ю.А. Рубинчика. Т. I–II. М., 1983. (ПРС)
8. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. *Этимологический словарь иранских языков (ЭСИЯ)*, т. 1. М., 2000.
9. Чунакова О.М. *Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов*. М., 2004.
10. Asatrian Garnik. Āl reconsidered (Пересматривая Āl) // *Iran & Caucasus*, vol. 5, 2001, p. 149-156.
11. Hassandoust M. *Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi*. Vol. 1. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi (Хасандуст, Мохаммад 1393/2014. Этимологический словарь персидского языка, т. 1–5. Тегеран: Академия персидского языка и литературы).
12. MacKenzie D.N. *A Concise Pahlavi Dictionary* (Краткий словарь среднеперсидского/пехлеви языка). L., 1971. (CPD)
13. Mazdārpūr K. *Wāže-nāme-ye guyeš-e behdinān-e šahr-e Yazd* (Словарь языка зороастрийцев города Йезд). Vol. I, Tehrān, 1995.

Системы терминов родства центрально-дравидийских языков в их семантическом развитии¹

1. Введение

Центрально-дравидийские языки – немногочисленная подгруппа дравидийских языков, на которых говорят в центральных районах Индии, в общинах, проживающих на территории штатов Махараштра, Андхра-Прадеш, Чхаттисгарх и Орисса. Согласно современным представлениям, принятым в сравнительно-историческом языкознании, эта группа языков относительно рано выделилась из прадравидийской общности. Г. С. Старостин в своей диссертации относит распад общедравидийского языка на южно- и центрально-дравидийскую подгруппу приблизительно к 1500 в. до н.э. [Старостин 2000]. Именно в это время в процессе языкового развития, совпадавшего с постепенным предполагаемым продвижением дравидов в направлении с северо-запада на юг [Дубянский, Гуров и др. 2013], от главного дравидийского «дерева» отделилась центрально-дравидийская подгруппа. За прошедшие с того времени столетия многое изменилось, значительные изменения произошли в структуре и в лексическом составе языков. Именно эти изменения, то, как они проявляются в системе терминов родства, и являются предметом рассмотрения в данной статье.

К группе центрально-дравидийских языков принято относить языки парджи, гадаба, колами, найкри и найки. Все эти языки бесписьменные. В данной работе нас будут интересовать изменения в системе родства, проявляющиеся в родственной терминологии в языках парджи, гадаба и колами.

В анализе данных мы придерживаемся методологии теории семантических переходов. Теория семантических переходов – одно из современных направлений семантической типологии, ср. [Juvonen, Kortjevskaja-Tamm 2016]. В отличие от традиционной семантики, семантическая типология, которая активно развивается в последние десятилетия, предполагает не только изучение толкования слова и его лексической сочетаемости, но и изучение типологии динамических взаимоотношений между значениями в разных языках. Исследования такого рода стали неотъемлемой частью изучения трансформирующихся и «перетекающих» одно в другое значений, участвующих как в исторических, так и в синхронных процессах. Впервые понятие «семантический переход» подробно рассматривалось Анной А. Зализняк в работе 2001 года [Зализняк 2001]. Вслед за Анной А. Зализняк мы понимаем под «семантическим переходом» наличие «концептуальной смежности между двумя языковыми значениями, проявляющейся в совмещении этих значе-

¹ Автор выражает глубокую благодарность за содействие при подготовке данной работы С.А. Бурлак, А.А. Зализняк, Н.А. Кецарису, Т.А. Майсаку и О.В. Шейнкману.

ний в пределах одного "слова в широком смысле"» [Зализняк 2013, с. 37]. Такое «слово в широком смысле» определяется при этом в двух временных планах: как синхронное единство слова с его полисемией и как единство слова, взятого в историческом развитии. Семантический переход обнаруживает себя в форме «реализаций, различаемых в зависимости от того, какие языковые единицы являются носителями сопоставляемых значений: синхронная полисемия, диахроническая семантическая эволюция, морфологическая деривация, когнаты и заимствование» [ibid]. Семантические переходы, регулярно воспроизводимые в разных языках в разные исторические эпохи, как пишет Анна А. Зализняк, «отражают некие базовые константы, на которых основана концептуализация мира, производимая человеком при помощи языка» [Зализняк 2006, с.586].

Данные, полученные в рамках методологии семантических переходов, собираются в электронном Каталоге семантических переходов в языках мира DatSemShift 2.0. Разработкой Каталога в его настоящей версии занимается группа исследователей в Институте языкознания РАН (Москва) под руководством Анны А. Зализняк [DatSemShift 2019]. Семантические переходы в Каталоге указываются как пары: *значение A + значение B²*; для каждой пары указывается направление перехода, если его можно установить; указываются реализации в разных языках и примеры на них. В базе данных реализованы возможности поиска по значению, по языку, по лексеме и другие. В числе прочих, например, в базе описаны такие семантические переходы:

Beautiful → **red** ('прекрасный' → 'красный'), реализованный семантической эволюцией. Значение русского слова *красный*, несмотря на очевидную морфологическую первичность по отношению к 'прекрасный, красивый', развивалось именно в направлении от 'красивый' к 'красный'. Это подтверждают данные других славянских языков, сохранивших первоначальное значение: болг. *красен* 'красивый', серб. *красан* 'красивый, великолепный', словен. *krásen*, чеш. *krásný* 'прекрасный', словц. *krasny*, польск. *krasny* 'прекрасный, пригожий', в.-луж. *krasny* 'красивый', н.-луж. *kšasny*.

To reach → **to be enough** ('достичь контакта' → 'быть достаточным'), как в рус. *Мне не хватает денег*, нем. *Das Geld reicht nicht, Er reicht mit dem Kopf fast bis zur Decke*, букв. 'Он головой почти достигает потолка' и наоборот, первичному нем. *Er reicht die Hand Zur Versöhnung* 'Он протягивает руку для примирения'.

Family → **bamboo** ('семья' → 'бамбук'), реализованный полисемией в ряде дравидийских языков (малаялам *vamšam* 'бамбук; семья'; тамильский *kulam* 'семья; наследование; бамбук' и др.) и историческим развитием в языке хинди *bās* 'бамбук' от санскритского *vanša* 'семья'. Схожая антропоморфная метафора, уподобление растений людям с их семьями и социальным устройством, наблюдается и в других языках, например, в мальгашском языке *zafim-bary* – 'побег риса' (буквально 'рисовый внук').

² Значения в Каталоге семантических переходов определяются при помощи английских ярлыков.

2. Центрально-дравидийские языки

Из трех рассматриваемых в настоящей работе языков наиболее распространенным и одновременно наиболее изученным с точки зрения лексического состава является язык колами. На **языке колами** (самоназвание *kōlav rāna, kolava goṭṭi*) говорят на территории штата Махараштра (округа Яватмал, Вардха) и штата Андхра-Прадеш (округ Адилабад). Число носителей, по разным данным, от 60 до 140 тысяч человек (данные приводятся по [Мельникова 2013]). Большинство из них билингвы и владеют также основным языком штата: языком маратхи в штате Махараштра и языком телугу в штате Андхра-Прадеш и южной части округа Яватмал штата Махараштра. Многие носители также говорят на одном из диалектов языка гонди – дравидийского языка гондванской группы.

Носители другого центрально-дравидийского языка, **парджи**, проживают на территории штата Чхаттисгарх и в некоторых общинах округа Корупут, штат Орисса. Сами носители называют свой язык *дурва, Dhurva*, а принятое в дравидологии название *парджи* происходит от санскр. *prajā* ‘подданный’. Число говорящих на парджи около 60 тыс. человек, большинство из них владеют индоарийскими языками *халби* или *бхатри* как вторым.

Язык гадаба распространен в округе Визинангарам, штат Андхра-Прадеш, и в юго-восточной части округа Корупут в штате Орисса. Самоназвание языка неизвестно, название *гадаба* совпадает с названием другого племени (самоназвание *губоб*), проживающего в том же регионе и говорящего на языке *губоб (бодо-гадаба)* из семьи мунда. Число говорящих около 20 тыс. человек; многие из них также владеют языком телугу (в штате Андхра-Прадеш) и диалектом десия языка ория (в штате Орисса). Данные по языку гадаба немногочисленны, имеющиеся словари дают только краткую информацию о лексическом значении, что не позволяет полноценно использовать данные гадаба для изучения семантических переходов, однако мы включаем их в сопоставительное рассмотрение.

Длительное проживание в ситуации тесного языкового контакта с другими дравидийскими языками и языками индоевропейской языковой семьи оставило свои следы в лексиконе центрально-дравидийских языков. По подсчетам выдающегося исследователя-дравидолога М. Эмено (относящимся, правда, к середине прошлого века), например, диалект вардха языка колами состоит на 35% из лексики, заимствованной из соседних индоарийских языков. Однако этот процент различается: в другом диалекте, найкри, по подсчетам того же Эмено, таких заимствований всего 11 %.

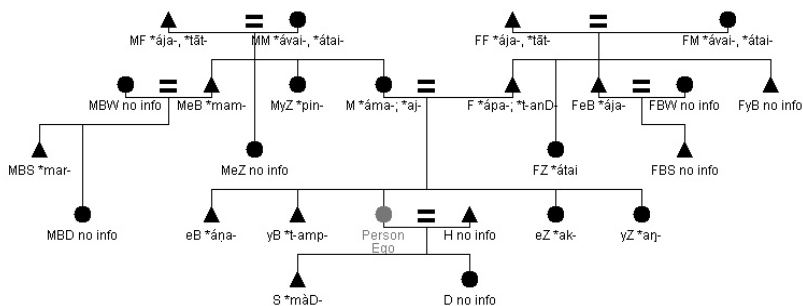
3. Терминология родства в исторической перспективе

Рассмотрим системы родства, зафиксированные в данных языках. Лексика, обозначающая родственные взаимоотношения, относится к наиболее описанной части словаря любого языка, даже редкого и бесписьменного. В самом слабо изученном языке, таком, как один из интересующих нас идиомов – гадаба, так же как и в наиболее изученных языках, есть данные по системе родства.

Терминологию родства в целом нельзя отнести к самому динамичному, неустойчивому пласту лексической системы. Терминов родства нет в стословном списке Сводеша, в расширенном 200-словном есть только понятие ‘отец’ [Бурлак, Старостин 2005], и в целом терминология родства относительно слабо подвержена изменениям, если сопоставить ее, например, с названиями частей тела или глаголами физических действий, таких как ‘рубить’ (ср., например, описание семантических изменений глагола *slå* ‘бить, ударять’ в шведском языке в статье Åke Viberg, [Juvonen, Koptjevskaja-Tamm 2016]). В то же время термины родства неслучайно не входят в 100-словный список Сводеша. Рассмотрим, какие подсистемы родства и какие термины в изучаемых языках сохраняют свое происхождение от прадравидийской терминологии и какие значения, наоборот, легко приобретают новый внешний вид и реализацию лексикой, заимствуемой из других языков в условиях языкового контакта.

Воспользовавшись результатами работы замечательных лингвистов С.А. и Г.С. Старостин, попытаемся составить схему прадравидийской системы родства [Старостин 2000, Starling 2019]. Не все значения здесь окажутся реконструированы, и этот факт затрудняет отнесение дравидийской системы к тому или иному антропологическому типу (бифуркативно-коллатеральной или бифуркативно-сливающей, ср. [Trautmann 1995]). Однако значительная часть терминологической системы восстановлена достаточно определенно. Для визуального представления систем родства мы используем инструментарий программы [SILKIN 2019], разрабатываемой международным научным центром SIL (Summer Institute of Linguistics) и доступной по адресу: <https://software.sil.org/silkin/>.

Схема 1. Реконструкция прадравидийской системы родства^{3,4}

³ Принятые обозначения в схемах: M – mother, F – father, B – brother, Z – sister, D – daughter, S – son, MB – mother’s brother, FB – father’s brother, FyB – father’s younger brother, MyZ – mother’s younger sister, FF – father’s father, MF – mother’s father, FM – father’s mother, MM – mother’s mother, MBW – mother’s brother’s wife, MBS – mother’s brother’s son.

⁴ Реконструкция прадравидийской системы показана в том состоянии, в котором находится ее изучение на данный момент.

Согласно имеющимся сведениям, можно предположить, что для прадравидийской терминологии родства были характерны следующие черты (система рассматривается для Эго-женщины, на настоящий момент не обнаружено сведений о возможных различиях терминологии для Эго-женщины и Эго-мужчины в дравидийских языках):

- Было важным старшинство сиблингов: есть отдельный термин для ‘старшего брата’ и ‘младшего брата’ (а также старшей и младшей сестры);
- Выделялся дядя по матери **mat*-. Его социальная и ритуальная роль и сейчас в большинстве языков-потомков важна;
- В поколении дедов не различались материнская и отцовская ветви;
- Был принят кросс-кузенный брак, одно из подтверждений – отдельная лексическая единица для описания отношений с группой родственников по линии ‘брата матери’ или ‘сестры отца’, рефлекссы которой в языках означают ‘зять’, ‘брат мужа’, ‘кросс-кузен’ и др. (в телугу вся группа имеет общее название *mēna*);
- Старшие взрослые объединялись в кластер (возможное объяснение, но не единственное): *отец + его братья + дед*;
- У младших сиблингов не был важен пол.

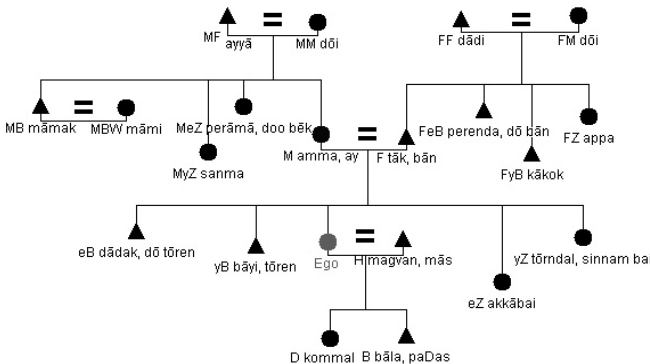
Тем не менее подробное восстановление полной картины системы прадравидийского родства остается задачей будущих исследований.

4. Сохранность древней системы родства у центрально-дравидийских народов

Многое ли от прадравидийской системы сохранилось в центрально-дравидийских языках после прошедших столетий? Для ответа на этот вопрос рассмотрим системы родства изучаемых языков подробнее.

Терминология **колами** наиболее изучена по сравнению с парджи и гадаба. В родственной терминологии сохранились некоторые прадравидийские корни:

Схема 2. Терминология родства колами

Так, значения *mother*, *father*, *elder sister*, *younger sister*, *younger brother* (но не *elder brother*), *mother's elder sister*, *mother's brother*, *mother's brother's wife*, *mother's father*, *father's elder brother*, *father's sister* – имеют в основе своего выражения корни лексем, которые реконструируются еще на прадравидийском уровне.

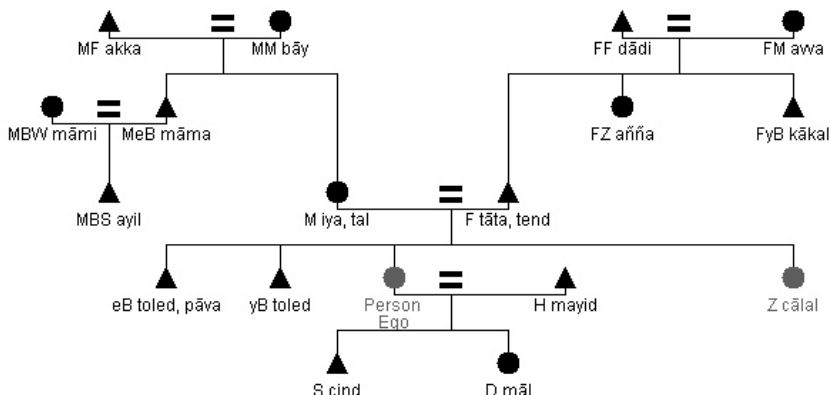
Значения *husband*, *son*, *daughter*, *brother* (один из вариантов выражения значения), *sister* (та же ситуация), *mother's elder sister*, *father's father*, *father's mother*, *mother's mother* – выражаются лексемами, корни которых заимствованы из других языков. Для колами это, прежде всего, индо-арийский язык маратхи, а также дравидийский язык телугу в общинах штата Андхра-Прадеш.

Ситуация постоянного языкового контакта при взаимодействии этносов нашла свое отражение в лексике родства. На данном этапе исследования мы не можем утверждать, почему были заимствованы именно эти термины родства, а не какие-либо другие, эти вопросы заслуживают отдельного исследования. Однако разделить заимствованную и «праязыковую» часть системы мы можем. Такой источник данных о семантических переходах, как полисемия, в данном случае приходится оставить за скобками, поскольку сведений о полисемии в существующих словарях чрезвычайно мало (ср. [Enepeau 1955]). Перечислим те семантические переходы, о которых мы можем говорить в колами по имеющимся данным:

- **mother's brother** – **father-in-law** (единственный переход, реализованный полисемией, *māmak*),
- **father** – **father's sister** (реализация – семантическое развитие в лексеме *appa* ‘father's sister’ из прадравидийского **āpa-* ‘father’),
- **mother** – **mother's sister** (семантическое развитие колами *perāmā* ‘mother's elder sister’ < *amma* ‘mother’),
- **father** – **mother's father** (историческое развитие лексемы колами *ayūā*),
- **help** – **brother** и **friend** – **brother**, реализованный семантической эволюцией *tōren* ‘брат’ из ПДР **tōz-* ‘друг; младший брат; помощь’.

В другом исследуемом языке, **парджи**, картина схожая. К прадравидийской лексике можно возвести значения *mother*, *father*, *mother's brother*, *mother's brother's wife*, *father's sister*, *brother* (один из вариантов), *mother's father*. Среди тех значений, которые оказались неустойчивыми к заимствованию и приобрели иноязычное выражение, оказались: *husband*, *son*, *elder sister* (один из вариантов выражения значений), *father's younger brother*, *father's father*, *father's mother*.

Схема 3. Терминология родства парджи

Сведений о семантических переходах в языке парджи меньше [Burgow, Bhattacharya 1953], но можно выдвинуть предположение по крайней мере о таких переходах:

Mother's brother – father-in-law (полисемия лексемы *māmā*);

elder sister – mother's father (реализовано в семантическом развитии прадравидийского корня *ак- 'elder relative', в южно-дравидийских языках перешедшего, в основном, в значения 'старшая сестра; жена старшего брата' и т.д.; но при этом в центрально-дравидийских языках дающего значение 'дед, отец матери' в парджи, что сходно со значениями в языках группы гонди-куи, где он также означает 'дед по матери');

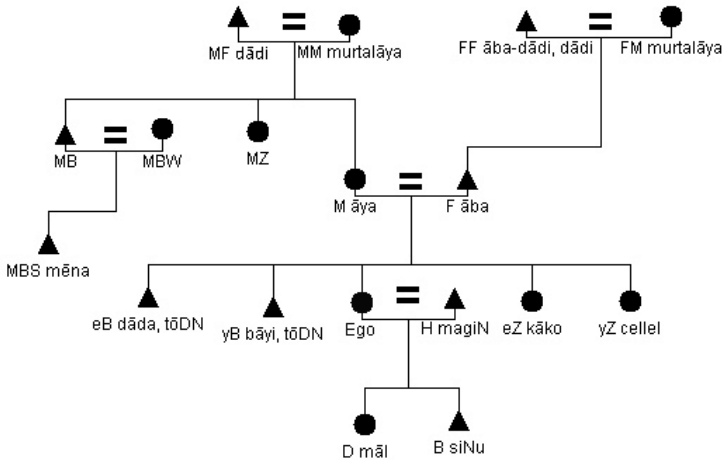
sister – companion (семантическое развитие *cālal* 'сестра' от ПДР *sel- 'компаньон; сестра');

elder brother – father's sister (есть гипотеза о семантическом развитии *aṇṇa* -> *aīña*, но реконструкция еще не проверена);

help – brother and friend – brother, реализованные семантической эволюцией *toled* 'брат' из ПДР *tōz- 'друг; младший брат; помощь' (ср. колами *tōren* с тем же значением).

Обратимся к последнему интересующему нас языку, гадаба. Из этих трех систем родства система **гадаба** является самой малоизученной (ср. [Bhaskararao 1980]), хотя в последние годы племени адиваси привлекают к себе больше внимания и появляются работы, посвященные их культурному наследию и тому, что мы постепенно его теряем, ср. [Ranjan Padhi 2011]. Несмотря на то, что данных мало, мы можем наблюдать сохранность элементов прадравидийской системы в выражении значений: mother, daughter, elder sister, younger sister, brother (один из вариантов), mother's brother's son. Значения, выражения которых были взяты из других окружающих языков: husband, father, grandfather (from both sides), grandmother и др. Возможно, существуют и другие способы выражения интересующих нас значений, однако они нам не известны.

Схема 4. Терминология родства гадаба

Можно выдвинуть предположение, по крайней мере, о следующих семантических переходах в языке гадаба:

sister – companion (семантическое развитие *cellel* ‘сестра’ от ПДР **cel-* ‘компаньон; сестра’);

help – brother и **friend – brother**, реализованные семантической эволюцией *tōdn* ‘брат’ (одно из выражений) из ПДР **tōz-* ‘друг; младший брат; помощь’.

Mother’s brother – mother’s brother’s son, реализованную в когнатах гадаба MBS *mēna* и телугу (а также в других дравидийских языках) MB.

О полисемии выражения значения *mother’s brother* данных нет.

5. Выводы

Таким образом, мы рассмотрели системы родства, выраженные в центрально-дравидийских языках (парджи, колами и гадаба) в сопоставлении с реконструкцией прадравидийской системы, насколько это возможно при данном состоянии изученности вопроса. Мы рассмотрели схемы систем родства, выполненные с помощью программного аппарата SILKIN. Выяснилось, что, при всем разнообразии ситуаций, в рассмотренных языках чаще подвергаются замене на заимствованное выражение следующие значения из семантической области родства: husband (заменяется чаще всего), son, grandfather и grandmother. Были рассмотрены возможные пути развития терминов родства, выдвинуты предположения о семантических переходах, в которых участвуют эти значения.

Подробное изучение этих путей развития, а также причин большей заменяемости лексики из одной подсистемы родства по сравнению с лексикой из других подсистем родства – остается делом следующих исследований.

Условные обозначения в схемах

B – brother	MB – mother's brother
D – daughter	MBS – mother's brother's son.
F – father	MBW – mother's brother's wife
FB – father's brother	MF – mother's father
FF – father's father	MM – mother's mother
FM – father's mother	MyZ – mother's younger sister
FyB – father's younger brother	S – son
M – mother	Z – sister

Литература

1. DatSemShift 2.0 – Анна А. Зализняк, М. Бобрик-Фремке, М. Бибаева, М. Воронов, И. Грунтов, О. Дереза, Т. Михайлова, М. Орлова, М. Руссо, А. Смирнитская. *Каталог семантических переходов в языках мира, DatSemshifts 2.0: datsemshift.ru*
2. Бурлак С.А., Старостин С.А. *Сравнительно-историческое языкознание*. М.: Академия, 2005. 432 с.
3. Дубянский А.М., Гуров Н.В., Кибрик А.А., Маркус Е.Б. ред. *Языки мира: Дравидийские языки*. М.: Academia, 2013.
4. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект "Каталога семантических переходов". // *Вопросы языкознания*. №2, 2001. С.13-25.
5. Зализняк, Анна А. *Многозначность в языке и способы ее представления*. М: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
6. Зализняк, Анна А. Семантический переход как объект типологии. // *Вопросы языкознания*, № 2, 2013. С. 32-51
7. Мельникова К. А. Колами язык. // Дубянский А.М., Гуров Н.В. и др. *Языки мира: Дравидийские языки*. М.: Academia, 2013.
8. Старостин Г.С. *Реконструкция фонологической системы прадравидийского языка*. Автореферат диссертации на соискание ... к.ф.н. М.: ИСАА МГУ, 2000.
9. Bhaskararao P. Konekor *Gadaba. A Dravidian language*. Pune, 1980.
10. Burrow T., Bhattacharya S. *The Parji language: A Dravidian language of Bastar*. 1953
11. Emeneau M.V. *Kolami. A Dravidian language*. University of California press. 1955

12. Juvonen P., Koptjevskaja-Tamm M., eds. *The Lexical Typology of Semantic Shifts*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2016. (Ювонен П., Копчевская-Тамм М., ред. Лексическая типология семантических переходов. Берлин; Бостон: Mouton de Gruyter).
13. Ranjan Padhi S. The incredible cultural heritage of Gadaba tribe in Koraput district. // *Orissa review*, Cuttack, 2011
14. SILKIN, Kinship system drawing software. // *Language Technology at SIL – Summer Institute of Linguistics*: <https://software.sil.org/silkin/>. (SILKIN, программное обеспечение для составления диаграмм родства. // Лингвистические технологии в SIL) – Summer Institute of Linguistics. Электронный ресурс: <https://software.sil.org/silkin/>. Дата доступа 11.05.2019.
15. Starling 2019 – Sergei Starostin, George Starosin et al. *Tower of Babel: An Etymological database project*. (Старлинг 2019 – Сергей Старостин, Георгий Старостин и др. Вавилонская башня: Проект этимологической базы данных). Электронный ресурс: <http://starling.rinet.ru>. Дата доступа 11.05.2019.
16. Trautmann T.R. *Dravidian Kinship*. New Delhi: Vistaar Publ., 1995.

Л. А. Чупрыгина
И. С. Бутурлин
И. В. Рабинович
А. А. Хасан
Х. Кассем
А. А. Манцерев
А. В. Саенко

©

DOI: 10.31696/2587-9502-2020-27-256-264

НИУ ВШЭ (Москва)

**Сравнительный анализ изданий
«Аль-Китаб» (الكتاب), «Книга») Сибавейхи
(по материалам Предисловия к каирскому изданию 1988 года)**

1. Введение

Трактат Сибавейхи «Аль-Китаб» («Книга»), написанный в VIII в., по праву считается краеугольным камнем, на котором сформировалась арабская грамматическая традиция – одна из мировых автохтонных лингвистических традиций, период расцвета которой охватывает VIII – XV вв. и в рамках которой, по некоторым оценкам, было создано более 1500 трактатов, посвященных различным аспектам арабского языка. Большинство этих текстов в той или иной степени являются комментариями теоретических положений арабской грамматики, впервые сформулированных в «Книге» Сибавейхи (далее – «Книга»).

Появлялись более удобные, чем в «Книге», классификации, описание отдельных аспектов грамматики упрощалось для того, чтобы стать понятнее более широкому кругу читателей. Однако именно «Книга» Сибавейхи считается настоящей энциклопедией арабского языка.

Языковой материал, проанализированный автором «Книги», – язык Корана, современных автору поэтических произведений и речи бедуинских племен, язык которых считался «самым чистым».

На протяжении развития арабской грамматической традиции и особенно в период ее расцвета арабские грамматисты награждали «Книгу» самыми высокими эпитетами, подчеркивая основополагающее значение трактата для арабского языкознания. Одним из самых известных является высказывание автора труда «Маратиб ан-Нахвийийн» («Разряды грамматистов»), Абу ат-Таййиба Абд аль-Вахида б. Али аль-Халаяби (ум. 305 г. х.): «Он (Сибавейхи) – самый знающий из людей в грамматике после Халиля. Он написал книгу, которую люди называют “Кораном грамматики”» (KS 1988, с. 22¹).

¹ التقديم. Предисловие составителя (здесь и далее – пер. с ар. авторов).

Другой известный грамматист, ас-Сирафи (Абу Саид аль-Хасан б. Абдалла ас-Сирафи, ум. 368 г. х.) в своем труде «Ахбар ан-Нахвиййин аль-Басриййин» («Новости басрийских грамматистов») писал о «Книге» так: «Он (Сибавейхи) написал такую книгу, которой никто не писал до него и к которой никто ничего не добавил после него» [там же].

Наиболее ярко значение труда Сибавейхи характеризует высказывание аль-Мубаррада, известного интерпретатора «Книги», автора трактата «Аль-Муктадаб» (упрощенной версии «Книги»): «Ещё не была создана ни в одной из наук книга, подобная «Книге» Сибавейхи, и это потому, что все эти книги, когда-либо составленные в рамках одной из наук, нуждаются друг в друге (для объяснения их сути), в то время как «Книга» Сибавейхи полностью исчерпывает свой предмет» (KS 1988, т. 1, с. 5).

А еще через 200 лет уже Саид ибн Ахмад аль-Андалуси, известный андалусский математик и астроном (ум. 417 г. х.), развил мысль аль-Мубаррада: «Я не знаю других книг, посвященных какой-либо науке, древней или современной, которые полностью охватывали бы проблематику этой науки и всех ее разделов, за исключением трех книг. Одна из них – «Альмагест»² Птолемея в области астрономии, вторая – трактат Аристотеля по логике, третья – «Книга» басрийского грамматиста Сибавейхи» (KS 1988, с. 22).

Но и сегодня значение трактата Сибавейхи трудно переоценить, о чем свидетельствуют высказывания современных лингвистов: востоковед Картер на конференции «سيبويه إمام العربية» (Сибавейхи – имам арабского языка), состоявшейся в 2010 г. в Каирском университете, поставил Сибавейхи в один ряд с Ф. де Соссюром и Н. Хомским: «إنه يتسم بمنزلة عالية جداً بين سوسير ووتشومسكي» (Сибавейхи должен занимать весьма почетное место – между де Соссюром и Хомским)» (Al-Nayat 2010).

Несмотря на то, что основополагающий для теории арабского языка труд Сибавейхи на протяжении нескольких веков являлся основным объектом комментирования для арабских грамматистов, внимание представителей западной науки трактат привлек к себе достаточно поздно. До настоящего времени существует всего несколько переводов «Книги» на европейские языки: первое полное печатное издание «Книги» вышло в 1881 – 1889 гг. в Париже под редакцией Хартвига Деренбурга. Базовой рукописью этого издания стал хранящийся в Париже манускрипт XVIII в., представляющий основной извод «Книги» – извод Замахшари. В 1898–1900 гг. Булакская типография в Каире выпустила одно из самых популярных на Арабском Востоке изданий трактата, снабженное выдержками из комментариев ас-Сирафи и Шантамари. Основой этого издания стала та же парижская рукопись XVIII в. В число наиболее авторитетных печатных изданий трактата входит издание под редакцией Мухаммада Харуна, вышедшее в Каире в 1967–1968 гг. (последнее, 3-е переиздание – в 1988 г.). На достоинствах именно этого из-

² «Аль-китаб аль-маджисти» (араб. المجسطي).

дания, в основу которого был положен т. н. «западный извод» в изложении ар-Рабахи, мы далее остановимся подробнее.

До появления полных изданий были опубликованы фрагменты вводного раздела «Книги» (главы 1-7): отдельные главы были включены в «Антологию арабской грамматики» Сильвестра де Саси (1829 г.), небольшой фрагмент «Книги» опубликовали В.Ф. Гиргас и В.Р. Розен в своей «Арабской хрестоматии» (Санкт-Петербург, 1875–1876 гг.). В начале XIX в. появляются и первые переводы фрагментов вводных глав «Книги» на европейские языки: перевод на французский первой, третьей, четвертой и пятой глав, выполненный Сильвестром де Саси, который он включил в «Антологию арабской грамматики» (Париж, 1829 г.), и полный перевод «Книги» на немецкий язык, выполненный Густавом Яном (1895–1900 гг.). В 1973–1974 гг. Ж. Трупо переводит полностью первые семь глав трактата на французский язык³.

Завершая краткий обзор публикаций трактата и его переводов, нельзя не упомянуть проект (в формате онлайн) «The Sibawayhi Project», инициированный в Университете Осло в 1999–2000 гг. уже упомянутым исследователем М. Картером. В рамках проекта были опубликованы все имевшиеся переводы семи вводных глав и фонетического раздела «Книги» и тексты трех основных вышеперечисленных полных печатных изданий (издания Х. Деренбурга, М. Харуна и булакское) и двух изданий фрагментов трактата (С. де Саси и В. Гиргаса и В. Розена). Целью проекта было заявлено онлайн-издание т.н. гипертекста «Манифеста Сибавейхи» – публикация всех существующих версий вводного раздела «Книги» (включая, наряду с печатными изданиями, существующие рукописи и переводы с арабского). Предполагалось также разместить основные источники, представляющие сложившуюся вокруг «Книги» комментаторскую традицию. В 2015 г. работа над проектом была приостановлена [Фролов 2018, с. 21].

На русский язык «Книга» не переводилась, однако мы упомянем известную работу В. Гиргаса, включившего в свой «Очерк грамматической системы арабов» (1873) изложение основного содержания «Книги».

Востребованность перевода этого основополагающего труда по арабской грамматике на русский весьма ощутима, в связи с чем в 2017 г. в Школе востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва) в рамках исследовательского студенческого проекта была предпринята попытка такого перевода; встал вопрос о выборе источника – варианта издания «Книги».

2. Каирское издание «Книги» А. М. Харуна

В 2018 г. коллективом авторов из Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова подготовлен и опубликован на ресурсе Academia.edu перевод первых семи глав трактата с комментариями (по об-

³ Подробнее см. [Фролов 2018, с. 20–22].

шей редакцией Д. В. Фролова). Авторы отмечают, что перевод первой главы был выполнен по тексту издания М. Харуна, а глав со второй по седьмую – по булакскому изданию⁴. Появление этого перевода подтверждает востребованность введения в научный оборот текста трактата Сибавейхи на русском языке. Мы же, выбирая источник для перевода, сравнивали два издания – булакское (самое популярное и наиболее цитируемое) и кайрское, подготовленное египетским филологом Абд ас-Салямом Мухаммадом Харуном, и сделали выбор в пользу последнего, в силу целого ряда обстоятельств. Прочитируем главные из них, выделенные самим составителем:

«Это мое издание имеет следующие отличия от предыдущих: 1). Я использую рукописи и комментарии, которые не имел возможности использовать первый издатель, так как они не были ему доступны; 2). Оно отличается точностью и свободно от ошибок, допущенных в (старых) предыдущих изданиях, а также соблюдением нумерации (страниц), которая отсутствовала во всех предыдущих изданиях и которая помогает исследователю в разъяснении значения или в его уточнении; 3). В нем отредактированы примеры из священного Корана, стихотворений, раджазов⁵, изречений и так далее. Такой подход позволил исправить аят на странице 74, большое количество стихотворных строк и раджазов, а также установить их авторство. Кроме того, подобный подход позволил установить авторство некоторых из 50-ти стихов, авторы которых не были известны ранее; 4). Дано объяснение неясных мест «Книги» и авторского стиля изложения, который непривычен современному читателю, а также зафиксированы некоторые расхождения между старым и современным толкованиями; 5). Приведены все разъяснения Абу аль-Хасана аль-Ахфаца⁶, они вынесены в сноски (чтобы отделить их от основного содержания «Книги»); 6). На полях сделаны отметки о соответствии страниц страницам булакского издания, потому что многие тексты из этого последнего издания были ранее использованы в исследованиях ученых – как Востока, так и Запада; 7). Добавлено несколько перечней (реестров), соответствующих современной научной практике, в том числе перечень вопросов арабской грамматики, который я составил в алфавитном порядке, что упрощает исследователям поиск материала по одному и тому же вопросу. Известно, что Сибавейхи мог рассматривать один и тот же вопрос в нескольких различных местах своего трактата: например, вопрос, обсуждающийся в «باب الحال»⁷, рассматривается им еще в примерно десяти главах» (KS 1988, с. 22).

А. М. Харун так описывает источники, которые стали основой для его

⁴ *Китаб Сибавейхи*. Булак, 1898–1900; репринт: Багдад, 1965.

⁵ Название стихотворного размера (араб. – رجز).

⁶ Аль-Ахфац-мл., один из передатчиков текста «Книги».

⁷ Полное название главы: «هذا باب ما يعمل فيه الفعل فينتصب وهو حال وقع فيه الفعل وليس» («بمفعول») («Глава о том, как глагол-сказуемое управляет прямым дополнением»).

издания:

«При составлении текста данного издания я опирался на следующие источники:

1. «Рукопись Дар аль-Кутуб аль-Мысриййя⁸» № 65 (раздел «Грамматика» на «мим»). Она содержит изложение ар-Рабахи текста, услышанного им от Абу аль-Касима б. Валляда, который тот услышал от своего отца, а тот – от аль-Мубаррада. А также ар-Рабахи слушал Ибн ан-Нахаса, а тот – аз-Зажжаджа, а тот – аль-Мубаррада. А аль-Мубаррад рассказывал текст «Книги» так, как он услышал его от аль-Мазини, а тот – от аль-Ахфаша, а тот – от Сибавейхи. В рукописи 398 листов большого формата, и каждый лист (страница) содержит 29 строк, в каждой из которых – 13 слов. Дата и автор рукописи неизвестны. В конце рукописи написано другим почерком: «Эта рукопись от начала до конца совпадает с достоверным текстом, написанным рукой аль-Фақыра Абдаллы аль-Амури». Эта рукопись не была доступна Хартвигу Деренбургу. К ней применимо слово «подлинная» в отношении примерно двух третей текста этой первой части.

2. Рукопись того же издательства «Дар аль-Кутуб» № 141 (раздел «Грамматика») – так же, как и предыдущая, содержит изложение ар-Рабахи, и в ней тот же иснад⁹. В ней 209 страниц большого размера, каждая страница содержит 35 строк, в каждой из которых около 24 слов. Эта рукопись – из вакфа¹⁰ эмира Ахмада Агабаша Джавиша Тафкиджана, она хранилась в архиве мечети Шейхун¹¹ под надзором ее имама. В конце рукописи написано: «Завершение «Книги» Сибавейхи, созданной во славу Аллаха, при его помощи и благословении. Завершил работу в благословенный вторник, 28-го числа джумада аль-авваль, 1139 г. Тот, кому слава и честь, да помолится Аллах за него и его род!». Этой рукописью воспользовался и Деренбург (в некоторых ее частях) и обозначил ссылки на нее знаком (G). И мне стало ясно, после некоторого углубления в текст «Книги», что эта рукопись более достоверная, чем предыдущая, поэтому я рассматривал ее как основную, продолжая ознакомление и с первой рукописью, которой я присвоил букву (Б).

3. Рукопись № 140 (раздел «Грамматика») издательства «Дар аль-Кутуб», написана современным почерком, в одном томе. Ее описал Деренбург, он обозначил ее буквой (F) и использовал ее для верификации лишь некоторых частей текста. Эта рукопись, как и две предыдущие, записана на основе изложения ар-Рабахи.

⁸ دار الكتب المصرية.

⁹ Подтверждение достоверности, «щепочка передатчиков».

¹⁰ Имущество, полученное по завещанию.

¹¹ Мечеть в Каире в составе исторического комплекса, построенного эмиром Шейхуном аль-Умри ан-Насири в 1349 г.

4. Рукопись № 139 (раздел «Грамматика» на «мим») в двух частях, первая из них написана очень старым почерком, в ней 162 листа. Она собрана из отдельных листов, написанных разным почерком, причем некоторые из них написаны позднее, чем остальные. В ней много пропусков, и заканчивается она словами «باب ما يختار فيه أن تكون المصادر من الأسماء والصفات»¹². И на ней написано: «Первая (часть) – из «Книги» Сибавейхи, записанной со слов Абу Ахмада Исхака б. Мухаммада, по рассказу Абу Джафара ат-Табари Ахмада б. Рустама, который передал рассказ Абу Усмана аль-Мазини». А вторая – на 120 листах, также написана очень старым почерком, не совпадающим с почерком, которым написана первая часть. Начинается она с главы «باب إذا لحقته لا لم تغيره عن حاله التي كان عليها»¹³, а заканчивается главой «هذا باب الأحيان في الانصراف وعدم»¹⁴.

Деренбург использовал текст только из первой части этой рукописи, он обозначил эту рукопись буквой (E). Эта рукопись очень сложна для использования, она годится только для ознакомления (как вспомогательная).

5. Часть «Книги» под номером 12 (раздел «Грамматика» на «шин»), написана современным почерком, в ней текст из последней части «Книги», начиная с главы «ما تكسر فيه الهاء التي هي علامة الإضمار»¹⁵ и до конца «Книги» Сибавейхи. И это новый текст, он принадлежит перу Абд ал-Латыфа б. Ибрагима Султана, 1305 г.

6. Рукопись № 136 (раздел «Грамматика») – комментарий к «Книге», выполненный ас-Сирафи. Эту рукопись описал Деренбург, и он использовал ее в некоторых случаях. Он написал на ней ошибочно, что автор рукописи – Мухаммад б. Ахмад ас-Сирафи, а в действительности автор – Аль-Хасан б. Абдалла ас-Сирафи. Он поставил на ней печать, на которой написано: «Из вакфа Юсуфа Каха б. Сулеймана, который тот сформировал в 1210 г.».

7. Рукопись № 137 (раздел «Грамматика») – комментарий «Книги», выполненный ас-Сирафи. В начале рукописи сообщается, что она написана Муваффаком ад-Дином Абд ал-Латыфом аль-Багдади, он закончил работу над ней в 579 году. В ней указывается: «Эта копия написана нашим шейхом Муваффаком ад-Дином, да смилуется над ним Аллах (Да возвысится он)! Он написал её в Багдаде в шести томах и подарил мне её».

¹² Полное название главы: «باب ما يختار فيه أن تكون المصادر مبتدأً مبنياً عليها ما بعدها وما» («Ашбейх мусаддар мин асмау ва-л-сафат масдару») в синтаксической позиции темы-подлежащего именного предложения») т. 1, с. 28.

¹³ «Глава о частице "لا", которая не изменяет форму слова».

¹⁴ «Глава о словоизменении и отсутствии словоизменения».

¹⁵ «Глава о том, как “ ة “, являющаяся показателем замены имени местоимением, огласовывается кясроу».

И написал: Мухаммад б. Исмаил б. Абд аль-Джаббар б. Аби аль-Хажжадж, да способствует ему Бог наукой и работой, угодной Мухаммаду и его роду». И она сейчас в пяти томах, заканчивается главой «*ما لحقته*» «*الزوائد من بنات الأربع*»¹⁶, и эта копия лучше предыдущей, даже несмотря на отсутствие последней шестой части. Деренбург не указывал на эту копию.

8. Рукопись номер 528 (из каталога Теймура) в семи томах (книгах) – скопирована по приказу учёного Ахмада Теймура с двух копий, хранящихся в «Дар аль-Кутуб». Переписал их переписчик Махмуд Хамди. Он выделил в ней текст Сибавейхи красным цветом, и Ахмад Теймур составил к её частям оглавление, сопоставляя его с оглавлением булакского издания «Книги», и написал его с превосходной заботливостью, и седьмой том представляет собой детальное оглавление комментариев Ахмада Теймура» (KS 1988, с. 57–59).

Также Харун использовал рукописные и печатные источники, такие как «*خزانة الأدب*» («Сокровищница литературы»), известный труд, составленный аль-Багдади), а также «*المجالس*» («Собрания») Саяба, «*شرح شواهد المغني*» («Аль-Мугни» – «Объяснения к поэтическим примерам») ас-Суюти, «*أمالى*» («Мои надежды») Ибн аш-Шаджари, «*الإنصاف في مسائل الخلاف بين النحويين البصريين*» («Справедливость в вопросах разногласий между басрийскими и куфийскими грамматистами») Ибн аль-Анбари и др.

Важной отличительной характеристикой издания Харуна является справочный аппарат к трактату, в частности, реестры, выделенные в отдельный 5-й том (KS 1988, т.5, страницы указаны перед названием реестра):

7 – Цитаты из Священного Корана

29 – Хадис

30 – Примеры

32 – Грамматические модели и приёмы

42 – Поэтические примеры

89 – Раджазы

104 – Язык

126 – Пояснение архаизмов

176 – Указатели

195 – Племена и родовые кланы

203 – О странах и землях

208 – Введение и главы «Книги» по мере их появления

240 – Вопросы синтаксиса и морфологии

395 – Соположение страниц булакского издания с этой версией

413 – Источники комментариев и пояснений

Наличие реестров в значительной степени облегчает исследование трактата; в качестве примера рассмотрим реестр «О странах и землях» (KS 1988, с. 203):

¹⁶ «Глава о добавленных харфах».

«О странах и землях»

Самая большая концентрация географических названий, кодифицированных в Перечне № 10 под названием «О странах и землях», содержится в главе «هذا باب الإضافة، وهو باب النسبة»¹⁷ третьего тома труда Сибавейхи на страницах 336–337. Среди этих названий есть как те, что сегодня всем известны: Басра (порт на юге Ирака), Хорасан (историческая область на востоке Ирана), Сана (столица Йемена), так и те, что известны только специалистам, например: Джалула (иракский город, неподалеку от которого в 637 г. в битве столкнулись войска халифата и Сасанидской империи), долина ар-Рауха, расположенная в 80 км от Медины и упоминаемая в многочисленных хадисах, а также в Сире пророка Мухаммада; поселение аль-Алия, находящееся примерно в 120 км от Медины, и местечко Харура¹⁸, в котором обосновались хариджиты, покинув лагерь Али б. Аби Талиба.

Сибавейхи использует данные названия поселений и исторической области для наглядного примера действия принципа «аля аль-кьяс» («по аналогии, по подобию»), который, наряду с подходом «аля ас-самаа» («на слух, по звучанию»), использовался средневековыми грамматистами для объяснения правописания слов. Суть подхода «аля ас-самаа» заключалась в принятии всех форм слов, использовавшихся в поэзии древних арабов, Коране и Сунне, истинно правильными. Данный подход считался базовым, однако язык постоянно пополняется новыми словами и в этом смысле подобен живому организму – данное утверждение относится и к классическому арабскому языку времен формирования грамматики. Получалось, что слова новые есть, а как писать их – непонятно, так как их нет ни в древней поэзии, ни в Коране, ни в Сунне, поэтому для установления единого написания новых слов грамматисты использовали принцип «аля аль-кьяс»:

العالية – عُلوِّيٌّ؛ البصرة – بصريٌّ؛ صنْعاء – صنْعاءيٌّ؛ حَرْوراء – حَرْورِيٌّ؛ جُلْولاء – جُلْولِيٌّ؛ الرُّوحاء – رُوْحاوِيٌّ.

(Аль-Алия¹⁹ – «‘ульвиййун», то есть «родом из аль-Алии»; аль-Басра – «басриййун»; Сана – «санаййун»; Харура – «харуриййун»; Джалюля – «джалюлиййун»; ар-Рауха – «раухавиййун»).

3. Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что именно последняя версия трактата Сибавейхи, подготовленная к публи-

¹⁷ «Глава об образовании имен относительных».

¹⁸ Название происходит от названия знойного и горячего ветра, распространённого в тех местах.

¹⁹ Зд. и далее в примере – названия арабских городов и населенных пунктов.

кации А. М. Харуном, и, в частности, ее 3-е переиздание (Каир, 1988 г.) являются оптимальными для исследования. Тщательная и кропотливая работа, выполненная редактором, позволяет при исследовании и переводе текста «Книги» избежать неточностей, которые встречаются в работах исследователей, пользующихся предыдущими версиями трактата.

Источники

KS – *Китаб Сибавейхи* // ред. ‘Абд ас-Салам Мухаммад Харун. Т. 1–5. 3-е издание, Каир, 1988.

Литература

1. Фролов Д.В. ред. *Сибавайхи Абу Бишр ‘Амр. Китаб.* – М.: Издательский дом ВКН, 2018.
https://www.academia.edu/38030258/Абу_Бишр_Амр_Сибавайхи_Китаб_Введение_главы_1,7_Перевод_и_комментарии_Sibawayhi_Kitab_Introduction_Chapters_1.7_.Translation_into_Russian_and_Commentary.
2. Al-Hayat. Sibawayh – *Imam al-Arabiyya*. Интернет-ресурс:
<http://www.alhayat.com/article/34704/-العربية-في-حذاء-الدراسات-العربية/>
سيبويه-إمام-العربية-في-حذاء-الدراسات-العربية-
الحديثة Дата обращения 10.07.2019

Топонимия Киццувадны в анатолийском контексте

1. Основные характеристики топонимии Киццувадны¹

Страна Киццувадна играла большую роль во II тысячелетии до н.э. как культурный посредник между анатолийским и сирийским мирами, чему способствовал смешанный характер её преимущественно лувийско-хурритского населения. Для понимания характера этого посредничества необходима реконструкция этнической истории Киццувадны, важным источником для изучения которой являются её ономастика и топонимия. Изучение ономастики Киццувадны показало хурритский приоритет в заселении этой территории, большую роль хеттского населения на начальном этапе освоения этой территории Хеттским царством и рост доли лувийского населения по мере укоренения здесь хеттского господства [Шелестин 2020]. Однако ввиду фрагментарности данных ономастики реконструкция этнической истории региона была бы не полной без привлечения данных топонимии того же периода.

В хеттских источниках на территории Киццувадны упоминаются 62 топонима², не считая 82 оронима и гидронима, фигурирующих исключительно в описании праздника хисува. В настоящем обзоре оронимы и гидронимы праздника хисува не рассматриваются ввиду их периферийного положения по отношению к коренной территории Киццувадны.

2. Каталог топонимов, засвидетельствованных на территории Киццувадны

Agulliri: ḫUR.SAG *A-gul-li-ri* (СТН 704: KUB 25.44 II 15; СТН 705: KUB 27.14 III 8; СТН 780: KUB 17.27 III 19), *a-gul-li-ri wa_a-(a)-wa_a/pa-(an)-*

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-6693.2018.6.

² Исследователи расходятся в отношении возможности локализации тех или иных топонимов на территории Киццувадны, что типично для хеттской географии. В данной работе из перечня топонимов Киццувадны [Ünal, Girginer 2007, p. 58] исключены ^{URU}*Azpišna* и ^{URU}*Urauna* (поскольку контекст упоминающего их оракула подразумевает относительную, но не непосредственную близость Куммани), ^{URU}*Waštiša* (поскольку упоминание на территории Киццувадны ведущей в этот город дороги не подразумевает, что он сам находился в пределах Киццувадны), а также ^{URU}*Ura* (ввиду его локализации на территории, которая скорее относилась к Нижней стране, чем к Киццувадне). По тем же причинам исключены не входящие в этот перечень, но часто рассматриваемые в качестве киццуваднских ^{URU}*Egara*, ^{URU}*Liprašša*, ^{URU}*Pidina*, ^{URU}*Wašuduwanda*, ^{URU}*Zaruna*, ^{URU}*Zilimuna*.

ni (СТН 705: КВо 15.41 3, КВо 15.42 ЛС 15; СТН 706: КВо 19.130 IV 5, КВо 20.113 IV 11, KUB 32.95 ЛС 5), *a-ku-ul-li-ri* (СТН 704: КВо 15.40 II 3), *a-gul-li-ri* (СТН 705: KUB 54.80 3), *a-gul-li-ri-iš* (СТН 790: КВо 27.117 ОС 8) – гора, противопоставляемая в ритуальных контекстах горе Каллистапа. Не исключена связь с хурритским *ag-* ‘вести’ > *ag=ul-* ‘быть ведомым’ [Richter 2012, p. 5], хотя окончание не имеет параллелей в анатолийской топонимике.

Alda: ^{ID}*Al-da* (СТН 628: КВо 15.59 II 7, КВо 15.69 IV 13), ^{ID}*Al-ta* (СТН 628: КВо 41.56 ЛС 2), ^{ID}*A-al-da* (СТН 628: КВо 20.117 III 15, КВо 46.143 4, KUB 25.48 IV 18; СТН 699: КВо 17.102 ОС 18; СТН 706: КВо 17.103 ОС 12), ^{ID}*A-al-ta* (СТН 628: KUB 25.49 III 9, 13), ^{ID}*A-al-* (СТН 628: КВо 24.13 IV 17), *-d]a* (СТН 628: KUB 51.4 ОС 2) – река в восточной части Киццувадны близ Лавантанти, известная по ритуальным контекстам со среднехеттского времени. Вероятно, хурритское по происхождению название водного потока, от которого произошло заимствованное в хеттский *altanni-* ‘источник’ [Richter 2012: 18].

Alzara: ^{URU}*Al-za-ra* (СТН 641: KUB 40.2 ЛС 36) – город в Киццувадне, пожалованный её царём (?) Тальцу храмовому хозяйству Исхары. В данном топониме выделяют субстратный топоформант *-ar(a)*, который может иметь две волны происхождения – древнейшую, охватившую территорию от Верхней Месопотамии до Греции, и позднейшую, покрывшую центральную и восточную Анатолию [Carruba 1983, p. 97-98]. Корень *alz-* не засвидетельствован в известных языках Анатолии, а сходный по структуре топоним *Anzara* засвидетельствован в Нижней Стране, в связи с чем установить языковую принадлежность нельзя.

Anamušta: ^{URU}*A-na-mu-uš-ta*^{KI} (СТН 41: КВо 1.5 IV 49, 51) – хеттский город на северо-западной границе Киццувадны с Хеттским царством при Тудхалии I. М. Астур предположил, что *an-*, *muš-* и *-ta* являются хурритскими топоформантами [Astour 1965, p. 43, n. 3], хотя подобные топоформанты не выделяются на хурритском языковом материале современными исследователями [Giorgieri 2000a, p. 292-295]. Однако топонимия Анатолии позволяет выделение топоформанта *-šta* [Bilgiç 1945-1951, p. 10; Tischler 1975, p. 264], для которого ранее предполагалось хаттское происхождение [Schuler 1965, p. 104], сомнительное с точки зрения современной хаттологии [Soysal 2004, p. 264]. Этот топоформант может быть найден в топонимах запада (KUR ^{URU}*Parišta*), центра (^{URU}*Iunzarašta*, ^{URU}*Tašta*), севера (^{URU}*Hašta*, ^{URU}*Ištum/pišta*, ^{NA}*Kurušta*, KUR ^{URU}*Marišta*, ^{ID}*Dašta* (?), KUR ^{URU}*Taggašta*, ^{URU}*Urišta*) и северо-востока (^{URU}*Zaparašta*, ^{URU}*Zigga/išta*) хеттской Анатолии, но не в смежных с Киццувадной районах. Это позволяет либо считать этот топоним чужеродным для Киццувадны элементом, принесённым заселившими хеттскую пограничную крепость выходцами с севера, либо рассматривать его в ряду топонимов с топоформантом *-ta* (или представляющим чистую основу), а не *-šta*.

Arana: ^{URU}*A-ra-na-aš* (СТН 133: KUB 23.68 ОС 19; СТН 225: KUB 26.43 ЛС 40) – город в центральной части Кищувадны при Арнуванде I (?) и Тудхалии IV. Вероятно, из хурритского *arana* ‘дар’, с возможной параллелью в виде угаритского ²*Arn(y)* [Richter 2012, p. 43].

Aruna: ^{URU}*A-ru-u-na*^{KI} (СТН 41: КВо 1.5 IV 43, 45) – хеттский приморский город на северо-западной границе Кищувадны с Хеттским царством при Тудхалии I. Вероятно, из хеттского *aruna* ‘море’ [Sauce 1931, p. 863; Laroche 1961, p. 80]. Иные предложенные этимологии – семитская с выделением топоформанта *-una* [Astour 1965, p. 42]; связь с анатолийским топонимом *Arau/wana* [Ranoszek 1939, p. 29]; связь с палестинским топонимом *Aruna* [Ünal, Girginer 2007, p. 544, n. 119] – не дают столь же хорошо вписывающегося в географический контекст топонима его истолкования.

Arušna: ^{URU}*A-ru-u-uš-na* (СТН 382: КВо 11.1 ОС 13), ^{URU}*A-ru-uš-na* (СТН 106: КВо 4.10 ЛС 56, StBoTB 1 III 94; СТН 389: KUB 54.1 I 57, 60; СТН 495: KUB 46.39 IV 1; СТН 566: KUB 22.70 ЛС 1; СТН 570: KUB 46.37 ЛС 7, 14, KUB 50.123 ОС 12; СТН 575: KUB 498.1 IV 13, 16; СТН 579: KUB 16.55 IV 7, КВо 40.53 II 8; СТН 590: КВо 8.63 IV 5; KUB 56.25 IV 2), ^{URU}*A-ru-uš-<<uš>>-na* (СТН 242: KUB 26.66 III 3), ^{URU}*A-ru-uš-ša-na* (СТН 582: KUB 52.60 II 12; СТН 389: KUB 57.87 II 12), ^{URU}*A-*ru-u-u[š]²-* (СТН 13: KUB 48.81 3), ^{URU}*A-ru-* (СТН 242: КВо 18.153 ОС 12) – город, известный в кищуваднском контексте по древнехеттским летописям и новохеттским оракулам. В данном топониме выделяют индоевропейский анатолийский топоформант *-šna* [Laroche 1961, p. 84-85, 87], в данном случае присоединяющийся к хеттской (прошедшей лувийское посредничество) или лувийской основе *aru-* ‘высокий’, хотя не исключено и хаттское происхождение данного топоформанта [Simon 2018, p. 267].

Aštuyara: ^{URU}*Aš-tu-u-ia-ra* (СТН 699: КВо 21.34+IBoT 2.7 II 9, IV 42), [^{URU}*Aš*]-*tu-u-ia-ra* (СТН 699: КВо 23.84 ОС 4; СТН 790: IBoT 4.89 6), ^{URU}*Aš-tu-ia-ra* (СТН 699: КВо 21.34+IBoT 2.7 II 14), ^{URU}*Aš-tu-u-ri-ia* (СТН 699: КВо 21.34+IBoT 2.7 II 25), ^{URU}*Aš-tu-ia-ra-az* (СТН 699: КВо 21.34+IBoT 2.7 I 9, 31) – город в восточной части Кищувадны близ Лавацантии, известный по ритуальным контекстам новохеттского времени. Вероятно, топоформант *-(a)ra* здесь аналогичен предполагаемому для *Alzara*. Корень *aštu-* продуктивен в анатолийской, преимущественно лувийской ономастике [Goetze 1954, p. 76], однако в ряде случаев сложно однозначно отнести производные от него ономастические элементы к индоевропейскому анатолийскому с неизвестным значением или созвучному хурритскому корню *ašte* ‘женщина’ [Zehnder 2010, p. 79].

Adaniya: KUR *A-da-ni-ia-aš* (СТН 580: KUB 6.40 ОС 2), KUR ^{URU}*A-dá-ni-ia*^{KI} (СТН 41: КВо 1.5 IV 54, 57, 59, 65), ^{URU}*A-da-ni-ia* (СТН 389: KUB 40.46 I 13; СТН 458: КВо 47.7 ЛС 15; СТН 479: KUB 30.31 IV 7, 27; СТН 570: KUB 46.37 ЛС 14; СТН 832: КВо 61.321 2), ^{URU}*A-ta-ni-ia* (СТН 13: KUB

48.81 1), ^{URU}*A-da-ni[-ia-aš* (СТН 19: КВо 12.5 II 2), ^{URU}*A-da-ni-ia-an* (СТН 143: KUB 23.21 II 5) – город и область в западной части Киццувадны, ныне Адана. Суффикс *-iya-* в топонимах Анатолии может иметь лувийское происхождение со значением possessивности при нелувийском происхождении корня [Якубович 2017, с. 201]. Корень данного топонима часто возводили к и.-е. **danu-* ‘вода’, не засвидетельствованному ни одним из азиатских языков, тогда как всё более привлекательным выглядит предположение о связи с активно употребляющимся в текстах киццувадского круга хурритским культовым термином *adani-* ‘табурет (?)’, встречающимся в Алалах в качестве теонима и основы антропонимов [Ünal, Girginer 2007, p. 67; Blažek 2009, p. 128; Шелестин 2011, с. 201; Akdoğan 2017, p. 3, ср. Richter 2012, p. 65], ср. хурритский топоним ^{URU}*Atanni*^{KI} в алалахских текстах, хотя *Adani*^{KI} эблаитских текстов может указывать на более раннее субстратное происхождение [Belmonte Marín 2001, p. 45], к которому может восходить и сам хурритский термин, не вполне возводимый семантически к корню *ad-* ‘стеречь, беречь’.

Ellipra: ^{URU}*El-li-ip-ra* (СТН 628: КВо 9.123+KUB 20.52 I 26) – город, упоминаемый в ряду киццуваднских городов в описании праздника хисува. Если отождествление с *Illubru* новоассирийских анналов верно, то локализуется в западной части страны. Наряду с предположением о субстратном топоформанте *-ra*, нельзя исключить наличие редкого топоформанта *-VprV*, восходящего к хурритскому *abri-* ‘костёр’ [Richter 2012, p. 40], который может также содержаться в топонимах ^{URU}*Anašapri* (в Северной Сирии или Киццувадне, о последней локализации см. Шелестин 2013), ^{URU}*Lišipra* (в Верхней Стране) и ^{URU}*Napri* (упоминается в хурритском ритуале-иткалзи).

Erimma: ^{URU}*E-ri-im-ma*^{KI} (СТН 41: КВо 1.5 IV 46), ^{URU}*I-ri-ma-aš* (СТН 46: RS 17.369 ЛС 8, 15, ОС 9) – киццуваднский город на северо-западной границе Киццувадны с Хеттским царством при Тудхалии I. Предложена семитская этимология из *‘āram* ‘быть могущественным’ [Astour 1965, p. 43], однако в хеттской топонимике немало названий с топоформантом *-imma*, особенно в Нижней Стране (*Ḥarinima*, *Ḥarmima*, *Larimma*, *Maḥrimma*, *Šantimma*, *Šurimma*). Вероятно, происхождение данного топоформанта связано с лувийским суффиксом причастия *-a/imma/i-*.

Ḥamara: ^{URU}*Ḥa-ma-ra-aš* (СТН 225: KUB 26.43 ЛС 40, KUB 26.50 ЛС 34) – город в восточной части Киццувадны при Тудхалии IV. Вероятно, из хурритского *ḥamri* ‘святилище’ [Richter 2012, p. 123–125], где топоним сохранил изначальную хурритскую форму, ещё не усвоенную хеттским и лувийским языками.

Hulašša: ^{URU}*Hu-u-la-aš-ši-ia* (СТН 509: KUB 44.1 ЛС 5, 6, ОС 11, 15), ^{URU}*Hu-u-la-aš-ša* (СТН 332: КВо 20.64 ЛС 8, 9; СТН 630: КВо 25.191 ОС 5,9; СТН 641: KUB 40.2 ЛС 33; СТН 664: КВо 21.26 I 16; СТН 712: KUB 27.1 I 54), ^{URU}*Hu-ul-la-aš-ša* (СТН 42: КВо 5.3 I 46); *-I]a-aš-ša* (СТН 332: КВо

30.119 ОС 13); -š]a (СТН 712: KUB 47.64 II 25) – город в Кищувадне возле Тарсы, пожалованный её царём (?) Тальцу храмовому хозяйству Исхары. Распространённый в анатолийской топонимике, но слабо представленный в Кищувадне топоформант *-ašša-* связывают с лувийским суффиксом притяжательных прилагательных *-ašša/i-* [Tischler 1995, p. 638]. В основе может лежать реконструируемое в хеттском или лувийском языке существительное **hula-* ‘дуновение, изгиб’, лежащее в основе топонима Нижней Страны *Hulaya* [Puhvel 1991, p. 361; Melchert 1993, p. 73].

Huraliyant: ^{URU}*Hu-u-ra-a-li-ia-an-za* (СТН 641: KUB 40.2 ОС 1) – город в Кищувадне на границе владений, пожалованных её царём (?) Тальцу храмовому хозяйству Исхары. С точки зрения хеттской морфологии, *huraliyant-* является причастием не засвидетельствованного глагола *huraliya-*. Суффикс причастия *-ant-* в лувийском менее продуктивен, поэтому лувийская этимология менее вероятна.

Ikkašpa: KUR *Iq-qa-ši-pa* (СТН 641: KUB 40.2 ОС 4) – область в Кищувадне на границе владений, пожалованных её царём (?) Тальцу храмовому хозяйству Исхары. Интерпретация топонима зависит от характера выделяемых топоформантов. Самый простой путь – выделение топоформанта *-pa* [Hoffner 1967, p. 18], который некоторые относят к хурритскому языковому слою [Astour 1965, p. 35], хотя современное состояние хурритологии не позволяет провести такую связь однозначно. В случае выделения здесь топоформанта *-ippa* исследователи связывают со средиземноморским субстратом, охватывающим территорию от Анатолии до Африки и Иберии [Villar 1999, p. 709]. Более конструктивным представляется выделение здесь продуктивного в хеттской ономастике форманта *-šipa* ‘дух (?)’ [Güterbock, Hoffner, van den Hout 2013, p. 382], которое в сочетании с хеттской основой *eka-* ‘лёд, холод’ может дать значение ‘дух льда’, отвечающее географическому контексту даже в отсутствие в Тавре снежных вершин, ср. современные топонимы Тавра: ущелье *Kar* ‘снег’ (37°20'38" с.ш. 34°40'41" в.д.), гора *Karlık* (37°33'50" с.ш. 35°33'51" в.д.; более вероятно этимология из *kar* ‘снег’ + абстрагирующий *-lik* > ‘снега’ [ср. Scheinhardt 1979, p. 155], чем из производного *karlık* ‘погрёб’).

Ipiara: ^{URU}*I-pi-a-ra* (СТН 641: KUB 40.2 ЛС 26) – город в Кищувадне, пожалованный её царём (?) Тальцу храмовому хозяйству Исхары. Здесь выделяется восходящий к анатолийскому субстрату топоформант *-yara* [Forlanini 1988, p. 133], хотя топонимия Кищувадны демонстрирует, что его базовым значением является не предполагаемое М. Форланини ‘гора’: ср. ^{hUR.SAG}*Kalzatapa* в хеттоязычных текстах о Кищувадне и *rapenna Kalzatapa/iyari* в хурритоязычном описании праздника хисува (где слово ‘гора’ выражено хурритской лексемой с корнем *rap-*). Предложенный М. Форланини в качестве основы корень *ippiya-* ‘фруктовое дерево’ лучше

соотносится с контекстом пожалования сельхозугодий, чем хурритский *ipp* ‘смеяться’, однако хеттское происхождение топоформанта неочевидно.

Iṣhara: ḥUR.SAG *Iṣ-ḥa-ra* (СТН 641: KUB 40.2 ЛС 14) – гора в Киццувадне, вокруг которой при её царе (?) Тальцу располагалось храмовое хозяйство Исхары нерисской. Топоним, производный от хурритского теонима ^d*Iṣhara*, восходящего к сирийскому досемитскому субстрату [Haas 1994, p. 393].

Izzi-x: ^{URU}*I-iz-zi(-)[x* (СТН 641: KUB 40.2 ЛС 27) – город в Киццувадне, пожалованный её царём (?) Тальцу храмовому хозяйству Исхары. Может быть не тождественен Ицции [Chrzanowska 2017, p. 20], но иметь общий с ней корень.

Izziya: ^{URU}*Iz-zi-ia* (СТН 590: KUB 56.15 II 15; СТН 628: KUB 54.47 4), ^{URU}*I-iz-zi-ia* (СТН 190: ТА.08.Е.1 ЛС 27) – город на восточном побережье Киццувадны, упоминаемый в ряду киццуваднских городов в описании праздника хисува. Вероятно, как и сходные хурритские антропонимы, топоним происходит от западносемитских корней ‘zz ‘быть сильным’ или yz’ ‘появляться’ [Richter 2016, p. 403].

Kallištapa: ḥUR.SAG *Gal-li-iš-ta-pa-aš* (СТН 381: KUB 6.45 I 64, KUB 6.46 II 29), ḥUR.SAG *kal-li-iš-[-* (СТН 704: KUB 25.44 II 15, KUB 27.8 ОС 15; СТН 784: KUB 27.42 ЛС 35), *kal-li-iš-ta-wi wa_a-a-pa-ni* (СТН 706: KUB 32.95 ЛС 6), *kal-li-iš-ta-pi wa_a-a-pa-an-ni* (СТН 706: КВо 20.113 IV 12), *kal]-li-eš-ta-a-pi wa_a-a-pa-[-* (СТН 706: КВо 19.130 IV 6), *kal]-[i-* (СТН 704: КВо 20.109 ОС 17), *-i]š-ta-pa* (СТН 705: KUB 27.14 III 8), *-t]a-pi* (СТН 705: KUB 54.80 4) – гора, упоминаемая в ряду божеств Кумманни в молитве Муваталли II. Вторую часть топонима, вероятно, стоит возводить к хурритскому корню *tab-* ‘отливать’, как в алалахском ^{URU}*Taba* [Belmonte Marín 2001, p. xxx]. Значение хурритского культового термина *kal(l)i-* не ясно [Richter 2012, p. 181].

Kalzatapa: *pa-ap-pi-en-na kal-za-ta-pi-ia-ri* (СТН 628: КВо 15.52 I 28, КВо 15.65 III 7, КВо 15.66 III 8, KUB 40.97 IV 19), ^{ḥUR.SAG}*Kal-za-x[* (СТН 475: КВо 15.43 ЛС II 6), ḥUR.SAG(!) ^{ḥUR.SAG}*Kal-za-ta-a[* (СТН 475: KUB 45.76 ЛС 15), ^{ḥU}^{R.SAG}*Kal-z[a-* (СТН 475: КВо 9.113 I 13), ^{ḥUR.SA}^G*Kal-za-t[a-p]a* (СТН 475: КВо 15.43+КВо 35.212 II 9), ^{ḥUR.SAG}*Kal-za-da-pa* (СТН 475: Во 5401 ОС 2) – гора, упоминаемая в ритуале киццуваднского царя Пиллии и в описании праздника хисува. Вероятно, ороним этимологически тождественен *Kallištapa*.

Gangazuwa: ^{URU}*Ga-an-ga-zu-wa* (СТН 225: KUB 26.50 ЛС 34) – город в восточной части Киццувадны при Тудхалии IV. Топоним содержит распространённый в ономастике и топонимии Анатолии формант *-zuwa* ‘кусок (?)’ не вполне ясного, вероятно, субстратного происхождения [Tischler 2016, p. 792–793].

Kizzuwatna: 233 аттестации в источниках на аккадском, египетском, лувийском, хеттском и хурритском языках, обзор см. [Шелестин 2019] – название страны и города на юго-востоке Анатолии. Наиболее вероятна хеттская этимология *Kizzu-watna* < *kez wetenaz «с этой стороны воды» [Neumann 1958; Иванов 1987, с. 39]. Менее вероятны основывающиеся на реконструируемых словоформах интерпретации второго элемента как производного от лувийского *wattani-* ‘страна’ (или адаптации в него хеттского *udne* ‘страна’) [Laroche 1979, p. 67; Якубович 2019, с. 282] и первого как рефлекс лувического слова, сохранившегося в карийском языке как *yíssa* ‘камень’, что дало бы происхождение от гидронима со значением «каменная вода» [García Trabazo 2004].

Kummanni: 142 аттестации в источниках на аккадском и хеттском языках, обзор см. [Шелестин 2019] – название страны и города на юго-востоке Анатолии. Наиболее популярна гибридная лувийско-хурритская этимология *Kummanni* < *kumma-* ‘священный’ (лув.) + *-ni* (хурр.) [Lebrun 1979, p. 131], хотя связь с хурритскими *kum-* ‘лелеять, преобразовывать, возвращать’ и *kumānu* ‘площадь’ исключать нельзя. Анатолии чужды топонимы, заканчивающиеся на *-anni*, а в немногих локализуемых на Западе (^hUR.SAG *Aranḫapila(nni)*, ^{URU} *Aršani*) и Севере (^{URU} *Kuišgani*) Малой Азии топонимах, вероятно, топоформант имеет иную природу. Вместе с тем, хотя ни лувийско-хурритская, ни чисто хурритская этимологии не оспаривают хурритское происхождение топоформанта *-(an)ni*, загадочно отсутствие данного топонима в хурритских текстах, в отличие от *Kizzuwatna*.

Kunniyara: ^{URU} *Ku-un-ni-ia-ra* (СТН 641: KUB 40.2 ЛС 29) – город в Киццувадне, пожалованный её царём (?) Тальцу храмовому хозяйству Исхары. Вероятно, топоформант *-yara* здесь аналогичен предполагаемому для *Iriara*. В случае доиндоевропейского субстратного происхождения топоформанта он может присоединяться к продуктивному в анатолийской ономастике корню субстратного же происхождения *kuni-* [Laroche 1966, p. 310]. В случае индоевропейского анатолийского происхождения топоформанта стоит предпочесть связь с хеттским *kunna-* ‘правый’ предполагаемому [Oreshko 2013, p. 358] лувийскому *kuni(ya)-* ‘медный’, поскольку распространение топоформанта не коррелирует с распространением лувийской топонимии.

La(hu)wazantiya: 80 аттестаций в хеттских текстах, обзор см. [Akdoğan in press] – город в Киццувадне, одноимённый городу в Верхней Стране, известному со староассирийского времени в орфографии *Lu-ḫu-za-ti-a*. Распределение вариантов написания между двумя омонимичными топонимами имеет хронологическую, а не географическую природу [Barjamović 2011, p. 140], что позволяет видеть в староассирийском написании исходную форму и для киликийского топонима. При этом наиболее ранняя аттестация киликийского топонима в жалованной грамоте эпохи Теленину (StBoTV 4.10 4) даёт вариант [^{URU} *Lu-ḫu-u*]z-za-an-di-ia [Forlanini 2004, p. 303]. Несмотря

на локализацию в восточной, более хурритизированной части Киццувадны, в этом топониме нет ничего хурритского. Суффикс *-iya-* может быть лувийским, как в *Adaniya*, а *-ant-* – хеттским или лувийским, как в *Huraliyant*. Сочетающий эти суффиксы в том же порядке гидроним *Maraššantiya* считают лувийским [Tischler 1990, p. 147-150], что вероятно и в данном случае, хотя базовый корень (возможно, связанный с *:luḥa-* ‘свет (?)’) не засвидетельствован.

Lakkiš.: ^{URU}*La-ak-ki-i[š]-* (СТН 641: KUB 40.2 ЛС 31) – город в Киццувадне, пожалованный её царём (?) Тальцу храмовому хозяйству Исхары. Предложена этимологическая связь с Лахишем в Палестине [Astour 1965, p. 43-44], однако отсутствие окончания не позволяет провести анализ топонима.

Lamiya: ^{URU}*La-mi-ia*^{KI} (СТН 41: КВо 1.5 IV 42), ^{URU}*La-mi-ia* (СТН 41: КВо 1.5 IV 40) – хеттский приморский город на северо-западной границе Киццувадны с Хеттским царством при Тудхалии I. Вероятно, субстратный **lam(i)-* + лув. *-iya-*.

Larišša: ^{URU}*La-ri-iš-ša-za* (СТН 19: КВо 12.8 IV 17) – город близ Лавацантии, упоминаемый в описании похода Телепину. Если выделять здесь продуктивный в Анатолии топоформант *-išša-* [Neumann 1988], топоним образован от незасвидетельствованного хеттского слова **lareššar*, а значение однокоренного *lariya-* (давшего антропоним ^m*Lariya*) неизвестно.

Lupuruna: ^{URU}*Lu-ú-pu-ru-na* (СТН 641: KUB 40.2 ЛС 31) – город в Киццувадне, пожалованный её царём (?) Тальцу храмовому хозяйству Исхары. Вероятно, производное от потамонима *Puruna*. Этимология из аккадского *labāru* ‘быть старым’ в значении руины [Astour 1965, p. 44] хуже соответствует контексту.

Luwana: ^{URU}*Lu-wa-na*^{KI} (СТН 41: КВо 1.5 IV 55, 58) – киццуваднский город на северо-западной границе Киццувадны с Хеттским царством при Тудхалии I. Хотя показатель множественного числа *-na* не является продуктивным в хурритской топонимике, весьма вероятно хурритское *Luwa=na* ‘лувийцы’, иначе субстратное образование.

Manuzziya: ^{URU}*Ma-nu-uz-zi-ia* (СТН 398: КВо 4.2 III 48, 49; СТН 486: KUB 43.50 ЛС 10, IBoT 2.112 ЛС 10; СТН 500: КВо 29.207 5, 9, KUB 51.27 ЛС 12; СТН 628: КВо 22.245 1; СТН 703: КВо 11.2 I 1, 2, КВо 11.5 I 8), ^{URU}*Ma-a-nu-zi-ia* (СТН 628: KUB 25.48+44.49 IV 22; СТН 706: KUB 54.36 ЛС 9), ^{URU}*Ma-nu-zi-ia* (СТН 389: KUB 57.87 III 9; СТН 584: KUB 15.11 II 12; СТН 590: KUB 57.113 I 1, FHL 186 2; СТН 628: IBoT 2.52 ЛС 10, KUB 45.75 III 10, 13; СТН 706: KUB 60.34 5), ^{URU}*Ma-nu-iz-zi-ia* (СТН 486: KUB 43.50 ЛС 9), ^{URU}*Ma-nu-zi* (СТН 628: КВо 33.176 VI 4, Во 7871 I 11), ^{URU}*Mi-nu-zi-ia* (СТН 633: IBoT 1.29 ЛС 9, 11), ^{HUR.SAG}*Ma-nu-zi-ia* (СТН 381: KUB 6.46 II 28), ^{HUR.SAG}*Ma-nu-zi-ia* (СТН 381: KUB 6.45 I 63; СТН 819: КВо 28.138 ОС

3), ^{HUR.SA}G *Ma-a-nu-zi-ia* (СТН 819: КВо 28.138 ОС 4), *pa-ap-pi Ma-nu-zi* (СТН 628: KUB 40.102 II 12), *pa-ap-pi-en-na Ma-nu-zi-ia* (СТН 628: KUB 20.95 I 2, KUB 40.100 V 8), *-n]a Ma-nu-uz-zi-ia* (СТН 628: KUB 40.97 III 27), *pa-ap-pi-en-na Ma-a-[]* (СТН 628: КВо 15.52 I 12), ^{UR}U *Ma-nu-z[i-ia* (СТН 832: КВо 63.226 4); ^{URU} *Ma-nu-[]* (СТН 486: IBoT 2.112+KUB 48.100 ЛС 9), *Ma-a-nu-zi[]* (СТН 628: КВо 7.45+20.114+20.118 VI 12), *Ma-nu-uz-zi[]* (СТН 628: VBoT 64 6), *Ma-nu-uz-zu-[]* (СТН 789: КВо 32.20 ОС 2), *Ma-nu-zi-ia* (СТН 628: КВо 15.37 I 20, III 2, 4, 6, V 61, КВо 15.39 III 2, КВо 23.28+KUB 32.65+32.61 I 54, КВо 24.76 7, KUB 20.20+20.23 III 1, 3, 9, KUB 20.49 I 3, KUB 20.52 IV 7, KUB 32.65 I 18, KUB 32.99 V 8, 20, KUB 34.113 2, KUB 40.102 I 15, 24, V 9, VI 8, KUB 47.73 III 14, KUB 51.21 ОС 11, VBoT 116 5), *Ma-a-nu-uz-zi* (СТН 628: KUB 51.16 8), *Ma-nu-zi* (СТН 628: КВо 15.37 I 10, 35, 51, КВо 20.60 ОС 13, 15, КВо 24.76 2, КВо 33.201 IV 11, KUB 32.90 I 12, KUB 40.102 I 10, VI 21, KUB 47.73 IV 7, VBoT 116 14), ^{URU} *Ma-a-nu-zu-ħi* (СТН 628: KUB 25.48+44.49 IV 16, KUB 45.59 ОС 18), ^{URU} *Ma-nu-zu-ħi* (СТН 703: КВо 11.5 II 16), *Ma+a-nu-zu-u-ħi* (СТН 628: KUB 47.75 1, 5), *Ma-a-nu-zu-ħi* (СТН 628: KUB 45.53 III 7), *Ma-nu-zu-ħi* (СТН 628: КВо 9.133 ЛС 13, КВо 15.37 II 11, IV 11, КВо 24.76 16, КВо 33.201 III 9, IV 7, KUB 12.12 I 25, 29, 32, IV 20, 30, VI 18, KUB 27.20 6, KUB 32.54 14, KUB 45.58+HT 92 IV 11, 12), *Ma-nu-uz-zu-un-ni* (СТН 628: КВо 15.48 III 24), *Ma-a-nu-zu-un-na* (СТН 628: КВо 33.184 IV 6, КВо 33.201 IV 2), *Ma-nu-uz-zu-un-na* (СТН 701: КВо 33.20 I 13), *Ma-nu-uz-zu-na* (СТН 628: КВо 15.48 II 17, KUB 25.42 IV 7, 14, V 5), *Ma-nu-zu-un-na* (СТН 628: КВо 27.156+27.196+33.183 III 4, КВо 27.194 I 8, КВо 33.185 III 14), *Ma-nu-zi-en-[]ni* (СТН 628: KUB 45.59 ОС 23), *Ma-n[[]u-* (СТН 628: КВо 23.85 ОС 7, KUB 34.125 I 8, KUB 45.58+HT 92 III 4), *Ma-[]* (СТН 628: КВо 30.133 2), *M]a-nu-zi-ia* (СТН 628: КВо 33.197 ОС 15), *]uz-zu-un-na* (СТН 628: KUB 25.42 II 20) – гора и город в восточной части Кищувадны, засвидетельствованные в качестве её части культовыми текстами. Вероятно, лувийский притяжательный суффикс *-iya* присоединяется к образованному по распространённой в хурритской антропонимике модели личному имени *Manuzzi-* < *man-* ‘быть’ + *=u=zzi* [Richter 2016, p. 698].

Markana: ^{URU} *Mar-ga-a-na* (СТН 641: KUB 40.2 ЛС 28), ^{URU} *Mar-ga-na* (СТН 641: KUB 40.2 ОС 3) – город в Кищувадне, пожалованный её царём (?) Тальцу храмовому хозяйству Исхары. Вероятно, субстратная чистая основа. Менее вероятно образование от хеттского *mark-* ‘разделять’.

Neriša: ^{URU} *Ne-e-ri-ša* (СТН 641: KUB 40.2 ЛС 33) – город в Кищувадне, храмовому хозяйству Исхары в котором был пожалован ряд владений кищуваднским царём (?) Тальцу. Если выделять здесь продуктивный в Анатолии топоним *-išša-* [Neumann 1988], топоним был бы образован от незасвидетельствованного хеттского слова **nereššar*, но случай более сомнительный, чем ^{URU} *Larišša* в отсутствие как геминации суффикса, так и производных антропонимов. Более вероятно субстратная основа в чистом виде.

Pitura: ^{URU}*Pi-i-tu-ra*^{KI} (СТН 41: КВо 1.5 IV 43), ^{URU}*Pi-tu-ra*^{KI} (СТН 41: КВо 1.5 IV 40) – приморский киццуваднский город на северо-западной границе Киццувадны с Хеттским царством при Тудхалии I. Предлагались семитская этимология из *bātar* ‘резать’ > *beter* ‘кусок’ [Astour 1965, p. 42]; несемитская природа топоформанта *-ura-* [Hoffner 1967, p. 184], вероятность принадлежности топоформанта *-Vr(a)* ко второй, анатолийской волне субстрата [Carruba 1983, p. 97] и связь с хаттским топоформантом *-ura* ‘источник’ [Bozgun 2017, p. 31]. В связи с наличием, по новоассирийским анналам, одноименного города ^{URU}*Pitura* на верхнем Тигре в стране Дирра, наиболее вероятно принадлежность к первой волне распространения субстратного топоформанта *-Vr(a)*.

Puḫanda: ^{URU}*Pu-ḫa-an-da* (СТН 641: КУВ 40.2 ЛС 38), ^{URU}*Pu-ḫa-[an-da* (СТН 243: НТ 50 II 9) – город в Киццувадне, пожалованный её царём (?) Тальцу храмовому хозяйству Исхары. В хеттской Анатолии топоформанты вида *-ant-* возводятся к содержащим суффикс *-want-* или к анимизированным с помощью анатолийского индоевропейского суффикса *-nt-* именным формам [Tischler 1995, p. 638]. В данном случае редукция *w* маловероятна, а основа засвидетельствована как глагольная лувоидная *puḫ-* ‘наличествовать (?)’, охотиться (?)’, поэтому топоформант может не относиться к ареальным.

Pura/una: ^{ID}*Pu-ra-an* (СТН 4: КВо 10.1 ЛС 34), *ši-i-ia pu-u-ra-na* (СТН 628: КВо 17.98 V 28), *ši-i-ia pu-ra-na* (СТН 628: КУВ 40.103 I 9, КВо 33.215 V 5), *pu-ú-ra-a-na-ti* (СТН 777: КУВ 29.8+КВо 33.43 II 46, КВо 27.92+КВо 22.142+КУВ 32.51 II 13), *pu-u-ra-na-te-ni-pa* (СТН 777: КУВ 29.8+КВо 33.43 II 47), *wu_u-ra-na* (СТН 774: КВо 8.146 8), ^{ID}*Pu-ru-na* (СТН 628: КВо 9.123+КУВ 20.52 IV 7), ^{ID}*Pu-u-ru-na-ia* (СТН 641: КУВ 40.2 ЛС 8), ^{ID}*Pu-u-ru-n[a-an]* (СТН 4: КВо 10.2 II 17) – река в Киццувадне, отождествляемая с Джейханом. Возможно, аттестации СТН 4 относятся к одноимённой реке в Сирии, отождествляемой с Аффином, что не делает менее вероятным отождествление остальных контекстов с Джейханом [Miller 1999, p. 69], за исключением имеющего больше общего с Пуратту-Евфратом ^{ID}*Pu-ru-[* (СТН 483: КУВ 15.33а III 6) с дубликатом *]-ú-ra-at-ta* (СТН 483: КУВ 15.34 III 11). Сходное слово засвидетельствовано в хурритском как *wurana* ‘предвидение’ < *p/wur-* ‘видеть’ [Richter 2012, p. 326], однако его семантика плоха для потамонима. Связь с семитским *pārar* / *pur* ‘быть неукротимым’ [Astour 1965, p. 43] хуже ввиду отсутствия аттестаций лексемы в ближайших архивах. Весьма вероятно, что потамонимы *Pura/una* (Джейхан), *Pura/una* (Аффин) и *Purattu* (Евфрат) имеют общий корень, хотя его этимология не ясна и в случае Евфрата [Blaschke 2018, p. 164], тогда как суффикс *-Vn(n)a* крайне продуктивен для образования потамонимов в районе Аманского хребта (ср. упоминаемые в описании праздника хисува *šunna Alwarunna*, *šunna Pinašar(unn)a*, *šunna Tattarinna*, *šunna Zarzarunna*, *šunna Ziyal/runa*).

Šahḫupidda: ^{HUR.SAG}Ša-ah-ḫu-pi-id-da=ia (СТН 389: KUB 54.1+КВо 55.15 I 30) – гора, упоминаемая в контексте ритуальных действий в Кумманни. Структурно может быть реализацией тех же компонентов, что и в хоро- ниме *Išḫuptita*, где выделяется хетгизирующий субстратные названия на *-it* топоформант *-itta* [von Schuler 1965, p. 103].

Šaliya: ^{URU}Ša-a-li-ia-aš (СТН 106: StBoTB 1 I 49), ^{URU}Ša-li-ia-aš (СТН 106: КВо 4.10 ЛС 29), ^{URU}Ša-a-li-ia^{KI} (СТН 41: КВо 1.5 IV 45, 48), ^{URU}Ša-li-ia (СТН 225: KUB 26.43 ЛС 45 = KUB 26.50 ЛС 17) – хеттский город на границе с Кищувадной при Тудхалии I, хеттский город в Кищувадне на границе со страной реки Хулайя при Хатгусили III и Тудхалии IV. Была предложена хеттская этимология из *šalli-* ‘великий’ [Schachermeyr 1935, p. 59], отвергаемая по причине отсутствия геминции *-ll-* в топониме [Goetze 1940, p. 52]. Вероятно, *-iya* является лувийским посессивным суффиксом, тогда как корень *šala/i-* засвидетельствован в хурритских антропонимах вроде ^fŠal(l)i [Richter 2016, p. 244].

Šam(u)ra: ^{ID}Ša-am-ri (СТН 41: КВо 1.5 IV 59, 62, 63), ^{ID}Ša-am-ra (СТН 41: КВо 1.5 IV 60, 61, 64), ^IŠa-a-mu-ra (СТН 704: КВо 33.166 OC 1), ^{PÚ}Ša-a-mu-ra (СТН 704: КВо 24.73 ЛС 1), ^{PÚ}Š[a-a-mu-ra (СТН 705: KUB 54.80 4), *ši-ia* ^{PÚ}Ša-mu-ra (СТН 704: KUB 25.44 II 16), *ši-ia* Ša-a-mu-[ra (СТН 704: КВо 15.40 II 5), *ši-ia* ^{PÚ}Ša-mu-r[a (СТН 705: КВо 15.45 3) – река на хетто-кищуваднской границе при Тудхалии I, отождествляемая с Сейханом. Наиболее популярна семитская этимология из *šmr* ‘быть яростным’ [Luckenbill 1921, p. 187; Garstang 1923, p. 176; Smith 1924, p. 115; Astour 1965, p. 42], отвергаемая без аргументации [Goetze 1940, p. 58]. На наш взгляд, семитская этимология не объясняет вокализм *Šamura*, и в отсутствие параллелей на *-mri* в топонимии региона лучше видеть здесь субстратный топоформант *-Vr(a)*.

Šerigga: ^{URU}Še-ri-ig-ga^{KI} (СТН 41: КВо 1.5 IV 58) – хеттский город на границе с Кищувадной при Тудхалии I. Предложена семитская этимология при понимании изначальной формы как *Šeriqqa* из *šeriqu* ‘подарок’ < *šarâqu* ‘дарить’ [Astour 1965, p. 42-43]. Суффикс *-iK(K)a* малопродуктивен в анатолийской топонимии (помимо ^{URU}Uruga в Кищувадне, известны ^{URU}Har<ti>migga в Центре, KUR ^{URU}Neriq(qa) и ^{URU}Zikkur(i)k(a) на Севере, ^{URU}Pitiyarig(a) на Северо-Востоке, KUR ^{URU}Išmirika на Востоке – весьма вероятно, что этимология этих топонимов различна), тогда как в Сирии наблюдается распространение подобных топонимов от Алалаха до Угарита (аккадские – ^{URU}Uniga, западносемитские – ^{URU}Arnikâ(n), неизвестного происхождения – ^{URU}Duniqa, ^{URU}Ižhanigga, ^{URU}Šamm/nigā, ^{URU}Šatega [Belmonte Marín 2001, p. xxvii-xxxii]). Поскольку знаки GA и QA хорошо различаются в ранних аккадоязычных писцовых традициях Алалаха и Хеттского царства [Попова 2015, с. 140-141], не следует допускать переход *q > g* в рассматриваемом случае, признав топоним субстратным.

Šikilta: ^{URU}Ši-ke-el-di-iz-za (СТН 474: КВо 33.123 II 12 + FHG 13 II 26), ^{URU}Ši-ki-]il-ti-iz-za (СТН 474: КВо 39.44 ОС 20) – город, упоминаемый в ритуале куманийской жрицы Куванни. Аккадская этимология из *sikiltu(m)* ‘владение’. Возможно, происходит от широко засвидетельствованного в Алалахе антропонима [Niedorf 2008, p. 298].

Šinamu.: ^{URU}Ši-na-mu[(-) (СТН 225: KUB 26.43 ЛС 40) – город в центральной части Киццувадны при Тудхалии IV. Отсутствие окончания не позволяет провести анализ топонима.

Šinuwanda: ^{URU}Ši-nu-wa-an-ta-aš (СТН 13: КВо 3.54 17), *-n]u-wa-an-da-an* (СТН 143: KUB 23.21 ЛС 6), ^{URU}Ši-nu-wa-an-ta-za (СТН 106: КВо 4.10 ЛС 26), ^{URU}Ši-in-wa-an-ta-az (СТН 106: StBoTB I I 43), KUR ^{URU}Ši-nu-wa-an-da (СТН 824: КВо 9.99 2) – город и область в западной части Киццувадны, хеттский город в Киццувадне на границе со страной реки Хулайя при Хаттусили III и Тудхалии IV. Топоформант *want-* ‘обильный (?)’ характерен для хеттской топонимии, однако неясно, следует ли видеть в первом компоненте хеттскую основу *šina-* ‘фигурка’, или же ним стоит иная семантика.

Tarmanna: *ši-i-ia tar-ma-an-na* (СТН 370: КВо 22.163 4), ^{id}*Tar-ma-x[* (СТН 688: КВо 17.102 ОС 19) – река на востоке Киццувадны в районе Лавацантии. Хурритская этимология из *tarmanni-* ‘источник’ [Salvini 1971, p. 172-173].

Tarša: ^{URU}*Tar-ša* (СТН 628: KUB 20.52 I 21; СТН 641: KUB 40.2 ЛС 38), ^{URU}*Ta-a[r-ša* (СТН 832: КВо 61.321 1) – город, упоминаемый в ряду киццуваднских городов в описании праздника хисува и пожалованный царём (?) Киццувадны Тальцу храмовому хозяйству Исхары. Семитская этимология связывает название города с корнем *trz* ‘быть тяжёлым’ или с засвидетельствованным в иврите названием дерева *tarza* [Astour 1965, p. 39]. Лучше выглядит подкреплённая дожившей до византийских времён местной этимологической традицией индоевропейская анатолийская этимология из **tarša-* ‘череп’ [Tischler 1987].

Terušša: ^{URU}*Te-ru-uš-ša-aš* (СТН 133: KUB 23.68 ОС 20) – город в Киццувадне при Арнуванде I (?). Топоформант *-ušša-* для данного случая считается производным от *-išša-* < *-eššar* [Neumann 1988, p. 255-256], что позволяет видеть лежащим в основе абстрактное существительное от хеттского (или лувийского) числительного *teri-* ‘три’.

Dunta: ^{URU}*Du-un-ta* (СТН 716: KUB 15.35+КВо 2.9 I 24 = КВо 2.36 ЛС 6) ^{URU}*Du-ú-un-ta* (СТН 704: КВо 39.157 7), ^{URU}*Du-un-t[a-ḫi* (СТН 720: КВо 22.162 ОС 4), ^d*Du-un-ta-ḫi* (СТН 670: KUB 44.41 II 16), ^{URU}*Du-un-ša* (СТН 479: KUB 30.31 III 46) – город, упоминаемый в киццуваднских ритуалах. Вероятно, субстратная чистая основа, а не образование с топоформантом вида *-ant-* [Laroche 1961, p. 71].

Turpina: ^{URU}*Túr¹-pí-na^{KI}* (СТН 41: КВо 1.5 IV 55) – киццуваднский город на северо-западной границе Киццувадны с Хеттским царством при Тудхалии I. Предложена хурритская этимология в связи с наличием в ономастике Нузи антропонима ^m*Turpunna* [Astour 1965, p. 43], вероятно, восходящего к хурритскому корню *turp(i)-* ‘быть враждебным’ [Richter 2012, p. 478-479].

Turutna: ^{URU}*Tu-ru-ut-na* (СТН 41: КВо 1.5 IV 53) – хеттский город на границе с Киццувадной при Тудхалии I. В топонимии Анатолии окончание *-tna* встречается лишь на территории Киццувадны (KUR ^{URU}*Kizzuwatna*, ^{HUR.SAG/URU}*Zaratna*) и в связанном с ней географическим описанием праздника хисува (^{HUR.SAG}*Etna*)³. Возможно, оно является местным субстратным топоформантом, тогда как основа *tur(u)-* принадлежит тому же языковому слою, не имея соответствий в известных языках региона.

Uparpaša: ^{URU}*Ú-pár-ba-aš-* [(СТН 641: KUB 40.2 ЛС 28) – город, пожалованный царём (?) Киццувадны Тальцу храмовому хозяйству Исхары. Первая основа топонима восходит к выделяемому в хеттской ономастике продуктивному топоформанту *-up(p)ara-* ‘верхний’ [Tischler 2010, p. 78-79], тогда как значение второй основы не ясно.

Uriga: ^{URU}*U-ri-ga-[aš* (СТН 133: KUB 23.68 ОС 21) – город в Киццувадне при Арнуванде I (?). Вероятно, субстратный топоним, аналогичный ^{URU}*Šerigga*.

Urušša: ^{URU}*U-ru-uš-ša-aš* (СТН 133: KUB 23.68 ОС 22, 23), ^{URU}*Ú-ru-uš-ša* (СТН 41: КВо 1.5 IV 6; СТН 225: KUB 26.43 ЛС 40) – город в восточной части Киццувадны при Тудхалии I, Арнуванде I (?) и Тудхалии IV. Если содержит индоевропейский анатолийский топоформант *-ušša-*, в основе следует видеть хеттский глагол *ur-/war-* ‘гореть’.

Waššukkanna: ^{URU}*Wa-aš-šu-uq-qa-na-aš* (СТН 133: KUB 23.68 ОС 14, 15, 16), ^{URU}*Wa-aš-šu-qa-an-na-aš* (СТН 133: KUB 23.68 ОС 13) – город в Киццувадне при Арнуванде I (?). Вероятно, получил название по одноимённой столице Митанни в период зависимости от него Киццувадны. Долгое время господствовала индоарийская этимология из *vasu* ‘хороший’ + *g/kan(n)i* ‘народ’ [Kretschmer 1927, p. 94] или *vasu-* ‘хороший’ + *khani-* ‘рудник’ [Burrow 1973, p. 124], однако возможно видеть здесь и хурритский топонимический суффикс принадлежности *-ni* при нехурритской основе [Giorgieri 2000a, p. 293], что не исключает её митаннийско-арийский характер.

³ Предполагаемое ранее в западноанатолийском контексте упоминание топонима ^{URU}*Kuwatna* [del Monte, Tischler, 1978, p. 234; Jie, 1994, p. 88] и связывавшееся этимологически с хурритским топоформантом, который мог бы лежать в основе топонима KUR ^{URU}*Kizzuwatna* [Ünal 2005, p. 96], предпочтительно читать как ^{URU}*Kuwalana* [Beckman, Bryce, Cline 2011, p. 196-199].

Wiyana-wanda: ^{URU}*Ú-i-nu-an-da* (СТН 706: КВо 17.103 I 16, 17), ^{URU}*Wi₅-nu-wa-an-da=pa* (СТН 791: Кр 05/226 ЛС 20) – город на востоке Киццувадны. Происхождение, как и у одноимённых топонимов центральной и западной Анатолии, из хеттского *wiyana-want(a)-* ‘обильный вином’ [Laroche 1961, p. 61; Gander 2010, p. 68].

Zabarašna: ^{URU}*Za-ba-ar-aš-na*^{KI} (СТН 41: КВо 1.5 IV 49), ^{HUR.SAG}*Ša-pa-ra-a[š]* (СТН 389: KUB 57.87 II 10), ^{KUR}*Ša-pár-ra-aš-ša-na* (СТН 590: KUB 48.93 9, 14), ^{KUR}*Ša¹-pár-ra-na-aš-ša* (СТН 590: KUB 48.93 12), ^{KUR}*Ša¹-pár-ra-na¹-ša* (СТН 590: KUB 48.93 11), ^{KUR}*Ša-pár-ra* (СТН 590: KUB 48.93 10) – киццуваднские город и гора на северо-западной границе Киццувадны с Хеттским царством при Тудхалии I, вероятно, известные как *Zabarašna* со староассирийского периода [Nashef 1991, p. 138]. Предложены шумерская этимология из *zabar* ‘бронза’ [Astour 1965, p. 43; Forlanini 2008, p. 64-65], сомнительная в отсутствие других выявленных шумероязычных топонимов в Анатолии, а также «каппадокийская» (т.е. индоевропейская анатолийская) с топоформантом *-na* [Bilgiç 1945-1951, p. 10] или *-šna* [Laroche 1961, p. 88]. В случае выделения топоформанта *-šna* основа не этимологизируется из индоевропейских анатолийских языков, что, при продуктивности этого топоформанта в хаттоязычных регионах может указывать на хаттское происхождение топонима [Kammenhuber 1969, p. 188, 260; Simon 2018, p. 268].

Zaratna: ^{URU}*Za-ra-at-na* (СТН 500: Во 5587 ОС 3), ^{HUR.SAG}*Za-ra-at-n[a* (СТН 500: КВо 34.184 ОС 1) – гора и город, упоминаемые в описании киццуваднского праздника. Возможно, содержит местный субстратный топоформант *-na*, тогда как основа *zar(a)-* принадлежит тому же языковому слою, не имея соответствий в известных языках региона.

Za/iz(zi)lippa: ^{URU}*Za-az-li-ip-pa-aš* (СТН 133: KUB 23.68 ОС 12), ^{URU}*Za-az-li-ip-pa* (СТН 133: KUB 23.68 ОС 12), ^{URU}*Zi-iz-zi-li-ip-pí* (СТН 19: КВо 3.1+ II 18, 19) – город в восточной части Киццувадны при Телепину и Арнуванде I (?), между сирийской Хассувой и киццуваднской Лавацантией. Здесь выделяют топоформант *-(ip)pa*, аналогичный обсуждаемому для KUR *Ikkāšipa*, и в данном случае более вероятна его субстратная природа.

Zilappuna: ^{URU}*Zi-la-ap-pu-na*^{KI} (СТН 41: КВо 1.5 IV 62) – город на хетто-киццуваднской границе по реке Самри при Тудхалии I. Вероятно, топоформант *-na* является вариантом продуктивного при образовании топонимов в данном регионе суффикса *-In(n)a*, однако его языковая принадлежность и толкование основы не ясны. При обсуждении основы сторонники хурритской этимологии видят здесь хурритский ономастический элемент *zilip-* [Astour 1965, p. 43], обильно засвидетельствованный в различных традициях и восходящий к корню *zil-* ‘быть старым’ [Richter 2016, p. 265-266], однако в словоформе *zil=i=b* показатель глаголов состояния *i* противопоставлен показателю непереходных глаголов *a*, а переход *i > a* для глаголов состояния перед показателем субъекта *b* не засвидетельствован [Giorgieri

2000b, p. 228, 232]. Выделение в качестве основы продуктивного в ономастике и топонимии Анатолии элемента *Zila-* [Alp 1979a, p. 176; Alp 1979b, p. 33] не вполне оправданно, поскольку топоформант *-pınna* не выделяется на материале региональной топонимии.

Zinziluwa: ^{URU}*Zi-in-zi-lu-wa*^{KI} (СТН 41: КВо 1.5 IV 46) – кищуваднский город на северо-западной границе Кищувадны с Хеттским царством при Тудхалии I. Предложена хурритская этимология в связи с предполагаемым наличием в ономастике Нузи элемента *zinzil-* [Astour 1965, p. 43], однако речь идёт о термине (и одноимённом антропониме) *zinzilka/u*, принадлежность которого к хурритскому языку сомнительна [Richter 2012, p. 387]. В то же время, корень *zinzil-* наблюдается в топонимах Севера (^{URU}*Zinziliya*) и Северо-Востока (^{URU}*Zinzili*) Анатолии, что позволяет отнести его к местному субстрату.

Zullita: *pa-ap-pi-en-na Zu-ul-li-it-ta* (СТН 628: КВо 15.52 I 35, КВо 15.65 III 17, КВо 15.66 IV 3, KUB 40.97 IV 27), ^{hUR.SAG/URU}*Z]u-ul-li-it-ta-an* (СТН 143: KUB 23.21 ЛС 8) – гора (с одноимённым городом?), упоминаемая по анналам в западной части Кищувадны близ Адании и почитаемая в ходе праздника хисува. Вероятно, как и в случае ^{hUR.SAG}*Šahḫupidda*, следует выделять хеттизирующий субстратные названия на *-it* топоформант *-itta*.

Zunnaḫara: ^{URU}*Zu-un-na-ḫa-ra-aš* (СТН 13: КВо 3.54 16), ^{URU}*Zu-u]n-na-ḫa-ra-an* (СТН 143: KUB 23.21 II 4), ^{URU}*Zu-un-na-ḫa-ra* (СТН 628: КВо 22.187 5, KUB 20.52 I 13; СТН 670: КВо 9.108 8), ^{URU}*Zu-un-na-ḫ[a-* (СТН 447: КВо 20.92 ОС 4) – город в западной части Кищувадны близ Адании и Синуванды. Поскольку корень не этимологизируется из известных языков региона, вероятно принадлежность топоформанта *-ar(a)* к первой волне его субстратного распространения.

3. Ареальные связи топонимии Кищувадны

Как видим, из 59 проанализированных топонимов значительная часть (27%) может иметь хурритское происхождение, хотя относительно надёжно оно может быть установлено лишь для трёх топонимов (^{ID}*Alda*, ^{URU}*Arana*, ^{ID}*Tarmanna*). Сопоставимым является число топонимов, для которых может быть предложено объяснение из хеттского или лувийского языков (25%) и число субстратных топонимов, для которых предполагается связь с топонимией Анатолии (29%). Поэтому можно говорить о большей связи топонимии Кищувадны с анатолийским (индоевропейским и субстратным), нежели хурритским языковым наследием.

При сопоставлении субстратных топонимов и топонимов неопределённого происхождения для выявления ареальных связей целесообразно рассматривать не только надёжно обоснованные топоформанты, но и общий характер окончаний топонимов, соотношение последних слогов которых в различных языках должно различаться. Для хеттской Анатолии в целом вы-

деляются наиболее распространённые последние слоги окончаний топонимов: *-ia* (15%), *-na* (13%), *-ta* (12%), *-ša* (9%) и *-wa* (9%) [Tischler 1975, p. 262]. Этот набор отличается от выделяемого на материале нашего корпуса для Киццувадны: *-na* (26%), *-ta* (16%), *-ra* (14%), *-ia* (10%), *-ša* (10%). Однако для понимания того, в какой степени это отклонение от нормы обусловлено местной спецификой, следует проследить соотношение наиболее распространённых окончаний топонимов в различных регионах Анатолии.

Рис.1. Основные регионы хеттской Анатолии

При изучении специфики ареалов был обработан корпус из 798 хеттских топонимов, однозначно соотносимых с одним из регионов – Киццувадной, Нижней Страной, Западной Анатолией, Центральной Анатолией (включая Сапинуву и Дурмитту), Северной Анатолией (включая Нерик и страны касков), Северо-Восточной Анатолией (включая Верхнюю Страну, Палутуманну и Тапиггу) и Восточной Анатолией. Во всех регионах изучались только топонимы с окончаниями, аналогичными засвидетельствованным в Киццувадне. Учитывая то обстоятельство, что число рассмотренных топонимов почти вдвое превышает число засвидетельствованных в хеттском корпусе более 5 раз и составляет треть от общего количества (2403) известных хеттских топонимов [Kryszeń 2019, p. 1], данная выборка может считаться репрезентативной и для более общих выводов о региональных особенностях хеттской топонимии (Таблица 1).

Как видим, выделяющая киццуваднские топонимы на общем фоне распространённость окончания *-ra* характерна и для Восточной Анатолии. С учётом предположения О. Каррубы о двух волнах распространения содержащих это окончание топоформантов [Carruba 1983, p. 97-98], топонимы Киццувадны в большей степени относятся к первой волне, имеющей внеанатолийское (вероятно, верхнемесопотамское) происхождение и затронувшей прилегающую Восточную Анатолию.

С другой стороны, по сравнению с другими частями Анатолии в Киццувадне минимальна доля топонимов, содержащих окончание *-ia*, как правило, связанное в Малой Азии с лувийским топоформантом *-iya*. Малочисленны здесь в сравнении с западными и центральными регионами названия, которые содержат роднящие Анатолию с Эгейдой субстратные топоформанты *-(a)nda* и *-ašša* [ср. Якубович 2019, с. 18–20].

% среди окончаний по регионам	Киццувадна	Нижняя Страна	Западная Анатолия	Центральная Анатолия	Северная Анатолия	Северо-Восточная Анатолия	Восточная Анатолия
<i>-na</i>	26	14	16	23	20	20	18
<i>-ta</i>	16	31	18	18	14	18	9
<i>-ra</i>	14	10	8	10	12	8	11
<i>-ia</i>	10	14	20	21	17	17	27
<i>-ša</i>	10	16	19	9	12	14	9
<i>-pa</i>	7	2	5	5	11	8	9
<i>-ikka</i>	3	–	–	1	1	0	2
<i>-wa</i>	3	6	10	13	13	14	11
<i>-anni</i>	2	–	1	–	1	–	–
<i>-imma</i>	2	6	3	1	1	1	4
<i>-mri</i>	2	–	–	–	–	–	–
<i>-nt</i>	2	1	–	–	–	–	–
<i>-pri</i>	2	–	–	–	–	–	–
<i>-t̥hi</i>	2	–	–	–	–	–	–

Таблица 1. Соотношение окончаний топонимов по регионам хеттской Анатолии

В целом картина ареальных связей киццуваднской топонимии позволяет реконструировать её этническую историю в синхронизации с данными археологии [по Novák 2010; Novák et al. 2017] следующим образом. Древнейший выделяемый слой топонимов (вроде *Alzara*, *Pitura* и *Šamura*) может быть связан с миграцией населения из Верхней Месопотамии на запад в V–IV тыс. до н.э. в ходе распространения убейдской культуры. К этому же слою могут относиться характерные для пограничных с Киццу-

вадной на востоке областей потагонимы на *-Vn(n)a*. Не вполне ясно, предшествуют ему или же наложились на него местные субстратные основы вроде *Markana*, *Dunta* и *Zaratna*.

С волной миграции из Центральной Анатолии на рубеже IV–III тыс. до н.э., с которой связано появление красной шероховатой керамики в Тарсе и крепости раннебронзового века в Мерсине, стоит связывать топонимы общеанатолийского субстратного слоя вроде *Gangazuwa* и *Kunniyara* (хотя с равным успехом этот топонимический слой можно относить к древнехеттской экспансии). Связи с Сирией, археологически прослеживаемые для большей части III тыс. до н.э., почти не отпечатались в географических названиях – к семитским топонимам относятся только локализуемый на востоке региона порт *Izziya* (который мог получить это название в начале III тыс. до н.э., но засвидетельствован лишь со второй половины II тыс. до н.э.) и по-видимому относящийся к эпохе расцвета Ямхада в нач. II тыс. до н.э. *Šikilta*. Гораздо лучше отражена хурритская миграция нач. II тыс. до н.э., результатами которой могли стать появление чисто хурритских топонимов, фонетический облик которых отличен от хурритского диалекта, засвидетельствованного богазкёйскими текстами (вроде *Ḫamara*), перенос изначально нехурритских названий из Сирии (вроде *Išhara*) и, в меньшей степени, хурритизация субстратных названий (вроде *Ellipra*).

Наконец, древнехеттская экспансия XVII в. до н.э. с последующей новохеттской инкорпорацией Киццувадны на рубеже XV–XIV вв. до н.э. могли привести к отражению хетто-лувийского переселения сюда в новых хурритских (вроде *Luwana*), хеттских (вроде *Aruna*) и лувийских (вроде *Hulašša*) топонимах, а также в форме хеттизации (вроде *Zullita*) и лувиизации (вроде *Adaniya*) существовавших здесь ранее топонимов. Вероятно, именно на этом, последнем этапе облик топонимов Киццувадны приблизился к наблюдаемому в Нижней Стране, хотя до этого он в большей степени напоминал восточноанатолийские страны вроде Исувы. С культурной изоляцией равнинной Киликии от горной на протяжении большей части III и начала II тыс. до н.э. следует связывать малозначимость в первой характерных для всех остальных областей Анатолии (кроме Восточной) субстратных топоформантов *-(anda* и *-ašša*. Среди собственных топоформантов Киццувадны, отличающих её от других областей Анатолии и сопредельных Сирии и Верхней Месопотамии, с большой осторожностью можно выделить формант *-tna*, восходящий к неизвестному субстратному языку.

Сокращения

ЛС – лицевая сторона

ОС – оборотная сторона

Источники

ТРС 1954 – Таджикско-русский словарь. М., 1954.

ТРС 2006 – Таджикско-русский словарь. Душанбе, 2006.

ФЗТ – Фарҳанги забони тоҷикӣ (Словарь таджикского языка). М, 1969.

IRAN – IRAN.RU [сайт] // URL: iran.ru. Дата размещения материала 13.12.2005; дата обращения 06.11.2013.

Во – сигла находок текстов из архива Богазкёя

СТН – Catalog der Texte der Hethiter (СТН) // URL: <http://hethport.uni-wuerzburg.de/СТН/>. Дата размещения материала (версия 1.992) 03.06.2019; дата обращения 30.06.2019.

FHL – Durand J.-M., Laroche E. Fragments hittites du Louvre // *Mémorial Atatürk: Études d'archéologie et de philologie anatoliennes*, Institut Français d'études anatoliennes. Paris: Recherche sur les civilisations, 1982. P. 73–107.

ИВоТ – İstanbul Arkeoloji Müzelerinde bulunan Boğazköy Tabletleri(nden Secme Metinler). İstanbul, 1944, 1947, 1954; Ankara, 1988.

КВо – Keilschrifttexte aus Boghazköy. Leipzig, 1916–1923; Berlin, 1954–2015.

Кр – сигла находок текстов из архива Каялы-пынара.

КУВ – Keilschrifturkunden aus Boghazköy. Berlin, 1921–1990.

РС – сигла находок текстов из архива Рас-Шамры.

StBoТВ – Studien zu den Boğazköy-Texten: Beihefte. Wiesbaden, 1988–2013.

ТА – сигла находок текстов из архива Телль-Афиса.

Литература

1. Иванов Вяч.Вс. Микенское и гомеровское греческое название соленого моря в свете сравнительного языкознания // *Античная балканистика* / под ред. Л.А. Гиндина. М.: Наука, 1987. С. 36-42.
2. Попова О.В. *Орфографические особенности документов из Алалаха (археологический слой VII) в свете происхождения хеттской клинописи*. Диссертация на соискание ... к.ф.н. М.: РГГУ, 2015. 361 с.
3. Шелестин В.Ю. К вопросу о заселении Кишцувадны: данные ономастики // *Вопросы ономастики*. 2020. №2 (в печати).

4. Шелестин В.Ю. Кищувадна и Кумманни: о названии страны и города // *Вестник древней истории*. 2019. №4 (в печати).
5. Шелестин В.Ю. "Мой дед" и новые данные о древнехеттских походах в Сирию // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013»*. М.: МАКС Пресс, 2013. 1 DVD-ROM.
6. Шелестин В.Ю. Страна Адания и хетто-кищуваднские отношения // *Древность: историческое знание и специфика источника*. Вып. 5. М.: ИВ РАН, 2011. С. 200-203.
7. Якубович И.С. *Лувийский язык в пространстве и времени*. М.: ЯСК, 2019. 464 с.
8. Якубович И.С. На каких языках говорили в Трое? Взгляд анатолиста // *Вопросы языкового родства*. 2017. №16/2. С. 193-215.
9. Akdoğan R. Hititler döneminde URUAdaniya // *Archivum Anatolicum*. 2017. С. 11/1. S. 1-28.
10. Akdoğan R. URULawazantiya "Lawazantiya Şehri" // *Proceedings of the 9th International Congress of Hittitology* (in press)
11. Alp S. Maşat-Höyük'te keşfedilen çivi yazılı Hitit tabletleri // *VIII. Türk tarih kongresi. Kongreye sunulan bildiriler*. I. Cilt. Ankara: Türk tarih kurumu, 1979. S. 165-196.
12. Alp S. Remarques sur la géographie de la région du haut Yeşil-Irmak d'après le tablettes hittites de Maşat-Höyük // *Florilegium Anatolicum. Mélanges offerts à Emmanuel Laroche*. Paris: de Boccard, 1979. P. 29-36.
13. Astour M.C. *Hellenosemitica. An Ethnic and Cultural Study in West Semitic Impact on Mycenaean Greece*. Leiden: Brill, 1965. 415 p.
14. Barjamovic G. *A historical geography of Anatolia in the Old Assyrian colony period*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2011. 519 p.
15. Beckman G., Bryce T., Cline E. *The Ahhiyawa Texts*. Atlanta: SBL, 2011. 302 p.
16. Belmonte Marín J.A. *Die Orts- und Gewässernamen der Texte aus Syrien im 2. Jt. v. Chr.* Wiesbaden: Harrassowitz, 2001. 430 S.
17. Bilgiç E. Die Ortsnamen der "kappadokischen" Urkunden im Rahmen der alten Sprachen Anatoliens // *Archiv für Orientforschung*. 1945-1951. Bd. 15. S. 1-37.
18. Blaschke T. *Euphrat und Tigris im Alten Orient*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2018. 675 S.
19. Blažek V. Athānā(i). What was the first: the name of Goddess or of City? // *Аспекты компаративистики*. 2009. Вып. 4. P. 125-143.

20. Bozgun Ş. CTH 89: Çiviyazılı Belgelerde Hitit Sınır Kenti Tiliura (I) // *Archivum Anatolicum*. 2017. C. 11/1. S. 29-74.
21. Burrow T. The Proto-Indoaryans // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1973. Vol. 105. P. 123-140.
22. Carruba O. I sostratti dell'Anatolia // *Problemi di sostratto nelle lingue indoeuropee*. Pisa: Giardini, 1983. P. 77-108.
23. Chrzanowska A. *Einrichtung und Organisation eines Išhara-Kultes im Land Kizzuwatna* // hethiter.net/: CTH 641.1 (INTR 2017-01-04). URL: http://www.hethport.uni-wuerzburg.de/txhet_besrit/intro.php?xst=CTH%20641.1&prgr=%C2%A7%201&lg=DE&ed=A.%20Chrzanowska .
Дата размещения материала: 04.01.2017; дата обращения: 30.06.2019.
24. Forlanini M. La regione dei Tauro nei testi hittiti // *Vicino Oriente*. 1988. Vol. 7. P. 129-169.
25. Forlanini M. Luḫzatiya, Lawazantiya e la localizzazione delle città di Kizzuwatna // *Šarnikzel. Hethitologische Studien zum Gedenken an Emil Orgetorix Forrer*. Dresden: Verlag der Technischen Universität Dresden, 2004. S. 297-309.
26. Forlanini M. The Historical Geography of Anatolia and the Transition from the k̄arum-Period to the Early Hittite Empire // *Anatolia and the Jazira During the Old Assyrian Period*. Leiden: NINO. P. 57-86.
27. Gander M. *Die geographischen Beziehungen der Lukka-Länder*. Heidelberg: Winter, 2010. 287 S.
28. García Trabazo J.V. Zum Namen Kizzuwatna // *Šarnikzel. Hethitologische Studien zum Gedenken an Emil Orgetorix Forrer*. Dresden: Verlag der Technischen Universität Dresden, 2004. S. 311-319.
29. Garstang J. Notes on Hittite Political Geography // *Annals of Archaeology and Anthropology*. 1923. Vol. 10. P. 21-26, 172-179.
30. Giorgieri M. L'onomastica hurrita // *La parola del passato*. 2000. Vol. 55. P. 278-295.
31. Giorgieri M. Schizzo grammaticale della lingua hurrica // *La parola del passato*. 2000. Vol. 55. P. 171-277.
32. Goetze A. The Linguistic Continuity of Anatolia as Shown by its Proper Names // *Journal of Cuneiform Studies*. 1954. Vol. 8. P. 74-81.
33. Güterbock H., Hoffner H., van den Hout T. *The Hittite dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. Š/3. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 2013. P. 333-508.

34. Haas V. *Geschichte der hethitischen Religion*. Leiden – New York – Köln: Brill, 1994. 1031 S.
35. Hoffner H. Review of: Schuler E. von, *Die Kaškäer*. Ein Beitrag zur Ethnographie des alten Kleinasien. Berlin, 1965 // *Journal of the American Oriental Society*. 1967. Vol. 87. P. 179-185.
36. Jie J. A complete retrograde glossary of the Hittite language. Istanbul: NINO, 1994. 100 p.
37. Kammenhuber A. *Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch // Altkleinasiatische Sprachen*. Leiden – Köln: Brill, 1969. S. 119-357.
38. Kretschmer P. Weiteres zur Urgeschichte der Inder // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1927. B. 55. S. 75-103.
39. Kryszewski A. Hittite Toponymy // *Altorientalische Forschungen*. 2019. Bd. 46. P. 1–14.
40. Laroche E. Études de toponymie anatolienne // *Revue Hittite et Asianique*. 1961. T. 19/69. P. 57-98.
41. Laroche E. *Les noms des Hittites*. Paris: Klincksieck, 1966. 385 p.
42. Laroche E. L'inscription lycienne // *Fouilles de Xanthos*. T. 6. La stèle trilingue du Letoon. Paris: Klincksieck, 1979. P. 49-127.
43. Lebrun R. Notes d'onomastique lycienne et gréco-asianique // *Hethitica*. 1979. Vol. 3. P. 127-137.
44. Luckenbill D. Hittite treaties and letters // *American Journal of Semitic Languages and Literatures*. 1921. Vol. 37. P. 161-211.
45. Melchert C. *Cuneiform Luvian Lexicon*. Chapel Hill: б.и., 1993. 298 p.
46. Miller J.L. *The Expeditions of Hattušili I to the Eastern Frontiers*. M.A. Thesis. Tel Aviv: Tel Aviv University, 1999. 131 p.
47. Monte, G.F. del, Tischler J. *Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1978. 596 S.
48. Nashef K. *Die Orts- und Gewässernamen der altassyrischen Zeit*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. 160 S.
49. Neumann G. Die hethitisch-luwischen Ortsnamen auf -issa- und -ussa- // *Documentum Asiae minoris antiquae. Festschrift für Heinrich Otten zum 75. Geburtstag*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1988. S. 255-261.
50. Neumann G. Sawatra und Kizzuwatna // *Die Sprache*. 1958. Bd. 4. S. 111-114.
51. Niedorf Chr. *Die Mittelbabylonischen Rechtsurkunden Aus Alalah (Schicht IV)*. Münster: Ugarit, 2008. 497 S.

52. Novák M. Kizzuwatna, Hiyawa, Quwe – Ein Abriss der Kulturgeschichte des Ebenen Kilikien // *Kulturlandschaft Syrien – Zentrum und Peripherie. Festschrift für Jan-Waalke Meyer*. Münster: Ugarit-Verlag, 2010. S. 397–425.
53. Novák M. et al. A Comparative Stratigraphy of Cilicia: Results of the first three Cilician Chronology Workshops // *Altorientalische Forschungen*. 2017. Bd. 44. P. 150–186.
54. Oreshko R. Hieroglyphic Inscriptions of Western Anatolia: Long Arm of the Empire or Vernacular Tradition(s)? // *Luwian Identities – Culture, Language and Religion Between Anatolia and the Aegean*. Leiden – Boston: Brill, 2013. P. 345-420.
55. Puhvel J. *Hittite Etymological Dictionary*. Vol. 3: H. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1991. 461 p.
56. Ranaszek R. Der Vertrag des Chattikönigs Arnuwandasch mit Vertretern des Landes Ischmirika // *Sprawozdania z posiedzeń Towarzystwa naukowego Warszawskiego* I. 1939. T. 32. S. 25-30.
57. Richter T. *Bibliographisches Glossar des Hurritischen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. 667 S.
58. Richter T. *Vorarbeiten zu einem hurritischen Namenbuch. T.1: Personennamen altbabylonischer Überlieferung vom Mittleren Euphrat und aus dem nördlichen Mesopotamien*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2016. 791 S.
59. Salvini M. Sul nome della sorgente in Ḫurricco // *Studi micenei ed egeo-anatolici*. 1971. Vol. 14. P. 171-180.
60. Sayce A.H. Supplementary note to the article on the kingdom of Kizzuwadna // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1931. № 4. P. 862-863.
61. Schachermeyr F. *Hethiter und Achäer*. Leipzig: Harrassowitz, 1935. 174 S.
62. Scheinhardt H. *Typen türkischer Ortsnamen*. Heidelberg: Winter, 1979. 376 S.
63. Schuler E. von. *Die Kaškäer. Ein Beitrag zur Ethnographie des alten Kleinasien*. Berlin: de Gruyter, 1965. 197 S.
64. Simon Zs. Zentralanatolische Toponyme auf -šna und ein hattisches Suffix: Zum ursprünglichen Verbreitungsgebiet des Hattischen // *Altorientalische Forschungen*. 2018. Bd. 45. S. 258-268.
65. Smith S. Kizzuwadna // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1924. Vol. 10. P. 104-115.
66. Soysal O. *Hattischer Wortschatz in hethitischer Textüberlieferung*. Leiden – Boston: Brill, 2004. 1029 S.

67. Tischler J. Der Ortsname Tarsos und Verwandtes // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1987. Bd. 100/2. S. 339-350
68. Tischler J. *Hethitisches etymologisches Glossar*. Lfg. 5/6: L–M. Innsbruck: Inst. für Sprachwiss. d. Univ., 1990. 244 S.
69. Tischler J. *Hethitisches etymologisches Glossar*. Lfg. 15: U. Innsbruck: Inst. für Sprachwiss. d. Univ., 2010. 187 S.
70. Tischler J. *Hethitisches etymologisches Glossar*. Lfg. 16: W–Z. Innsbruck: Inst. für Sprachwiss. d. Univ., 2016. 811 S.
71. Tischler J. Kleinasiatische Onomastik (Hethitisch) // *Namenforschung. Ein internationales Handbuch zur Onomastik* Teilband 1. Berlin – New York: de Gruyter, 1995. S. 636-644.
72. Tischler J. Zur morphologischen Struktur der hethitischen Toponyme. Ein summarischer Überblick // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1975. Bd. 125. S. 259-264.
73. Ünal A. Fremde Götter in Hatti. Einführung einer Babylonischen Gottheit in Hatti und Schwierigkeiten bei ihrer Kulterrichtung nach dem Orakeltext KUB 5.6 // *Archivum Anatolicum*. 2005. C. 8/2. S. 47-108.
74. Ünal A., Girginer S. *Kilikya-Çukurova ilk çağlardan Osmanlılar dönemi'ne kadar Kilikya'da tarihi coğrafya, tarih ve arkeoloji*. İstanbul: Homer, 2007. 628 s.
75. Villar F. Los toponimos meridionales de la serie ipo // *Pueblos, lenguas y escrituras en la Hispania prerromana: actas del VII Coloquio sobre Lenguas y Culturas Paleohispánicas (Zaragoza, 12 a 15 de marzo de 1997)*. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 1999. P. 685-718.
76. Schuler E. von. Die Kaškäer. *Ein Beitrag zur Ethnographie des Alten Kleinasien*. Berlin: de Gruyter, 1965. 197 S.
77. Zehnder T. *Die hethitischen Frauennamen. Katalog und Interpretation*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. 345 S.

Гращенко П. В. *К вопросу о типологии адъективной стативности*

Статья посвящена проблеме универсальности значений, традиционно ассоциируемых с прилагательными в европейских языках. В работе рассматриваются такие языки, в которых подобные значения выражаются элементами глагольной категории. Намечаются основные направления типологического исследования лексических, семантических и грамматических свойств адъективных стативов.

Ключевые слова: *прилагательные, стативные глаголы, типология, части речи*

Громова А.В. *Персоязычные интернет-ресурсы как источник для анализа этнолингвистической ситуации в провинции Ламерд (остан Фарс, Иран)*

В сегодняшних условиях, на фоне, в целом не благоприятствующем сохранению местных идиомов, в персоязычном интернете предпринимаются попытки ревитализации и повышения престижа эшкянани, ламерди и других языковых разновидностей остана Фарс. Эти материалы прежде всего связаны с осознанием носителями собственной языковой идентичности, продвижению его положительного имиджа диалектов. Также анализ современного новостного материала позволяет уточнить и обновить сведения для реконструкции социолингвистической в шахрестане Ламерд: 1) число носителей, их возраст, динамика численности населения ареала распространения определенного диалекта; 2) степень вовлеченности в языковые контакты; функциональная дистрибуция диалекта в отношении к персидскому языку; 3) общественный статус изучаемой языковой разновидности и вопрос престижности и разной функциональной нагрузки в пределах данной социально-коммуникативной системы.

Ключевые слова: *персидский язык, диалекты Ирана, языковые разновидности Ирана, исчезающие языки*

Гутгарц Я.Н. *Орфография тигринья. Материалы по стандартизации письменного тиграйского языка*

Настоящее исследование посвящено правописательным особенностям языка тигринья в Эритрее и Эфиопии/Тыграе. Оно проводилось посредством анализа, сравнения и систематизирования релевантных фрагментов современных (и в какой-то мере старых) текстов на языке тигринья. Источниками сбора данных послужили письменная литература, пресса и законодательные документы. Почти все материалы, включённые в работу были добыты автором во время его многолетней лексикографической работы. Основная цель собранных данных – предоставить адекватные средства для дальнейшей стандартизации письменного тиграйского языка.

Ключевые слова: *язык тигринья (тиграйский), орфография, стандартизация, компьютерная лингвистика*

Иванов В.Б., Додыхудоева Л.Р. *Социо- и этнолингвистические особенности гияльского и мазандеранского языков*

В мазандеранском и гияльском языках обнаруживается большее количество русских заимствований, чем в персидском. Предлагается замена трёхпадежной системы описания на беспадёжную. Корректируется система вокализма. Словесное ударение в мазандеранском языке оказалось тоническим, а в гияльском – тоническо-динамическим.

Ключевые слова: *мазандеранский, гияльский, заимствование, лексикология, социоллингвистика, синтаксис, падеж, изафетная конструкция, просодия, ударение, частота основного тона*

Иванова М.А. *Лексические особенности современного арабского политико-экономического дискурса*

В статье рассматриваются особенности формирования политико-экономического тезауруса современного арабского языка. Отмечается, что на процессы освоения новой лексики оказывают воздействие разнообразные факторы – прагматика, экстралингвистические императивы, специфика ментальности носителей арабского языка и др. В результате анализа лексических соответствий делается вывод о том, что наиболее распространенными способами словообразования являются семантические заимствования, неологизмы и прямые заимствования из иностранных языков.

Ключевые слова *политико-экономический дискурс, словообразовательные модели, когнитивные аспекты, терминологическое своеобразие, семантические заимствования*

Иткин И.Б. *Будда увещевает Нанду (тохарский текст А 125 + ТНТ 1425 fgm. e + А 117)*

Три тохарских А текстовых фрагмента – А 117, А 125 и ранее не издававшийся ТНТ 1425.e – в действительности представляют собой части одного листа, содержащего увещательный монолог Будды, обращенный к его брату Нанде. В статье приводится сводный тохарский текст с лингвистическими комментариями, переводом на русский и английский языки и параллелями из 5-ой песни знаменитой буддийской поэмы Ащвагхоши "Саундарананда".

Ключевые слова: *тохарский А язык, буддийская литература, "Саундарананда" Ащвагхоши*

Каверин С.И. *Перспективы изучения дардов и нуристанцев в России*

В статье дается обзор доступных в России источников по изучению дардских и нуристанских языков, а также быта и фольклора народов Восточного Пригиндукушья, говорящих на этих языках. Эта область по сей день является настоящим этнографическим и лингвистическим заповедником, хотя в силу региональной глобализации и политической нестабильности многое уже утеряно. По счастью, экспедициям и отдельным исследователям удалось зафиксировать многие реалии быта реликтовых народностей, материалы по

языкам и фольклору, сформировать коллекции по архаичной материальной культуре. Значительная доля перечисленного до сих пор не вовлечена в научный оборот, а полевая работа в современных условиях возможна, однако почти не ведётся. Рассматривается опыт российской науки и дальнейшие перспективы.

Ключевые слова: *дардские языки, нуристанские языки, народы Пригиндукушья*

Кадырова О.М. *Переносные употребления турецкого глагола *düşmek* "падать"*

В статье представлен вариант классификации переносных значений турецкого глагола *düşmek*. Лексема *düşmek* относится к глаголам падения, широко употребляется в прямом и переносном значении. Автор распределяет метафоры с *düşmek* по девяти семантическим группам, полагая, что классификация может быть полезна лексикографам, переводчикам и студентам, изучающим турецкий язык.

Ключевые слова: *глаголы падения, турецкий язык, семантический переход, метафора, семантика турецкого глагола*

Крылов С. А. *Опыт измерения частотности грамматических типов монгольских аналитических форм*

В работе сделана попытка измерить употребительность грамматических типов аналитических форм (ГрТАнФ) монгольского языка. Подсчёт делался на материале Генерального корпуса монгольского языка. На его материале изучены наиболее употребительные грамматические типы аналитических форм. В таблице даётся ранговый список 729 наиболее употребительных ГрТАнФ, абсолютная частотность которых превышает 12 вхождений, а относительная – 11 ирм.

Ключевые слова: *монгольский язык, корпусная лингвистика, количественные методы в лингвистике, аналитические конструкции, аналитические формы, структурно-вероятностные модели*

Крылова А. С., Ренковская Е.А. *Некоторые аспекты социолингвистической ситуации языка гутоб*

Статья посвящена социолингвистическим сведениям о языке гутоб, полученным в полевых исследованиях авторов в округе Корипут штата Орисса (Индия). Описана сложная ступенчатая ситуация многоязычия в регионе, специфический статус индоарийского идиома десия, образовательные проекты организации Asha Kiran Society.

Ключевые слова: *языки мунда, гутоб, десия, социолингвистика*

Молина М.А. *Ритм хеттской поэзии: позиция глагола в «Песни об Улликумми»*
Порядок слов в хеттском эпосе «Песни об Улликумми» и некоторых других стихотворных текстах значительно отличается от нейтрального для боль-

шинства хеттских текстов, в первую очередь по частоте заполнения постглагольной позиции при нейтральном порядке SOV. В «Песни об Улликумми» частота появления именной группы после глагола становится статистически значимой. Примеры позволяют выделить формулу заполнения постглагольной позиции, включающую три компонента (фокус, вынос ИГ вправо, местоименная реприза), два из которых обязательно присутствуют. Выдвигается гипотеза, согласно которой основная функция маркированного порядка слов в таких случаях – подчеркнуть начало и конец строки в стихе, то есть ритмически, с помощью акцентов на начале и конце строки.

Ключевые слова: *хеттский язык, эпос, порядок слов, лингвистика стиха*

Молчанова Е.К. *Албасты и Кивина в иранской мифологии, или Кто вредит роженицам и новорожденным*

В статье рассматриваются мифологические демонические персонажи Albasti, Āl, Kivina, прослеживаются их функции, этимология их наименований, изменение или сохранение их исходной семантики.

Ключевые слова: *древняя иранская мифология, иранские языки, зороастрийский дару, Albasti, Āl, Kivina, этимология*

Погибенко Т.Г. *Классификаторы в языке ма*

Статья посвящена описанию классификаторов в австроазиатском языке ма. Используются материалы, собранные в 1981 г. в советско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Утверждается, что употребление классификаторов в конструкциях разного типа связано с первичной функцией классификатора – выражения конкретной референтности и единичности имени. Описываются правила обязательного употребления/неупотребления и факультативности классификаторов, а также параметры, регулирующие их употребление: структура производного имени, референциальный статус имени, ассертивный статус пропозиции, коммуникативная структура предложения.

Ключевые слова: *австроазиатские языки, классификаторы, обязательность/факультативность употребления*

Ренковская Е.А. *К вопросу о границах и диалектах языка куллуи*

Статья посвящена определению границ распространения индоарийского языка куллуи и выявлению изоглосс, которые могли бы лечь в основу выделения языка куллуи среди соседних идиомов, а также диалектного членения самого этого языка.

Ключевые слова: *химачали-пахари, куллуи, сейнджи, внутренний сираджи, внешний сираджи, мандеали, диалектология, изоглоссы*

Смирнитская А. А. *Системы терминов родства центрально-дравидийских языков в их семантическом развитии*

В статье обсуждается терминология родства центрально-дравидийских языков. Семантика терминов родства рассматривается с позиций теории семантических переходов – одного из современных, динамично развивающихся

направлений типологии. Системы родства языков парджи, гадаба и колами рассматриваются в сравнении с реконструкцией прадравидийской терминологии родства. Сопоставление устойчивого и заимствованного в языковом поле родства является важным этапом понимания культуры центрально-дравидийских народов.

Ключевые слова: *семантический переход, полисемия, семантическая типология, дравидийские языки, центрально-дравидийские языки, парджи, колами, гадаба, термины родства*

Столбова О.В. *Корневые варианты в арабском языке как основа афразийской лексической реконструкции (корни с чередованием гуттуральных в анлауте).*

«Корневыми вариантами» в семитских языках называют пары или группы слов с общим значением и близким, но не идентичным составом согласных корня, засвидетельствованные в одном и том же или в различных языках. Релевантный материал был в свое время собран и классифицирован С.С. Майзелем. Цель статьи – показать, что семитские корневые варианты восходят к праафразийскому уровню, а арабская лексика является основой реконструкции в этой области. В статье рассматриваются семитские корневые варианты с гуттуральными фонемами в анлауте и их когнаты в других ветвях афразийской маро-семьи (кушитской, чадской, египетской).

Ключевые слова: *корневые варианты, реконструкция, арабский язык, чадские языки, гуттуральные фонемы*

Тарасова Е.С. *Лексико-семантический анализ японской медицинской терминологии, обозначающей заболевания*

В статье на материале японского языка рассматривается лексико-семантическое поле, образуемое медицинскими терминами, обозначающими заболевания. Дается классификация данных терминов с учетом их семантических признаков, а также словообразовательных моделей.

Ключевые слова: *японский язык, лексикология, лексическая семантика, лексико-семантический анализ, термин, терминология, терминообразование, медицинские термины, недомогание, заболевание, болезнь, классификация*

Чупрыгина Л.А., Бутурлин И.С., Рабинович И.В., Хасан А.А., Кассем Х., Манцерев А.А., Саенко А.В. *Сравнительный анализ изданий «Аль-Китаб» (الكتاب, «Книга») Сибавейхи (по материалам Предисловия к каирскому изданию 1988 года)*

Трактат Сибавейхи «Аль-Китаб», созданный в VIII-м в., часто называют «Кораном арабской грамматики», ее краеугольным камнем. В период становления и последующего расцвета арабского языкознания (VIII-XV вв.) трактат Сибавейхи являлся наиболее обсуждаемым лингвистическим трудом, не менее интересен он и для современного языкознания. В 1881 г. «Аль-Китаб» был впервые опубликован Х. Деренбургом с предисловием на французском

языке; с тех пор все издания трактата являются значимыми событиями для научного сообщества. В статье рассматривается последнее, каирское издание «Книги» в 5-ти томах (3-е переиздание), опубликованное в 1988 г. египетским филологом А. М. Харуном, и его отличия от предыдущих изданий: использование составителем не известных ранее рукописей, снабжение текста обширным справочным аппаратом и подробным комментарием, облегчающим труд исследователей.

Ключевые слова: *Сибавейхи, Аль-Китаб, арабская языковедческая традиция, арабское языкознание, Мухаммад Харун*

Шелестин В.Ю. *Топонимия Кицивадны в анатолийском контексте*

Статья посвящена проблемам топонимии Кицивадны — страны в юго-восточной Малой Азии II тыс. до н.э. Представлен первый подробный каталог топонимов этой страны с разбором всех версий этимологии каждого из них. Автор показывает, что зафиксированная преимущественно источниками II половины II тыс. до н.э. топонимия Киликийской равнины отражает связи региона с восточной Анатолией, Сирией и Верхней Месопотамией в дохеттский период своей истории, и с Нижней Страной и Центральной Анатолией под хеттским владычеством.

Ключевые слова: *лувийский язык, хеттский язык, хурритский язык, субстрат, топонимия*

SUMMARIES

Armand E.E. *Pronominal enclitics in modern Persian*

The paper describes the use of pronominal enclitics in the modern literary and colloquial variants of the Persian language. Using examples from Ancient Persian, Middle Persian, and Classical Persian texts, we show that modern spoken Persian actually demonstrates a more archaic state in comparison with the literary language in respect to pronominal usage.

Keywords: *Persian language, pronominal enclitics*

Asgari L. *The history and names of olive tree in Iranian languages*

The study aims to identify the names and history of olive in Iranian languages and dialects. Olive, a kind of evergreen tree, has been cultivated since antiquity, is closely associated with eternity, beauty and health and was considered sacred in different cultures and religions.

Keywords: *Iranian languages, Iranian dialects, olive, mythology, symbol, history*

Belova A.G. *Typology of the Arabic language in synchrony and diachrony*

The article deals with the typology of the literary Arabic language and modern Arabic dialects synchronically and historically. The issues of classification of the innovations and system changes are discussed.

Keywords: *typology, Arabic language, Arabic dialect, synchrony, diachrony, synthetism, analytism*

Blinov A.A. *Modern Linguistic Situation in South Sudan*

The paper reviews the modern linguistic situation in the Republic of South Sudan which is characterized by the co-existence of more than 60 languages on the vast territory. It describes the development and adoption of English as an official language in the country, determines the indigenous languages of the local population and assesses the educational state program for their maintenance, defines the role of Juba Arabic as a lingua franca and traces back the history of its establishment. The sociolinguistic situation in South Sudan is further compared with other countries such as India, Malaysia, Turkey, etc. to find out the dependence of the implemented language policy on ethnic peculiarities. Among other things, the analysis covers the inconsistent policy of the nation's leaders to transfer the country from Arabic to English.

Keywords: *South Sudan, Arabic language, Juba Arabic, English language, language policy, linguistic situation*

Chuprygina L.A., Buturlin I.S., Rabinovich I.V., Hasan A.A., Kassem Kh., Mantserev A.A., Saenko A.V. *Comparative Analysis of Prints of "Al-Kitab"*

(الكتاب, the Book) by Sibawaih (via the Introduction to the 1988 Cairo edition by M. Harun)

The treatise "Al-Kitab" authored by Sibawaih in the VIII c. is often referred to as the "Qur'an of Arabic Grammar", its cornerstone. During the rise and maturity of the Arabic linguistic tradition (VIII-XV c.) the treatise by Sibawaih was the

unique source of knowledge in all issues of Arabic grammar and had hundreds of commentaries dedicated to it. It is no less important to contemporary linguistics. In 1881 “Al-Kitab” was first published by H. Derenburg with the introduction in French; since then every new edition has been an important occasion for the scientific community. This paper discusses the latest Cairo edition of “the Book” in 5 volumes (third reprint), published in 1988 and supervised by the Egyptian philologist A. M. Harun. We look into its differences from previous versions: the use of previously unknown manuscripts and supplying the text with indexes, references and a detailed commentary, for the easier use of researchers.

Keywords: *Sibawaih, Al-Kitab, the Book, Arabic grammatical tradition, Arabic linguistics, Muhammad Harun*

Grashchenkov P.V. *On the typology of adjectival statives*

The paper investigates the problem of the universality of lexical items associated with the adjectival category in European languages. The languages under study are those where such units are a part of the verbal category. The main directions for the typological research of lexical, semantic and grammatical properties of adjectival statives are established.

Keywords: *adjectives, stative verbs, typology, parts of speech*

Gromova A.V. *Persian online resources on the ethnolinguistic situation in Lamerd Province (Fars, Iran)*

The speech communities of the endangered languages in the Fars province at present find themselves in an environment adverse to their native language preservation. The shift to Persian, the official language of bureaucracy and school textbooks, seems almost inevitable. In these surroundings blogs and local Internet sites are actively used to promote family-based language revitalization and to enhance the status of the local dialects. The ancient character of the language varieties of Lamerd is emphasized along with their crucial role in the local cultural identity. Furthermore, online publications provide the latest picture of the region's social development, language contacts, functional distribution of dialects and the linguistic ideology of their speakers.

Keywords: Persian language, Iranian dialects, language varieties of Iran, endangered languages

Gutgarts Y.N. *Tigrinya orthography: Materials on written Tigrinya language standardization*

Our paper focuses on the orthographic features of the Tigrinya language both in Ethiopia/Tigray and Eritrea and is a result of analyzing, comparison and systematizing of modern written Tigrinya texts. Literature, press and legal documents served as sources of our data. Almost all of the materials included in this research were obtained by the author during his long-term lexicographic practice. The primary aim of the acquired data is to provide adequate means for further standardization of the written Tigrinya language. We do not directly suggest that a certain form or variant must serve as a standard, but aim to systematically and objec-

tively sheds light on the current situation.

Keywords: *Tigrinya language, writing systems, orthography, standardization*

Itkin I.B. *Buddha admonishes Nanda (the Tocharian text A 125 + THT 1425 fgm. e + A 117)*

The three Tocharian A text fragments – A 117, A 125, and the previously unpublished THT 1425.e – are actually parts of the same leaf, which contains an admonishing monologue of Buddha addressed to his brother Nanda. The article presents a combined Tocharian text with linguistic commentary, its translation into Russian and English, and parallels from the 5th song of Āśvaghoṣa's famous Buddhist poem "Saundarananda".

Keywords: *Tocharian A language, Buddhist literature, Āśvaghoṣa's "Saundarananda"*

Ivanov V.B., Dodykhudoeva L.R. *Socio- and ethnolin-guistic features of the Gilaki and Mazanderani languages*

The paper explores some characteristic features of the Mazandarani and Gilaki languages. Both languages have more Russian borrowings than Persian. We also suggest that a three-case system is present, instead of a caseless one. The vowel system is corrected. Word stress in Mazandarani turned out to be tonal, while in Gilaki it is tonal-dynamic.

Keywords: *Mazanderani, Gilaki, borrowing, lexicology, sociolinguistics, syntax, case, izafe construction, prosody, stress, pitch, fundamental frequency*

Ivanova M.A. *Specific characteristics of modern Arabic political and economic vocabulary*

The paper explores the formation of political and economic vocabulary of the modern Arabic language. It is noted that various factors influence the process, such as pragmatics, extra-linguistic factors, the specific mentality of Arabic speakers, etc. As a result of the analysis of lexical correspondences we conclude that the most common ways of word formation are semantic borrowings, neologisms and direct borrowings from foreign languages.

Keywords: *Arabic language political terminology, economic terminology, word-formation models, semantic borrowing*

Kadyrova O.M. *Figurative use of the Turkish verb düşmek 'to fall'*

The article proposes a classification of metaphoric meanings of the Turkish verb *düşmek*. The lexeme *düşmek* belongs to the verbs of falling and is widely used in the direct and figurative senses. In this paper, the metaphors observed in *düşmek* are divided into nine semantic groups; the classification may hopefully be useful for lexicographers, translators and students of Turkish.

Keywords: *verbs of falling, Turkish language, metaphor, lexical semantics, polysemy*

Kaverin S.I. *Overview of the study of Dardic and Nuristani peoples in Russia*

The paper gives an overview of the sources available in Russia regarding Dardic and Nuristani languages, as well as the life and folklore of the peoples of Eastern

Hindukush region who speak those languages. This area remains a true ethnographic and linguistic refuge, although much has been lost due to regional globalization and political instability. Fortunately, expeditions and individual researchers managed to capture many features of the indigenous peoples' daily life, to record data on their languages and folklore and form museum collections. A significant part of the materials is still not used in research, and fieldwork, while possible, is barely carried out. We review the history of Russian research and future prospects.

Keywords: *Himachali languages, Kullui, Sainji, Inner Siraji, Outer Siraji, Mandeali, isoglosses, dialects, language boundaries*

Kryov S.A. *An attempt of measuring frequency of the grammatical types of Mongolian analytical forms*

The paper presents a study measuring the frequency of grammatical types of analytical forms (GrTAnF) in Mongolian language. Heuristically, the most fruitful is the broad approach to analytical forms presented in the so-called theory of "grammaticalization" or "grammatization"; but this approach should be supplemented by quantitative methods developed in corpus linguistics. The calculation was made using the General corpus of the Mongolian language. Appendix table includes the ranking of 729 most common GrTAnF, the absolute frequency of which exceeds 12 occurrences, and the relative – 11 ipm.

Keywords: *Mongolian language, corpus linguistics, quantitative methods in linguistics, analytical constructions, analytical forms, structural-probabilistic models in linguistics*

Krylova A.S., Renkovskaya E.A. *Some aspects of the sociolinguistic situation of Gutob language*

The paper explores sociolinguistic data on Gutob language, collected in authors' field research in the Koraput district of the Odisha state (India). A complicated hierarchic multilingual situation of the region, special status of the Indo-Aryan Desiya idiom, and the educational projects of the the "Asha Kiran Society" are described.

Keywords: *Munda languages, Gutob, Desiya, sociolinguistics*

Molchanova E.K. *Albasty, Āl, Kivina (or: Who harms the women in childbirth and the newborn?)*

The paper discusses such demonic creatures as albasty, āl, Kivina, a type of female monster in Iranian mythology who harms especially women in childbirth and the newborn. The etymology of the demons' names and the change or preservation of their original semantics are traced.

Keywords: *ancient Iranian mythology, Iranian languages, Zoroastrian Dari, Albasti, Āl, Kivina, etymology*

Molina M.A. *Rhythm of Hittite poetry: positioning of verbs in the Song of Ullikummi*

Word order in Hittite epic "Song of Ullikummi" (a Hurrite myth of Kumarbi Cycle) and some other poetic texts significantly differs from the normal word

order in the vast majority of Hittite sentences, firstly in frequency of postverbal position, while the unmarked word order in Hittite clause is strict SOV with the final verb. Frequency of NP after the verb in “Song of Ullikummi” is statistically significant: our corpus data shows about 9%, compared to about 2% in non-poetic texts (letters and instructions), p value < 0.0001 . The cases of postverbal NP in “Song of Ullikummi” demonstrate consistency, allowing to formulate basic principles of organization for these sentences and to point out three factors (focus, right dislocation, clitic doubling), at least two of which can be found in every such clause. The paper discusses a hypothesis that the main function of this marked word order is to underline the initial and final boundaries of the clause, i.e. the start and ending of a verse, to support the rhythm of recitation of a poetic text.

Keywords: *Hittite, epic, word order; verse linguistics*

Pogibenko T.G. *Classifiers in the Ma language*

The paper discusses classifiers in the Austroasiatic language Ma. Materials of the Soviet-Vietnamese expedition of 1981 are used. It is asserted that the use of classifiers in constructions of different types is motivated by their primary function, which is to mark definite referential status and singularity of nouns. We point out the rules for their obligatory usage/non-usage and optional usage, as well as the regulating factors: morphological structure and referential status of the noun, status of assertion of the proposition, and communicative structure.

Keywords: *Austroasiatic languages, classifiers, obligatory/non-obligatory usage*

Renkovskaya E.A. *Some notes on boundaries and dialects of the Kullui language*

The paper examines the problem of determination of boundaries and dialectal division of the Kullui language (Indo-Aryan) and aims to trace the isoglosses that can be used to specify the boundaries.

Keywords: *Himachali languages, Kullui, Sainji, Inner Siraji, Outer Siraji, Mandeali, isoglosses, dialects, language boundaries*

Shelestin V.Iu. *Toponymy of Kizzuwatna in the Anatolian Context*

The paper explores the toponymical problems of Kizzuwatna – the land in South-Eastern Asia Minor of 2nd millennium BC. The etymological analysis of each place name of this country allows us to compile the first detailed toponymical catalogue for Plain Cilicia of this era. The author shows that place names attested in the sources of the second half of 2nd millennium BC reflect the ties of this region to its eastern environment (Eastern Anatolia, Syria and Upper Mesopotamia) for the pre-Hittite period and to Lower Land and Central Anatolia for the Hittite period of its history.

Keywords: *Hittite language, Hurrian language, Luwian language, substratum, toponymy*

Smirnitskaya A.A. *Semantic evolution of kinship terminology in Central Dravidian languages*

The aim of this paper is to discuss the kinship terminology of Central Dravidian languages. Our study of the semantics of kinship terms is based on the theory of

semantic shifts – one of the modern theoretical branches of typology which is being developed by Anna A. Zalizniak and her group of researchers. Kinship systems of Parji, Gadaba and Kolami languages are considered in comparison with the reconstruction of the Proto-Dravidian kinship system. The juxtaposition of the unchanged and borrowed elements in the semantic field of kinship is an important step in understanding the culture of the Central Dravidian peoples.

Keywords: *Dravidian languages, semantic evolution, semantic typology, kinship terms*

Stolbova O.V. *Root-variants in Arabic as the basis of Afroasiatic lexical reconstruction (roots with initial gutturals)*

‘Root variants’ are words with common semantics and similar but not identical set of consonants, attested in one or several Semitic languages. The list of root variants in Semitic languages was presented by C.C. Maizel back in 1983. Our paper is aimed to prove the Afroasiatic origin of Semitic root-variants and to reveal the validity of Arabic data for this kind of lexical reconstruction. Semitic root-variants with initial guttural phonemes and their cognates in other branches of the AA macro-family (Chadic, Cushitic, Egyptian) are discussed.

Keywords: *root-variants, reconstruction, Arabic language, Chadic languages, guttural phonemes*

Tarasova E.S. *Lexico-semantic analysis of Japanese medical terms of illness*

The paper focuses on the lexico-semantic field of medical terms meaning illness in Japanese. The terms are classified by their semantic features, as well as etymology and derivation models.

Keywords: *Japanese language, lexicology, lexical semantics, terminology, medical terms, illness*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арманд Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
ORCID: 0000-0001-9821-9462

Асгари Лейла – аспирантка Института языкознания РАН.
ORCID: 0000-0002-4467-2808

Белова Анна Григорьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.
ORCID: 0000-0001-6748-0342

Блинов Андрей Андреевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН.
ORCID: 0000-0002-9694-8706

Бутурлин Илья Сергеевич – студент факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Гращенко Павел Валерьевич – доктор филологических наук, доцент МГУ им. М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.
ORCID: 0000-0001-9754-2452

Громова Анна Викторовна – старший преподаватель кафедры иранской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.
ORCID: 0000-0001-9881-3349

Гутгарц Ярослав Николаевич – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Додыхудоева Лейли Рахимовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН.
ORCID: 0000-0002-4567-9454

Иванов Владимир Борисович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.
ORCID: 0000-0002-2572-9581

Иванова Мария Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО(У) МИД России.

Иткин Илья Борисович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
ORCID: 0000-0003-2143-6666

Каверин Святослав Игоревич – магистр Российского государственного гуманитарного университета.
ORCID: 0000-0003-1086-0488

Кадырова Ольга Михайловна – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН.
ORCID: 0000-0002-1157-9439

Кассем Хасан Мохамад – студент факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Крылов Сергей Александрович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.
ORCID: 0000-0001-5207-0949

Крылова Анастасия Сергеевна – научный сотрудник Института востоковедения РАН.
ORCID: 0000-0002-2286-3304

Манцеров Амир Азизович – студент факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Молина Мария Александровна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института языкознания РАН.
ORCID: 0000-0001-5524-1117

Молчанова Елена Константиновна – доктор филологических наук, заведующая Сектором иранских языков Института языкознания РАН.
ORCID: 0000-0002-5381-5532

Погибенко Тамара Григорьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.
ORCID: 0000-0002-6667-1929

Рабинович Илья Викторович – студент факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Ренковская Евгения Алексеевна – младший научный сотрудник Института языкознания РАН, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН.
ORCID: 0000-0003-1944-0746

Санeko Артем Витальевич – студент факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Смирнитская Анна Александровна – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН.
ORCID: 0000-0001-7814-8716

Столбова Ольга Валерьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.
ORCID: 0000-0002-2190-4311

Тарасова Екатерина Сергеевна – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН.
ORCID: 0000-0002-8766-5069

Хасан Амир Али – студент факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Чупрыгина Лариса Альбертовна – старший преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
ORCID: 0000-0003-4783-6211

Шелестин Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.
ORCID: 0000-0002-9168-4000

Научное издание

Труды Института востоковедения РАН
Выпуск 27

**ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ
И ВОСТОКОВЕДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**
Языки Азии и Африки

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Верстка: А. С. Панина

Подписано 30.01.2020
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19,25. Уч.-изд. л. 16,0.
Тираж 500 экз. Зак. № 410

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5